

ТРУДЫ
ОРЛОВСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

1893 годъ.

Выпуски третій, четвертый и пятый.

ОРЕЛЬ.

Типографія С. А. Зайцевой.

1893.

ТРУДЫ
ОРЛОВСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

1893 годъ.

Выпуски третій, четвертый и пятый.

КРАЕВЕДЕНИЕ
2009

ОРЕЛЬ.
Типографія С. А. Зайцевой.
1893.

Оглавленіе.

1. Журналь Орловской Ученой Архивной Коммисіи. Засѣданіе 4-го Мая 1893 года.
 2. Историческіе очерки города Ливенъ и его уѣзда.
-

Ж У Р Н А Л Ъ

Орловской Ученой Архивной Коммисіи.

Засѣданіе 4 мая 1893 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. М. Козлова, присутствовали: Д. Н. Ѳedorовъ, Г. М. Пясецкій, Ѳ. Ѳ. Похвалинскій, А. Г. Пупаревъ, А. Н. Лебедевъ, И. А. Богдановъ, С. В. Ѳedorовичъ, П. А. Агишевъ, священники: от. Григорій Соболевъ, Илья Ливанскій и Яковъ Крыловъ и правитель дѣлъ С. А. Блохинъ.

1) По открытіи засѣданія, въ 8^{1/2} часовъ вечера, прочитано было предложеніе предварительнаго комитета по Виленскому съѣзду о назначеніи депутатовъ на Высочайше разрѣшенный археологическій съѣздъ, назначенный съ 1-го по 15-е августа текущаго года въ г. Вильно. Постановлено: просить гг. членовъ архивной коммисіи В. С. Иконникова, И. Н. Королькова и С. Е. Звѣрева принять на себя званіе депутатовъ Орловской архивной коммисіи.

2) Прочитано отношеніе г. предсѣдателя Орловскаго окружнаго суда отъ 24 марта за № 1202-мъ, при которомъ приложены для просмотра двѣ описи дѣламъ и книгамъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Трубчевскаго уѣзда, при чемъ правителемъ дѣлъ доложено было, что означенныя описи имъ просмотрѣны и изъ числа значащихся въ нихъ дѣлъ нѣкоторыя предположены къ храненію въ архивѣ, но тѣмъ не менѣе онъ считалъ-бы необходимымъ, чтобы еще кто либо изъ гг. членовъ коммисіи просмотрѣлъ эти описи, съ цѣлью выдѣленія изъ нихъ дѣлъ, подлежащихъ храненію. Постановлено: поручить просмотрѣть описи члену коммисіи Г. М. Пясецкому.

3) Членомъ коммисіи Г. М. Пясецкимъ представлено продолженіе реферата: „Историческіе очерки города Ливень и его уѣзда въ политическомъ, статистическомъ и церковномъ отношеніи“. Постановлено: напечатать этотъ рефератъ въ трудахъ коммисіи.

4) Членомъ коммисіи свящ. от. Ильею Ливанскимъ возбужденъ вопросъ о необходимости устройства книгохранилища всѣхъ изданій, выходящихъ въ Орловской губерніи.

Коммиссія, признавая желательнымъ имѣть полное собраніе книгъ, касающихся Орловской губерніи и имѣющихъ какой либо историческій интересъ, постановило: справиться о таковыхъ вышедшихъ изданіяхъ, какъ въ журналѣ „Библиографъ“, такъ и въ другихъ историческихъ журналахъ, и просить мѣстнаго цензора сообщать о выходящихъ изданіяхъ въ Орлов. губерніи.

5) Однимъ изъ членовъ коммисіи возбужденъ вопросъ: выдавать-ли вновь поступающимъ членамъ коммисіи прежнія изданія коммисіи за плату или даромъ. Постановлено: прежнія изданія коммисіи выдать имъ за полную плату.

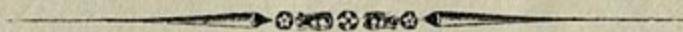
6) По предложенію нѣкоторыхъ членовъ коммисіи постановлено: по выходѣ „Трудовъ коммисіи“ разсылать во всѣ бібліотеки и книжные магазины г. Орла по одному экземпляру „Трудовъ“ и печатать краткія извѣстія въ Орловскомъ вѣстникѣ о засѣданіяхъ коммисіи.

7) Предсѣдателемъ собранія В. М. Козловымъ предложено было приступить къ выбору товарища предсѣдателя коммисіи по запискамъ. Большинство записокъ, 10 изъ 13, получилъ Г. М. Пясецкій, но онъ отъ принятія этого званія, не смотря на убѣдительныя просьбы всѣхъ присутствующихъ членовъ коммисіи, отказался. Приступлено было къ вторичной подачѣ записокъ, при чемъ большинство записокъ 8 изъ 13 получилъ Ѳ. Ѳ. Похвалинскій, но и онъ также отъ званія товарища предсѣдателя отказался. Затѣмъ собраніе, на случай отсутствія предсѣдателя коммисіи, временнымъ его замѣстителемъ единогласно избрало члена коммисіи Д. Н. Федорова. Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ГОРОДА ЛИВЕНЪ И ЕГО УЪЗДА

въ политическомъ, статистическомъ и
церковномъ отношеніи.

СОСТАВИЛЪ

Членъ Орловской Ученой Архивной Комиссии

Гавріиль Пясецкій.

NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE DEPARTMENT OF THE INTERIOR

GENERAL LAND OFFICE

PLAT 100

SECTION 36

1880

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ГОРОДА ЛИВЕНЪ И ЕГО УЪЗДА

въ политическомъ, статистическомъ и церковномъ отношеніи.

I.

Предварительныя свѣдѣнія о Ливенскомъ уѣздѣ: его географія, этнографія и древнѣйшая исторія.

Границы, пространство, устройство поверхности, климатъ и растительность Ливенскаго уѣзда.—Система рѣки Сосны и остатки первобытныхъ лѣсовъ на пространствѣ Ливенскаго уѣзда.—Смѣна кочевниковъ и осѣдлые обитатели Соснинскаго бассейна; ихъ языческія вѣрованія, нравы и обычаи.—Дань Козарамъ.—Начало Русскаго владычества и присоединеніе Соснинскаго бассейна къ княжеству Рязанскому.—Первые слѣды христіанства.

Ливенскій уѣздъ находится въ восточной полосѣ Орловской губерніи и расположенъ по среднему теченію рѣки Сосны. Границами его служатъ: на западѣ — Малоархангельскій уѣздъ, на востокъ — Елецкій уѣздъ, сѣверною стороною онъ примыкаетъ къ Новосильскому уѣзду Тульской губерніи, а южною — къ Землянскому уѣзду Воронежской губерніи и отчасти къ Щигровскому уѣзду Курской губерніи. Площадь Ливенскаго уѣзда имѣетъ видъ параллелограмма, протянутаго отъ сѣвера къ югу.

По вычисленію генеральнаго штаба, сдѣланному на основаніи военно-топографической съемки, площадь Ливенскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ 4.922,4 кв. версты, или 512.750 десятинъ. Уступая въ отношеніи пространства одному Брянскому уѣзду, площадь котораго равна 5.970,9 кв. верстамъ, Ливенскій уѣздъ значительно превосходитъ затѣмъ уѣзды: Трубчевскій (4.593,6 кв. в.), Елецкій (4.330,3 кв. в.), Малоархангельскій (3.278,2 кв. в.), Карачевскій (3.181,3 кв. в.), Орловскій (2.706,8 кв. в.) и въ два съ лишкомъ раза обширнѣе уѣздовъ: Болховскаго (2.279,3 кв. в.), Дмитровскаго (2.170,1 кв. в.), Мценскаго (2.133,4 кв. в.) и, наконецъ, Кромскаго, площадь котораго равняется 1.926,3 кв. в.. Въ отношеніи же пространства всей Орловской губерніи Ливенскій уѣздъ занимаетъ 12,0%. Такія границы и пространство Ливенскаго уѣзда установились при учрежденіи Орловской губерніи въ 1778 г.; до этого же времени, когда въ составъ Ливенскаго уѣзда входило верхнее теченіе

р. Сосны, отошедшее къ Малоархангельскому уѣзду, а также и сѣверная часть Щигровскаго уѣзда, съ самыми Щиграми, площадь Ливенскаго уѣзда была еще обширнѣе.

Ливенскій уѣздъ расположенъ по восточному склону возвышенности, которая составляетъ самый выдающійся въ этомъ отношеніи пунктъ Орловской губерніи (въ Малоархангельскомъ уѣздѣ) и служитъ водораздѣломъ трехъ бассейновъ—Волжскаго, Днѣпровскаго и Донскаго, обозначаемого теченіемъ рѣки Сосны. Оттого поверхность Ливенскаго уѣзда волниста и только съ приближеніемъ къ рѣчнымъ русламъ перерѣзывается глубокими оврагами. Наибольшею возвышенностью и сплошными холмами отличается сѣверная половина уѣзда, лежащая по лѣвую сторону р. Сосны. Абсолютная высота Ливенскаго уѣзда опредѣляется въ 791 футъ,—на 50 футовъ ниже самаго возвышеннаго въ губерніи—Малоархангельскаго уѣзда и на 90 футовъ выше самаго низменнаго—Трубчевскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ же своихъ пунктахъ, какъ на примѣръ въ селѣ Шатиловѣ, Троицкомъ тожъ, Ливенскій уѣздъ достигаетъ такой высоты (942 ф.), до которой не доходитъ ни одинъ изъ изслѣдованныхъ доселѣ пунктовъ даже Малоархангельскаго уѣзда и которую превосходятъ только двѣ мѣстности въ губерніи: село Суворово Мценскаго уѣзда (944 ф.) и Большая Жукова Брянскаго уѣзда (945 ф.). Второе по возвышенности мѣсто въ Ливенскомъ уѣздѣ принадлежитъ селу Россошному (930 ф.), а самое послѣднее—Жерину (701 ф.), ниже котораго встрѣчаются мѣстности лишь въ западныхъ уѣздахъ губерніи,—Брянскомъ, Трубчевскомъ и Сѣвскомъ, спускающіяся до 589 футовъ, какъ на примѣръ село Карповка Трубчевскаго уѣзда.

Въ геологическомъ отношеніи Ливенскій уѣздъ представляетъ изъ себя двѣ несходныя половины, раздѣляемыя рѣкою Сосною. Изъ нихъ сѣверная—нагорная половина, идущая вдоль лѣваго берега Сосны, представляетъ полное развитіе *девонской* формации, прикрытой лишь слоемъ чернозема, но при множествѣ овраговъ и рѣчныхъ ложбинъ часто обнажающейся. Известняки этой формации во многихъ мѣстахъ образуютъ обрывы до 30-ти сажень высоты, какъ на примѣръ при селѣ Крутомъ, и достигаютъ еще большихъ размѣровъ по берегамъ рѣкъ—Любовши, Кривца и Большой Чернавы, какъ то въ селахъ и деревняхъ: Русскомъ Бродѣ, Рождественскомъ, Корытенкѣ тожъ, Васильевскомъ—Синковцѣ, Никитскомъ—Медвѣжьемъ, Черемошномъ, Преображенскомъ и др. Южная-же половина уѣзда, расположенная на правомъ берегу Сосны, почти повсемѣстно прикрыта пластами *третичной* формации, преимущественно изъ плодороднаго чернозема, который, какъ и въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, достигаетъ аршина толщины. Наибольше замѣчательныя обнаруженія известняковъ *девонской* формации находятся здѣсь близъ села Жерина, по вертикальному обрыву оврага Грачевыхъ Верховъ, между селами Навѣснымъ и Борками, а также по берегамъ р. Тима и ея притоковъ, начиная отъ села Долгаго внизъ по теченію этой

рѣки. Толщи известняковъ, мѣстами прикрытыя красною глиною, образуютъ и въ этой части уѣзда значительныя возвышенности (до 20-ти и болѣе сажень), пересѣкаемыя глубокими оврагами вдоль всей Тимской дороги до города Ливень. Въ юго-западной части уѣзда находятся значительныя залежи желѣзныхъ рудъ, которыя по Тимской дорогѣ, на протяженіи 36-ти верстъ къ г. Ливнямъ, выдаются даже на поверхность земли. Особенно богаты этими рудами окрестности деревень: Пятиной (около 5-ти десятинъ, на правомъ берегу р. Тима). Кудиновой, Евлановой и Вахновой. Мѣловая формація находится въ трехъ верстахъ за селомъ Царевымъ, въ выселкѣ Семичастномъ, расположенномъ на значительной возвышенности, и въ деревнѣ Ждановой, близъ села Семеновскаго. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ южной полосы уѣзда залегаетъ торфъ, которымъ особенно изобилуютъ слѣдующія мѣстности: близъ села Борокъ (въ лощинѣ, въ двѣ версты длиною и до семи аршинъ толщины), въ окрестностяхъ села Царева (въ трехъ сходящихся низменностяхъ), въ деревняхъ Плоткѣ и Ивановкѣ, а также по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ въ р. Олымъ, на низменныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ деревень — Олыми, Здвиженской и Липовца. Есть мѣстности въ области р. Олыма, гдѣ торфъ, по словамъ крестьянъ, достигаетъ пяти аршинъ глубины; такова лощина рѣчки Скакуна (на границѣ Ливенскаго и Землянскаго уѣздовъ).

Общая покатость Ливенскаго уѣзда къ востоку и даже къ юго-востоку, при отсутствіи лѣсовъ и болотъ, имѣетъ важное вліаніе на климатъ. Отличаясь вообще сухостью, уѣздъ Ливенскій весьма рѣдко подвергается, особенно въ южной своей части, дѣйствию юго-восточныхъ вѣтровъ, которые лѣтомъ производятъ засуху и вредятъ успѣшному произрастанію хлѣбовъ, а зимою поднимаютъ сильныя и продолжительныя мятели. Вслѣдствіе этого климатъ Ливенскаго уѣзда, по замѣчанію академика К. С. Веселовскаго, отличается отъ климата Курской губерніи такъ рѣзко, какъ будто-бы между этими сопредѣльными территоріями заключалось пространство не въ одну сотню верстъ. Тогда какъ въ сосѣдней Курской губерніи могутъ на открытомъ воздухѣ произрастать грецкій орѣхъ, горькій каштанъ, шелковица, кизиль, а въ благопріятные годы — арбузы, дыни и даже виноградъ; о разведеніи этихъ растений въ Ливенскомъ уѣздѣ нечего и думать. Изъ деревьевъ въ Ливенскомъ уѣздѣ растутъ хорошо: дубъ, береза, кленъ, ясень, осина, орѣшникъ; хвойныхъ деревъ нѣтъ нигдѣ самородныхъ; въ садахъ разводятся: яблоки, груши, дули, бергамоты, чернослицъ, вишня, крыжевникъ, смородина, малина. Изъ полевыхъ растений водятся: пшеница, просо, гречиха, преимущественно — рожь, овесъ, ленъ, конопля. Изъ птицъ въ особенности много перепеловъ; дрохвы и стрепеты встрѣчаются рѣдко. Рѣки и рѣчки богаты рыбою, но преимущественно мелкою *).

*) См. „Орловская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1866 г. Издавъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“. — Также Орловскія Губернскія Вѣдомости 1860 года № 23.

Рѣка Сосна, орошающая три уѣзда Орловской губерніи—Малоархангельскій, Ливенскій и Елецкій, образуется изъ двухъ ручьевъ—Верхней Сосны и Нижней Сосны, которые берутъ начало въ дачахъ села Верхососенья (нынѣ Малоархангельскаго уѣзда) и скоро сливаются въ одно русло. Въ древности за этою рѣкою усвоено было названіе *Быстрой Сосны*—какъ по причинѣ быстрого ея теченія, такъ и въ отличіе отъ другой Сосны, которая течетъ южнѣе и впадаетъ также въ рѣку Донъ. Первыя обстоятельныя свѣдѣнія о бассейнѣ р. Быстрой Сосны сообщаетъ намъ „Книга Большому Чертежу или Древняя Карта Россійскаго Государства“, поновленная въ Розрядѣ и списанная въ книгу въ 1627 году. Здѣсь мы читаемъ: „Сосна рѣка вытекла... изъ тоежь гряды (что и р. Ока,—отъ Раковыхъ колковъ)... изъ подъ Похнутцовы дороги, отъ верху Оки версть съ 15-ть, и потекла подъ городъ подъ Ливны, а изъ подъ Ливенъ потекла подъ Елецъ, и пала въ Донъ, ниже Ельца версть съ 15-ть, а протоку Сосны рѣки версть со 180“. Въ то время, какъ составлялась и поновлялась „Древняя Карта Россійскаго Государства“, р. Быстрая Сосна считалась еще пограничною въ Московскомъ царствѣ, почему лѣвый ея берегъ назывался *Мосновскимъ*, а правый—*Крымскимъ* и *Ногайскимъ*. Съ лѣвой или Московской стороны въ Книгѣ—„Большомъ чертежѣ“ указываются слѣдующіе притоки Быстрой Сосны: 1) „р. *Труды*—отъ г. Ливенъ версть съ 15-ть, а ниже Трудовъ на Соснѣ *Кирпичный бродъ*, выше города Ливенъ версты съ 3, а въ рѣку Труды пала рѣка *Любовша*, отъ Ливенъ 20 версть; 2) рѣчка *Ливны*; 3) *Хмълевой нодезь*—ниже Ливны версть съ 6-ть; 4) рѣчка *Чернава*—отъ Ливенъ версть съ 30; 5) рѣчка *Есенокъ* (Ясенокъ)—ниже Чернавы версты съ 3; 6) рѣчка *Ворголь*; 7) рѣчка *Елецъ*. Отъ Ливенъ до Ельца 50 версть, а ниже города Ельца до устья р. Сосны 15 версть“ *). Съ правой или Крымско-Ногайской стороны въ Быструю Сосну впадаютъ: 1) „рѣчка *Хвошна* (Хвоцна)—отъ Ливенъ версть съ полъ 30 (т. е. съ 25); 2) рѣчка *Тимъ*, а въ рѣку Тимъ впали колодези: *Нобылей*, *Долгой*, да *Плоской* (межъ ихъ версть по 10), да *Савинской*, 3) *Ищенева*—ниже Ливны версты съ 3; 4) рѣчка *Олымъ*,—отъ Ливенъ до устья Олыма 27 версть“ **). Такія именно свѣдѣнія о Соснинскомъ бассейнѣ имѣлись на Москвѣ въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка. Въ „Памятной Книжкѣ Орловской губерніи за 1860 годъ“ говорится: „Сосна, начинаясь въ селѣ Верхососеньѣ Малоархангельскаго уѣзда, течетъ между возвышеннымъ лѣвымъ и низмѣннымъ правымъ берегами, по Ливенскому и Елецкому уѣздамъ, и впадаетъ съ правой стороны въ Донъ (на границѣ Елецкаго уѣзда).

*) «А ниже устья р. Сосны, и ниже Донскія *бесѣды* (т. е. мѣста сидѣнія на водоходныхъ судахъ), съ Ногайскія стороны, версть съ 10-ть, пала въ Донъ Студенокъ колодезь. А ниже Студенка колодези, 15 версть, съ Ногайской стороны, пала въ Донъ рѣчка Рѣнецъ (Репенецъ), а съ Крымской стороны, ниже Рѣнца версть съ 5, пала въ Донъ рѣчка Снова, а Снова вытекла отъ верху Алыми (Олыми)».

**) Книга Больш. Черт., изд. 2, Спб., 1838 г., стр. 4, 5, 42, 43, 44, 105 и 106.

На разстояніи 240 верстъ всего теченія, она принимаетъ въ себя очень много рѣчекъ, изъ которыхъ пять наиболѣе значительны (это: Труды и Чернава—съ лѣвой стороны, и Тимъ, Кшень и Олымъ—съ правой стороны; первыя текутъ съ сѣвера на югъ, а послѣднія съ юга на сѣверъ; верховья первыхъ находятся у границы Тульской губерніи, а послѣднихъ—на границѣ съ Курскою и Воронежскою губерніями). Теченіе воды въ р. Соснѣ быстрое; глубина и ширина ея, по причинѣ устроенныхъ на ней мельничныхъ плотинъ, не одинаковы; въ окрестностяхъ городовъ Ельца и Ливенъ она имѣетъ въ ширину отъ 25 до 50 сажень, а въ глубину отъ 3 до 4 аршинъ, которая, однако-же, отъ наносимаго весеннею водою песку и мелкихъ камней часто измѣняется“. Мельницы и плотины начали устраиваться на Соснѣ не раньше времени Петра Великаго; до этого же времени р. Сосна была судоходною; по ней свободно плавали на лодкахъ и стругахъ до р. Дона, сплавляли лѣсъ, доставляли съ Ливенъ и Ельца Донскимъ казакамъ хлѣбъ, сукна, порохъ, свинець и всякое оружіе; по этой же рѣкѣ, какъ гласитъ преданіе, совершалъ плаваніе и Святитель Алексій, Митрополитъ Московскій, во время своего путешествія въ Орду, для исцѣленія ханши Тайдулы. Впослѣдствіи судоходство по р. Соснѣ прекратилось какъ по причинѣ запрудки р. Дона при селѣ Парусномъ частною владѣльческою плотиною, такъ и потому, что на самой Соснѣ появилось множество мельницъ—крупчатокъ. Не смотря на то, что Ливенскія и Елецкія крупчатки считаются лучшими во всей Россіи, вопросъ о возстановленіи судоходства по р. Соснѣ не разъ поднимался въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и, въ одно особенно время, Главное Управленіе Путей Сообщенія вело дѣятельную переписку съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объ устраненіи препятствій къ судоходству. По этому поводу въ Памятной Книжкѣ Орловской губерніи за 1864 годъ высказывалось предположеніе, что „ежели возможно будетъ р. Сосну сдѣлать судоходною посредствомъ искусственной плотины и очищенія ея русла отъ засоренія, то для восточной стороны губерніи откроется непосредственное сообщеніе съ Азовскимъ моремъ, что, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія для промышленности и торговли этого края и сосредѣльныхъ съ нимъ уѣздовъ“*). Такимъ предположеніямъ не суждено было исполниться по многимъ причинамъ, между которыми немаловажною можно считать и недостатокъ лѣса, годнаго для устройства и поддержанія пристани у города Ливенъ. Но вмѣсто того, въ бассейнѣ р. Сосны скоро прошла желѣзная дорога и своею вѣтвю сблизила обитателей г. Ливенъ и его уѣзда съ новыми, удобными путями сообщенія, покрывшими уже необозримое пространство нашего отечества.]

У обитателей Верхососенья держится преданіе, что ихъ рѣка вытекла изъ—подъ *сосны*, почему и получила такое названіе. А что въ области р. Сосны залегалъ нѣкогда

*) См. Орловскія Губернскія Вѣдомости за 1860 г. на стр. 331 и за 1863 г. № 12; Памятную Книжку Орловской губерніи за 1864 г. и «Сѣверную Почту» 1863 г. № 45.

красный лѣсъ. на это мы имѣемъ несомнѣнныя историческія данныя. Въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится: „А подѣ городомъ подѣ Ливнами пала (въ Сосну) рѣчка Ливны съ Московской стороны, а вытекли Ливны, *Лѣсная* изъ *Краснаго* лѣсу, а *Полевая* Ливна прямо по Муравеской дорогѣ отъ Любовши, и пала въ Лѣсную подѣ Ливнами, выше острогу *). Кромѣ того, въ „Приправочной книгѣ“ 1615 года подробно указываются села, погосты, деревни, починки и займища, расположенныя подѣ *Краснымъ* лѣсомъ, а также колодези (Здоровецъ, Присынской, Евлановъ, Рыбникъ, Бѣлый, Хвощеватый или Песковатый), имѣвшіе свои источники въ *Красномъ* лѣсу, равно и разныя урочища (Никольскій верхъ, Долгая поляна, Евлановъ рогъ и др.), лежавшія подѣ *Краснымъ* лѣсомъ **). Прочія „переписныя книги“ времени царей Михаила Теодоровича, Алексѣя Михайловича и Теодора Алексѣевича, подобно „Приправочной“ 1615 года, свидѣтельствуютъ о существованіи подѣ города Ливенъ *Краснаго* лѣса, съ правомъ вѣзжать въ него служилымъ людямъ „по всякое лѣсное угодье“. Въ писцовой же книгѣ 1685 года мы находимъ слѣдующее, интересное для насъ, описаніе *Краснаго* лѣса и смежнаго съ нимъ *Жилева*: „А *Красный лѣсъ* межѣ дву рѣчекъ—Полевой и Лѣсной Ливенокъ, которымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и казакамъ вѣзжать... по всякое лѣсное угодье, по старымъ писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина 137 (1629) году, а по смѣтѣ и по старожильцовымъ сказкамъ въ длину отъ казачьей земли по рѣчкѣ по Полевой Ливенкѣ въ верхъ до деревни Косьяновой на 6 верстѣ, а по Лѣсной Ливенкѣ по обѣ стороны рѣчки въ длину того *Краснаго* Лѣсу отъ Ямской земли подѣ деревню Семенихину на 6 верстѣ, а поперегъ межѣ тѣхъ рѣчекъ—Полевой и Лѣсной Ливенокъ по одну сторону того *Краснаго* лѣсу на 4 версты, а по другую сторону 3 версты, и того 8,000 десятинъ; а тотъ *Красной лѣсъ черной* ***) , а не пашенной; да въ томъ *Красномъ* лѣсу 4 прогорѣлыя полянки (изъ *краснаго* лѣсу), и тѣ полянки отписаны на Великихъ Государей въ порозжія земли ****); да по конецъ поля деревни Здобной и деревни Хвощеватой, а Потапова тожѣ, къ становой межѣ Серболова стану *Жилева* лѣсу по обѣ стороны по верстѣ, а по концамъ по полуверстѣ, а по смѣтѣ и по старожильцовымъ сказкамъ 600 десятинъ, а тотъ *Жилевъ лѣсъ черной*, а не пашен-

*) См. Кн. Вольш. Черт. стр. 43.—На 3-й же стр. Вольшаго Чертежа говорится: «Лѣсная Ливна пала близко города въ Полевую Ливну, а Полевая пала въ Сосну подѣ городомъ подѣ Ливнами». Очевидно, при составленіи древней карты Россійскаго Государства не знали, какую изъ двухъ Ливенокъ признать главною.

***) См. о *Красномъ* станѣ въ Приправочной книгѣ 1615 г. на стр. 45—179.

****) *Черный лѣсъ*, т. е. казенный, ни въ чьемъ частномъ владѣніи не состоящій,—иначе «Государевъ», какъ, дѣйствительно, и называется *Красный лѣсъ* въ Ливенскихъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ.

*****) Въ четырехъ «прогорѣлыхъ полянкахъ» съ двумя небольшими «прогарями» считалось болѣе «115 четей пашни дикаго поля, а въ дву по тому-жѣ», да сѣна свыше 420 копенъ.

ной *). Въ виду того, что въ Соснинскомъ бассейнѣ есть не мало поселеній подъ названіемъ „Сосенокъ“ и „Красныхъ“, а также и въ виду названія рѣчки *Ельчина*-сообщившаго свое имя городу Ельцу **), можно думать, что въ Ливенскомъ уѣздѣ, кромѣ такъ — называемаго Краснаго лѣса, существовали нѣкогда и другіе лѣса хвойной породы. Если же въ настоящее время „самородныхъ хвойныхъ деревъ нѣтъ нигдѣ въ Ливенскомъ уѣздѣ“, то это не доказываетъ еще того, будто бы хвойнаго лѣса и никогда здѣсь не было. Теперь и весь Ливенскій край имѣетъ уже характеръ степнаго пространства, такъ что по безлѣсному его виду трудно и предположить, чтобы когда-либо залегали здѣсь значительные лѣса; а между тѣмъ мы имѣемъ ясныя указанія на то, что даже въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ, когда многіе изъ Ливенскихъ лѣсовъ могли сильно пострадать уже отъ степныхъ пожаровъ, производившихся съ цѣлью противодѣйствія набѣгамъ Крымскихъ Татаръ, теченіе р. Сосны было богато лѣсами, изъ которыхъ нѣкоторые назывались даже „большими“.

Въ „приправочной“ книгѣ 1615 года и въ другихъ „писцовыхъ“ Ливенскихъ книгахъ 17-го вѣка упоминаются слѣдующіе лѣса на пространствѣ тогдашняго Ливенскаго уѣзда: Красный, Жилевой, Сторожевой, Новосильскій, Присыпскій, Плотавый, Серболовъ, Маликовъ, Богдановъ, Ястребовъ, Ястребинскіе лѣски, Туровъ — Большой и Меньшій, Черный, Хмѣлевой, Вязовикъ — Большой и Малый, Ясеновъ, Святицкій, Жериханскій, Дросковъ — Большой и Меньшій, Городецкій, Ильмовъ, Каменный, Хвощенскій, Татариновъ, Ровнецкій, Мокрецкій, Долгій, Плоскій, Середній, Лебедскій, Оберець, Кунацкая удеревъ и множество дубравъ, какъ-то: Осинвая,

*) При проведеніи границъ между Краснымъ и сосѣдними съ нимъ станами — Серболовымъ и Затруцкимъ, равно между вотчинными, помѣстными, отписными, порожими и церковными землями, межевщики 17-го вѣка обыкновенно пользовались или природными границами, каковы: рѣки, рѣчки, колодези, ржавцы, верхи, отвершки, вертепны, болотца и урочища, или дорогами, или же ямами, столбами и деревьями, съ мѣтками на послѣднихъ; въ числѣ граничныхъ деревьевъ упоминаются: дубъ («краковистъ, платавъ, суховерхъ, развиловать»), береза, кленъ, ясень, осина, ольха, ива, ильмъ, липа, яблоня и черемуха, но отнюдь не сосна или ель. Вѣроятно, межевщики избирали для граней только такія деревья, которыя были рѣдки въ массѣ хвойнаго лѣса и, слѣдовательно, могли служить очевидною примѣтою. Особенно, при насѣчѣхъ граней, дорожили дубами; когда же граничный дубъ сгнивалъ, то или указывали на его пень съ отростками, или ставили у того мѣста столбъ (вѣроятно сосновый или еловый) и выкапывали яму, но не переносили мѣтки на другой дубъ, что было бы естественно въ томъ случаѣ, еслибы эту породу деревъ обиловалъ Красный лѣсъ. Въ подтвержденіе нашей мысли, приводимъ здѣсь часть описанія «Прогорѣлой полянки, что въ Красномъ лѣсу», — сдѣланнаго межевщиками 1685 года: «Да межа жъ учинена Прогорѣлой полянкѣ, починъ отъ верха Бѣлова колодезя, что ѣздятъ изъ села Парахина къ тому колодезю по воду, у Бѣлова верха на взгоркѣ стоитъ дубчикъ не великъ, на немъ насѣчена грань, подлѣ сво яма, а дубчикъ стоитъ отъ верха на взгоркѣ Бѣлова верха въ 7-ми сажняхъ, поправу Красной лѣсъ, а по лѣсу прогорѣлая полянка..., а отъ того дубчика и отъ ямы прямо подлѣ Красной лѣсъ, по лѣвую сторону отписная прогорѣлая полянка, а по правую сторону Красной лѣсъ... Въ становой межевой Краснаго и Серболова становъ читаемъ: «и тотъ старый дубъ выгнилъ и подлѣ того дуба поставленъ столбъ»; или: «а тотъ старый дубъ свалился, и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ»; равно: «а старый кленъ выгнилъ, и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ»...

**) Въ бассейнѣ р. Сосны слѣды еловаго лѣса мы находимъ и въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Елей». Эта мѣстность охранялась въ царствованіе Юанна Васильевича сторожами, высланными изъ украинскихъ городовъ: «а беречь направо до Радужина лѣса, а налево черезъ Ели до усть Полны 10 верстъ».

Отскочная, Зеленая, Медвѣжья, Высокая, Ботвининская, Каменная, Въѣзжая, Косьянова, Жилевая, Становая и другія, которыми удовлетворены были всѣ служилые люди г. Ливенъ и мѣстные священно-церковно-служители. Степные пожары и особенно быстрое заселеніе Ливенскаго уѣзда въ 18-мъ вѣкѣ были причиною того, что многіе изъ этихъ лѣсовъ и дубравъ исчезли совершенно, а отъ нѣкоторыхъ до нашихъ дней уцѣлѣли лишь небольшія рощицы, да названія селъ, деревень и урочищъ—Лѣсками, Борками, Дубравами и Дубровками, Дубовиками, Дубовцами и Дубовчиками, Липовчиками, Сосенками, Березовыми, Осиновыми и Хмѣлевыми Верхами,—свидѣтельствующія, что когда-то всѣ эти поселенія тѣснились у лѣсныхъ чащъ. Правда, уже одно указаніе на множество лѣсовъ въ предѣлахъ Ливенскаго уѣзда, съ разными притомъ именowanіями, показываетъ, что въ 17-мъ вѣкѣ Ливенскій уѣздъ не представлялъ изъ себя такого сплошнаго лѣснаго пространства, какимъ издревле славились западные уѣзды Орловской губерніи. Ливенскіе лѣса, ооясывавшіе берега р. Сосны и многочисленныхъ ея притоковъ, какъ достоверно извѣстно изъ лѣтописей, еще въ 15-мъ и 16-мъ вѣкахъ перемежались степными пространствами, или „дикимъ полемъ“. Это поле въ сѣверной половинѣ уѣзда представляло изъ себя нѣсколько степныхъ пространствъ, въ видѣ болѣе или менѣе широкихъ лентъ, извиравшихся между теченіемъ рѣкъ—Трудовъ, Любовни, Орева и Чернавы и сходящихся между Полевою Ливною и Чернавою, у такъ-называвшейся Муравской дороги, а отсюда, по переправѣ чрезъ р. Сосну, та же степная лента развѣтвлялась снова и, образовавъ изъ себя нѣсколько степныхъ пространствъ, тянувшихся между рѣками—Тимомъ, Кшеневой и Олымомъ, терялась въ широкихъ южныхъ степяхъ, исконномъ привольѣ кочевниковъ. Потому-то за Соснинскимъ бассейномъ еще въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ усвоено было на Руси названіе *польскихъ*, т. е. полевыхъ или украинскихъ мѣстъ.]

Древніе Ливенскіе лѣса обиловали всякимъ звѣремъ. Тутъ водились и туры, и медвѣди, и волки, и лисицы, и дикіе кабаны, и лоси, и олени, и бобры, не говоря уже о мелкомъ лѣсномъ и полевомъ звѣрѣ*). Отсюда, безъ сомнѣнія, произошли и самыя названія нѣкоторыхъ Ливенскихъ лѣсовъ Туровыми, колодезей—Медвѣжьими и Волчьими, дубровъ—Свинными и Медвѣжьими, а селъ, деревень, поселковъ, верховъ и бродовъ на Соснѣ—Лисицыными, Волчьими и Медвѣжьими**). Многочисленные лѣса и дубровы питали въ себѣ много ключей, колодезей, рѣчекъ, болотъ и озеръ, чрезъ что дѣлали и самую р. Сосну болѣе многоводною, чѣмъ въ настоящее время. Тогда на быстрыхъ водахъ р. Сосны пестрѣли цѣлыя стада дикихъ утокъ, гусей и краси-

*) Въ Соснинскомъ бассейнѣ иногда выкапываются и выбрасываются весеннею водою оленины рога, огромныя зубы и клыки неизвѣстныхъ животныхъ. Не такъ давно, въ области р. Олыма найдены были: зубъ вѣсомъ въ 6 фунтовъ и клыкъ величиною въ 18 четвертей. Объ этихъ находкахъ, имѣющихся у крестьянъ села Касторнаго, сообщаетъ Воронежскому статистическому комитету дѣйствительный членъ его С. Е. Звѣревъ.

**) «А изъ Большаго Медвѣжья Верха вышелъ Медвѣжий вывершекъ»... Объ этихъ урочищахъ, находящихся при деревнѣ Дутой, упоминается въ писцовой книгѣ 1685 г. подъ № 519.

выхъ лебедей, на которыхъ (въ 13-мъ вѣкѣ) охотились какъ русскіе ловчіе, такъ и Монгольскіе сокольники; а надъ поверхностью всего Соснинскаго бассейна высоко парили царственные орлы, соколы, быстролетныя журавли и ястребы. Съ истребленіемъ лѣсовъ многіе притоки Сосны обмелѣли, бывшіе рѣчки обратились въ ничтожныя ручьи, а колодези или ручьи пересохли и оставили по себѣ русла, наполняемыя лишь полою водою; тамъ-же, гдѣ были ржавцы (топи) и болота, прошла уже борозда пахаря, или залегаеъ богатый торфъ. На память о господствовавшихъ здѣсь породахъ птицъ остались теперь одни названія мѣстностей, какъ — Орлово, Орлянка, Орлово Гнѣздо*), Сокольская, Соколи Горы**), Ястребинъ Колодезь, Ястребинки и Ястребовка. Извѣстно также, что у береговъ Быстрой Сосны водились нѣкогда и дорогіе бобры, на которыхъ, какъ „и на всякій звѣрь“, въ началѣ 17-го вѣка, охотились „всякіе Ливенскіе люди, и за бобровые гоны давали оброкъ на Ливнахъ въ Розрядѣ***)“. Рѣка Кшень „съ упалыми въ нее колодезями“, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, была предоставлена „съ бобровыми гона и хмѣлевыми болоты“ игумену Ливенскаго Сергіева монастыря Харлампію съ братею „въ вотчину на нищу и на свѣчи, и на ладонъ, и на вино церковное****)“, а доходы съ бобровыхъ гоневъ по рѣкамъ Олыма, Трудамъ и Любовшѣ поступали въ казну Государеву. Отсюда-то, какъ надо полагать, произошли и самыя названія нѣкоторыхъ поселеній на рѣкѣ Кшени: Бобровка (Александровка, Кобыля тожъ) и село Бобровка (Дмитріевское тожъ) при колодцахъ.

Плодородіе почвы, тучныя пастбища, обиліе воды, лѣса, богатые пушнымъ звѣремъ, и разнообразная дичь, — все это дѣлало бассейнъ Быстрой Сосны однимъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ обширной страны, извѣстной впоследствии подъ именемъ Россіи, и еще въ глубокой древности привлекало къ нему разныхъ кочевниковъ, которые, тѣсясь и вытѣсяя другъ друга, не могли прочно осѣсться здѣсь и составить изъ себя культурное населеніе. О древности заселенія Соснинскаго бассейна свидѣтельствуютъ археологическія находки, относящіяся къ бронзовому вѣку. Такъ, на примѣръ, лѣтомъ 1891 года, въ области р. Олыма, на самой границѣ Ливенскаго и Землянскаго уѣздовъ, на глубинѣ трехъ аршинъ, найдены: „полукруглое долотце и два топорика, грубо отдѣланные, своимъ размѣромъ и общимъ видомъ напоминающіе подобныя-же топорики бронзоваго періода, хранящіеся въ Историческомъ Музеѣ, въ

*) Объ урочищѣ «Орлово Гнѣздѣ», въ области р. Любовши и Становаго колодезя, упоминается въ писцовой книгѣ 1685 г. подъ № 518.

**) Въ книгѣ Вольш. Чертежа на стр. 42 читаемъ: «А на рѣкѣ на Соснѣ, близко устья, съ лѣвья стороны, Соколи горы». Теперь на этомъ мѣстѣ находятся двѣ деревни Сокольскія — Сахаревки. въ 12 и 13 верстахъ отъ Ельца.

***) «Подлинная приправочная книга по городу Ливнамъ» 1615 г., на стр. 3.

****) Выписи Ливенскаго воеводы Игнатія Михнева да Ѳедора Шишкина отъ 16 октября 1615 года, а также выписи и другихъ воеводъ.

Москвѣ*)“. Возможно, что еще древніе Скифы и Сарматы своими кочевьями достигали береговъ Быстрой Сосны, а потомъ уступили обладаніе этимъ краемъ воинственнымъ Остъ-Готамъ. Царство Остготское, какъ извѣстно, въ 4-мъ вѣкѣ по Р. Хр., пало подъ ударами страшныхъ Гунновъ; но и эти варвары главною своею массою скоро схлынули на западъ Европы. Затѣмъ берега Сосны подпали господству жестокихъ Аваръ или Обровъ, которые также перебрались на западъ и, подобно Гуннамъ, исчезли изъ памяти народовъ. Тогда у Окскаго и Соснинскаго бассейновъ поселяются Финны. Въ числѣ Финскихъ племенъ были и *Ливы*, которые, быть можетъ, сообщили названіе не только Окѣ, но и нашимъ рѣчкамъ Ливнамъ, а черезъ нихъ и самому городу Ливнамъ. Въ 9-мъ вѣкѣ рядомъ съ Финнами, въ области, названной *Лебедію*, которая такъ напоминаетъ соеднѣннѣ съ Соснинскимъ бассейномъ Лебедянь (городъ Тамбовской губерніи), поселились Мадыяры. Избѣгая Хозарской зависимости и нападенія со стороны Печенѣговъ, Мадыяры ушли на юго-западъ, увѣковѣчивъ, быть можетъ, временное свое пребываніе въ Лебедіи названіемъ рѣки *Алыма* или *Олыма* **). Столько народовъ тѣснилось у живописныхъ береговъ Сосны, и ни одному изъ нихъ не суждено было составить здѣсь прочную колонизацію. Наконецъ, сюда пришло съ запада бодрое Славянское племя и вмѣстѣ съ верховьемъ р. Оки навсегда усвоило за собою бассейнъ р. Сосны, вытѣснивъ отсюда прежнихъ обитателей. Это, по единоголосному признанію историковъ, были Вятичи, пришедшіе сюда отъ береговъ Вислы съ родоначальникомъ своимъ Вятко ***).

Когда именно утвердились Вятичи на берегахъ Оки и Сосны—неизвѣстно; достоверно извѣстно только, что они поселились здѣсь еще до основанія Русскаго государства. Съ этого времени и до 12-го столѣтія Вятичи держались язычества, обоготворяя разныя стихіи и явленія видимой природы. Главныя ихъ божества были тѣ же, что и у другихъ южно-русскихъ славянъ. Это: *Перунъ*—богъ грома и молніи. *Волосъ* или *Велесъ*—податель земныхъ благъ и въ особенности покровитель домашняго скота. *Стрибогъ*—властитель вѣтровъ. *Дажбогъ*—богъ неба, виновникъ всякаго богатства. *Купало*—представитель водной стихіи. *Коляда*—божество мира и празднествъ. *Осладъ* или *Усладъ*—богъ веселья и всякихъ забавъ. *Ладо* и *Лели*—

*) Объ этомъ мы имѣемъ печатное сообщеніе дѣйствительнаго члена Воронежскаго статистическаго комитета С. Е. Звѣрева, отъ 26 іюня 1891 года.

**) См. «К. Вестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія», Спб. 1872, гл. I, стр. 69—70.

***) Г. Артемьевъ въ своей статьѣ—«Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ» замѣчаетъ: «собственно говоря, въ лѣтописяхъ не находится прямыхъ указаній, что пространство, занимаемое нынѣ Ливенскимъ уѣздомъ, входило въ составъ земли Вятичей; но сомнѣваться въ этомъ, кажется, нельзя, а развѣ можно ограничить такое предположеніе тѣмъ только, что эта мѣстность частію принадлежала и Сѣверѣ, жившей на сѣверо-западъ отъ Вятичей по рѣкамъ Семи и Деснѣ. Во всякомъ случаѣ рѣку Сосну, быть можетъ, нужно признать межею, разграничивавшею земли этихъ двухъ племенъ». Съ своей стороны мы полагаемъ, что въ настоящее время опредѣлить границу соприкосновенія двухъ смежныхъ племенъ—Вятичей и Сѣверянъ не только на востокѣ Орловской губерніи, но и на западѣ ея, не возможно, а потому достаточно для насъ того убѣжденія, что къ главной массѣ населенія Орловской губерніи изъ Вятичей несомнѣнно примѣшивалась и значительная часть Сѣверянъ.

божества молодости, красоты, любви и вмѣстѣ семейнаго счастья. *Чуръ* — верховный стражъ границъ и межъ. *Чернобогъ* — виновникъ людскаго мора и скотскаго падежа. *Морена* — богиня смерти. *Кощей* и *Баба-Яга* — представители зимнихъ холодовъ, мятелей и бурь. *Кикимора* — божество сна. *Мать сыра земля* и др. Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ языческихъ божествъ доселѣ еще слышатся въ устахъ простонародія. Такъ Ладо и Лели вспоминаются въ свадебныхъ или подвѣчныхъ пѣсняхъ; Чуръ — слово общеупотребительное при воспрещеніи; божба сырою землею считается одною изъ страшныхъ клятвъ; Кощей и Баба-Яга вошли въ народныя сказки; Кикимору доселѣ призываютъ, когда хотятъ наслатъ на кого сонъ, или заставить замолчать, а празднества въ честь Коляды и Купала слишкомъ памятны еще для народа. Названія нѣкоторыхъ языческихъ божествъ, подъ вліяніемъ христіанства, превратились въ имена Святыхъ. Такъ Волосъ въ сознаніи простонародія принялъ имя Св. Власія, покровителя скота; но Волосу, какъ покровителю земледѣлія, доселѣ завиваютъ колосъ „на бородку“. Поклоненіе Перуну перешло на пророка Ілію; божеству солнца — на Егорія храбраго. Въ честь главныхъ божествъ приносились жертвы изъ мяса, плодовъ и разнаго печенья, а также совершались празднества и церемоніи, память о которыхъ доселѣ еще живетъ въ простонародіи, какъ напримѣръ: выкликаніе весны на Радуницѣ (Юмино воскресенье), прыганіе чрезъ огонь (праздникъ въ честь Купалы), онахиваніе села (по случаю людскаго мора или скотскаго падежа) и т. под. Къ числу второстепенныхъ или неглавныхъ божествъ принадлежали: *Домовой* — покровитель семьи, олицетворявшій душу предка; *Лѣшіе*, обитавшіе въ лѣсахъ; *Водяные*, жившіе на днѣ рѣкъ, озеръ и болотъ; *Русалки*, населявшія поля и рощи; *Буна* — страшилище съ необыкновенно длиннымъ языкомъ, которое днемъ гнѣздилося подъ мельничнымъ колесомъ, а ночью хватало неосторожныхъ дѣтей у воротъ двора. Пѣлые вѣка прошли уже съ тѣхъ поръ, какъ язычество на берегахъ Быстрой Сосны должно было уступить мѣсто христіанству, но представленіе о *лѣшихъ* и *домовыхъ* доселѣ держится въ простонародіи; говорятъ: „лѣшій тебя возьми; скотина не по двору пришла“, т. е. не по Домовому; Букою доселѣ стращаютъ дѣтей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мельничной пучинѣ усвоится даже названіе „буковища“ *). Душу умершаго человѣка язычники представляли то въ видѣ огня, пара и дыма, то подъ образомъ мотылька или бабочки. но во всякомъ случаѣ остающагося на землѣ и принимавшею участіе въ судьбѣ своихъ живыхъ родственниковъ, друзей и сосѣдей; покойники были не безучастны къ радостямъ и скорбямъ живущихъ еще на землѣ своихъ родственниковъ, — они сами испытывали атмосферическія перемѣны, могли даже ѣсть и пить. Потому у изголовья покойниковъ ставили воду, медъ, кутью и т. под.;

*) Въ Орловской губерніи есть нѣсколько деревень подъ названіемъ Букъ: *Бука* или *Букина* при Кошевскомъ болотѣ, въ 33 верстахъ отъ г. Болхова; *Буки* — при колодцахъ, въ 39 верстахъ отъ г. Карачева; есть также село *Буковище* (Богородицкое — Шеншино) при р. Везьменѣ Орловскаго уѣзда.

отогрѣвали ихъ души во время ситныхъ морозовъ; предлагали въ пищу первый спеченный блинъ; клали въ гробъ деньги. Въ отогрѣваніи покойниковъ, такъ недавно еще вышедшемъ изъ употребленія, нельзя не видѣть указанія и на древній обычай погребенія чрезъ сожженіе труповъ и собраніе пепла въ глиняные сосуды, такъ какъ и при отогрѣваніи душъ устраивался своего рода костеръ и употреблялся глиняный черепокъ. Домового знаютъ и до сихъ поръ; оставляя старый домъ и перебираясь въ новый, хозяйка беретъ горшокъ, въ которомъ никогда ничего не варили, кладетъ въ него уголья и вызываетъ Домового, говоря: „милости просимъ, дѣдушка, на новое жильѣ“. Различаютъ своего Домового, ласковаго къ домашнимъ, заботящагося объ ихъ животныхъ, и чужаго, который причиняетъ разныя проказы.

Первый русскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, въ такихъ чертахъ описываетъ бытъ и нравы первоначальныхъ обитателей нашего края: „Вятичи и Сѣверь (Сѣверяне) одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословіе (т. е., что срамно передать словами) въ нихъ предъ отцы и снохами; браци не бывають въ нихъ, но игрища межъ селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ. съ нею же кто совѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены; аще же кто умираше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу (костеръ) велику, и возлагаху на кладу мертвеца и божигаху, и по семь, собравши кости, влагаху въ сосудину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ“, — добавляетъ лѣтописецъ въ концѣ 11-го или въ началѣ 12-го вѣка. При свѣтѣ этого лѣтописнаго свидѣтельства становятся болѣе понятными и многія бытовья черты современныхъ намъ обитателей Соснинскаго бассейна, а именно: равнодушіе къ возможному комфорту въ домашней жизни и нечистоплотность; извѣстная игра молодыхъ людей „въ горѣлки“ и веселые хороводы на Красной горкѣ („Семикъ“) и въ Зеленыя святки (праздникъ Троицы); окупъ женихомъ своей невѣсты предъ ея родственниками и разные свадебные подарки; угнетенное положеніе снохъ предъ свекрами и брань „снохачествомъ“; обычай голосить надъ покойниками и поминать ихъ съ обильнымъ употребленіемъ оныяющихъ напитковъ; разныя предразсудки относительно перекрестковъ на дорогахъ (ростыней) и т. п.

Первобытные обитатели р. Сосны, какъ и сосѣдней съ нею Оки, жили родовымъ бытомъ и управлялись своими старѣйшинами или князьями; но скоро они должны были подчиниться Козарамъ. Этотъ послѣдній народъ обиталъ между Волгою и Дономъ и, такимъ образомъ, являлся ближайшимъ сосѣдомъ Вятичей на востокѣ. Представляя изъ себя довольно могущественное государство, подъ верховнымъ управленіемъ кагановъ. Козары находились въ союзѣ съ Византійскою имперіей, иногда помогали ей своею конницею въ борьбѣ съ Персами, вели съ Греками торговлю и пользовались Греческими архитекторами для построения городовъ. Между тѣмъ Вятичи, при своей многочисленности, распадались на отдѣльные роды, иногда враждебные одинъ другому,

и потому не могли соперничать въ силѣ съ Козарами. Прежде другихъ данниками Козарь сдѣлались обитатели Быстрой Сосны и Оки, а за Вятичами подчинились Сѣверяне и Радимичи. Впрочемъ, господство Козарь, какъ народа, не вполне вышедшаго еще изъ кочеваго быта, было не особенно тяжело: Козары не посягали на вѣрованія, нравы, обычаи и родовое самоуправленіе подчиненныхъ имъ Славянскихъ племенъ, а довольствовались одною данью — „по бѣлкѣ и горностаю отъ жилаго дома“, какая дань, при обиліи пушнаго звѣря въ тогдашнихъ лѣсахъ, не могла считаться обременительною. Обитатели же Быстрой Сосны тѣмъ легче мирились съ Козарскою зависимою, что она пролагала для нихъ свободный путь къ Дону и способствовала сбыту естественныхъ ихъ произведеній въ другія руки, изъ которыхъ они, въ свою очередь, получали то, въ чемъ нуждались сами. При посредствѣ Козарскихъ и Греческихъ купцовъ древніе обитатели Ливенскаго уѣзда скоро познакомились и съ денежною системою, такъ что позднѣе самая дань ихъ Козарамъ, для большаго удобства, была переложена на деньги — „по шелягу отъ рала“, т. е. съ сохи. Денежная система, въ значительной мѣрѣ облегчавшая торговыя сношенія, была для нашихъ предковъ важнымъ открытіемъ; а такъ какъ большинство монеты шло къ нимъ изъ Греціи, то съ понятіемъ о грекѣ у нихъ тогда уже возникло представленіе какъ о богатомъ человѣкѣ. „Онъ богатъ, какъ грекъ“; „у него денегъ, что у грека“, — говорятъ и доселѣ наши простолюдины, когда хотятъ назвать кого-либо богатымъ.

Въ 862-мъ году, когда Козары господствовали надъ южно-рускими Славянскими племенами, среди сѣверныхъ племенъ возникло Русское государство. Скоро центръ этого государства передвинуть былъ съ сѣвера на югъ, и платившіе дань Козарамъ Сѣверяне и Радимичи должны были подчиниться Русскому владычеству; между тѣмъ Вятичи, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, оставались еще данниками Козарь. Послѣ Рюрика, основателя Русскаго государства, ни воинственный Олегъ, ни жадный къ добычѣ Игорь и мудрая супруга его Ольга не могли достигнуть береговъ Оки, а тѣмъ болѣе — Быстрой Сосны, прикрытой со стороны Кіева дремучими лѣсами. Но вотъ, въ 964 году, у береговъ Оки и Сосны появляется воинственнѣйшій изъ Русскихъ князей — Святославъ Игоревичъ; онъ покоряетъ Вятичей и облагаетъ ихъ тою же данью, какую дотолѣ они давали Козарамъ, т. е., по шелягу съ сохи; потомъ вступаетъ въ область Дона, одерживаетъ блистательную побѣду надъ могущественнымъ Козарскимъ коганомъ, беретъ у него крѣпкій городъ Саркель, или Вѣлую Вѣжу, и, такимъ образомъ, упрочиваетъ за собою обладаніе берегами Оки и Сосны. Царство Козарское сокрушено. Казалось бы, Вятичамъ все равно, кому ни платить по шелягу съ сохи, — Козарамъ или Кіевской Руси. Но не то видимъ на дѣлѣ. Лишь только Святославъ вышелъ изъ земли Вятичей, какъ они отложились отъ него и дани въ Кіевъ не дали. Ясно, что для Вятичей Козарская зависимость была выгоднѣе Русскаго владычества; съ первою они давно уже сжились и имѣли чрезъ нее торговыя

выгоды, а послѣднее было для нихъ ново и притомъ, чрезъ погромъ Козарскаго царства, остановило ихъ торговлю на востоѣ, откуда получались ими и самыя шелыги. По видимому, такія невыгоды Русскаго владычества для Вятичей сознавалъ и самъ Святославъ Игоревичъ, когда, усмиривъ ихъ силою оружія, оставилъ за ними прежнюю дань, а не обложилъ ихъ большею данью, какъ поступали иногда Русскіе князья съ мятежными племенами. Однако-жъ великодушіе Святослава не примирило Вятичей съ Русскою данью: узнавши, что Святославъ ушелъ въ далекую Болгарію, они снова отложились и не платили дани какъ самому Святославу, такъ послѣ него и сыну его Ярополку. Только Владиміру Святославичу, послѣ двукратныхъ походовъ, удалось сломить непокорность Вятичей и обложить ихъ данью, которая теперь, за частія ихъ возмущенія, была увеличена и состояла изъ двухъ шелыговъ съ сохи. Но и послѣ этого, считаясь данниками Руси, Вятичи не входили еще надлежащимъ образомъ въ составъ Русскаго государства и, въ теченіе цѣлаго вѣка, продолжали управляться своими родоначальниками, или князьями. Земля Вятичей была то же, что государство въ государствѣ, такъ что даже проникать въ нее считалось особеннымъ подвигомъ для Русскихъ князей. Даже такой воинственный и безстрашный князь, какъ Владиміръ Мономахъ, ставитъ въ числѣ своихъ подвиговъ и то, что ему удалось благополучно пройти „сквозъ Вятичь“; но, кромѣ того, враждебныя дѣйствія Вятичей заставили Владиміра Мономаха предпринимать противъ нихъ и военные походы — „на Ходату и на сына его и по Корьдну“. Весьма вѣроятно, что послѣдніе походы были обращены къ восточной вѣтви Вятичей, обитавшихъ по берегамъ Зуши и Быстрой Сосны, такъ какъ для нихъ (особенно же для жителей Соснинскаго бассейна) переѣзъ Козарскаго владычества на Русское была наиболѣе не выгодна; и если Вятичи, еще при Владимірѣ Святомъ, искали союза съ степными Печенѣгами для совмѣстнаго дѣйствованія противъ Русскаго князя, то и такое предпріятіе ближе всего подходитъ къ обитателямъ р. Сосны, за которою къ югу тянулись необозримыя степи — приволье Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ. Съ другой стороны, и самое христіанство, утвердившееся на Руси со времени Св. Владиміра, долго служило средотѣніемъ между Русью и землею Вятичей, въ которой, по отзыву преподобнаго Нестора, царилъ глубокой мракъ язычества.

Прочное владычество Руси по берегамъ Быстрой Сосны начало водворяться только послѣ Любецкаго съѣзда (1097 г.), когда обширная область Вятичей распалась между потомками внука Св. Владиміра, Святослава Ярославича, а бассейнъ Сосны примкнулъ къ Рязанскому княжеству, доставшемуся въ удѣлъ Ярославу Святославичу. Впослѣдствіи въ Рязанскомъ княжествѣ выдѣляются еще двѣ княжескихъ территоріи — Муромская и Пронская, но теченіе Быстрой Сосны остается собственно подъ властію Рязанскихъ князей. Здѣсь же, въ первой половинѣ 12-го вѣка, насаждается и христіанство, которое окончательно примиряетъ обитателей Соснинскаго бассейна съ

Русскимъ владычествомъ и способствуетъ тому, что самое названіе Вятчей постепенно исчезаетъ изъ памяти народа. Вѣра Христова объединила всѣ крещенныя племена и усвоила за ними общее имя православной Руси. Честь просвѣщенія Вятчей всѣми историками приписывается Св. Кукшѣ, объ апостольской дѣятельности котораго Св. Симонъ, епископъ Владимірскаго и Суздальскаго, жившій въ началѣ 13-го вѣка, въ своемъ посланіи къ Печерскому черноризцу Поликарпу говоритъ слѣдующее: „Могу ли умолчать и о семъ священно-мученикѣ, черноризцѣ того же Печерскаго монастыря, Кукшѣ, о которомъ всѣ вѣдаютъ, како бѣсы прогна и Вятчей крести, дождь сведе и езеро изсуши, и много чудесъ сотвори, и по многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ*). Нелѣбныя мощи Св. Кукши почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ, а память о немъ и его ученикѣ творится Церковію 27-го Августа. Хотя ни въ лѣтописяхъ, ни въ мѣстныхъ преданіяхъ не сохранилось указанія на то, гдѣ именно подвизался среди Вятчей Св. Кукша; но такъ какъ, по нѣкоторымъ историческимъ соображеніямъ, проповѣдь Св. Кукши въ землѣ Вятчей продолжалась болѣе двадцати лѣтъ**), то весьма вѣроятно, что среди апостольской дѣятельности не были оставлены имъ и берега Быстрой Сосны, какъ наиболѣе притомъ удаленные отъ просвѣтительныхъ центровъ (Кіева и Чернигова) и потому особенно нуждавшіеся въ ревностномъ проповѣдникѣ. И вотъ, вынужденные прежде силою оружія платить дань Кіеву, обитатели Соснинскаго бассейна тяготеютъ теперь къ нему добровольно и въ видѣ смиренныхъ паломниковъ несутъ ему свои сердца, согрѣтыя чувствомъ благодарности къ той обители, откуда излился и впервые озарилъ ихъ лучъ небесной истины. То, что не додѣлано было на берегахъ Сосны священно-мученикомъ Кукшею, стало предметомъ попеченія епархіальной власти—сперва Черниговской, потомъ Рязанской и, при содѣйствіи мѣстныхъ владѣтелей, Рязанско-Елецкихъ и Ливенскихъ князей, довершено въ теченіе многихъ вѣковъ.

II.

Древность города Ливень и князя на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Вопросъ о древности города Ливень въ ряду прочихъ городовъ Орловской губерніи.—Недавнее открытіе о существованіи города Ливень въ 12-мъ вѣкѣ.—Рязанскіе князья—Глѣбовичи на Ливнахъ и на Воронежѣ.

*) Исторія Русской Церкви Преосвященнаго Макарія, т. 2, стр. 22.

**) О Св. Кукшѣ въ времени апостольской его дѣятельности см. рядъ нашихъ статей, помѣщенныхъ въ Орлов. Епарх. Вѣдом. за 1880 и послѣдующіе годы.

жѣ. — Сосѣдство съ Половцами. — Судьба Ливенскихъ владѣтелей въ борьбѣ съ Владиміро-Суздальскими князьями. — Внутреннія крамолы въ Рязанскомъ княжествѣ и участіе въ нихъ Половцевъ.

Частыя возстанія Вятичей противъ Русскаго владычества подъ предводительствомъ собственныхъ князей, пытавшихся создать изъ своего племени нѣчто въ родѣ независимаго государства, заставляють думать, что у этого воинственнаго и свободолюбиваго племени тогда уже были города, какъ опорные пункты въ борьбѣ съ могущественными соперниками и безопасныя резиденціи для родовыхъ князей. Такое предположеніе поддерживаютъ и упоминаемая въ русскихъ былинахъ грозныя *заставы*, велѣдствіе которыхъ прямоѣзжая дорога изъ Чернигова въ землю Вятичей „заколѣбла, замуравѣла“, такъ что проникать за тѣ заставы считалось дѣломъ величайшаго риска даже для такого мощнаго богатыря временъ Владиміра — Краснаго солнышка, каковъ былъ прославленный Илья Муромецъ. Особенно рельефно выступаетъ въ былинахъ домъ Соловья — разбойника, что стоялъ „на семи дубахъ да на семи верстахъ, а мимо его не пройти ни конному, ни пѣшему“ *). Очевидно, подъ сказочнымъ домомъ Соловья разбойника разумѣется ни что иное, какъ крѣпость, обнесенная дубовымъ частоколомъ, за которою властитель земли Вятичей, этой, по выраженію лѣтописца, „страны лѣсовъ“, думалъ отстоять свою независимость въ борьбѣ съ Владиміромъ Святѣмъ и его преемниками (особенно Владиміромъ Мономахомъ). Наконецъ, въ первой половинѣ 12-го вѣка, когда русскій лѣтописецъ нашелъ возможнымъ приподнять завѣсу, скрывавшую дотолѣ землю Вятичей отъ взора Кіевлянъ, то здѣсь оказалась уже цѣлая сѣть городовъ, какую невозможно было возвести Чернигово-Сѣверскимъ и Рязанскимъ князьямъ въ короткій срокъ ихъ обладанія Вятичами, начавшагося фактически только послѣ Любецкаго сѣзда. Да и самыя названія нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ — Карачева и Трубчевска**), свидѣлствуютъ не о русскомъ ихъ происхожденіи и, слѣдовательно, заставляютъ относить возникновеніе ихъ къ болѣе раннему періоду. Какъ бы то ни было впрочемъ, по русскій лѣтописецъ, слѣдившій за походомъ Кіевского великаго князя Изяслава II-го противъ одного изъ владѣтелей Сѣверскаго княжества (Святослава Ольговича), подъ 1146 и 1147 годами на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи отмѣчаетъ уже слѣдующіе города: Карачевъ, Мценскъ, Брянскъ, Сіовскъ (Сѣвскъ), Болдыжъ, Кромы и Елецъ. Въ Ельцѣ еще раньше этого времени княжилъ Владиміръ Ярославичъ,

*) Книга былинъ Авенаріуса, изд. 1880 г., стр. 95—114.

**) По объясненію знатоковъ Тюрскихъ нарѣчій, слово *Карачевъ* означаетъ черныи лѣсъ, а *Трубчевскъ* — тельжныи лѣсъ. Возможно, что изъ этихъ лѣсовъ Обры, а потомъ и Козари, доставали себѣ тельги. Извѣстно преданіе, что Обры запрягали по пяти славянскихъ женщинъ въ тельгу и ѣздили. Не была ли такая ѣзда доставкою тельжной дани, препровождаемой славянскими женщинами, при обремененіи мужчинъ усиленнымъ производствомъ самаго дѣла?..

женившійся въ 1144 году на дочери Всеволода Мстиславича. Городъ Трубчевскъ во второй половинѣ 12-го столѣтія также восходитъ на степень удѣльнаго княжества. Въ Вщижѣ, что нынѣ село Брянскаго уѣзда, было особое княженіе. Очень возможно, что, кромѣ указанныхъ городовъ, на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи находились и другіе города, о которыхъ не было повода упоминать лѣтописцу. Но вопросъ: существовалъ ли на ряду съ этими городами—ветеранами нашъ городъ Ливны?—вопросъ, полагаемъ, особенно интересный для того, кто почитаетъ Ливны своимъ роднымъ городомъ.

Жители Ливенъ до послѣдняго времени были того мнѣнія, что ихъ городъ не древнѣе царствованія Θεодора Іоанновича, т. е. послѣдней четверти 16-го вѣка. Даже сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ Ливенъ не сохранилось болѣе или менѣе яснаго представленія о древнѣйшей эпохѣ этого города. Такъ, когда, въ 1789 году, Ливенскому Духовному Правленію предписано было Орловскою Духовною Консисторіею доставить, между прочимъ, свѣдѣнія о городѣ Ливнахъ, то управители писали въ представленной ими *вѣдомости*, что „городъ Ливны построенъ въ 7094 (1586) году, въ степи, на рѣкѣ Соснѣ и Ливенкѣ, а для онаго построенія присланъ былъ бояринъ князь Владиміръ Кольцовъ—Мосальскій“. Извѣстно еще, что въ 1886 году на Ливнахъ возникала мысль о празднованіи 300-лѣтняго юбилея своего города, и если такое торжество не состоялось, то отнюдь не потому, чтобы тогда уже выяснилась относительно большая древность города Ливенъ. Правда, въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранялось воспоминаніе о Татарской покорности и платежѣ дани, но эти преданія до того смутны, что не отличаютъ Монголовъ отъ Крымскихъ Татаръ, и притомъ такого общаго характера, что на основаніи ихъ никакъ нельзя еще заключить о существованіи города Ливенъ въ до-Монгольскій періодъ. И исторія долго не могла пролить своего свѣта на древность города Ливенъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, существовали нѣкоторыя догадки. Такъ, извѣстный историкъ Татищевъ колеблется въ названіи Святослава *Липецкимъ* или *Ливецкимъ* княземъ (въ 13-мъ вѣкѣ), а извѣстный историкъ Соловьевъ какъ по этому поводу, такъ и особенно въ виду того соображенія, что территория княженія Святослава и самая его дѣятельность ближе подходятъ къ Ливнамъ, чѣмъ къ Липецку, ставитъ вопросъ: „не надобно ли въ этомъ мѣстѣ лѣтописнаго повѣствованія разумѣть вообще вмѣсто Липецка Орловскіе Ливны?“*). Но такое предположеніе, какъ основанное на личномъ соображеніи обстоятельство, было высказано знаменитымъ историкомъ лишь въ сноскѣ, подъ чертою, такъ что онъ не рѣшился даже, подобно Татищеву, назвать Святослава Ливецкимъ или Ливенскимъ княземъ. Тѣмъ пѣлымъ вѣкомъ раздвинулась предъ Ливнами только въ 1888 году, когда, благодаря счастливой случайности, члену Рязанской Ученой Архивной Коммисіи, С. Е. Звѣреву, удалось открыть одинъ рукопис-

*) Исторія Россіи Соловьева, т. 3, стр. 366.

ный сборникъ 17-го вѣка, свидѣтельствующій о существованіи города Ливенъ еще въ 12-мъ вѣкѣ *). Въ этомъ сборникѣ, составленномъ въ 1667 году, между прочимъ помѣщена родословная Рязанскихъ князей, въ которой (на 287 листѣ книги) говорится:

„А у князя Глѣба Ростиславича Рязанскаго (внука Ярослава Святославича, правнука Святослава Ярославича, умершаго въ 1177 году) дѣти:

Князь Романъ Рязанскій бездѣтной на Ливнахъ, и на Воронежѣ былъ же.

Князь Игорь на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Владиміръ на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Всеволодъ на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Святославъ на Рязанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Глѣбовы дѣти Ростиславича Рязанскаго, Всеволодъ да Святославъ, сѣли на Ливнахъ, на Прони, и отъ нихъ пошли Пронскіе князья.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Ливны принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Орловской губерніи, такъ какъ они не только существовали въ 12-мъ вѣкѣ, но были тогда уже и княжескимъ городомъ. Можетъ быть, ученныя изслѣдованія впослѣдствіи раскроютъ и болѣе древнее время города Ливенъ, но пока мы знаемъ, что въ 12-мъ вѣкѣ онъ являлся уже оплотомъ Рязанскаго княжества противъ Половцевъ, которые обитали тогда на югѣ Россіи. Раскинувъ свои вѣжи между Дономъ и Днѣпромъ, Половцы, какъ прежде Печенѣги, являлись ближайшими сосѣдями Рязанскаго княжества и постоянно угрожали своими набѣгами обитателямъ Быстрой Сосны. „Бывало, — говоритъ Владиміръ Мономахъ, — когда нашъ поселянинъ выѣдетъ въ поле и станетъ пахать землю, — набѣжитъ на него злой Половчинъ, убьетъ его стрѣлою, лошадь возьметъ, жену и дѣтей заберетъ въ плѣнъ, да и гумно зажжетъ“. Если-бы на берегахъ Быстрой Сосны и не было городовъ до 12-го вѣка, то они должны были возникнуть теперь, какъ оплотъ противъ вражескихъ вторженій. И вотъ мы видимъ здѣсь Елецъ и Ливны, расположенные на такъ-называемыхъ Калміюской и Муравской дорогахъ, которыми приходили Половцы, а за ними впослѣдствіи вторгались Ногайскіе и Крымскіе Татары. Для большей безопасности, въ этихъ городахъ сидятъ князья съ своею дружиною, и, по временамъ, съ успѣхомъ отражаютъ набѣги степныхъ варваровъ. Такъ, на примѣръ, когда въ 1156 году Половцы напали на берега Быстрой Сосны, то Рязанскіе князья погнались за ними въ степи, настигли ихъ ночью, многихъ перебили и полонъ отняли**). Въ прежнее время обитатели Бы-

*) Преподаватель Воронежской Духовной Семинаріи и членъ Ученой Рязанской Архивной Комиссіи Стефанъ Егоровичъ Звѣревъ отыскалъ этотъ сборникъ въ 1888 г. въ частной библиотекѣ г. Муромцева въ селѣ Баловцевѣ Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и тогда же сообщилъ о своемъ открытіи Орловской Ученой Архивной Комиссіи, которая, цѣня важность сообщенія, не замедлила единогласно избрать С. Е. Звѣрева своимъ членомъ. См. 5 выпускъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи за 1889 г.

***) Исторія Рязанскаго княжества, Д. Иловайскаго, М. 1858 г., стр. 49.

строй Сосны, избѣгая Русскаго владычества, сами обращались къ Печенѣгамъ за помощью противъ Владиміра Святославича; теперь-же, примирившись съ Русскою властью, благодаря особенно христіанству, они чуждаются Половцевъ, какъ „поганныхъ“ (язычниковъ), и помогаютъ князьямъ отстаивать Русскую гражданственность. Но воюя противъ Половцевъ, Рязанскіе князья нерѣдко, во время своихъ междоусобій, вступали въ союзъ съ Половцами и тѣмъ причиняли много зла Русской землѣ. Такою пагубною политикою руководился какъ Глѣбъ Ростиславичъ, такъ и сыновья его, княжившіе на Ливнахъ и на Воронежѣ. Вотъ что сообщаетъ намъ исторія о Романѣ Глѣбовичѣ, княжившемъ на Ливнахъ, какъ видно, еще при жизни отца своего Глѣба.

Въ 1177 году Глѣбъ Ростиславичъ вмѣстѣ съ Половцами открылъ войну противъ великаго князя Владимірскаго Всеволода III-го; въ этой войнѣ долженъ былъ принять участіе и сынъ Глѣба Романъ. Они опустошили Суздальскую землю, сожгли Москву, ограбили церковь въ Боголюбовѣ, избили многихъ жителей, а женъ и дѣтей ихъ взяли въ плѣнъ; но подъ Коломною потерпѣли жестокое пораженіе и были взяты въ плѣнъ. Жители города Владиміра встрѣтили плѣнниковъ съ величайшимъ озлобленіемъ; собравшись вокругъ велико-княжескаго дворца, они кричали: „Государь! мы рады за тебя положить свои головы, только казни ихъ,—ослѣпи или выдай намъ въ руки“. Спасая своихъ плѣнниковъ отъ народной ярости, Всеволодъ велѣлъ заключить ихъ въ темницу. Между тѣмъ за плѣнныхъ князей вступился Черниговскій князь Святославъ и прислалъ съ ходатайствомъ во Владиміръ епископа Порфирія. Всеволодъ III, по просьбѣ Черниговскаго владыки, соглашался дать свободу Рязанскимъ плѣнникамъ, но съ тѣмъ, чтобы Глѣбъ Ростиславичъ отказался отъ княженія и уѣхалъ на жительство въ южную Россію; на что, однакожь, Глѣбъ сказалъ: „лучше умру въ неволѣ!“ и умеръ въ плѣну. Злобясь на Глѣба за опустошеніе Суздальской земли, великій князь потребовалъ отъ Рязанцевъ, чтобы они доставили ему и брата Глѣбова, Ярополка Ростиславича, княжившаго тогда на Воронежѣ. Рязанцы не осмѣлились воспротивиться такому требованію и, думая спасти чрезъ то плѣнныхъ своихъ князей, сами привезли въ оковахъ Ярополка во Владиміръ. Какъ только Владимірцы узнали объ этомъ, то съ оружіемъ въ рукахъ окружили велико-княжескій дворецъ, разрушили темницу, гдѣ были заключены Ростиславичи, и звѣрски ослѣпили ихъ. Такъ какъ многіе полагаютъ, что такое злодѣяніе совершилось не безъ намѣренія самого великаго князя, то послѣдній, желая оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ, отпустилъ Романа на свободу.

Бѣдствія плѣна не вразумили Романа. Возвратившись на родину, онъ сталъ тѣснить младшихъ своихъ братьевъ и отнималъ у нихъ удѣлы. Обиженные Глѣбовичи прибѣгли подъ покровительство великаго князя Владимірскаго, который пошелъ противъ Романа и осадилъ его въ Рязани. Романъ бѣжалъ въ „поле“, но скоро долженъ былъ смириться и вмѣстѣ съ братьями призналъ надъ собою покровительство Всеволода III-го.

Рязанское княжество было раздѣлено между Глѣбовичами по волѣ великаго князя*). Ливны и Пронскъ достались Всеволоду и Святославу Глѣбовичамъ. Этотъ раздѣлъ перессорилъ Глѣбовичей. Три старшіе брата—Романъ, Игорь и Владиміръ задумали погубить младшихъ—Всеволода и Святослава; когда-же тайный умыселъ ихъ не удался, тогда они пошли открыто на Всеволода и Святослава и осадили ихъ въ Пронскѣ. По просьбѣ осажденныхъ, Всеволодъ Юрьевичъ послалъ имъ на помощь часть своей дружины, человекъ триста, и кромѣ того велѣлъ присоединиться къ нимъ своему свояку Ярославу Владиміровичу и князьямъ Муромскимъ. Въ виду такой рати, старшіе братья отступили отъ Пронска; послѣ чего удалилась и рать великаго князя. Между тѣмъ старшіе Глѣбовичи, узнавъ, что одинъ изъ младшихъ ихъ братьевъ, Всеволодъ, уѣхалъ во Владиміръ, снова напали на Пронскъ, гдѣ оставался Святославъ. Они отняли у жителей города доступъ къ рѣкѣ и послали сказать Святославу: „не мори людей голодомъ; ты намъ братъ; сдай городъ, а мы тебя не съѣдимъ; не приставай только къ Всеволоду“. Святославъ колебался; но, чтобы не лишиться своего удѣла, посовѣтовавшись съ боярами, уступилъ требованію старшихъ братьевъ и выдалъ имъ не только жену Всеволода съ его дружиною, но и Владимірскаго гарнизонъ. Такимъ поступкомъ Святославъ вооружилъ противъ себя брата Всеволода, который сталъ теперь изъ Коломны метить ему опустошеніемъ его волости, а вмѣстѣ возстановилъ противъ себя и великаго князя, требовавшаго отъ него возвращенія своей дружины, чего тотъ не могъ уже исполнить. Впрочемъ великій князь не снѣшилъ местию: онъ старался добрымъ совѣтомъ привести къ миру и старшихъ Глѣбовичей, но Романъ, Игорь и Владиміръ гордо отвѣчали, что они не нуждаются ни въ чьихъ совѣтахъ и вольны поступать по своей волѣ. Однако, опасаясь, что великій князь не оставитъ ихъ безъ наказанія, обратились къ посредству Черниговскаго епископа Порфирія. Вторичная поѣздка Порфирія во Владиміръ не имѣла успѣха. Великій князь отвергъ всякое предстательство за коварныхъ Глѣбовичей и отмстилъ имъ опустошеніемъ Рязанской земли. Мятежные Глѣбовичи должны были преклониться предъ волею великаго князя Владимірскаго и размѣстились по своимъ удѣламъ.

Въ 1207 году Романъ Рязанскій и Святославъ, княжившій въ Ливнахъ и на Воронежѣ, лишились своихъ удѣловъ и были уведены плѣнниками во Владиміръ. Это случилось такъ. Собираясь въ походъ противъ южной Россіи, великій князь Всеволодъ стоялъ съ войскомъ своимъ на берегу Оки; здѣсь, въ качествѣ союзниковъ его, находились Романъ и Святославъ Глѣбовичи съ нѣкоторыми другими Рязанскими князьями. Между тѣмъ великому князю донесли, что Рязанскіе князья хотя и участвуютъ съ нимъ въ походѣ, но тайно держатся стороны Черниговскихъ князей. Тогда великій князь рѣшилъ покончить съ мятежною Рязанью. Въ ставкѣ его готовился

*) «И раздѣли имъ власть комуждо по старѣйшинству»... Полн. Собр. Русскихъ лѣтоп., т. 4, VII. Лѣтоп. по Воскр. сл., стр. 95.

обѣдъ; къ столу приглашены были и Рязанскіе князья. И вотъ, вошедши подъ шатеръ, великій князь ласково поздоровался со всѣми, обнялъ братски и Рязанскихъ князей, но вслѣдъ затѣмъ поспѣшно удался. Тутъ приближенный бояринъ его и Давидъ, князь Муромскій, стали уличать Рязанскихъ князей въ измѣнѣ; тѣ клялись, что ничего не знаютъ за собою; но къ обличителямъ присоединились и двое изъ Рязанскихъ князей—Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи. Великій князь, не входя въ дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла, велѣлъ заковать въ цѣпи: Романа и Святослава Глѣбовичей, съ двумя сыновьями послѣдняго, двухъ сыновей Игоря Глѣбовича и нѣкоторыхъ Рязанскихъ бояръ, и всѣхъ ихъ отвезти во Владиміръ. Послѣ этого Всеволодъ Юрьевичъ напалъ на Пронскъ, гдѣ княжилъ сынъ Всеволода Глѣбовича Михаилъ, женатый на дочери Всеволода Чермнаго. Михаилъ успѣлъ убѣжать къ своему тестю, а жители Пронска посадили у себя на княженіе Изяслава Владиміровича, брата Олега и Глѣба. Войско Владимірское не допускало жителей Пронска до воды; но они ходили къ рѣкѣ ночью. Узнавъ объ этомъ, великій князь приставилъ къ воротамъ ночной караулъ; между жителями открылась смертность, и городъ вынужденъ былъ сдаться. Въ Пронскѣ посаженъ былъ Олегъ Владиміровичъ. Отсюда великій князь пошелъ на Рязань. Рязанцы сдались безъ сопротивленія и выдали остальныхъ своихъ князей, съ ихъ женами и дѣтьми. Въ Рязани великій князь поставилъ своихъ намѣстниковъ и тиуновъ, а потомъ прислалъ сюда на княженіе своего сына Ярослава. Новые плѣнники препровождены были къ прежнимъ—во Владиміръ, изъ котораго впослѣдствіи всѣ они перевезены въ г. Петровъ (Ярославской губерніи). Всеволода Глѣбовича, который, послѣ плѣна Романа, оставался старшимъ въ семействѣ Глѣбовичей, уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ самомъ началѣ этой печальной войны*).

Покорность Рязанцевъ была вынужденная. Сожалѣя о своихъ князьяхъ, томившихся въ плѣну, они неохотно подчинялись Ярославу Всеволодовичу и даже уморили нѣкоторыхъ Владимірскихъ бояръ. Тогда Всеволодъ Юрьевичъ рѣшился покончить съ мятежниками. Подступивъ къ Рязани, онъ велѣлъ выгнать отсюда всѣхъ жителей, городъ сжечь, а плѣнныхъ Рязанцевъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ Суздальскаго княжества. Два Рязанскихъ князя Изяславъ Владиміровичъ и Михаилъ Всеволодовичъ, избѣжавшіе плѣна, пытались мстить великому князю опустошеніемъ окрестностей Москвы, но скоро и они были разбиты и вытѣснены съ береговъ При. За плѣнныхъ Рязанскихъ князей и княгинь съ малолѣтними дѣтьми вступился первоверховный Русской церкви, митрополитъ Матѣей; но ему удалось исходатайствовать свободу только княгинямъ, а князья оставались въ плѣну до самой смерти Всеволода III-го и были выпущены на волю сыномъ его Юріемъ въ 1212 году**).

*) См. прим. къ III т. Исторіи Г. Р. Карамзина, стр. 101.

**) Исторія Госуд. Россійскаго Карамзина т. III, стр. 121, 123—124, 142.

Едва Рязанскіе князья получили свободу, какъ въ семьѣ ихъ открылись козни и злодѣянія. Тотъ самый Глѣбъ Владиміровичъ, который коварнымъ доносомъ Всеволоду III-му думалъ погубить своихъ дядей (Романа и Святослава) и двоюродныхъ братьевъ, согласился теперь съ братомъ своимъ Константиномъ перебить всѣхъ родственниковъ, чтобы имъ однимъ господствовать въ Рязанской области. Подъ благовиднымъ предложеньемъ общаго примиренья, онъ пригласилъ Рязанскихъ князей на братскій съѣздъ, и, когда князья съѣхались съ боярами, устроилъ для нихъ роскошный пиръ. Во время веселья Глѣбъ, какъ хозяинъ, всѣхъ превосходилъ вниманіемъ и любезностью; никому и на мысль не приходило, чтобы тутъ скрывались козни. Вдругъ, среди пира, Глѣбъ и Константинъ обнажаютъ свои мечи; за ними дѣлаютъ тоже ихъ слуги; врываются еще наемные Половцы — и всѣ бросаются на пирующихъ... Шестъ князей съ ихъ боярами падаютъ жертвою гнуснаго заговора. Въ числѣ погибшихъ были: родной братъ Глѣба — добродушный Изяславъ, Михаилъ Всеволодовичъ, Ростиславъ, Святославъ, Романъ и Глѣбъ. Отъ общаго истребленія спасся одинъ Ингваръ Игоревичъ, княжившій въ старой Рязани. Глѣбъ хотѣлъ погубить и его и пошелъ на него войною, въ союзѣ съ Половцами, но потерпѣлъ неудачу. Тогда онъ отправился въ землю Половецкую и привелъ новую орду варваровъ; но Ингваръ, въ свою очередь, получилъ помощь отъ Владимірскаго великаго князя и на-голову разбилъ Глѣба съ Половцами. Послѣ этого, презираемый всѣми, Глѣбъ, подобно Святополку окаянному, окончилъ жизнь вдали отъ родины „въ безуміи“, а Ингваръ утвердился надъ всею Рязанскою областью.

Таковы были князья, княжившіе на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ въ послѣдней четверти 12-го и въ началѣ 13-го вѣка. Изъ того, что сообщаетъ о нихъ исторія, не возможно установить преемственнаго княженія ихъ на Ливнахъ и на Воронежѣ. Видно только, что княженіе здѣсь Глѣбовичей, начавшисъ вѣроятно еще при жизни ихъ отца, нарушалось какъ внутренними смутами Рязанскаго княжества, такъ и непосредственнымъ участіемъ великаго князя Всеволода III-го въ судьбѣ Рязанскихъ князей. Въ частности о второмъ сынѣ Глѣба Игорѣ извѣстно, что онъ княжилъ на Ливнахъ и на Воронежѣ еще при жизни старшаго брата своего Романа, такъ какъ умеръ въ 1195 году. Слѣдующіе за Игоремъ Глѣбовичемъ братья — Владиміръ и Всеволодъ также умерли раньше Романа, и если имъ пришлось княжить на Ливнахъ и на Воронежѣ послѣ смерти Игоря, то время ихъ княженія здѣсь должно полагать между 1195 и 1207 годами, такъ какъ въ 1207 году скончался Всеволодъ; а Владиміра, по видимому, уже не было тогда въ живыхъ. Послѣдній изъ Глѣбовичей Святославъ, какъ извѣстно, цѣлыхъ пять лѣтъ томился во Владимірскомъ плѣну съ бездѣтнымъ Романомъ (съ 1207 по 1212 г.), и когда ему пришлось княжить на Ливнахъ — до плѣна-ли, или по освобожденіи изъ него, — опредѣлить невозможно. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что возвышеніе города Ливенъ на степень удѣльнаго княженія обуславливалось размноженіемъ семьи Рязанскихъ князей и совпало

съ самую мрачною эпохою этого обширнаго княжества. Частая смѣна владѣтелей Рязани, ихъ взаимная вражда, внутреннія смуты и междоусобія, соперничество съ сильными Владиміро-Суздальскими князьями и вмѣшательство Половцевъ, — все это держало обитателей Быстрой Сосны въ постоянномъ напряженіи, требовало отъ нихъ жертвъ людьми и имуществомъ, поддерживало страстность и не благопріятствовало какъ мирнымъ успѣхамъ гражданственности, такъ и спасительному влиянію христіанства. Каковы были князья на Ливнахъ, таковы, безъ сомнѣнія, были ихъ бояре и все подданные. Если Ливенскіе владѣтели, по своему характеру, были такъ далеки отъ духа христіанскаго, то вправѣ-ли мы думать, чтобы ихъ подданные водились этимъ духомъ? То было время, когда князья, бояре и простые люди исповѣдывали своими устами имя Божіе, а сердцемъ далеко отстояли отъ царства Божія, царства мира и любви; когда они клялись именемъ Божіимъ, и вслѣдъ затѣмъ нарушали свою клятву; мирились, и не отказывались отъ злобы въ сердцахъ; сходились для мира, и тутъ-же обнажали свои мечи другъ противъ друга; когда ни крестная присяга, ни братство, ни родство не спасали отъ козней и злодѣяній, а мелкая корысть руководила дѣйствіями людей и составляла, такъ сказать, самую душу ихъ жизни, когда подъ личиною христіанства жилъ и дѣйствовалъ еще ветхій, языческій человекъ, ходившій въ похотяхъ своего „необрѣзаннаго“ сердца. Внутреннее безміріе, родственныя крामолы и злодѣянія были тогда обычнымъ явленіемъ на Русской землѣ, но Рязанское княжество превзошло въ этомъ отношеніи все княжества. За то ему же суждено было испытать на себѣ и первые удары Татаръ, — этого грознаго посѣщенія гнѣва Божія. Судъ Божій начался съ береговъ Дона и Быстрой Сосны, а потомъ излился и на всю Русскую землю въ видѣ Монгольскаго погрома и тяжкаго двухъ-вѣковаго рабства.

III.

Ливэнское и Воргольское княжества въ эпоху Монгольскаго владычества.

Опустошеніе Рязанской области Монгольскимъ завоевателемъ Батыемъ. — Князья на Ливнахъ и Ворглѣ. — Татарскія слободы въ окрестности г. Ливенъ. — Союзъ Ливенскаго князя съ Воргольскимъ и опустошеніе ими Татарскихъ слободъ. — Местъ баскака Ахмата. — Междоусобія въ Ливенскомъ и Воргольскомъ княжествахъ. — Послѣдующая судьба Соснинскаго бассейна и присоединеніе его къ Московскому государству. — Исчезновеніе города Ливенъ.

Въ 1236 году Татары, подъ предводительствомъ Батя, приблизились къ Рязанскимъ предѣламъ и потребовали себѣ десятины отъ всего. Храбрые Рязанскіе князья отвѣчали, что „когда никого изъ нихъ не останется въ живыхъ, тогда все будетъ ихъ“. Въ то время старшимъ между Рязанскими князьями былъ братъ Ингвара — Юрій Глѣбовичъ. Онъ просилъ помощи во Владимірѣ и Черниговѣ, но никто не помогъ Рязанцамъ, потому что каждый думалъ только о себѣ. Юрій Глѣбовичъ послалъ къ Батю сына своего Феодора съ дарами, но онъ былъ убитъ. Тогда Юрій, не взирая на малочисленность своего войска, вступилъ въ битву съ Татарами и палъ со всѣми своими витязями. Изъ всѣхъ Рязанскихъ князей, кромѣ Олега Ингваровича, взятаго въ плѣнъ, спасся одинъ только Ингоръ, потому что находился тогда съ бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ въ Черниговѣ. Возвратившись въ Рязанскую землю, Ингоръ нашелъ ее въ страшномъ запустѣніи. „Тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ звѣрями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на замерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингоръ, собравъ іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло князя Юрія, и привезъ его въ Рязань, а надъ гробомъ Феодора Юрьевича, пѣжной его супруги Евпраксіи и сына, младенца Іоанна, съ которымъ она, узнавъ о судьбѣ своего любимаго супруга, бросилась съ высокаго терема на землю и лишилась жизни, поставилъ каменные кресты, на берегу р. Осетра“ *)

Исторія не говоритъ о томъ, что случилось съ Ливнами въ грозное нашествіе Батя на Рязанскую область, — уцѣлѣлъ ли нашъ городъ отъ Татарскаго погрома, или

*) Карамзинъ т. III, стр. 276—277.

же, подобно сосѣднимъ городамъ Курску и Ельцу, обращенъ былъ въ кучу пепла и развалинъ и уже послѣ восстановленъ былъ такъ или иначе... Во всякомъ случаѣ берега Дона подверглись большому запустѣнію и поселенія здѣсь стали очень рѣдки а надъ Соснинскимъ бассейномъ утвердилась даже новая княжеская вѣтвь изъ потомковъ Сѣверскаго князя Святослава Ольговича: это были Олегъ и Святославъ. Первый изъ нихъ княжилъ въ Ворглѣ, что нынѣ село Елецкаго уѣзда, а послѣдній, какъ предполагаетъ историкъ Соловьевъ (въ чемъ едва ли даже можно сомнѣваться послѣ открытія г. Звѣрева), — на Ливнахъ. Въ это время обитатели Быстрой Сосны были уже переписаны Татарскими чиновниками и надъ ними, для сбора дани, поставлены были десятники, сотники и темники. Дань собиралась при помощи „правежа“, безъ всякаго милосердія и состраданія къ бѣднымъ. На Ливнахъ доселѣ сохраняется преданіе о Татарской дани, доставлявшейся въ Ламскую слободу, гдѣ жили ханскіе чиновники; рассказываютъ о томъ униженіи, съ какимъ обитатели Ливенъ должны были кланяться языческимъ властителямъ и подносить имъ золото, серебро, дорогіе мѣха и т. п. Самое названіе Ламской слободы, какъ полагаютъ, произошло отъ того, что здѣсь жилъ *Лама*, языческой жрецъ *). Для Ливенцевъ — христіанъ такое близкое сосѣдство язычниковъ было не менѣе тягостно, какъ и самое ихъ иго. Въ послѣдней четверти 13-го вѣка, дань съ Соснинскаго бассейна и сосѣднихъ мѣстъ была откуплена баскакомъ Ахматомъ, сыномъ Темира изъ Хивы. Онъ привелъ съ собою Татаръ и построилъ для нихъ двѣ большія слободы. Слободы эти находились гдѣ-то между Ливнами и Курскомъ. Можетъ быть, въ числѣ этихъ слободъ была и Ламская, въ которой поселился самъ баскакъ. Но, кромѣ Ламской слободы, въ Ливенскомъ уѣздѣ находятся еще два сельца, носящія доселѣ Татарскія названія; это: сельцо *Татарна*, Знаменское тожъ, на ручьѣ *Татарскомъ*, въ 49-ти верстахъ отъ г. Ливенъ, и сельцо *Татарово*, или *Татарино*, при р. Фошиѣ (что впоследствии отошло къ Малоархангельскому уѣзду), на разстояніи 41 версты отъ города. Задумавъ обратить свои слободы въ города, Ахматъ открылъ въ нихъ свободный доступъ всѣмъ бѣглымъ и негоднымъ людямъ. Народонаселеніе въ Татарскихъ слободахъ быстро увеличивалось, и отъ разбоевъ этихъ насельниковъ не стало житья ни князьямъ, ни чернымъ людямъ. Къ большому несчастію, Золотая Орда въ то время распалась на части; въ одной изъ нихъ господствовалъ ханъ Телебуга, которому подчинялись Ливенскій и Воргольскій князья, а надъ другою властвовалъ Ногай, которому передался Ахматъ, почему и жаловаться на его притѣсненія было теперь некому.

Ливенскій князь Святославъ и Воргольскій Олегъ, не смотря на соединявшее ихъ родство, не ладили между собою, тѣмъ болѣе, что и характера были различнаго: первый отличался горячностью и былъ не удержимъ въ своихъ рѣшеніяхъ, а послѣдній

*) Известно, что Монголы, въ первое время своего владычества надъ Русью, были язычниками и принявъ исламъ уже при Узбекѣ, въ первой половинѣ XIV-го вѣка.

наблюдалъ осторожность и былъ дальновиденъ въ своихъ поступкахъ. Общая опасность отъ Ахмата и его покровителя Ногай заставила этихъ князей примириться; они цѣловали крестъ на томъ, чтобы думать одну думу, какъ избѣжать большаго зла. Когда же стало имъ тяжело отъ Ахмата и его слободскихъ разбойниковъ, то, по общему уговору, Олегъ отправился въ Орду съ жалобою. Ханъ Телебуга призналъ справедливость жалобы Олега и Святослава, и послалъ имъ на помощь отрядъ Монголовъ съ тѣмъ, чтобы они разорили слободы Ахматовы, а жителей ихъ вывели въ свои волости. Святославъ, еще до возвращенія Олега изъ Орды, мстилъ Ахмату ночными нападешями на его слободы, только не могъ справиться съ ними; теперь же, съ помощью Татаръ и Воргольской дружины, онъ разгромилъ ненавистныя слободы, и своихъ и Олеговыхъ людей вывелъ оттуда, а другихъ заковалъ въ цѣпи. Узнавъ о раззореніи своихъ слободъ, баскакъ Ахматъ отправился къ Ногаю съ жалобою на Ливенскаго и Воргольскаго князей, и такъ говорилъ ему: „Князь Олегъ и родственникъ его Святославъ именемъ только князья, а на самомъ дѣлѣ разбойники, и тебѣ непріятели; если не вѣришь, то испытай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединыхъ,—такъ пошли своихъ сокольниковъ, пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловить, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ: если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ,—то я солгалъ, а Олегъ правъ“... Коварное предложеніе Ахмата было принято; Ногай послалъ своихъ сокольниковъ къ Олегу и звалъ его къ себѣ. Хотя Олегъ самъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, но люди его помогали грабить, а потому и не пошелъ къ Ногаю; онъ боялся сколько козней Ахмата, столько же и того, чтобы такимъ поступкомъ не раздражить Телебугу, врага Ногаева. Сокольники возвратились безъ лебедей и объявили Ногаю, что Ахматъ правъ, а Олегъ и Святославъ разбойничаютъ и повелѣнія хана не слушаютъ. Теперь, въ свою очередь, Ахматъ получилъ помощь отъ Ногай для опустошенія волостей Олега и Святослава. Былъ январь мѣсяцъ и стояли сильные морозы, когда Ахматъ приближался къ берегамъ Сосны. Воргольскій и Ливенскій князья поспѣшно бѣжали: первый въ Орду, къ своему покровителю Телебугѣ, а второй — въ предѣлы Рязанскаго княжества, въ лѣса Воронежскіе. Воргольскіе бояре, спасавшіеся бѣгствомъ за своимъ княземъ, были схвачены, въ числѣ 11-ти или 13-ти человекъ, и представлены Ахмату, который тутъ же велѣлъ разсѣчь ихъ на части, и головы и руки ихъ возить повсюду для устрашенія непокорныхъ баскаку. Вмѣстѣ съ боярами Татары захватили и *странниковъ*, купцовъ Нѣмецкихъ и Цареградскихъ; ихъ также привели къ Ахмату закованными въ нѣмецкія желѣза. Но Ахматъ, освободивъ ихъ отъ оковъ, приказалъ возвратитъ имъ пограбленные товары и даже наградить ихъ окровавленными одеждами убитыхъ бояръ; отпуская же *странниковъ* на всѣ четыре стороны, онъ сказалъ: „Вы, купцы, торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ рассказываете повсюду, что бываетъ тому, кто станеть спорить съ своимъ баскакомъ“. Двадцать дней стояли Татары

въ Воргольскомъ и Ливенскомъ княжествахъ, — воевали здѣсь села и деревни, развѣшивали по деревьямъ головы и руки казненныхъ бояръ, а добычу отправляли въ слободы Ахматовы.

Жители искали спасенія въ бѣгствѣ, прятались въ лѣсахъ и оврагахъ, отмораживали себѣ руки и ноги. Города Ворголь и Ливны съ окрестными селами опустѣли, а слободы Ахматовы опять наполнились людьми, скотомъ, хлѣбомъ и всякимъ богатствомъ. Возстановивъ свои слободы, Ахматъ оставилъ въ нихъ двухъ своихъ братьевъ съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ, а самъ поселился въ Курскѣ. Очевидно, онъ опасался мщенія со стороны обиженныхъ имъ князей. Святославъ раньше Олега возвратился изъ своего убѣжища и сталъ вымещать за опустошеніе своего удѣла на слободахъ Ахматовыхъ; онъ перехватывалъ ихъ обозы, подстерегалъ людей и препятствовалъ сообщенію слободъ, такъ что братья Ахматовы находились въ постоянной отъ него опасности. Разъ, какъ-то по веснѣ, братьямъ Ахматовымъ случилось идти изъ одной деревни въ другую; съ ними было 35 человекъ русскихъ слугъ и нѣсколько Татаръ. Святославъ подстерегъ ихъ съ своими боярами и легкою дружиною, напалъ на проѣзжихъ и убилъ 25 человекъ русскихъ и двухъ Татаръ, а остальные съ братьями Ахмата успѣли спастись въ слободу. Святославъ гнался за ними и напалъ на самую Татарскую слободу; завязалась ожесточенная сѣча; съ той и съ другой стороны пало немало людей. Хотя братья Ахматовы и успѣли отбиться; но, не желая находиться въ постоянномъ страхѣ отъ Святослава, разсудили оставить слободы и перенбрались къ брату въ Курскъ, а за ними разбѣжались и остальные слобожане. Послѣ этого Ахматъ предлагалъ даже мировую Святославу, но послѣдній не хотѣлъ вступать съ нимъ ни въ какіе переговоры и даже убилъ самаго посла.

Между тѣмъ изъ Орды возвратился Олегъ Воргольскій. Собравъ и успокоивъ народъ, онъ велѣлъ розыскать по лѣсамъ и дорогамъ члены убитыхъ бояръ и другихъ людей, все еще висѣвшіе по деревьямъ, и совершилъ надъ ними христіанское погребеніе. Въ то время, какъ Святославъ гордился разореніемъ Ахматовыхъ слободъ, Олегъ не одобрялъ этого поступка, будучи увѣренъ, что его не похвалятъ и въ Ордѣ. Во избѣжаніе опасности, онъ послалъ сказать Святославу: „Что это ты, братъ, сдѣлалъ, — правду нашу погубилъ! Доселѣ мы были правы, а теперь стали виноваты. Надлежало искать суда у хана, а ты не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрывался въ темнотѣ лѣсовъ, какъ злодѣй, и наложилъ на меня и на себя имя разбойничье; знаешь обычай Татарскій, да и у насъ на Руси разбойниковъ не любятъ. Совѣсть моя чиста, а ты иди въ Орду, оправдайся предъ царемъ“. Иначе смотрѣлъ Святославъ на свои дѣйствія, а потому велѣлъ отвѣтить Олегу: „Изъ чего ты хлопчешь? какое тебѣ дѣло до меня, я самъ знаю про себя; что хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ: не человека я обидѣлъ, а звѣря, — врагамъ своимъ отмстилъ; не буду отвѣчать ни предъ Богомъ, ни предъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровосій-

цевъ избилъ“. Послѣ этого Олегъ рѣшился расторгнуть союзъ съ Святославомъ и велѣлъ объявить ему: „Мы цѣловали съ тобою крестъ на томъ, что ходить намъ по одной думѣ обоемъ; когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ Воронежскихъ лѣсахъ, чтобы послѣ разбойничать; а теперь погубилъ и мою и свою правду, нейдешь ни къ своему царю, ни къ Ногаю ва исправу; такъ тебя со мною Богъ разсудитъ“. Объявивъ разрывъ Святославу, но не желая самоуправствовать, Олегъ отправился въ Орду и представилъ поступокъ бывшаго своего союзника на усмотрѣніе хана. Въ Ордѣ и прежде не долюбивали Ливенскаго князя за то, что тотъ не ѣздилъ туда, не возилъ подарковъ, не искательствовалъ предъ ханомъ и его мурзами, а теперь сочли его еще ослушникомъ и разбойникомъ. Олегъ получилъ отъ хана отрядъ Татарскаго войска для наказанія Святослава. Такимъ образомъ, между двумя сосѣдними и родственными князьями открылось междоусобіе. Олегъ, съ помощью Татаръ, одолѣлъ Святослава и убилъ его; послѣ чего Ливенское княженіе досталось брату Святослава—Александру. Новый Ливенскій князь рѣшился отмстить сопернику своего брата и дѣйствовалъ противъ него его же политикою. Онъ поѣхалъ въ Орду съ богатыми дарами, заслужилъ расположеніе хана и вельможъ, которые дали ему отрядъ войска въ помощь противъ Олега. Новое междоусобіе на берегахъ Сосны кончилось тѣмъ, что Олегъ Воргольскій былъ убитъ съ двумя своими сыновьями*). Такъ, къ бѣдствіямъ отъ Татаръ присоединялись еще для обитателей Сосны смуты и пролитіе крови отъ своихъ владѣтелей. Не менѣе возмутительныя сцены совершались тогда и на другой половинѣ нынѣшней Орловской губерніи, на берегахъ р. Десны и Снѣжети. Въ Брянскѣ князь Василій, съ помощью Татаръ, убиваетъ родственника своего князя Святослава и сосѣда своего, князя Карачевскаго. Въ Карачевѣ князь Андрей Мстиславичъ падаетъ отъ руки своего племянника Василя Пантелѣевича. Вездѣ корысть и месть на первомъ планѣ.

Убийца Воргольскаго князя Олега Александръ, по видимому, былъ послѣднимъ княземъ на Ливнахъ. Послѣ того города Ливны и Ворголь, не разъ опустошенные, уступаютъ червенство Ельцу, который, въ зависимости отъ Рязанскаго княжества, приобретаетъ господство на берегахъ Быстрой Сосны и имѣетъ собственныхъ князей. Отселъ все, что совершается въ Ельцѣ, такъ или иначе отзывается и на Ливнахъ. Въ то время уже начало усиливаться великое княжество Московское, и обитатели р. Сосны оказываютъ къ нему видимое тяготѣніе. Такъ, Елецкій князь Феодоръ принимаетъ участіе съ своимъ полкомъ въ походахъ Дмитрія Донскаго и помогаетъ ему въ Куликовской битвѣ противъ Мамаю**). Въ 1389 году Елецкій князь Юрій съ своими боярами и многими людьми встрѣчаетъ митрополита Пимена, на пути къ Царь-

*) Исторія Россіи Соловьева, т. 3, стр. 267—270. Карамзинъ, т. IV, стр. 132—135.

***) Соловьевъ, т. 3, стр. 348.

граду, и оказывасть ему въ своей области „радость и честь великую“*). Берега Сосны поразили спутниковъ Пимена своею пустынною и дикостію: „не бѣ бо видѣти тамо,—говорится въ Хожденіи митрополита Пимена къ Царю-Граду,—ничто же, ни града, ни села, пустошь все и не населено, нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество“. Скоро потомъ Соснинскій бассейнъ подвергся еще опустошенію отъ страшнаго Тамерлана, который взялъ въ плѣнъ Елецкаго князя и стоялъ здѣсь около пятнадцати дней **). О томъ бѣдствіи, какому подверглись теперь обитатели Сосны, можно судить на основаніи угрозы Саишъ-Гирея, спустя почти пятьдесятъ лѣтъ хвалившагося сдѣлать и съ Пронскомъ тоже, что сдѣлалъ Тамерланъ съ Ельцомъ ***). А между тѣмъ Татары долго еще не переставали нападать на берега Сосны. Въ 1415 году, подъ предводительствомъ своего царя, они воевали Елецкую землю, взяли городъ Елецъ и убили его князя ****); при чемъ, конечно, пострадало и верховье Сосны. Въ 1472 году Татары опять воевали окрестности Сосны и сожгли Алексинъ. Въ 1480 году ханъ Золотой Орды Ахматъ опустошилъ берега Зуши и, слѣдовательно, проходилъ по сѣверной границѣ Ливенскаго уѣзда. На Ливенскихъ поляхъ не разъ кипѣлъ бой между Ордынскими наѣздниками и Русскими отрядами. Объ одной изъ такихъ битвъ мы находимъ слѣдующее сказаніе въ Исторіи Татищева: „1492 года мѣсяца Іюня въ 10 день, приходили Татарове, Ордынскіе казаки, въ головахъ приходилъ Темешемъ зовуть, а съ нимъ 220 казаковъ, во Алексинъ, на волость на Вошанъ, и пограбивъ, поидоша назадъ, и придоша погоня Великаго Князя за ними, Ѳедоръ Колтовской, да Горяинъ Сидоровъ, а всѣхъ ихъ 64 человѣка, и учинился имъ бой въ полѣ промежъ Трудовъ и быстрыя Сосны, и убиша погани Великаго Князя 40 человѣкъ, а Татаръ на томъ бою убили 60 человѣкъ, а иные, идучи Татарове во Орду ранены, на пути изомроша“ *****). Вообще умалчиваніе лѣтописцевъ о Ливнахъ въ теченіи 14 и 15 вѣковъ, при совершавшихся многихъ важныхъ событіяхъ у береговъ Быстрой Сосны, можно принимать за несомнѣнное доказательство того, что если въ то время и не угасла совершенно жизнь у верховья Сосны, то, во всякомъ случаѣ, у устья Ливенъ не было уже города, повидимому не уцѣлѣло и какого—либо поселенія; здѣсь все стало „дикимъ полемъ“, заросло травой и мелкимъ кустарникомъ, за которымъ, по берегамъ Лѣсной и Полевой Ливны, сейчасъ же видѣлся Красный лѣсъ.

*) Русскій Времянникъ, ч. 1, стр. 244.

***) Карамзинъ, т. V, стр. 166.—Соловьевъ, т. V, стр. 22.

****) Соловьевъ, т. V, стр. 73.

*****) Русскій Времянникъ, ч. 2, стр. 282.

*****) Исторія Россійская Татищева, кн. V, стр. 114.

IV.

Присоединеніе Соснинскаго бассейна къ Московскому государству и сторожевое значеніе его въ виду Крымскихъ набѣговъ.

Переходъ Соснинскаго бассейна подъ власть Московскихъ государей. — Крымскія дороги въ области Ливенскаго уѣзда: Муравская, Калміюская и Пахнутцова. — Слѣды этихъ дорогъ въ настоящее время. — Сторожевое положеніе Ливенскаго края. — Набѣги Крымцевъ и преслѣдованіе ихъ Московскими воеводами. — Сторожи на Ливнахъ и по всему Соснинскому бассейну въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго. — Выжиганіе Ливенскихъ степей. — Усиленіе Ливенской сторожи въ 1575 году. — Слѣды стоянки воеводъ на Ливнахъ предъ устройствомъ „большаго острога“.

Послѣ Монгольскаго владычества, обратившаго Присоснинскій край въ дикую пустыню, жизнь у завѣтнаго устья Ливень стала обнаруживаться лишь съ переходомъ Соснинскаго бассейна подъ власть великихъ князей Московскихъ, что совершилось при Иоаннѣ III-мъ (1462—1505). Этотъ государь передалъ, по духовному завѣщанію, сыну своему Василю Іоанновичу „всѣ Елецкія мѣста“ *), подъ которыми, безъ сомнѣнія, разумѣлись и берега Лѣсной и Полевой Ливень; а при сынѣ этого послѣдняго государя, царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ, здѣсь должна была возникнуть новая жизнь, полная бранной тревоги и кипучей дѣятельности. Этому способствовало появленіе на политическомъ горизонтѣ Россіи новыхъ враговъ — Крымскихъ Татаръ.

Крымское царство, какъ извѣстно, образовалось изъ Татарскихъ улусовъ, расположенныхъ по сѣверному берегу Чернаго моря. Когда Золотая Орда стала клониться къ паденію, Крымскіе ханы, изъ династіи Гиреевъ, рѣшили отложиться отъ нея и нерѣдко вступали по этому случаю въ союзъ съ Московскими государями. Такъ было особенно при Иоаннѣ III. Но лишь только Крымцамъ удалось на развалинахъ Золотой Орды утвердить свою независимость, какъ они изъ союзниковъ сдѣлались непримиримыми нашими врагами и иногда простирали свои набѣги до самой столицы.

Обыкновенно, Крымскіе Татары пользовались четырьмя дорогами для вторженія въ предѣлы Московскаго государства: *Муравскою*, *Калміюскою*, *Пахнутцовой* или *Пахнутцною* и *Свиною*, изъ которыхъ три первыя пролегали по Ливенскому уѣзду и сходились у устья Ливень. *Муравская* дорога пролегала въ области рѣкъ — Кщеневой (нынѣ Кшень) и Тима. Обѣ эти рѣчки берутъ начало въ нынѣшней Курской

*) См. примѣчаніе 222 къ V тому Исторіи Соловьева.

губерніи и впадаютъ въ р. Быструю Сосну: первая— „выше г. Ливенъ верстѣ съ 15“, а вторая— „ниже г. Ливенъ версты съ 3“ *). Пролегая между ними, Муравская дорога держалась ближе р. Кщеневои, чѣмъ Тима, и шла отъ нея „верстахъ въ 3 или 4“, такъ что *колодези* Кобылей, Долгой и Плоской находились по лѣвую сторону этой дороги; далѣе, пролегая между Сосною и Кщеневою, она приводила къ переправѣ чрезъ р. Сосну „подъ городомъ Ливнами“, поднималась къ верховьямъ рѣчекъ „Лѣсной Ливны“ и „Полевой Ливны“ и, оставляя отъ себя влѣво р. Любовшу, а вправо р. Чернаву, направлялась къ рѣчкѣ Ворголу, гдѣ вступала уже въ Елецкій уѣздъ. Въ книгѣ Большаго Чертежа направленіе *Муравснаго шляха* описывается съ сѣвера на югъ, отъ г. Тулы до Крыма. Приводимъ это описаніе Муравской дороги на пространствѣ лишь Ливенскаго уѣзда: „а проѣхавъ верховье рѣки Мечи, черезъ дорогу течетъ въ рѣку Мечу колодезь Гоголь, да Гоголька; а отъ колодезя отъ Гоголя къ рѣчкѣ къ Ворголу; а переѣхавъ Ворголь, по правой сторонѣ дороги, верховье рѣки Зуши, да рѣки Любовши; и ѣхать Муравскою дорогою къ верху рѣчкамъ Ливнамъ... А подъ Ливнами перелѣзши рѣку Сосну подъ городомъ и ѣхать Муравскою дорогою въ верхъ по рѣкамъ, по Тиму да по Кщеневои; а рѣка Тимъ по праву Муравскія дороги, а Кщенева по лѣву Муравскія дороги. А ѣдучи въ верхъ тѣми рѣками, на правѣ, подлѣ Муравскія дороги колодезь Кобылей, отъ города Ливенъ верстѣ съ 15. А по лѣвой сторонѣ Муравскія дороги отъ Кобыльи колодезя, колодезь Долгой, да колодезь Плоской, межъ ихъ верстѣ по 10. А по лѣву Муравскія дороги рѣка Кщенева-жъ. А отъ Плоскова колодезя ѣхати къ Росходецкой дубравѣ, а та дубрава по обѣ стороны Муравской дороги, а въ Росходецкой дубравѣ два озера, а отъ Плоскаго до озерокъ верстѣ съ 30. А отъ Росходецкія дубравы и озерокъ ѣхать къ Савинскому колодезю, а Савинской колодезь на правѣ Муравскія дороги, а палъ тотъ колодезь въ Тимъ. А межъ Росходецкія дубравы и Савинского колодезя верстѣ съ 20. А отъ Савинского колодезя ѣхати къ Становымъ лѣскамъ, а между того проѣзду верстѣ съ полтретьятцать (25), а въ Становыхъ лѣскахъ вода худа дождевая. А отъ Становыхъ лѣсковъ ѣхати къ Пузацкому лѣсу“.

Калміюсная дорога вела Крымскихъ Татаръ съ Валуйки на Осколь къ р. Олыму; потомъ, по переправѣ черезъ р. Олымъ, шла въ области Олыма и Кщеневои, а по переправѣ чрезъ послѣднюю сходилась съ Муравскою дорогою и выводила къ Ливнамъ. Въ книгѣ Большаго Чертежа, показывающей направленіе этой дороги съ сѣвера къ югу, говорится: „Дорога-жъ отъ Ливенъ на Осколь, да на Валуйку, да въ Царевъ-Городъ, Калміюская: ѣхати съ Ливенъ. Подъ Ливнами перелести Сосну, и рѣку Кщеневу перелести. А переѣхавъ рѣку Кщеневу, ѣхать къ рѣкѣ Олыми, да рѣка Олымъ перелести. А отъ рѣки отъ Олыми, по правой сторонѣ Калміюскія дороги, рѣчка Горосимъ, пала въ Осколь выше города Оскола“... Кромѣ переправы подѣ

*) См. Книгу Большаго Чертежа.

Ливнами, Калміюская дорога имѣла и другой бродъ, ниже Ливенскаго: „ниже Олыма версты съ 3, пала въ Сосну рѣка Чернава, а на устьѣ рѣки Чернавы, на Соснѣ, бродъ: Калміюская дорога“.

Пахнутцова дорога касалась западной границы Ливенскаго уѣзда и шла по той его части, которая позднѣе отошла къ Малоархангельскому уѣзду; здѣсь Муравская и Изюмская дороги сходились съ Пахнутцовой: „а приходятъ тою Пахнутцевою дорогою Татаровя съ Муравскія и съ Изюмскія дороги отъ Семи, отъ Мѣловаго броду... А на устьѣ Луковца колодезя (притокъ р. Сосны съ Ногайской стороны) Татарской перелазъ, бродъ въ Русь. А ниже Луковца пала въ Сосну рѣчка Хвошна (Хвошна) отъ Ливенъ версты съ полъ 30 (т. е. съ 25), а на устьѣ Хвошни бродъ на Соснѣ, ходятъ Татара въ Русь... А ниже Трудовъ на Соснѣ *Кирпичной* бродъ, выше города Ливенъ версты съ 3“.

Такимъ образомъ, Крымскіе Татары на пространствѣ Ливенскаго уѣзда имѣли пять „перелазовъ“ или бродовъ чрезъ р. Сосну: усть Луковца, усть Хвошни, усть Трудовъ, усть Ливенъ и усть Чернавы; изъ нихъ первые три принадлежали Пахнутцовой дорогѣ, четвертый Муравскому шляху, а пятый Калміюской дорогѣ. Что же касается четвертой—*Свиной* дороги, то она вела Татаръ отъ Рыльска до Болхова. „А тою Свиною дорогою,—говорится въ Книгѣ Большаго Чертежа,—прихаживали (перехаживали) отъ Днѣпра Бѣлогородскіе (т. е. Аккерманскіе) Татарове, на Рыльскіе, и на Карачевскіе, и на Орловскіе, и на Болховскіе уѣзды, хаживали Бокай мурза, какъ не было польскихъ (т. е. со стороны поля) городовъ“*). Калміюская дорога,—говоритъ г. Артемьевъ,—теперь совершенно забыта и потеряна. Муравская и Изюмская еще извѣстны и донинѣ подъ именемъ „Муравки“, хотя и не вездѣ пролегаютъ чрезъ тѣ самыя урочища, какія упоминаются въ книгѣ Большаго Чертежа. Часть Муравской дороги, идущая отъ Ливенъ на сѣверъ, къ Тулѣ, хотя также потерялась изъ памяти народа, однако и теперь названія нѣкоторыхъ мѣстностей прямо указываютъ ея направленіе и разныхъ вѣтвей ея: дорогъ Лѣсной, Свиной, Пахнутцовой. Такъ, на нынѣшней Новосильской дорогѣ, въ 22 верстахъ отъ Ливенъ, при р. Любовшѣ, есть деревня Русскій Бродъ, а нѣсколько далѣе—сельцо Татарскій бродъ. По дорогѣ къ г. Ефремову, въ 5 верстахъ отъ Ливенъ, ниже соединенія Лѣсной и Полевой Ливенокъ, на берегахъ видны остатки старинныхъ укрѣпленій. Упоминаемые въ Книгѣ Большаго Чертежа „татарскіе перелазы“ или броды чрезъ р. Сосну въ настоящее время существуютъ тамъ же, гдѣ были описаны 300 лѣтъ назадъ. Выше города: на устьѣ р. Луковца, въ нынѣшнемъ Малоархангельскомъ уѣздѣ; при устьѣ р. Фошни, на самой границѣ Ливенскаго уѣзда съ Малоархангельскимъ; близъ устья р. Трудовъ, который и называется, какъ встарину, Кирпичнымъ; наконецъ бродъ въ самомъ го-

*) См. въ Книгѣ Большаго Чертежа о Муравской дорогѣ стр. 2—14, 17, 19, 87, 115; о Калміюской—4, 19—23, 31, 36, 43, 46; о Пахнутцовой—4, 87, 106, 107; о Свиной—83, 84, 107, 108, 113.

родѣ; далѣе, ниже города—бродъ чрезъ р. Кшень, при впаденіи ея въ Сосну, потомъ бродъ чрезъ рѣку Олымъ *).

Такимъ образомъ берега Быстрой Сосны, составляшіе южную окраину Московскаго государства, первые подвергались нападенію Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ **), а отсюда бѣдствія Татарскаго нашествія проносились уже и внутрь государства. Для Московскаго правительства весьма важно было вовремя освѣдомляться о появленіи враговъ, чтобы принимать противъ нихъ соотвѣтственныя мѣры. Съ этою цѣлю еще съ XIV вѣка на Быстрой Соснѣ ставились караулы или сторожи для наблюденія за Ордынцами. Такъ, въ 1380 году, великій князь Московскій Димитрій Ивановичъ посылалъ своихъ „оружниковъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго, Василия Тупина и иныхъ крѣпкихъ на сіе и мужественныхъ, и велѣлъ имъ на Быстрой и Тихой Соснѣ стеречь со всякимъ опасеньемъ и подъ Орду ѣхать языка добывать и истину увѣдать Мамаева хотѣнія“ ***). Когда же посланные замедлили извѣстіемъ, то великій князь отправилъ новыхъ сторожей: Климента Поленика, Ивана Святослава и Григорія Судока. 5 сентября пришли со сторожъ Петръ Горскій и Карпъ Олексинъ и привели въ языкахъ одного изъ вельможъ Мамаевыхъ, а чрезъ день прибѣжали къ великому князю еще 7 сторожей съ вѣстями о движеніи Мамаея. Выше было упомянуто нами, что, когда въ 1492 году Татары грабили Алексинскую волость, то станичники, дѣти боярскіе, Ѳедоръ Колтовскій и Горяинъ Сидоровъ, всего 64 человекъ, догнали Татаръ между рр. Трусами и Быстрою Сосною и имѣли съ ними бой; значить, и при Іоаннѣ III-мъ берега Быстрой Сосны были на виду у Московскаго правительства. О высылаемыхъ сюда Московскихъ сторожахъ мы знаемъ и изъ дипломатической переписки Іоанна III-го съ Польско-Литовскимъ королемъ, которому принадлежалъ г. Мценскъ. Когда король жаловался на захватъ и опустошеніе сосѣднихъ Литовскихъ волостей подданными Великаго Князя, Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ отвѣтить ему: „свои убытки (шкгоды) поминаешь, а о нашихъ забылъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили; ѣздили наши люди на поле оберегать христіанство отъ басурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей Алексинскихъ“ ****). При великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ бдительность Московскаго правительства по отношенію къ берегамъ Быстрой Сосны и вообще къ украиннымъ мѣстамъ должна была увеличиться: въ это время Крымскіе Татары изъ года въ годъ открываютъ губительныя свои набѣги, при чемъ р. Сосна служила для нихъ своего рода воротами въ Московское го-

*) См. «Орловскія Губернскія Вѣдомости» 1860 г., № 24.

**) Такъ-называемые Малые Ногаи, по паденіи Золотой Орды, занимали степи отъ Кавказскихъ горъ къ Кубѣ, Манычу, Азовскому и Черному морямъ.

***) Чтен. Москов. Общ. истор. и др. Росс. 1846 г. № 4, стр. 6, прим. 3!

Еще раньше этого случая, около 1360 года, въ грамотѣ Митрополита Алексія на Червленый Яръ, упоминается о караулахъ по Хенру и Дону.

****) Соловьевъ, т. V, стр. 133—134.

сударство. Извѣстно, что въ 1507 году, по вѣсти, что „идуть многіе люди Татарове на полѣ, а чають ихъ приходу на украину, на Бѣлеву и на Бѣлевскія мѣста, и на Одоевскія и на Козельскія“, великій князь послалъ изъ Москвы къ Бѣлеву воеводѣ, князя Ивана Холмскаго и князя Константина Ушатого, съ которыми должны были соединиться князья: Василій Одоевскій, Иванъ Михайловичъ Воротынскій, да намѣстникъ Козельскій князь Александръ Стригинъ. Когда къ воеводамъ пришло извѣстіе, что „Татарове, поймавъ на украинѣ много полону, прочь пошли, и воеводы, положивъ упованіе на Бога, поидоша за ними въ погоню на поле и угониша ихъ на Окѣ, и Божією милостію, и Государевымъ здравіемъ, и счастіемъ великаго князя Василя Ивановича всея Русіи, многихъ Татаръ побиха, а иныхъ живыхъ поймаша, а полонъ весь назадъ возвратиша, и гоняли ихъ до рѣчки до Рыбницы, мѣсяца Августа въ 9 день, въ понедѣльникъ“ *). Въ 1512 году Крымскій салтанъ Махмутъ перешелъ черезъ р. Быструю Сосну и устремился къ Рязани; но на пути узналъ, что его поджидаютъ Московскіе воеводы со многими людьми, и „воротился съ украины, а воеводы Великаго Князя за нимъ ходили на поле до Сернавы (Чернавы), да его не дошли“. Это было въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а въ Октябрѣ того же года сынъ Менгли-Гирея, салтанъ Бурнашъ-Гирей, проникъ до Рязани и „острогъ взялъ“ **). Въ 1517 году Крымцы, въ числѣ 20000 человекъ, опять воевали за Сосною, но походъ этотъ былъ особенно неудаченъ для нихъ. Главные Московскіе воеводы, князь Василій Семеновичъ Одоевскій да князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, послали противъ Татаръ дѣтей боярскихъ съ немногими людьми, „Ивашку Тутыхина, да Волконскихъ князей, и велѣли имъ со всѣхъ сторонъ Татарамъ мѣшати, дабы не воевали, а сами пошли за ними на Татаръ; прежніе же люди, Ивашка Тутыхинъ съ товарищи, пришедъ, начали мѣшати Татарамъ со всѣхъ сторонъ, и не дали имъ воевать; да у нихъ многихъ людей побили. Татарове же, послышавъ Великаго Князя воеводѣ, скоро возвратилися, а напередъ ихъ сокрылися по лѣсамъ пѣшіе люди немногіе украинные, да имъ дороги засѣкоша, и многихъ Татаръ побиха, а напередъ люди отъ воеводъ приспѣвше конные, начали Татаръ топтати, и по бродомъ и по дорогамъ побивати, а пѣшіе люди украинскіе по лѣсамъ ихъ бити, и Божіимъ пособіемъ многихъ Татаръ плѣнили и побили, а иные многіе по рѣкамъ истопоша, а иныхъ живыхъ поимали; такова бо баше тогда Божією помощію на Татаръ побѣда, якоже слышахомъ отъ достовѣрныхъ, паче же и отъ самихъ Татаръ, которые приходили послѣди того изъ Крыма, яко отъ 20,000 мало ихъ въ Крымъ явилось, но и тѣ пѣши, босы и наги“ ***). Въ 1521 году Крымскій ханъ Магметъ-Гирей осаждалъ самую Москву, а чрезъ два года Саишъ-Гирей „приходилъ на Рязань и посады пожегъ“, но былъ скоро обращенъ

*) Татищевъ, кн. V. стр. 157.

**) Тамъ-же, стр. 167—168.

***) Тамъ-же, стр. 180—181.

въ бѣгство. Въ малолѣтство царя Ивана Васильевича было тоже. Даже зима не удерживала Крымцевъ отъ набѣговъ. Такъ въ Декабрѣ 1545 года Крымскій царевичъ Иминъ-Гирей приходилъ войною „на украинскія мѣста, Бѣлевскія и Одоевскія и поплѣнилъ многихъ людей“ *). Особенное вниманіе Москвы обращено было на Соснинскій бассейнъ во второй половинѣ 16-го вѣка; въ это время, обыкновенно въ лѣтнюю пору, стали высылать сюда сторожевые отряды со станичными головами, строили здѣсь острожки, заграждали переправы чрезъ рѣки, дѣлали лѣсные завалы по дорогамъ, поджигали степь, чтобы лишить непріятеля подножнаго корма, и т. под. Въ 1571 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая болѣе обезпечить южныя границы своего государства отъ внезапныхъ набѣговъ Крымцевъ, поручилъ завѣдываніе сторожевою и станичною службою боярину князю Михаилу Ивановичу Воротынскому съ товарищами — княземъ Михаиломъ Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ **). Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ ими станичникамъ и сторожамъ, оказалось, что въ числѣ 73 сторожъ была сторожа на р. Соснѣ усть Ливенъ, на которой стояло 10 человекъ сторожей, по два сторожа отъ cadaго изъ пяти сосѣднихъ городовъ: Данкова, Епифани, Дѣдилова, Новосили и Мценска, а стерегли они „съ усть Ливенъ на право до усть Трудовъ 6 верстъ, а на лѣво до усть Куноча 15 верстъ“. Кромѣ того, на пространствѣ Ливенскаго уѣзда были сторожи: на усть Чернавы, гдѣ стерегли изъ тѣхъ же городовъ по два человека, съ развѣздомъ на—право до усть Куноча 15 верстъ, а на—лѣво до Радушкина лѣса 8 верстъ, а „та Чернавская сторожа отъ усть Ливенскія сторожи“; на Любовшѣ усть Корытнова стояло 4 сторожей изъ городовъ Мценска и Новосили, по 2 человека отъ города, съ переѣздомъ „на право усть Любовши верстъ съ семь“; на Соснѣ усть Рѣчицы стерегло 6 человекъ изъ тѣхъ же городовъ, а берегли они „на лѣво по Соснѣ на подоль до усть Трудовъ верстъ съ 10, а на право вверхъ по Соснѣ до Вязовика верстъ съ семь“; на Соснѣ до устья Хвоцны стояло 6 человекъ изъ тѣхъ же городовъ, охраняли „на лѣво до Вязовика до Нижняго Рогу верстъ съ шесть, а на право вверхъ по Соснѣ до Моклока колодезя верстъ съ семь“; усть Колны стерегли изъ Мценска 6 человекъ „на лѣво внизъ по Соснѣ до усть Моклока верстъ съ семь, а на право вверхъ по Соснѣ до усть Кобыля верстъ 13“; наконецъ, — на Соснѣ въ Луковцѣ стояло 6 человекъ, по 3 человека изъ Мценска и Орла, чтобы „беречь имъ на лѣво до усть Кобыля, а на право вверхъ по Соснѣ до Губки, на болото и до ржавой Сосны“ ***). Всѣ эти сторожи въ 1571 году осмотрѣны были товарищами Воротынскаго — княземъ Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ, которые опредѣлили для нихъ развѣзды и оставили мѣтки для ѣздоковъ, гдѣ имъ сѣзжаться другъ съ

*) Тамъ-же, стр. 253—254.

**) См. Истор. Р. Соловьева, изд. 4, т. 7, стр. 25 и д.

***) Смотр. статью Вѣляева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ».

другою. Въ томъ же 1571 году, послѣ набѣга Крымскаго хана Девлетъ—Гирея, чтобы лишить Крымцевъ возможности скрывать свои движенія отъ нашихъ степныхъ сторожей, вѣдно было выжечь всѣ ственныя пространства Соснинскаго бассейна. Станицы изъ Данкова жгли степь „по правой сторонѣ Дону до усть Мечи и до усть Сосны Быстрыя“. Изъ Дѣдилова и Кропивны выжигали поле „по Любовшѣ на подоль до усть Орива (Орева), а по Ориву на гору и до верховья *, а съ верховья Орива да по верхъ Локотцовъ да къ верхъ Смейка большого**) и къ верхъ Чернавѣ, а сверхъ Чернавы межъ Турова и Богданова (лѣсовъ) къ усть Куначу до Быстрыя Сосны; да межъ Мечи и Быстрыя Сосны отъ Зеленкова броду до усть Воронежа межъ всѣхъ рѣчекъ жечь не пропуская; да за Сосну межъ Оломи (Олыма) и Кизневы (Кщеневои или Кшени) и межъ Кизневы и Тима и до верховья тѣхъ рѣкъ“. Изъ Новосили: „до усть Грязскія Зуши и Любовши и къ усть Ориву, да по Ориву на гору и до верховья, да къ верхъ Локотецкимъ верхамъ, да къ верхъ Смейку и къ верхъ Чернавѣ, да по Соснѣ на гору до усть Хвоцны, да отъ Сосны Хвоценскою дорогою до Неручи и до усть Озерны; тѣ мѣста выжечь всѣ сряду не пропуская“. Изъ Мценска „жечь отъ усть Озеренъ по Неручи на гору и до верховья, да поперекъ Липовицы и Кунача и до Росткова и до Сосны и до усть Хвоцны, да за Сосну до усть Тима, и по Тиму на гору до верховья и поперекъ Косожи и Щигра“***). Роспись мѣсть, подлежавшихъ пожару, составляетъ древнѣйшее указаніе на степныя пространства въ предѣлахъ Ливенскаго уѣзда.

Между Соснинскими сторожами особеннымъ вниманіемъ правительства пользовалась та, которая находилась усть Ливенъ. Въ 1575 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный послалъ сюда воеводами Михаила Долматовича Карпова да посла Ивашкина, съ которыми находились станичные головы, станичники, вожи и сторожа. Въ 1576 году воеводами „на Сосну усть Ливенъ“ назначены были князь Иванъ Охлябининъ и Михайло Назаревъ. Обязанность Ливенскихъ воеводъ состояла въ доставленіи наискорѣйшихъ вѣстей о приходѣ воинскихъ людей. Но такъ какъ оказалось, что Ливенскіе стоялые головы не могли въ этомъ отношеніи предупреждать Оскольскихъ и другихъ головъ, то въ 1577 году Государь воеводамъ и главамъ „на Соснѣ усть Ливенъ быть не велѣлъ“, и съ того времени они были отмѣнены. Однакожъ, двухлѣтнее пребываніе воеводъ съ значительнымъ числомъ служилыхъ людей не могло не оставить своего слѣда на Ливнахъ. Такимъ слѣдомъ, по всей вѣроятности, нужно признать тотъ „малый острожокъ“, который послѣ охваченъ былъ большимъ острогомъ и служилъ своего рода кремлемъ для послѣдняго. Въ этомъ острожкѣ, какъ увидимъ да-

*) У ручья Оревскаго нынѣ стоитъ село Орево. Въ писцовыхъ книгахъ 17 вѣка ручей этотъ называется рѣчкою: „устья тое жъ рѣчки Оревы, что впала въ рѣку Любовшу“.

**) „Сменецкой и Локотецкій верхи“ составляли впоследствии границу между Краснымъ и Серболовымъ станами Ливенскаго уѣзда.

***) См. тамъ же.

лѣе, было четыре церкви, изъ которыхъ двѣ, спустя двадцать девять лѣтъ послѣ основанія большаго острога, называются уже ветхими, тогда какъ въ это время не успѣла обветшать ни одна изъ церквей большаго острога; равно и на кабацкомъ дворѣ въ маломъ острожкѣ избы были ветхи: ясно, что „малый острожокъ“ древнѣе по своему устройству большаго острога. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ церквей малаго острожка были „строеныя поповскаго“, арендовались „у вдовъ попадь“ и не имѣли при себѣ пашни и покосовъ, тогда какъ причты новыхъ посадскихъ острожныхъ церквей были удовлетворены и „паханою землею“, и „сѣбными покосами“. Ко времени же царя Иоанна Васильевича можетъ быть отнесено и заселеніе Бѣломѣстной казачьей слободы, „что за р. Сосною, на десятинной землѣ, что пахали на Государя города Ливень посадомъ и уѣздными людьми“. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что городъ Ливни, послѣ долгаго исчезновенія изъ памяти исторіи, возванъ былъ къ новой жизни царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, а преемнику его, царю Θεодору Иоанновичу, принадлежитъ честь только большаго расширенія, укрѣпленія и населенія не только города, но и всего Верхососенья.

V.

Устройство и населеніе города Ливень въ концѣ 16-го вѣка.

Обстоятельства возникновенія города Ливень и укрѣпленіе его сторожами. — Древнѣйшее описаніе города Ливень. — Малый острожокъ: церкви, дворы, лавки и столы, кузницы, дворъ кабацкій, розрядная изба, Ливенская тамга. — Большой острогъ. — Слободы въ острогѣ: Стрѣлецкая, Пушкарская, Ямская и Казачьи. — Сергіевскій монастырь: его церкви, братія, крестьяне и вотчины съ угодьями. — Бѣломѣстная слобода. — Государева мельница. — Составъ населенія г. Ливень. — Земли и угодья Ливенскихъ служилыхъ людей. — Общее число церквей и приходскихъ дворовъ въ г. Ливнахъ. — Мирный договоръ на Ливнахъ съ Крымцами.

Во второй половинѣ 16-го вѣка Крымскіе Татары, подъ вліяніемъ мести за покореніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго, особенно усилили свои набѣги на Московскую Украину; область Быстрой Сосны была испещрена ихъ *санмами* (слѣдами). Уже въ самый годъ покоренія Казани (въ 1552 г.) Крымскій ханъ Девлетъ — Гирей по Муравскому шляху пробрался до Тулы, но былъ остановленъ нашими воеводами и отброшенъ въ степи, за Сосну. Въ слѣдующемъ году хана опять ожидали на

украинѣ, почему онъ предпочелъ идти „на Черкасы“; тѣмъ не менѣ отрядъ Крымцевъ, въ числѣ 50 человекъ, появился въ окрестностяхъ г. Мценска; Мценскій воевода отразилъ смѣльчаковъ и пять человекъ изъ нихъ послалъ „съ языками“ въ Москву. Въ 1555 году было новое, большое нашествіе Татаръ на Ливенскія и Новосильскія мѣста. Въ это время царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ на стада Крымскія, въ Мамай лугъ, воеводъ Ивана Васильевича Шереметева съ товарищами, и „велѣлъ имъ промыслить, на стада послать Крымскія, а самимъ того беречи“. Воеводы шли Муравскою дорогою, усть Ливенъ. Тутъ прибѣжалъ къ нимъ сторожъ отъ Св. горъ да станичникъ Лаврентій Ростовскій съ вѣстью, что Крымскій царь перешелъ уже Донецъ и съ многими людьми идетъ на Рязанскія или Тульскія украины. Воеводы, давъ знать о томъ Государю, немедленно „воротились, а пошли подъ сакму“. Царь Іоаннъ Васильевичъ самъ выступилъ въ походъ. Въ Тулѣ его застало извѣстіе, что Шереметевъ, „идучи за царемъ (ханомъ), посылалъ на ево кошъ (обозъ) головы, а съ ними дѣтей боярскихъ многихъ, Ширия Кобякова, да Григорія Желябова съ товарищи, и головы на царевъ кошъ пришли, и кони взяли, лошадей съ 60000, да аргамаковъ (лошадей Кабардинской породы) 200, да 180 верблюдовъ, и 20 языковъ къ воеводамъ прислали. И воеводы пошли за царемъ насѣхъ его сакмою, и встрѣтились съ царемъ на Судбищехъ (у верховья р. Любовши, на границѣ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ), и билися до вечера, и передовой полкъ царевъ, и правую руку и лѣвую потоптали, и знамя взяли Ширинскихъ князей, и бились до ночи, и тутъ стояли полки чрезъ всю ночь *). И воеводы послали назадъ по головы и по дѣти боярскіе, чтобъ къ нимъ сѣшши. а они со царемъ бьются, и прискакали къ нимъ немногіе, а всѣ поворотили къ украинѣ со всѣмъ кошемъ, куда ближе, на Рязань и во Мценскъ; и на утро въ четвергъ бились до пятого часа дни, полки на полки напущали жестокимъ, крѣпкимъ боемъ, и много крымцевъ въ его полкахъ передовыхъ побилъ. И царь Крымской съ своимъ полкомъ пришелъ и со всѣми людьми, да воеводъ разгромилъ и людей побилъ многихъ, а самъ къ Тулѣ шелъ во всю ночь“. Между тѣмъ, изъ разсѣявшихся воеводъ окольных Алексѣй Даниловичъ Баскаковъ да Стефанъ Зюзинъ, „наѣхавъ въ Друбовѣ кони своихъ полковъ, велѣли бить по набату и въ сурну (трубу) играти, и къ нимъ съѣхались многіе дѣти боярскіе, и боярскіе люди и стрѣльцы, тысячъ съ пять или съ шесть, и тутъ отсѣклися, и царь къ нимъ приступалъ со всѣми людьми, и съ пушками и съ пищалями, и до вечерни, Божіимъ милосердіемъ далъ Богъ, Алексѣй Даниловичъ тутъ отъ царя отсидѣлся, и изъ луковъ и изъ пищалей многихъ Татаръ побилъ; и которыхъ Крымскій царь поймалъ дѣтей боярскихъ, тѣ ему сказали, что Царь и Великій Князь на Тулѣ,

*) Въ межевой Ливенской градской писцовой книгѣ 1685 года сказано: „по праву земля грацкой межи Новосильскаго уѣзду села Судбишь Фрола Рогачева съ товарищи, а по лѣву земля грацкой межи Ливенскаго уѣзду Краснаго стану села Новосильскаго Матвѣя Сахорева съ товарищи“.

и царь Крымскій пошелъ назадъ наспѣхъ, и Сосну перелѣзъ на завтрѣе“. Переправившись чрезъ рѣку Сосну, Татары бѣжали такъ поспѣшно, что царь Иванъ Васильевичъ не могъ преслѣдовать ихъ, и изъ Тулы возвратился въ Москву *). Въ 1558 году Крымскій ханъ Девлетъ—Гирей опять приходилъ войною на Украину, но былъ отброшенъ съ Красной Мечи и преслѣдуемъ до Оскола. Въ слѣдующемъ году опустошалъ Украину Ногайскій мурза Диви. Въ 1563 году Крымскій ханъ Девлетъ—Гирей, съ двумя своими сыновьями, царевичами Магметомъ и Адаломъ, осаждалъ городъ Мценскъ. Татары стояли здѣсь трое сутокъ „и къ посаду приступали, а во Мценской уѣздъ войну распустили“, но подлѣ самаго Мценска успѣли сжечь только нѣскольکو дворовъ, стоявшихъ поодаль отъ посада. Заслышавъ, что Московскіе воеводы находятся въ сборѣ, Девлетъ—Гирей поспѣшно снялъ осаду и удалился. Воеводы, сторожившіе Крымцевъ въ Серпуховѣ, не оставя подлѣ Мценскомъ хана, гнались за нимъ „до Коломака и до Мерчика, и не сошли царя Крымскаго, потому что пошелъ отъ Украины спѣшно“. Отдѣлившіеся отъ хана мурзы Девей и Мустафа, чтобы грабить Болховскія и Бѣлевскія мѣста, были отбиты Карачевскимъ воеводою Василюемъ Андреевичемъ Бутурлинымъ вмѣстѣ съ Болховичами.

Во время своихъ набѣговъ, Крымцы оставляли свой *ношъ* (обозъ) обыкновенно „на Осколѣ, и межъ Щенева (Кшенъ) и Алымъ, или далѣе или ближе“, и потомъ на—легкѣ переправлялись за Сосну и налетали на русскіе города. Кромѣ Крымцевъ и Ногайцевъ, набѣгали на нашу Украину „воры Черкасскіе“, какой-то Мишукъ съ товарищами, „житьемъ жившіе по Осколу и по Семи“; они постоянно угоняли стада изъ—подъ Рыльска и даже изъ—подъ Новосили **).

Наиболѣе дѣйствительною мѣрою противъ внезапныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ было построеніе на украинѣ городовъ. Извѣстно, что въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго съ этою цѣлью построены были города—Болховъ и Орель. Преемникъ его, царь Θεодоръ Іоанновичъ, велѣлъ продолжить линію укрѣпленій далѣе къ югу, и такимъ образомъ на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи явились еще три города—Ливны, Елецъ и Кромы. Городъ Ливны, построенный въ 1586 году, обязанъ своимъ возникновеніемъ знаменитому боярину и родственнику царскому Никитѣ Романовичу Юрьеву, завѣдывавшему сторожевою и станичною службою послѣ Воротынскаго съ 1574 года***).

По усмотрѣнію этого новаго начальника сторожевой линіи, Государь Царь Иванъ Васильевичъ еще въ 1575 году повелѣлъ „отпустить на Сосну усть Ливенъ воеводу Михаила Долматовича Карпова да посла Ивашкина“, а въ слѣдующемъ году „Марта въ 15-й день бояринъ князь Иванъ Θεодоровичъ Мстиславскій, да князь Петръ Да-

*) Татищевъ, кн. V, стр. 423—425.

***) Не по имени ли этого вора Мишука и называлась въ древности деревня Зубцова, что въ Красномъ ставѣ, въ Долгой Полянѣ, на р. Лѣсной Ливнѣ,—„Мишутвино“ или „Мишустино“?.

***) Истор. Р. Соловьева, изд. 4, т. 7-й, стр. 28.

ниловичъ Пронскій, да Микита Романовичъ Юрьевъ, да дьяки Андрей да Василій Щелкаловы приговорили: на Соснѣ усть Ливенъ воеводѣ и головамъ (быти)... А людемъ съ воеводою на Соснѣ усть Ливенъ и съ головами на полѣ быти изъ украинскихъ городовъ по росписи дѣтямъ боярскимъ добрымъ съ большихъ и середнихъ статей, да казакамъ съ ручницы (т. е. пищалями, винтовками). И по приговору на Сосну воеводы князь Иванъ Охлябининъ да Михайло Назарьевъ и головы по мѣстамъ по срокамъ посланы“. Хотя въ 1577 году „на Соснѣ усть Ливенъ воеводѣ и головамъ Государь быти не велѣлъ, потому что Донецкіе и Оскольскіе и Донскіе головы стоятъ на полѣ далѣ Ливенскихъ воеводѣ и вѣсти отъ тѣхъ головъ про Крымскихъ и про Ногайскихъ людей къ Государю напередъ Ливенскихъ воеводѣ бывають“; но на этотъ постъ скоро опять обращено было серьезное вниманіе. Именно, „94 (1686) году марта въ 1-й день бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ приговорилъ: на Осколѣ усть Убли и на Дону на Богатомъ Затонѣ стоялымъ головамъ не стояти по Государеву Цареву и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи указу, и, по приговору бояръ, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, на Соснѣ, не доѣзжая Оскола два днища, поставити велѣно городъ Ливны, а на Дону на Воронежѣ, не доѣзжая до Богатаго Затону два днища, велѣно поставити городъ Воронежъ. А быти на Ливнахъ—городъ ставити воеводѣ князю Володимеру Васильевичу Колцову Мосальскому да Лукьяну Хрущову, на Воронежѣ воеводѣ Семену Ѳедоровичу Сабурову да Ивану Судакову, да Василью Биркину; и каковы будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на Государевы украины, и съ Ливенъ посылати съ вѣстми на Воронежъ, а съ Воронежа по тому-жъ на Ливны съ вѣстми посылати; а ѣхати которыми дорогами поближе и бережнѣе; а сторожи воеводамъ поставити, присмотря въ которыхъ мѣстахъ пригоже; и станицы по тому-жъ посылати присмотря, да о томъ отписати къ Государю*)“.

Въ то время, какъ ставился городъ Ливны, строители его, по надлежащемъ осмотрѣ мѣстности, составили слѣдующую роспись Ливенскимъ сторожамъ, долженствовавшимъ служить цѣлямъ города:

„1-я сторожа подъ Котельскимъ лѣсомъ, а быти на ней сторожемъ 6 чел. съ Ливенъ; а переѣзжати имъ на лѣво до Погорѣлово лѣсу и до верхъ Дѣвиць, а проѣзду днище, а назадъ тожъ.“

2-я сторожа въ Пузацкомъ лѣсу, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 6 чел., а переѣзжати на право внизъ по Семи до Высады, а проѣзду полднища, а назадъ тожъ; а на лѣво до верхъ Оскольца; а съѣзжатца имъ съ тѣми сторожами, которые стоятъ съ Ливны-жъ на Семи у Мѣлового броду, а проѣзду днище, а назадъ тожъ.“

*) См. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Изслѣд. Бѣляева, стр. 33 и примѣчаніе 55.

3-я сторожа на Семи у Мѣлового броду, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 6 ч.; а переѣзжати имъ внизъ по Семи верстѣ съ 15-ть до Индинского городища; а въ верхъ по Семи до Высады: а съѣзжатца имъ съ Пузацкими сторожами, а проѣзду днище, а назадъ тожь.

4-я сторожа въ верхъ Долгово колодезя на Муравскомъ шляху, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 3 чел.; а переѣзжати имъ на лѣво къ Щеновой верстѣ съ семь, а на право беречи къ Тиму.

5-я сторожа верхъ Спешень, а быти на ней сторожемъ 4 челов. съ Ливенъ, а переѣзжати имъ на право до Олыми верстѣ съ 20, а на лѣво до верхъ Снавъ Донскихъ, а переѣзда ихъ до верхъ Снавъ верстѣ съ 20-ть.

6-я сторожа на Муравской же дорогѣ подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 3 чел.; а беречи имъ Муравской дороги.

7-я сторожа на Соснѣ усть Трудовъ выше города, а быти на ней сторожемъ 3 чел. съ Ливенъ; а беречи имъ на лѣво внизъ по Соснѣ съ Рѣчицкими сторожами, а переѣзжати до Рѣчицы, верстѣ съ 10.

8-я сторожа *смѣсная* *) на Соснѣ усть Рѣчицы, а стояти на ней сторожемъ съ Ливенъ 2 чел., да изъ Мценска да изъ Новосили по 2 ч.; а переѣзжати имъ въ верхъ по Соснѣ до Хвощенскихъ сторожей верстѣ съ 15-ть, а внизъ по Соснѣ до усть Трудовъ.

9-я сторожа смѣсная на Соснѣ усть Хвоцны; а быти на ней съ Ливенъ 2 чел., изо Мценска да изъ Новосили по 2 ч. изъ города; а переѣзжати имъ вверхъ по Соснѣ до усть Колпны, а внизъ по Соснѣ до усть Рѣчиць.

10-я сторожа смѣсная на Соснѣ усть Колпны, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 2 чел., да изъ Новосили да изо Мценска по 2 ч. изъ города, а переѣзжати имъ вверхъ по Соснѣ до Луковца.

11-я сторожа смѣсная на Соснѣ въ Луковцѣ; а быти на ней сторожемъ 2 ч. съ Ливенъ, да изъ Мценска да съ Орла по прежнему по 2 ч.; а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до усть Колпны.

12-я сторожа на Соснѣ усть Кунача ниже города отъ города верстѣ съ 10-ть, а быти на ней сторожемъ 3 ч. съ Ливенъ, а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до Чернавскихъ сторожей, а переѣзду ихъ въ верхъ верстѣ съ 15-ть.

13-я сторожа на Соснѣ усть Чернавъ, а быти на ней сторожемъ 4 ч. съ Ливенъ, да изъ Дѣдилова, да съ Кропивны, да съ Донкова, да изъ Новосили по 2 ч. изъ города; а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до Радущкина лѣсу.

И всего Ливенскихъ 13 сторожъ, а сторожей на нихъ на одну статью 46 человѣкъ“.

Постройка города и усиленіе Ливенской сторожевой линіи продолжались, какъ

*) *Смѣстная*, т. е. совмѣстная съ сторожами изъ другихъ городов.

видно, и въ 1587 году. — „А 95 г. Марта въ 1 день воевода князь Володимеръ Кольцовъ Мосальскій сказывалъ посылати съ Ливенъ станицы къ Донцу Сѣверскому, а другую къ верхъ Семи къ Масленому долу, проѣзду недѣля; а посылати пропущая межъ станицъ по три дни; да съ Ливенъ же посылати станица къ Карпову сторожевью, а проѣзду съ Ливенъ всего недѣля, а стояти имъ по верхъ у Карпова сторожевя недѣля по верхомъ и гдѣ будетъ пригожь. Да съ Ливенъ же посылають станицы на Тихую Сосну къ Каменному броду, проѣзду недѣля“ *). Въ 1591 году, по случаю нападенія Малороссійскихъ казаковъ на Путивльскія станицы и сторожи, состоялся еще слѣдующій боярскій приговоръ отъ 16 Апрѣля: „Учинити на Ливнахъ двѣ станицы добрыя, и съ ними vybrати вожей изъ казаковъ, или изъ какихъ людей пригоже. Да одну станицу добрую послати къ Донцу Сѣверскому Царевою дорогою Муравскимъ шляхомъ; а другую станицу послати къ Донцу же Сѣверскому до Изюмскаго кургана межъ Донца и Оскола, а переѣзжати той станицѣ на Донцѣ перевозки Башкинской, да Шабалинской, да Булуклейской, да Савинской, да Изюмской. А ѣздити тѣмъ двѣмъ станицамъ тѣми двумя дорогами безпрестанно встрѣчалъ, и вѣстей проѣздывать и ждаты большихъ вѣстей съ Ливенъ, чтобъ Крымскій царь и царевичи и большіе люди на Государевы украины безвѣстно не пришли, чтобъ про царя и про царевичей и про воинскихъ людей вѣсть была за—долго до приходу“ **). Около того же времени сторожевая линія на Быстрой Соснѣ укрѣплена была построеніемъ новаго города Ельца, съ котораго ставилось 9 сторожъ, расположенныхъ частію въ низъ и въ верхъ по Быстрой Соснѣ, а частію за Сосною, въ степи, вереть за сорокъ отъ города; при чемъ, однакожь, Ливны, безспорно, превосходили Елецъ въ стратегическомъ отношеніи ***). Въ 1594 году Ливенскіе станичники утѣшены были милостивымъ указомъ царя Θεодора Иоанновича, по которому велѣно было „станичнымъ головамъ, станичникамъ и жомамъ за службу и за изронъ, и за полонъ давать Государево жалованье: за конь по 4 р., а за меринъ по 3 р., а котораго станичника или жога на полѣ въ станицѣ убьютъ, и за его службу, и за убійство, и за изронъ давать Государево жалованье, женамъ и дѣтямъ ихъ по 4 рубли“ ****). Съ 1595 года сторожевая линія на Соснѣ вошла еще въ непосредственное сношеніе съ новымъ городомъ Кромами, изъ котораго ставилось 7 сторожъ: „на Быстрой Соснѣ, въ верхъ Тускоря и Теробужа, на Рудѣ въ верхъ Очки, за Вылскимъ лѣсомъ подъ погорѣлыми лѣски, на рѣкѣ на Очкѣ на быстрой, на Соснѣ усть Турей и въ верхъ Воброка, на рѣкѣ на Очкѣ усть Рокитны“. Въ томъ же году думный дворянинъ Вельяминовъ-Воронцовъ сдѣлалъ близъ Ливенъ засѣку.

*) См. Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и древн. Рос. при Моск. Унив., прим. 56.

***) Тамъ же прим. 57.

****) Изъ Ельца ставились сторожи: усть Воргла, подъ Радужкинымъ лѣсомъ, усть Чернавъ, вер- В Гольскаго лѣса, усть Полны, усть Тальца, на Козьѣ горѣ, сверхъ Цониковца и подъ Котельскимъ лѣсоохрѣхъ

*****) Тамъ же стр. 36.

Но обратимся къ самому городу Ливнамъ. Для насъ интересно было бы читать описаніе его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ — подъ рукъ своего строителя, князя Владиміра Кольцова-Мосальскаго; но такое описаніе не дошло до насъ. Сохранилась только переписная книга отъ 1615 года, знакомящая насъ съ вѣшнимъ видомъ этого города въ то время, когда отъ основанія его протекло уже около тридцати лѣтъ, но, какъ легко примѣтитъ, безъ особенныхъ измѣненій въ его устройствѣ.

Городъ Ливны построенъ былъ въ 1586 году на томъ же мѣстѣ, на которомъ находится и теперь, т. е. на лѣвомъ, возвышенномъ берегу рѣки Сосны, при впаденіи въ нее рѣчки Ливны (позднѣе — Ливенки), которая составилась изъ двухъ рѣчекъ: Лѣсной Ливны и Полевой Ливны. Въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится: „Городъ Ливны стоитъ на рѣкѣ Соснѣ, на лѣвомъ берегу“; кромѣ того, мѣстонахожденіе города Ливень опредѣляется теченіемъ рѣчекъ Ливень: „Лѣсная Ливна вытекла изъ Краснаго лѣсу, отъ города Ливень съ 10-ть верстъ, и пала въ Полевою Ливну близко города, а Полевая Ливна пала въ Сосну подъ городомъ Ливнами“ *). Какъ видно изъ приправочной книги 1615 года, городъ Ливны состоялъ: изъ *малаго острожна*, что внутри города Ливень, и изъ *большаго острога*, въ которомъ заключался и *посадъ*. Въ маломъ острожкѣ находились слѣдующія церкви:

1) Соборная церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы, да другая церковь придѣльная Рождества Пречистыя Богородицы, „древяна *кльтци* (т. е. съ куполомъ на подобіе клѣтки), ветха, а образы въ той церкви въ Соборной Живоначальныя Троицы.... Рождества Пресвятыя Богородицы обложенъ серебромъ, штилистой (шестилистой), съ вѣнцы сканые (изъ скани, волочнаго золота и серебра, ссученные)... на престольная на прозелени..., да двери царскія... За соборными попы Живоначальныя Троицы, что на Ливнахъ внутри города, за двумя человѣки, за Васильемъ да за Максимомъ, земли выше Засосенскія Бѣломѣстныя слободы у Попова верха отъ рѣки отъ Сосны вверхъ Попову верху: наши паханья и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; сѣна по дикому полю и Попову верху 40 копенъ“ **).

2) Церковь Святаго Пророка Іліи, да придѣль Стратотернца Христова Дмитрія Солунскаго, „древяна *кльтци*, ветха, а въ церкви образы и свѣчи, и книги, и колокола и всякое строенье церковное поповское, а служитъ у той церкви попь Иванъ, дворъ его на погостѣ у церкви Св. Пророка Іліи, а земли къ той церкви нѣтъ“.

3) „Церковь Святыя Великія Христовы Мученицы Параскевы, нарицаемья Пятницы, древяна *кльтци*, а въ церкви образы и свѣчи, и книги и всякое церковное строенье города Ливень посадскихъ и уѣздныхъ людей, а у той церкви попь Герасимъ, дворъ ево у той церкви на погостѣ, а земли къ той церкви нѣтъ“.

*) См. Книгу Большаго Чертежа, на стр. 3 и 4.

***) Земля за соборными попами почему-то записана въ приправочной лишь послѣ всѣхъ церквей на Ливнахъ (на 43 листѣ). Очевидно, она или отведена была попамъ послѣ построенія большаго острога, или же принадлежала и прежде, а теперь только занесена въ книги.

4) „Въ маломъ же острожкѣ церковь Никола Чудотворца, древяна клѣтцки, да другая церковь теплая — Обновленіе храма Воскресенія Господа нашего Ісуса Христа, древяна клѣтцки, а въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строеніе и колокола пона Карпа; а служить у тѣхъ церквей попъ Игнатій изъ найму у вдовыя попады попа Карпа у Овдоты; земли къ тѣмъ церквамъ въ рядъ съ Стрѣлецкою землею по Новосильской дорогѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ: пашни паханныя добрыя земли 5 чети да дикого поля 5 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ, и по верхомъ, и по дубровамъ за рѣкою за Трудами, въ рядъ съ стрѣльцами жъ, 20 копенъ, да съ приходскими попами за рѣкою за Сосною за Мининою удеревью: дикого поля 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по логомъ и по верхомъ и по дубравамъ 20 копенъ; и всего къ тѣмъ церквамъ земли въ рядъ съ Стрѣлецкою землею и съ приходскими попами пашни паханныя и дикаго поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна 40 копенъ.

Въ острожкѣ жъ Изба Розрядная *)... Въ острожкѣ жъ дворы: соборнаго попа Максима, Мосея Коширянинова, Ивана Павлова. Въ острожкѣ жъ *лавки*: пушкаря Офоньки Мартинова, пушкаря Малика Оносова, казака Петрушки Аметова, затинщика Семена Золотаря, пушкаря Олешки Турвогина, казака Остафея Головина, ямщика Ортемья Бѣшенцева, стрѣльца Ондрѣя Расторгуя, стрѣльца Ѳомы Савкова, Еремы Гнѣздилова..., ямщика Василья Кулака, ямщика Ивашки Дериглаза, стрѣльца Ивана Мартинова, казака Медвѣдева, вдовы Татьяны затинщиконы Гавриловы, жены Бѣлевцовы, воротника Малика Мслазьева, казака Васюка Наумова, стрѣльца Федора Кривобрюха, ямщика Васьки Вырѣзуба, Олешки Сахарова,... Радіонова, чернова старца Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, Евфимья Бобкина, сапожника Исака Сергѣева, стрѣльца Карпа Чепоса, Крымскаго вожака..., вдовы Овдоты Клеменовы жены Толстово, стрѣльца Кузмы Хрылева, пушкаря Ивана Колуженина, стрѣльца Федора Максимова, Сидора Токмакова, сапожника Мишки Жукова, казака Василья Добродѣева, казака..., вдовы Рожкова“... Всего 37 лавокъ. — „Столы: столъ затинщика Семена Золотаря, столъ затинщика Антипки Галактіонова, столъ пушкаря..., и столъ Мартинова“... Всего 4 стола. — „Кузницы: кузница Гриши охотника, к. Богдана Рыжева, к. Петрушки Офонасьева сына Трегубова, к. Ивашки Иванова, к. Ивашки Сароченка, к. Мартина Кондратѣева, к. Дронки Орленина, к. Фоки Трегубова, и всего 8 кузницъ. А оброку съ лавокъ и столовъ и кузницъ на годъ даютъ по 20 рублевъ. — Въ острожкѣ же дворъ кабацкой, а на дворѣ двѣ избы ветхи, да погребъ, да ледникъ, а держатъ тотъ кабакъ да Ливенскую тамгу (пошлину) на вѣрѣ цѣловальники: Ливенскіе пушкаріи Мартинъ Шеинъ, Олексѣй Турыгинъ, Маликъ Оносовъ, а по сказкѣ тѣхъ цѣловальниковъ и по выпросу стороннихъ людей тотъ кабакъ и Ливенская тамга были въ откупѣ по ркг (123) (7123,—1615) годъ по мѣсяцъ

*) Розрядная изба, гдѣ производился судъ.

Октябрь, а отдавали тотъ кабакъ въ откупъ на Ливнахъ изъ Розряду, а откуну было по рѣ (110) рублей на годъ.—На Ливнахъ же и въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣка Сосна да рѣка Олымъ, да рѣка Труды, да рѣка Любовша, а по сказкѣ городскихъ и уѣздныхъ людей съ тѣхъ рѣкъ за рыбныя ловли и за бобровыя гоны и за хмелевыя болота и за полевой всякой звѣрь даютъ оброку города Ливенъ всякіе люди посадомъ и уѣздомъ на Ливнахъ въ Розрядѣ по 50 рублей на годъ“ *).

„На Ливнахъ же около (т. е. вокругъ) посаду острогъ большой,—ставлень тынь дубовой, а подлѣ острогу *тарасы рублены* **), а около острогу копанъ ровъ, да около же острогу *надолбы* ***), а у острогу ворота: Егорьевскія, Афанасьевскія, Пятницкія, Никольскія, Успенскія, Покровскія, да къ рѣкѣ Соснѣ ворота *потайныя*, а на воротахъ башни.—Въ острогѣ два двора воеводскихъ, да дворы дѣтей боярскихъ: Ивана Драчова, Шерона Коширенинова, Парфирра Онисимова, Мартина Быканова, да у рѣки у Ливны дворы дѣтей боярскихъ: Василья Потапова, Лари да Максима да Курдюма Овсянниковыхъ; въ острогѣ жъ—соборнаго попа Василья, соборнаго дьякона Оксена Левонтьева, соборныхъ же церковныхъ двѣ кельи, а въ нихъ живутъ пономарь да проскурница; дворъ вдовы попадѣи Овдотьи Никольскія, что въ маломъ острожкѣ; въ острогѣ же дворъ богадѣленной, да у рѣки у Ливны подъ горою пять келлій, а въ нихъ живутъ нищіе,—питаются по міру“ ****)

Г. Артемьевъ въ своей статьѣ: „Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ“ такъ описываетъ древнюю крѣпость г. Ливенъ: „Собственно „городъ“ или крѣпостной острогъ (кремль), окружность котораго простиралась до 350 сажень, расположенъ былъ на довольно крутомъ мысѣ, образуемомъ впаденіемъ рѣки Ливенки въ Сосну; теперь большая часть этого пространства занята частными постройками, а также торговою площадью, общественнымъ садомъ и солянымъ магазиномъ. Кремль съ востока и юга, т. е. по берегамъ Ливенки и Сосны, укрѣпленъ былъ землянымъ валомъ, а съ сѣвера и запада отдѣлялся отъ слободъ высокимъ деревяннымъ полисадомъ, къ внутренней сторонѣ котораго, въ самой крѣпости, пристроенъ былъ крытый накатъ съ башнями. Кромѣ того, кремль окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ рвомъ, глубиною въ 2½ сажени. Изъ кремля на берегъ Ливенки существовалъ тайникъ,—подземный ходъ къ колодцу, сохранившемуся и доселѣ, изъ котораго брали воду, когда крѣпость нахо-

*) Къ сожалѣнію, первая по древности Приправочная книга города Ливенъ отъ 1615 года сохранилась до нашего времени безъ начальныхъ листовъ; притомъ на первомъ сохранившемся листѣ чернила выцвѣли такъ, что текстъ его не можетъ быть прочитанъ спола. Кромѣ отрывочныхъ фразъ касательно Соборной церкви, здѣсь можно разобрать кое-что изъ перечисляемаго склада оружія въ маломъ острожкѣ: „да пицаль (т. е. пушка малаго калибра) скорострѣльная, да 2 пицали волконѣи (малокалиберныя, короткія), да 26 пицалей затинныхъ, да 2 пицали затинныя испорченныя на стрѣльбѣ... въ маломъ же острожкѣ Изба Розрядная“. Описаніе малаго острожка (безъ первыхъ утраченныхъ листовъ) занимаетъ 4 листа Приправочной.

**) *Тарасы*—своего рода ящики, туго набитые землею и служившіе защитой.

***) *Надолбы*—бревна или брусья съ продолбленными концами, надѣтыми на обтесанные столбы.

****) См. 5 листъ Приправочной.

дилась въ осадѣ *). Всѣ эти крѣпостныя постройки въ 1779 году были въ весьма ветхомъ состояніи, потому что существовали около двухсотъ лѣтъ“. Но это описаніе не вполне приложимо къ городу Ливнамъ, построенному въ 1586 году и описываемому Приправочною 1615 года. Во—первыхъ, въ описаніи Артемьева не упоминается о *маломъ острожнѣ*; во—вторыхъ, *тайникъ* показанъ выходящимъ къ Ливенкѣ, а не къ Соснѣ; въ—третьихъ, слободамъ отводится мѣсто за острогомъ, тогда какъ по Приправочной онѣ находились въ большомъ острогѣ: „въ острогѣ жъ слободы: Стрѣлецкая“... и т. д. Очевидно, у Артемьева описывается не первоначальный острогъ, который, какъ онъ говоритъ, „въ 1779 году былъ въ весьма ветхомъ состояніи, потому что существовалъ около двухсотъ лѣтъ“, а болѣе поздній, поставленный послѣ сожженія стараго въ 1618 году и потомъ, быть можетъ, не разъ еще перестроенный и обновленный. Но послѣдуемъ за Приправочною 1615 года.

„Въ острогѣ жъ слободы“... Всѣхъ слободъ было четыре: Стрѣлецкая, Пушкарская, Ямская и Казачья.

1. *Стрѣлецкая слобода*. Въ ней „церковь Великія Христовы Мученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы, да другая церковь Св. Василия Блаженнаго — деревяныя клѣтки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье поповское, а на монастырѣ дворъ поповъ Андреевъ да четыре кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, — питаются отъ церкви Божіи; пашни паханья церковныя: добрыя земли, въ рядъ съ стрѣльцами, 2 чети, да дикого поля 8 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна по логомъ и по верхомъ, въ рядъ съ стрѣльцами жъ, 20 копенъ, да въ рядъ съ приходскими — жъ понами, за Минуною удеревью, дикого поля 10 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по дикому полю 20 копенъ; и всего церковныя земли: пашни паханья и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 40 копенъ. Въ слободѣ жъ дворы стрѣлецкіе..., всего 2 двора пятидесятниковъ, да 8 дворовъ десятниковъ, да 90 дворовъ стрѣлецкихъ, а людей въ нихъ тожъ“.

2. *Слобода Пушкарская ***). Ее населяли: пушкаріи (артиллеристы) въ числѣ 13-ти дворовъ, затинщики (стрѣлки изъ затинной пищали) въ числѣ 17-ти дворовъ и воротники (караульные при крѣпостныхъ воротахъ) въ количествѣ 12-ти дворовъ. Всего въ Пушкарской слободѣ находилось 42 двора, съ такимъ же количествомъ людей; слобода эта не имѣла особой церкви.

*) На Красной площади, которая входила прежде въ составъ кремля, находится въ настоящее время питейный дождь, извѣстный подъ названіемъ *Горьлаю*. Народное преданіе утверждаетъ, что кабакъ названъ такъ отъ того, что горѣлъ во время нападенія Ордынцевъ на Ливны (см. «Орловскія Губерн. Вѣдомости», 1860 г. № 26).

**) „А въ слободѣ дворы пушкарскіе: дворъ Мартина Шеина, Алексѣя Турыгина, Малика Оносова, Ивана Калужанина, Павла Занна, Третьяка Губина... Дворы городовыхъ воротниковъ: Гриши Подимова, Кондрата Потапова, Гаверила Суеткина... Въ той же Пушкарской слободѣ дворы затинщиковъ: дворъ Семена Золотара, Ивана Ивашова, Федора Пустохина, Олфера Михайлова Борденкова“... (См. 10—12 листы Приправочной).

3. *Слобода Ямская*. Въ ней жили ямщики—охотники, исполнявшіе обязанности извоза и почтовой гоньбы: „а въ ней дворы охотнички, старосты Данилы Алексѣева, Михайлы Трубицына... всего 12 дворовъ ямскихъ охотниковъ, а людей въ нихъ 13 человекъ, да 8 мѣстъ дворовыхъ порозжихъ ямскихъ охотниковъ, и тѣ охотники померли, а иные съ бѣдности разбрелись“ (листы 13—14).

4. *Слобода Казачья* состояла изъ пяти слободъ: Егорьевской, Афанасьевской, Никольской, Покровской и Успенской. Изъ нихъ *Егорьевская* и *Афанасьевская* принимались за одну слободу съ церквами: Стратотерница Христова Георгія и Св. Афанасія Александрійскаго — „древянными клѣтки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье приходское; а у тѣхъ церквей служатъ: у Егорья попъ Гаврило, а у Афанасія попъ Дементій; а дворы ихъ у тѣхъ церквей на погостехъ; пашни паханья и перелогу *) и дикого поля тѣхъ церквей, въ рядъ съ казаки тоя жъ слободы, 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 10 чети къ церкви; сѣна въ рядъ съ казаками жъ 40 копенъ, да съ приходскими жъ попами за рѣкою за Сосною за Мининою удеревью 20 чети, по 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дубровамъ и по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; и обоего тѣхъ церквей въ рядъ съ казаки и съ приходскими попами: пашни паханья съ перелогомъ и дикого поля 40 чети, по 20 чети къ церкви въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 40 копенъ. Въ слободѣ жъ дворъ казацкаго головы да дворы казацкіе: пятидесятниковъ: Лари Старова, Василия Данилова, Радьки Долгова, десятниковъ: Самсона Макарова, Омельяна Нашабунина, Семена Шатылова, Василия Добродѣева, Андрея Боландина, Марка Дручилина, Томилы Терехова, Павла Воронковскаго, Гриши Бурцова, Микиты Стрѣльникова, Михайлы Петрова, Митьки Паршина, Олексѣя Кунѣева, Данилы Картавцова, Прони Андреева..., всего въ Егорьевской и Афанасьевской слободѣ 180 дворовъ казачьихъ, а людей въ нихъ тожъ число, да 13 мѣстъ дворовыхъ убылыхъ казаковъ, да 2 мѣста дворовыхъ казачьихъ сотниковъ“ (листы 15—22).

Въ слободѣ *Никольской* было двѣ церкви: „Николы Чудотворца да другая церковь Св. Мучениковъ Фрола и Лавра, деревянная клѣтки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье поповское; а служить у тѣхъ церквей попъ Антонъ, дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ; пашни тѣхъ церквей, въ рядъ съ казаками тоя жъ Никольскія слободы, паханья добрыя земли 2 чети, да дикого поля 3 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна, съ казаки въ рядъ, по логомъ 10 копенъ, да въ рядъ съ ямщиками пашни паханья добрыя земли 3 чети, да дикого поля 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по логомъ 14 копенъ, да за рѣкою за Сосною отъ верхка отъ Липовца къ Мининой удереви и отъ Мининой удереви къ колодезю къ Ольшанцу и на

*) *Перелогъ* — заросшая и одервенѣвшая пашня, вновь вспаханная.

подоль по колодезю по Ольшанцу до рѣки до Кщеневои воще съ приходскими попами дикого поля на пашнѣ 8 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 16 копенъ, и всего пашни паханья и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 40 копенъ. Въ той же въ Никольской слободѣ дворы казачьи *)... всего 110 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ, да 20 мѣсть дворовыхъ убылыхъ казаковъ, да мѣсто дворовое казачье воротника“ (листы 22 — 27).

Покровская и *Успенская* казачьи слободы, находившіяся „за рѣкою за Ливною въ большомъ острогѣ“, имѣли каждая по двѣ церкви. Въ первой изъ нихъ: „церковь Покрова Пресвятыя Богородицы да другая церковь Мученика Христова Никиты, деревянныя клѣтки; строенье въ тѣхъ церквахъ и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье пона Степана; дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ, да на погостѣ жъ двѣ келліи пономарскія, да проскурницы, да три келліи, а въ нихъ живутъ нищіе: Сережка Тихоновъ, Микитка Теремеевъ, Демка Игнатовъ, а питаются отъ церкви же. Въ тѣхъ же слободахъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы да церковь Архангела Михаила, стоитъ безъ цѣнія; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье пона Анастасья; дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ, да на погостѣ же двѣ келліи, а въ нихъ живутъ нищіе: Елишка Гончаръ, Иванка Горбунь, Ивашко Долгой, а питаются отъ церкви Божіей. Пашни паханья тѣхъ церквей: Покрова Пресвятыя Богородицы и Мученика Христова Никиты, да Успенія Пресвятыя Богородицы да Архангела Михаила въ рядъ съ казаками Успенской же да Покровской слободы дву попамъ 10 чети, да дикого поля 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да съ приходскими попами за рѣкою за Сосною за Мининою удеревью 20 чети, по 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по дубровамъ 40 копенъ, и всего (за этими церквами) пашни паханья и дикого поля 40 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, за двумя попы по 20 чети. Въ тѣхъ же слободахъ дворы казачьяго головы и казачьи *)... всего въ казачьихъ за—Ливенскихъ слободахъ—въ Успенской и въ Покровской 234 двора казачьихъ, а людей въ нихъ тожъ, да 36 мѣсть дворовыхъ казачьихъ выбылыхъ казаковъ, да 3 мѣста дворовыхъ казачьихъ сотниковъ“ (**).

Приправочная 1615 года сообщаетъ намъ древнѣйшія свѣдѣнія и о Ливенскомъ Сергіевскомъ монастырѣ. По мѣстному преданію, этотъ монастырь первоначально былъ основанъ не въ самомъ городѣ Ливнахъ, но версты за четыре отъ города—вверхъ по р. Соснѣ, на другой сторонѣ этой рѣки, выше Ламской и Георгіевской слободъ, на горѣ, называемой Удеревь, гдѣ теперь земля помѣщика Баркова,

*) Пятидесятниковъ: Василія Волтенка, Марки Ворожева, десятниковъ: Радьки Клешина, Ивана Рыжкова, Тимохи Горбачева, Ивана Данилова, Никона Семеева, Евстрата Гулевскаго...

**) См. Приправочную книгу на л. 27—36.

а въ городъ Ливны перенесенъ онъ отъ набѣговъ непріятельскихъ, хотя и неизвѣстно когда^{*}). Мы не вправе отвергать вовсе это преданіе, такъ какъ оно не могло возникнуть безъ какого-либо къ тому повода, и, притомъ, съ такою ясностью указываетъ на мѣсто, гдѣ первоначально находился будто бы Сергіевъ монастырь. Очень возможно, что на указываемой мѣстности „Удеревь“ былъ когда-то монастырь, только не предъ построениемъ города Ливень въ 1586 году, когда, по причинѣ Крымскихъ набѣговъ, Ливенскій край представлялъ изъ себя пустынную мѣстность, а въ болѣе древнюю эпоху, когда на Ливнахъ княжили еще Рязанскіе князья, или когда этотъ городъ имѣлъ собственныхъ князей изъ потомковъ Святослава Ольговича; а слѣдовательно, это былъ и не Сергіевъ, а другаго именованія монастырь, такъ какъ Св. Сергій Радонежскій жилъ въ 14-мъ вѣкѣ и прославленъ Россійскою Церковію уже впоследствии. Съ другой стороны, ни въ одной изъ жалованныхъ грамотъ Сергіеву монастырю, дошедшихъ до насъ въ воеводскихъ выписяхъ конца 16-го и начала 17-го вѣковъ, не дѣлается никакого намека на то, чтобы этотъ монастырь существовалъ гдѣ—либо раньше построенія города Ливень въ 1586-мъ году, или владѣлъ кокою—либо вотчиною до 1592 года, когда въ 1-й разъ „блаженныя памяти Царь и Великій князь всея Русіи пожаловалъ въ Сергіевъ монастырь на церковное строенье.... рѣку Тимъ со всеми угоды“. Выраженіе „на церковное строенье“, приводимое только въ этой древнѣйшей выписи, по видимому, указываетъ на то, что около этого времени и началъ устраиваться Сергіевъ монастырь въ городѣ Ливнахъ.

Кто интересуется судьбою Сергіева монастыря на Ливнахъ, тому не безынтересны будутъ дѣлаемые здѣсь выписки изъ Приправочной и другихъ писцовыхъ книгъ времени царя Михаила Феодоровича, какъ древнѣйшіе и самые достовѣрные источники исторіи этого монастыря, своимъ почти двухсот-лѣтнимъ существованіемъ оставившаго неизгладимую память въ городѣ Ливнахъ.

Вотъ что читаемъ мы о немъ въ Приправочной Михайла Иванова Савенкова и Матюшки Феодорова подъ 1615 г.: „Въ большомъ же острогѣ монастырь Сергіевъ, а въ монастырѣ церковь Великаго Чудотворца Сергія Радонежскаго, да другая церковь теплая—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, деревяна клѣтчки, а въ церкви у Чудотворца у Сергія образы мѣстные: образъ Чудотворца Сергія, подница штилистовая, обложенъ серебромъ, вѣнцы сканные, да образъ Сергія жъ Чудотворца на прозелени; образъ Николая Чудотворца Можайскаго на рѣзи въ кіотѣ; образъ Стратотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба на прозелени; образъ Пречистыя за престольныя, да Деисусъ (т. е. три иконы, ставимыя вмѣстѣ и изображающія Спасителя, Богоматерь и Іоанна Предтечу), да двери церковныя на прозелени, да двѣ свѣчи поставныя не велики; у Благовѣщенія Пресвятыя въ церкви: образъ мѣсной Благовѣщенія Пречистой. Богородицы на золотѣ, образъ Пресвятыя Богородицы за престольной,

^{*}) См. «Описаніе мужескаго монастыря въ Ливнахъ» («Орл. Епарх. Вѣдом.», 1871 г. № 17, стр. 1198).

да двери церковныя, да книгъ: Евангеліе письменно тетръ *). да Апостоль письменной..., да два Октоя печатные, да Трїодъ цвѣтная печатная, да Трїодъ посная письменная, Служебникъ письменной, Псалтирь да Часовникъ да Минея Общая печатные; да ризы да стихарь полотняные, да кадило мѣдяное, да сосуды церковные оловяные; да на монастырѣ ворота Святыя, а на воротахъ Деисусы на прозелени писаны на оба лица, да на колокольѣ 6 колоколовъ“.

Таковъ былъ въ 1615 году Сергіевъ монастырь съ его церквами и внутреннимъ ихъ достояніемъ: 8 иконъ—въ двухъ церквахъ (въ настоящей и теплой), 10 церковныхъ книгъ, изъ которыхъ 4 были не печатныя, а письменныя (въ томъ числѣ Евангеліе и Апостоль), однѣ священническія ризы, одинъ стихарь, одно кадило (мѣдное), сосуды всѣ оловянные! О составѣ монашествующихъ въ той же Приправочной читаемъ: „А въ монастырѣ игумень Харлампій, да попъ черный, да 11 чел. братья, живутъ по кельямъ“. Приводимъ теперь выписи на вотчины, коими владѣлъ Ливенскій Сергіевъ монастырь. 1) „Сергіева монастыря за игуменомъ за Харлампіемъ съ братією по выписи воеводы Игнатѣя Михнева да Ѳедора Шишкина 123 (т. е. 1615) году Октября 16 дня, что по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Руси грамотѣ, за приписью думнаго дьяка... Васильева, а отдали онѣ въ вотчину въ Сергіевъ монастырь на свѣчи и на ладонъ и на вино церковное игумену съ братією на пищу въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣку Кщевену, а въ нее впали двѣ рѣчки Кщевенка и съ упалыми колодези, что впали въ рѣчку Кщевенку, и съ бобровыми гоны и съ хмѣлевыми болоты, которые всѣ-жъ на рѣчкѣ Кщевенкѣ, и луги береговые и со всѣми угоды“. 2) „Сергіева жъ монастыря за игуменомъ за Харлампіемъ съ братією по выписи письма.... князя Михайла Путятина да подъячаго Микиты Харламова 107 (1599) году, что въ прошломъ 100 (1592) году Генваря въ 25 день блаженныя памяти Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи пожаловалъ въ Сергіевъ монастырь на церковное строеніе, на ладонъ и на свѣчи, и на вино церковное въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣка Тимъ со всѣми угоды, а въ нее впала рѣчка Косожа“. 3) „Да за игуменомъ же за Харлампіемъ съ братією въ вотчинѣ слободка за рѣкою за Сосною, отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣчкѣ по Соснѣ по конецъ Вѣломѣстныя Казацкія слободы на рѣчкѣ на Соснѣ, подъ слободкою же у рѣки у Сосны на берегу озерко, а въ слободкѣ крестьяне: Ефимъ Степановъ, Ѳедоръ Гавриловъ да бобылей: Савка Олексѣевъ, Филипка Павловъ, Ѳедька Титовъ, Самошка Кохоновъ (шесть дворовъ); крестьяне и бобыли селятся **); новой пашни паханья добрыя земли осмина да дикого поля 69 чети съ осминою, обоего—пашни паханья и дикого поля 70 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по

*) *Евангеліе тетръ*—значитъ четвероевангеліе, или книга, заключающая въ себѣ Евангелія 4-хъ Евангелистовъ, написанныя по тому порядку, въ какомъ оныя писаны Евангелистами, а не по церковному изъ нихъ выбору отдѣлений для воскресныхъ и праздничныхъ чтеній.

**) *Бобыль*—крестьянинъ, не имѣющій тягла и собственной земли.

дикому полю и межъ полъ по логамъ и по верхомъ 140 копенъ, а сошного письма въ живущемъ и въ пустѣ полчети сохи и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни, а платить ему съ живущаго съ осмины“ (листы 37—40). 4) „Да за игуменомъ же за Харлампіемъ съ братією вотчина въ Красномъ стану, по выписи воеводы Степана Исленьева *), что онъ по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи грамотѣ отказалъ въ Сергіевъ монастырь Никитинской починокъ Семенова подъ Краснымъ лѣсомъ подъ Евлановымъ Рогомъ, на Евлановѣ колодезѣ, по правую сторону Евланова колодезя, а въ немъ мѣсто дворовое Никитинское, да дворъ бобыль Карпинъ Васильевъ селится заново; пашни перелогомъ четверть да дикого поля 29 чети, обоего.... 30 чети въ полѣ. а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Присыску и по дикому полю и по дубровамъ 60 копенъ, а въѣзжати ему по селитовой и по дровяной лѣсъ—въ Красной лѣсъ, въ рядъ съ помѣщики“. 5) „Да за игуменомъ за Харлампіемъ съ братією вотчина у города у Ливенъ у посаду“ **). 6) Сверхъ того, какъ увидимъ ниже, за Сергіевымъ монастыремъ была и мельница, о двухъ колесахъ, на р. Ливнѣ. Въ Ливенскихъ платежныхъ книгахъ письма и дозору Немира Ѳедоровича Кирѣевского да подъячаго Василья Ключарева говорится: „Въ Красномъ стану вотчина Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ за Харлампіемъ въ трехъ деревняхъ по жеребью, да за нимъ же, за игуменомъ за Харлампіемъ, въ вотчинѣ подъ городомъ подъ Ливнами слободка въ живущемъ четверть, а въ трехъ деревняхъ четверть же; да въ Мокрецкомъ стану монастырскія вотчины двѣ четверти пашни“.

Въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ Ивана Малечкина да подъячаго Тимофея Семенова 7135, 7136 и 7137 (1627—1629) г.г. читаемъ: „Въ 1618 году Титовское помѣстье Иванова сына Бровина, что (въ Мокрецкомъ стану) былъ починокъ на рѣкѣ на Соснѣ усть рѣки Бщевы, на Мининомъ удереви, дано Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, игумену Харлампью съ братією за 70 чети, да игумену жъ Харлампью съ братією дана пустошь, что былъ починокъ Елизарьевской Старухина, а въ пустоши дикого поля на пашню 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по дикому полю 200 копенъ, а въ приправочныхъ книгахъ Петра Есипова съ товарищи 1615 года тотъ Елизарьевской починокъ Старухина прописанъ, а въ сказкѣ своей, какову онъ игумень сказку на монастырскую вотчину и на угодьи за своею рукою далъ, тѣхъ починковъ за монастыремъ не написалъ, и потому тѣ починки за монастыремъ и не написаны“.

Въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ Малечкина находимъ и обстоятельное указаніе на вотчины Сергіева монастыря съ его крестьянами и бобылями. Вотъ оно: „Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ за Харлампіемъ съ братією, по припра-

*) Степанъ Ивановичъ Исленьевъ былъ на Ливнахъ воеводою въ 1614 году.

**) См. Приправочную № 232.

вочнымъ книгамъ Петра Есипова и по выписи Немира Кирѣевского съ товарищи 1615 и 1620 года, слобода за рѣкою за Сосною, отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣкѣ по Соснѣ по конецъ Бѣломѣстныя казачьи слободы на рѣкѣ на Соснѣ, подъ слободою жъ у рѣки у Сосны на берегу озерко, а въ слободѣ дворъ монастырской, а въ немъ живутъ дѣтеныши *): Ѳедотка Титовъ, да Уварка Ивановъ, да Олешка Берднинь, да крестьяне — 9 дворовъ, да крестьянскихъ пустыхъ 5 дворовъ, а тѣ крестьяне въ 1629 году сошли безвѣстно, да 8 дворовъ крестьянъ, а тѣ крестьяне въ 1630 году написаны на Ливнахъ въ казаки, 17 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, а тѣхъ крестьянъ и бобылей въ 1618 году побили Литовскіе люди, и всего за игуменомъ за Харлампьемъ съ братьею въ вотчинѣ слобода, а въ ней: дворъ монастырской, а въ немъ живутъ дѣтеныши, 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ, 7 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 12 человекъ, 13 дворовъ крестьянскихъ пустыхъ, 17 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ; пашни паханья монастырскія и крестьянскія добрыя земли 12 чети съ осминою, да дикого поля 57 чети съ осминою, обоего... 70 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 140 копень, а възжати имъ по селитовой и по дровяной лѣсъ въ Красной и въ Серболовъ лѣсъ врядъ съ помѣщики; а сошного письма въ живушемъ и впустѣ полъ чети сохи, и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни; въ живушемъ четь съ четверикомъ; да примѣрныя земли, что вымѣрено сверхъ монастырскія дачи лишка пашни и дикого поля 75 чети; обоего — монастырскія пашни и съ примѣрною землею 145 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; а сошного письма въ живушемъ и въ пустѣ четь сохи, и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни. — За игуменомъ же за Харлампьемъ съ братьею вотчина въ Ливенскомъ уѣздѣ, что дано въ Сергіевъ монастырь на свѣчи и на ладонъ и на вино церковное и игумену съ братьею на пищу, — рѣка Кщенева, а въ нее впади — Кщенева съ упальми колодези, что впади въ рѣку Кщеневу, и съ бобровыми гоны и съ хмѣлевыми болоты... и луги береговые со всеми угоды, да рѣка Тимъ со всеми жъ угоды, а въ нее впади рѣка Косожа, а писаны тѣ угоды за игуменомъ за Харлампьемъ съ братьею по приправочнымъ книгамъ Петра Есипова съ товарищи 1615 года“.

Къ городу Ливнамъ должно отнести и *Бѣломѣстную слободу*, хотя она считалась собственно въ Красномъ стану. „Слобода Бѣломѣстныхъ (т. е. свободныхъ отъ городской подати, отъ оброку) казаковъ за рѣкою за Сосною, противъ города Ливенъ, на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи на *десятинной* **) землѣ, что пахали на Государя города Ливенъ посадомъ и уѣздными людьми; а въ слободѣ церковь Великомученика Христова Дмитрія Солунскаго, дре-

*) *Дѣтеныши* — младшіе члены въ семействѣ монастырскаго слуги.

**) *Десятинники* — крестьяне, жившіе на землѣ князя и платившіе десятину... Вѣляевъ, стр. 123.

вяна клѣтчки, а въ церкви образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье попа Василія; а у той церкви на погостѣ дворъ поповъ Васильевъ, да дворъ дьячковъ Лукьяновъ Афанасьевъ, да дворъ пономаря Степана. Въ той же слободѣ дворы: сотника казачьева Іева Головина, да пятидесятника Фирса Ѳеодорова, да 5 дворовъ десятниковыхъ..., да 53 двора рядовыхъ казаковъ, всего 60 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ“ (листы 41—42),

„На Ливнахъ на посадѣ въ большомъ острогѣ на рѣкѣ Ливнѣ мельница, а на ней 2 колеса, а строена та мельница изъ Государевой казны, и та мельница отдана была въ Сергіевъ монастырь, что на Ливнахъ на посадѣ, игумену Харлампію съ братією, а въ нынѣшнемъ въ 124 (1616) году, по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу, ту мельницу велѣно отписать на Государя и велѣно ее вѣдати на Государя въ Приказѣ Большаго Дворца“ *).

Такимъ образомъ переписная 1615 г. знакомитъ насъ не только съ внѣшнимъ видомъ города Ливень, какой получилъ онъ съ 1586 года, но и съ первоначальнымъ его населеніемъ. Это населеніе, за исключеніемъ священно-церковно-служителей, монастырской братьи и крестьянъ, бобылей, охотниковъ, ямщиковъ, бѣломѣстныхъ казаковъ и нищихъ, питавшихся отъ церквей и отъ міра, — состояло изъ людей служилыхъ, военныхъ, которые взяты были на Государеву службу изъ разныхъ городовъ — Коширы, Орла, Калуги и др., и надѣлены здѣсь пахатною землею и сѣнными покосами. Такъ, за стрѣльцами, жившими особою слободою подъ непосредственнымъ управленіемъ своихъ пятидесятниковъ и десятниковъ, въ числѣ ста дворовъ и въ такомъ же количествѣ человѣкъ, значилось: „пашни подъ Краснымъ лѣсомъ по обѣ стороны по Новосильской дорогѣ къ Крутому верху и за Крутой верхъ подлѣ Краснаго лѣсу паханья добрыя земли 355 четей въ полѣ, да дикого поля 457 четей, обоего — пашни паханья и дикого поля 812 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; за пятидесятники по 10 чети, а за десятники по 9 четей, а за рядовыми стрѣльцы по 8 четей за человѣкомъ; да сѣнныхъ покосовъ по логомъ и по верхомъ и по рѣкѣ по Трудамъ и за рѣкою за Трудами по дубровамъ и по дикому полю 1700 копенъ“. — Пушкари, затинщики и воротники имѣли за собою „пашни паханья добрыя земли (смежной съ казацкою и землями за — Ливенской слободы и Казачьей Никольской слободы) къ Сербодову лѣсу 340 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; пушкари и затинщики по 10 чети, а воротники по 5 чети на человѣка; сѣна у рѣки Серболовки и по логомъ и по верхомъ 550 копенъ“. — За воротниками состояло: „пашни подъ Краснымъ лѣсомъ Сторожевая поляна по обѣ стороны рѣки Полевой Ливны паханья 36 чети, да дикого поля 86 чети, обоего — пашни паханья и дикого поля 120 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, — по 10 чети за человѣкомъ; сѣна по рѣкѣ по Полевой Ливнѣ и по верхомъ и по логомъ и по дикому полю

*) Приправочная, листъ 36.

240 копенъ, по 20 копенъ челоѣку“.—Надѣль Ямскихъ охотниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ *староста*, былъ богаче другихъ служилыхъ людей: за ними было „паша подъ Краснымъ лѣсомъ вверхъ по рѣкѣ по Ливнѣ паханья добрыя земли 60 чети, да дикого поля 170 чети, обоего—паша паханья и перелогу и дикого поля 280 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 четей за ямщикомъ; да имъ же дано на выпускъ животины за рѣкою за Ливною, противъ рѣчки Лѣсныя Ливенки, 5 десятинь; Ямскія жъ слободы охотницкой порозжей земли 8-ми челоѣкъ пашни съ перелогомъ 40 чети, да дикого поля 120 чети, обоего—пашни съ перелогомъ и дикого поля 160 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и всего Ямскія слободы за охотники и порозжія Ямскихъ охотниковъ земли—пашни паханья и перелогу и дикого поля 300 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да Ямскія жъ слободы охотникомъ 20 челоѣкамъ дано на сѣно... покосовъ за рѣкою за Кщеневою по обѣ стороны колокъ 50 десятинь сѣна, ставится 1000 копенъ, по 20 копенъ на десятину, а владѣютъ Ямскія слободы охотники тою землею и сѣнными покосы по писцовой выписи Суда Каменного да подъячаго Василья Мартемьянова 112 (1604) году“.—За казаками Егорьевско-Ананасьевской слободы было: „паша паханья добрыя земли вверхъ по рѣкѣ по Соснѣ 1200 чети, да дикого поля 2540 чети, обоего—пашни паханья и дикого поля 3740 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 чети за челоѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 7480 копенъ; да 13-ти челоѣкъ убылыхъ казаковъ паша перелогомъ 110 чети, да дикого поля 200 чети, обоего—паша перелогомъ и дикого поля 260 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да дву челоѣкъ сотниковъ казацкихъ порозжей земли—паша перелогомъ и дикого поля 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.—Во владѣніи казаковъ Никольской слободы находилось: „паша паханья добрыя земли вверхъ по рѣкѣ по Ливнѣ межъ Пушкарскія земли и межъ Ямскихъ охотниковъ земли 700 чети, да дикого поля 150 чети, обоего... 2200 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 чети за челоѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 4400 копенъ; да 20 челоѣкъ убылыхъ казаковъ порозжей земли—паша перелогомъ 100 чети, да дикого поля 300 чети, обоего... 400 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да сотничьи порозжей земли—паша перелогомъ и дикого поля 50 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.—Во владѣніи казаковъ за—Ливенскихъ Покровской и Успенской слободъ состояло: „паша паханья добрыя земли отъ посаду внизъ по рѣкѣ по Соснѣ, по обѣ стороны Елецкой дороги, 2340 чети, да дикого поля 2340 чети, обоего... 4680 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,—по 20 чети за челоѣкомъ; да 36-ти челоѣкъ выбылыхъ казаковъ паша перелогомъ и дикого поля 720 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да трехъ челоѣкъ сотниковъ казацкихъ порозжія земли—паша перелогомъ и дикого поля 150 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна казакомъ и порозжихъ выбылыхъ казаковъ межъ полъ по логомъ и по верхомъ, и по дикому

полю, и по дубровамъ 5400 копенъ“. — За Бѣломѣстными казаками было: „наши за сотникомъ и за пятидесятникомъ и за десятники и за казаки 600 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, — по 10 чети за человѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по заполицамъ 1200 копенъ, по 20 копенъ человѣку“.

Въ началѣ 17-го вѣка на Ливнахъ находилось 15 церквей, а съ четырьмя придѣльными — 19, не включая сюда Дмитріевской церкви, что въ Бѣломѣстной слободѣ — за рѣкою Сосною. — Приходскихъ жилыхъ дворовъ въ большомъ острогѣ — на посадѣ — въ разныхъ слободахъ, кромѣ Разрядной избы, Кабацкаго и Богадѣленнаго дворовъ, также домовъ священно-церковно-служительскихъ (15), воеводскихъ (2), дѣтей боярскихъ (8), разныхъ келлій (18), въ которыхъ жили пономары, просвирицы и нищіе, и келлій Сергіевскаго монастыря, — считалось 676, а съ Бѣломѣстною слободою — 736.

Построеніе г. Ливень на Быстрой Соснѣ было для Крыма какъ бы своего рода бѣломомъ на глазу *). Крымцы все еще считали правый берегъ Сосны своимъ, а городъ Ливны какъ бы пограничнымъ пунктомъ между Московскимъ государствомъ и Крымскимъ царствомъ. Здѣсь съѣзжались для переговоровъ Московскіе и Крымскіе послы, заключались мирные договоры, происходилъ размѣнъ пословъ и т. под. Такъ, послѣ опустошительнаго нападенія Крымцевъ на Московскую Украину въ 1592 году, царь Феодоръ Іоанновичъ, отправляя въ Крымъ своего посла и оставляя на Москвѣ Крымскаго — Аллабердея мурзу, велѣлъ передать хану: „Когда нашъ посланникъ Сементъ Безобразовъ и твои гонцы въ Крымъ къ тебѣ придуть, то ты тотчасъ отпусти къ намъ своего гонца легкаго и отпиши, какого своего добраго человѣка нарядишь къ намъ въ послахъ и какого большаго своего человѣка пошлешь къ намъ въ провожатыхъ, который съ нашимъ добрымъ человѣкомъ у Ливень будетъ говорить о вѣчномъ мирѣ; напиши, къ какому сроку быть имъ къ Ливнамъ и взять нашего посла и твоего посла Аллабердея съ большими поминками и запросными деньгами; мы къ этому сроку пришлемъ при своемъ послѣ, князь Меркурій Щербатомъ, и своего добраго человѣка, который съ твоимъ ближнимъ великимъ человѣкомъ о всякихъ дѣлахъ приговорить и размѣняется послами по прежнему обычаю: нашъ посолъ, князь Щербатый, и твой посолъ Аллабердей пойдуть къ тебѣ, а твой новый посолъ и нашъ старый посланникъ Безобразовъ пойдуть къ намъ“ **). Въ ноябрѣ 1593 года вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отправились въ Ливны: бояринъ князь Феодоръ Яковлевичъ Хворостининъ да оружиичій Богданъ Ивановичъ Бѣльскій для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ съ ханскимъ уполномоченнымъ Ахметъ-пашею. Пріѣхавши въ Ливны, Хворостининъ послалъ сказать Ахметъ-пашѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нимъ за рѣку Сосну на переговоры. Ахметъ отвѣчалъ, что ему ѣхать за рѣку невмѣстно: прежде пріѣзжалъ

*) Истор. Рос. Соловьева, изд. 4, т. 7, стр. 318.

**) Исторія Россіи Соловьева, т. 7, изд. 4, стр. 320.

въ Путивль большой его братъ Муратъ князь, а съ Москвы прїѣзжалъ тогда на размѣну пословъ Андрей Нагой, который прїѣзжалъ за р. Сеймъ къ Мурату князю въ шатерь; потому теперь онъ, Ахметъ-паша, государя своего имени потерять и прежняго обычая нарушить не хочетъ. Хворостининъ возражалъ, что Андрей Нагой былъ дворянинъ обычный и великаго такого дѣла тогда не было, а теперь для великаго дѣла посланы люди великіе. Ахметъ отвѣчалъ, что и онъ у своего государя чело-вѣкъ именитый же, да и служба его къ царю Феодору Ивановичу вѣдома, и ему отъ хана приказъ — за Сосну не ѣздить. Когда Хворостининъ далъ знать объ этомъ затрудненіи царю, то получилъ грамоту: „Сами знаете, что по ту и по сю сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали къ Ахметъ-пашѣ, что вы для добраго дѣла и мимо нашего указа свой съѣзжій шатерь на ихъ сторонѣ велите поставить, только бы Ахметъ-паша прїѣзжалъ къ вамъ на съѣздъ въ вашъ шатерь“. Но Хворостининъ урядился съ Ахметъ-пашею иначе: поладили съѣзжаться на серединѣ рѣки на мосту. Ахметъ далъ шерть за хана и царевичей — быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ царемъ, а Хворостининъ обѣщаль; „если ханъ, калга и всѣ царевичи въ своей правдѣ устоятъ, лѣтомъ 1594 года на Московскія украины воевать не будутъ, то государь осенью пословъ своихъ и другую половину запроса къ хану пришлетъ (первую половину везъ Щербатовъ), и впередъ поминки станеть посылать ежегодно; государя нашего слово иначе не будетъ, въ томъ вѣрьте намъ“. Ахметъ отвѣчалъ: „я вашимъ словамъ вѣрю“. Потомъ Ахметъ сталъ говорить, чтобъ государь велѣлъ казаковъ съ Дона свести, а къ Дербенту и Шемахѣ дорогу велѣлъ очистить. Хворостининъ отвѣчалъ, что „на Дону живутъ казаки воры бѣглецы люди, и живучи на Дону, сложась съ запорожскими черкасами, Азовъ тѣснятъ безъ государева вѣдома и государевыхъ посланниковъ не слушаютъ; а теперь, какъ вашъ государь съ нашимъ государемъ укрѣпятся, то государь нашъ пошлетъ на Донъ рать свою, и велитъ тѣхъ воровъ, донскихъ казаковъ, перехватать и перевѣшать, остальныхъ съ Дона сослать, и впередъ на Дону не будетъ ни одного челоука; а на Терку государь пошлетъ воеводамъ крѣпкій наказъ, чтобъ турецкимъ людямъ тѣсноты и помѣшки нигдѣ не дѣлали“ *). Щербатовъ же отвезъ въ Крымъ 10,000 р. хану и 17,000 деньгами для раздачи калгѣ, князьямъ, мурзамъ и уланамъ. Въ царствованіе Феодора Иоанновича, Крымскихъ гонцовъ отпускали изъ Ливенъ съ провожатыми; царь же Борисъ запретилъ оказывать такую честь ханскимъ посламъ, потому что они провожатыхъ бьютъ и въ полонъ берутъ **).

*) Тамъ-же, стр. 322—323.

**) Исторія Россіи, Соловьева, т. 8, стр. 38.

VI.

Станы, села, деревни, погосты, слободы, займища и починки на пространствах Ливенскаго уѣзда въ началѣ 17-го вѣка.

Значеніе города Ливень для обитателей бассейна р. Сосны. — Мѣстность первыхъ поселковъ и древніе станы въ Ливенскомъ уѣздѣ: Красный, Серболовъ, Затруцкій и Мокрецкій. — Разныя поселенія въ каждомъ станѣ. — Общее количество поселеній, дворовъ, людей, пашни и сѣнныхъ покосовъ за помѣщиками и крестьянами. — Древніе помѣщики, какъ піонеры и колонизаторы Ливенскаго уѣзда. — Ихъ матеріальное обезпеченіе и семейный бытъ.

Построеніе города Ливень имѣло важное значеніе для всего верхняго бассейна Быстрой Сосны. Подъ защитою городовыхъ укрѣпленій и бдительною охраною сторожъ, раскинутыхъ по берегамъ Быстрой Сосны и ея притоковъ, этотъ край, дотолѣ пустынный и дикій, началъ замѣтно оживляться и пріобрѣтать работниковъ для своего культивированія. Хотя бранная тревога не прошла еще здѣсь, и надъ обитателями Сосны по прежнему проносились военныя бури, обращавшія въ прахъ мирныя „починки“ и займища, деревни и слободы; за то нападенія непріятелей не были уже такъ внезапны, и, на случай появленія Татаръ, теперь можно было найти безопасное убѣжище, укрыть отъ плѣна и меча жену и дѣтей, спасти отъ разграбленія и самыя „животы“, т. е. скотъ и вообще движимое имущество. Такимъ надежнымъ убѣжищемъ служило именно городское укрѣпленіе, съ постояннымъ въ немъ гарнизономъ и воеводою во главѣ. На обязанности воеводы лежало охраненіе не только города, но и всего уѣзда. Поэтому, какъ только приходили на городъ вѣсти о приближеніи „воинскихъ людей“ (т. е. Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ), воевода высылалъ въ уѣздъ, во все его станы и волости, дѣтей боярскихъ и приказныхъ съ объявленіемъ, чтобы все служилые и несслужилые люди, дѣти боярскіе съ женами и дѣтьми, вдовы и недоросли, спѣшили тотчасъ въ городъ — „въ осаду“, а кто въ осаду не пойдетъ или не пойдетъ и возмутъ его Татары, и тотъ будетъ выкупаться изъ плѣна и выкупать свою родню самъ, а изъ Государевой казны ему выкупа не ожидать; ослушниковъ сажали въ тюрьму и выпускали изъ нея только за крѣпкими письменными поруками, что въ извѣстный срокъ они доставятъ свои семейства въ осаду; кромѣ того, за ослушаніе наказывали сыскомъ прогоновъ, истраченныхъ на ихъ поиски и доставку въ городъ, били кнутомъ и батогами. Особенно строго отвѣчали за несвоевременную явку, по вѣстямъ, служилые дѣти боярскіе: „а дѣти бы боярскіе по вѣстемъ по домоу не

мѣшкали, тотчасъ были на Государевѣ службѣ у воеводъ въ полкахъ со всею службою; а которые дѣти боярскіе по вѣстемъ про воинскихъ людей у воеводъ въ полкахъ тотчасъ не будутъ, а воеводамъ будетъ въ тѣ поры которое Государево дѣло съ воинскими людьми, и тѣмъ дѣтемъ боярскимъ... бити казненнымъ смертію, а хотя... ни котораго Государева дѣла и не будетъ, ... и тѣхъ дѣтей боярскихъ... за ослушанье бити кнутемъ, а помѣстей и денежнаго жалованья убавлявати по Государеву указу“.

Воевода наблюдалъ также, чтобы всѣ, собравшіеся въ городъ, были своевременно переписаны, чтобы ихъ почаще осматривали и никому не дозволяли выходить изъ города по одиночкѣ „во все лѣто, чтобы ихъ Татарове не взяли“. Высшее правительство всѣми мѣрами покровительствовало заселенію украинскихъ мѣстъ; оно щедро награждало земельными участками служилыхъ людей, выдавало имъ и семействамъ ихъ за изронъ, плѣнъ и смерть денежное жалованье, позволяло селиться на ихъ земляхъ всякимъ „охоцкимъ“ и „гулящимъ людямъ“, бобылямъ, выходцамъ изъ Черкасъ и т. п. И вотъ, за массою служилыхъ людей какъ въ городѣ Ливнахъ, такъ и въ его уѣздѣ селятся еще ихъ братья и племянники, разные свойственники, половинчики, захребетники, сосѣди и подсосѣдники, полоняники, нищіе, ходящіе и шатающіеся „межь дворъ“. Тревожна была жизнь на Ливнахъ; но за то, кто желалъ трудиться, тотъ зналъ, что здѣсь всякій трудъ съ избыткомъ вознаграждался плодородіемъ почвы и обиліемъ всякихъ угодій; что на берегахъ Сосны всякаго неосторожнаго Татары легко могутъ ограбить, убить и взять въ плѣнъ, но что усердному труженику невозможно здѣсь умереть съ голоду, а человѣку пылкому, не уживающемуся почему-либо на своемъ мѣстѣ, провинившемуся гдѣ бы то ни было и ищущему новаго мѣста для поселенія—удобно найти пріютъ, проявить свою удалъ на службѣ Государевой и даже, что называется, выйти въ люди. Что еще такъ недавно, на памяти многихъ, былъ для Русскаго государства Кавказъ, то, въ описываемое нами время, представлялъ изъ себя для Московскаго царства Ливенскій сторожевой, станичный край.

Исторія не сохранила намъ яснаго указанія на то, гдѣ, въ какихъ именно мѣстахъ на Быстрой Соснѣ и ея притокахъ сохранялись поселенія до построенія города Ливень въ 1586 году. Изъ того, что въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго выжигалось поле сплошь между Чернавой, Любовшей и Трудами, а также между Тимомъ, Кшенью и Олымомъ, мы имѣемъ право заключать, что здѣсь не было тогда поселеній; эта мѣстность, по которой имѣли обычай „перехаживать Татары“, очевидно, была открытою, лежала впускѣ. Если и уцѣлѣли здѣсь поселенцы отъ прошлаго времени, то до построенія города Ливень въ 1586 году они должны были ютиться вдали отъ главныхъ Крымскихъ дорогъ, у чащи лѣсовъ, подъ прикрытіемъ топей и овраговъ, которыхъ Крымцы обыкновенно старались избѣгать на своемъ пути въ Русь*).

*) Есть преданіе, что однажды Татары, попавъ въ болото при деревнѣ Дутой, всѣ погрязли.

Отсюда и всѣ станы, образованные въ Ливенскомъ уѣздѣ, получили свои названія отъ лѣсовъ. Всѣхъ становъ было четыре: Красный, Серболовъ, Затруцкій (т. е. за р. Трудами по отношенію къ г. Ливнамъ) и Мокрецкій. Въ станѣ находилось сперва лишь по одному селу, по нѣскольку селець, погостовъ, деревень, слободъ, займищъ и починковъ, и всѣ эти поселенія тѣснились подъ тѣмъ или другимъ лѣсомъ, у какого-нибудь „рога“, оврага, „отвершка“, или „крутаго верха“, или „ржавца“, при рѣчкѣ или колодезѣ, озерѣ или болотѣ. Чтобы ближе познакомиться съ древнѣйшими поселками Ливенскаго уѣзда, изъ которыхъ впоследствии многимъ суждено было вырасти въ людныя села, мы воспользуемся „Приправочною книгою 1615 года по г. Ливнамъ и его уѣзду“, какъ древнѣйшимъ топографическимъ документомъ этой мѣстности, и сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія изложимъ въ порядкѣ становъ.

А) *Красный станъ*. Этотъ станъ, ближайшій къ городу Ливнамъ, расположенъ былъ на лѣвомъ берегу рѣки Сосны и ея притоковъ — Лѣсной и Полевой Ливны, Чернавы и ихъ притоковъ (колодезей): Здоровца, Евланова, Бѣлаго, Хвоцеватаго (Песковатаго тожъ) и Хрущеватаго, Ребинскаго, Жилеваго, Присынскаго и Кривецкаго, въ области лѣсовъ: Краснаго, Сторожеваго, Жилеваго и Присынскаго. Въ Красномъ стану находились слѣдующія поселенія:

1) Деревня Здоровецъ, усть Никольскаго Верха, при колодезѣ Здоровцѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ*).

2) Деревня Зубцова въ Долгой Полянѣ, что былъ починокъ Буняевскій, Мишутвино тожъ, на рч. Лѣсной Ливнѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ.

3) Погостъ на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи землѣ, на рч. Лѣсной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ, а на погостѣ церковь Николы Чудотворца, да придѣлъ Св. Мучениковъ Фрола и Лавра, дреяна клѣтцки; отъ войны 1613 года стоитъ не освящена; строенья та церковь попа Назарья; на погостѣ дворъ вдовья попады попа Назарья Парасковьицы съ дѣтьми; пашни паханныя церковныя земли 2 чети, да дикого поля и дубравы пашенныя 18 чети, обоего — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна — въ Красномъ лѣсу полянка; Гуляевская на р. на Лѣсной Ливнѣ 2 десятины, сѣна косятъ 40 копенъ, по 20 копенъ на десятинѣ **).

*) Въ настоящее время, близъ церкви села Здоровца, въ 10 верстахъ отъ Ливенъ, на берегу рч. Лѣсной Ливенки есть урочище — *Лузь Ертаровка*. По преданію, названіе это происходитъ отъ того, что во время Азовскаго похода Петра Великаго на этомъ лугу останавливались рейтары (всадники).

**) Въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ 1626—1629 г.г. говорится объ этой церкви: „а строенья та церковь попа Анурова отца Назарья, на погостѣ дворъ попа Ануря, ниже стрѣлицы, на Поклонной горѣ, на подоль, по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ, да бобылей 5 дворовъ; пашни паханныя церковныя земли отъ церкви съ одну сторону въ верхъ по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ по Иванову землю Красова съ товарищи деревни Зубцовы, а съ другую сторону внизъ по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ къ усть Бѣлому колодезю 9 чети, да дикого поля дубровы пашенныя 11 чети, обоего: пашни паханныя и дикого поля и дубровы паханныя 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна въ Красномъ стану полянка Гулевская Григорьева, Малая тожъ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливнѣ, 2 десятины, сѣна на ней косятъ 40 копенъ, по 20 коп. на десятинѣ; да церковныя жъ земли по выписи воеводы князя Михайла

4. Деревня Евлановъ Рогъ, подь Краснымъ лѣсомъ.
5. Деревня, что было займище *) Присова, подь Евлановымъ Рогомъ, на р. Лѣсной Ливнѣ.
6. Деревня Семенихина подь Краснымъ лѣсомъ, подь Евлановымъ Рогомъ.
7. Деревня Присыскъ подь Присыскомъ — лѣсомъ на колодезѣ Присыскѣ, по большой Новосильской дорогѣ.
8. Деревня Роговая подь Краснымъ лѣсомъ подь Евлановымъ Рогомъ.
9. Деревня Лопанина, сверхъ Евланова колодезя, подь Краснымъ лѣсомъ.
10. Деревня, что было займище Алексѣя Зайцева, сверхъ Евланова колодезя, подь Краснымъ лѣсомъ.
11. Село Пятницкое, что была деревня Парахина, сверхъ Евланова (Бѣлаго) колодезя, подь Краснымъ лѣсомъ, а въ селѣ церковь Св. Великомученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы, древяна клѣтцки: строенье той церкви и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское; въ селѣ дворъ поповъ Васильевъ, да на погостѣ жъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіей (кромѣ того еще 3 двора); при церкви наши паханья, да перелогу, да дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ, врядъ съ помѣщики Парахиними, 40 копенъ подь Краснымъ лѣсомъ **)
12. Деревня Орлова, Хвоцеватое тожъ, сверхъ Хвоцеватаго и Хрущеватаго колодезя, подь Краснымъ лѣсомъ.
13. Деревня Чювахина, Чюхова тожъ, на Полевой Ливнѣ, у Краснаго лѣса.
14. Деревня Косьянова на отвершку у Краснаго лѣса, на Рогу.
15. Деревня Плотовая, Люта тожъ, на Полевой Ливнѣ, подь Краснымъ лѣсомъ.
16. Погостъ на Государевѣ... землѣ подь Краснымъ лѣсомъ. межъ дву отвершковъ на рч. на Полевой Ливнѣ, а на погостѣ церковь во имя Страстотерца Христова Егорья, древяна клѣтцки; строенье — та церковь и въ церкви образы мѣстные и Деисусы и книги и всякое церковное строенье пона Саввы ***) да на погостѣ дворъ поповъ Саввинъ, да на погостѣ жъ дворъ пономаря Ивана, да на погостѣ жъ живутъ

Волкомскаго, 131 (1623) году мая въ 5 день, что дано подь придѣлъ св. мученикъ Фрота и Лавра, по ковецъ полъ тоя жъ церковныя Никольскія земли съ одну сторону рѣчки Лѣсной Ливны, да помѣстныя и вотчинныя земли Ливенца Мишки Теряева, да казачья сына Тришки Васлонова, пашни паханья церковныя добрыя земли четь, да дикого поля и дубровы пашенныя 9 чети, обоего... 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 20 копенъ; и всего церковныя пашни паханья и дикого поля и дубровы пашенныя 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсъ Красной вопче съ помѣщикии“.

*) „Займище“ — мѣсто, назначенное подь расчистку для пашни или угодьевъ.

**) По писцовымъ книгамаъ 1626 — 29 гг. въ этомъ селѣ: «дворъ пона Нефодья, дворъ вдовыя понады (вѣроятно — Васильевой) Марьи, дворъ церковнаго дьячка Лучки Исаева, дворъ пономаря Ивашки Яковлева, да большескихъ 3 двора». Кромѣ вышеуказанной пропорціи земли, въ это время при церкви села Пятницкаго считалось еще «примѣрныя земли 15 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и та примѣрная земля отмѣрена врядъ съ тою жъ церковною землею“.

***) Въ писцовой 1626 — 1629 гг. добавлено: «и приходскихъ людей».

ниці: Андрюшка Кобцовъ, Сидорка Шеталовъ, питаются отъ церкви Божіей; наши паханья церковныя добрыя земли 2 чети, да перелогу 3 чети, да дикого поля 15 чети, обоого — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а писана та церковная земля и дорога въ Серболовъ лѣсъ письма Михайлы Неѣлова да подъячаго Гордѣя Баба-нина во 108 (1600) году *). И попъ Савва на ту церковную землю тоя выписи не положилъ.

17. Деревня Пашкова на рч. Полевой Ливнѣ, на колодезѣ на Рыбникѣ (Рыб-ницѣ), подъ Краснымъ лѣсомъ.

18. Деревня Хвощеватая (Хвощевка), Потапова тожъ, на рч. на Полевой Лив-нѣ, усть Хвощеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

19. Деревня, что было займище Присада, позднѣе—Костомарова, подъ Краснымъ лѣсомъ, на р. Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колодезя, Песковатаго тожъ.

20. Деревня Жилова, подъ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевѣ колодезѣ.

21. Сельцо (Пречистенское) на Рогу подъ Сторожевымъ лѣсомъ, на Кривецкомъ колодезѣ (за рѣкою за Чернавою), а въ немъ церковь Пресвятыя Богородицы, древя-на клѣтки, на Государевѣ... землѣ, строенье—та церковь и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское, а на погостѣ дворъ поповъ Ѳеодоровъ, да мѣсто дворовое просвирницыно, да мѣсто дворовое пономарское; пашни паханья цер-ковныя земли 2 чети, да пашни перелогомъ 3 чети, да дикого поля 15 чети, обо-его... 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Сторожевой обще съ помѣщики.

22. Деревня Золотухина, подъ Сторожевымъ лѣсомъ.

23. Деревня Соловьева, подъ Сторожевымъ лѣсомъ.

24. Деревня Чернянская, подъ Сторожевымъ лѣсомъ **).

Итого въ Красномъ стану въ 1615 году состояло: 1 село, 1 сельцо и 22 де-ревни, полагая въ томъ числѣ и 3 погоста. Сверхъ того, въ общемъ итогѣ „Пере-писной книги“ показывается: „деревня безъ жеребья, да починокъ ***) живущихъ, да пустошь, да въ пустоши 7 жеребьевъ. А въ селѣ и въ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкѣ 200 дворовъ помѣщиковыхъ, да 105 дворовъ крестьянскихъ, да 15 дворовъ бобыльскихъ; а людей въ нихъ: помѣщиковъ 191 чел., да 20 вдовъ, да 48 недо-рослей ****); крестьянъ 106 чел., бобылей 15 чел. Пашни паханья помѣщиковы и

*) Къ 1626 году на этомъ погостѣ произошли слѣдующія перемѣны: попъ Савва овдовѣлъ, и вмѣсто него попомъ былъ Аванасій; пономаря Ивана не стало, и его мѣсто занималъ Игнашка Ивановъ; вмѣсто нищихъ на погостѣ жили особыми дворами 5 бобылей; обработка церковной земли подвинулась такъ, что „добрыя земли считалось уже 5 чети съ осминою, перелогу 8 чети, а дикаго поля только 6 чети; на сѣножать отведено было 3 десятины,—и на нихъ косятъ 60 копенъ“; кромѣ вышеозначенныхъ 20 чети, въ это время значилось еще „примѣрныя церковныя земли 25 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

**) О Красномъ станѣ въ Приправочной книгѣ см. стр. 45—179.

***) Починокъ—на вновь расчищенномъ лѣсномъ мѣстѣ, или выселокъ.

****) Недоросль—не достигшій совершеннолѣтія.

крестьянскія 227 чети, да перелогу и дикого поля 15272 чети, обоего—15499 чети въ полѣ, а въ дву по тому жь... Да церковныя земли въ селѣ, да въ сельцѣ, да въ дву погостехъ пашни паханныя и перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жь; сѣна 180 копенъ“ (въ томъ числѣ 60 копенъ, вѣроятно, погоста Егорьевскаго, о сѣнныхъ покосахъ котораго не упомянуто въ „Приправочной“).

Б) *Серболовъ станъ*. Онъ находился по теченію р. Чернавы и многочисленныхъ колодезей, каковы: Жилевой, Полой, Куначъ, Хмѣлевой, Шиловъ, Дайминовъ и Туровець, въ области лѣсовъ—Серболова, Оберецкаго, Богданова, Хмѣлеваго, большаго и меньшаго Туровца, большаго Кривецкаго, Плоскаго и Средняго. Въ этомъ стану были слѣдующія поселенія:

1. Деревня Малахова, подъ Серболовымъ лѣсомъ, у Полова колодезя.
2. Деревня Оберець, что былъ починокъ Оберець, подъ лѣскомъ Оберцомъ (нынѣ село Покровское).
3. Деревня Островъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя (нынѣ село).

4. Погостъ на Государевѣ. . . землѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Половой воды съ правой стороны, на суходолѣ, а на погостѣ церковь Преображеніе Спасово, деревяна клѣтци; строеніе той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе Степана Мишина да дѣтей его, Семена да попа Ивана, да на погостѣ дворъ Степана Мишина съ дѣтьми—Семеномъ да съ попомъ Иваномъ, да дворъ пономаревъ Сени Филатова, да на погостѣ живутъ нищіе: Микифоръ Васильевъ, Ивашко Сѣдой, Мишка Терентьевъ, а питаются отъ церкви Божіей; пашни паханныя церковныя добрыя земли 3 чети, да перелогомъ 5 чети, да дикого поля 12 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жь; сѣна по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; лѣсъ Серболовъ обще съ помѣщики *).

5. Деревня Прилвыны, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя.
6. Деревня Сторожевая, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя.
7. Деревня Гниловоды, подъ Серболовымъ лѣсомъ и на Гниломъ озерѣ.
8. Деревня Куначъ Вышній, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ колодезя Кунача.
9. Деревня Чернянская, подъ Богдановымъ лѣсомъ, сверхъ Хмеленскаго колодезя.
10. Село Егорьевское, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмеленскаго (Хмелеваго) колодезя, на Верхней Плотѣ, а въ селѣ церковь Стратотерпца Христова Егорія, деревяна клѣтци; строеніе той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе все приходское; въ селѣ дворъ поповъ Ивановъ, да дворъ поповъ Юсифовъ, да дворъ пономаревъ Прохоровъ; пашни паханныя церковныя добрыя

*) Къ 1626-му году попь Иванъ овдовѣлъ, и вмѣсто него священнодѣйствовалъ уже попь Маркелль; дьячкомъ былъ Митька Семеновъ, а пономаремъ Петрушка Семеновъ (очевидно, внуки помѣщика Мишина и племянники бывшаго попа Ивана); на погостѣ же вмѣсто нищихъ жили дворами 6 бобылей; обработка церковной земли подвинулась всего на одну «четь съ третникомъ добрыя земли».

земли 5 чети, да дикого поля 15 чети, обоего—20 чети, а въ дву по тому-жь; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 60 копенъ; лѣсъ Богдановъ обще съ разными помѣщиками *).

11. Деревня Новосильская, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмѣлеваго колодезя.

12 Деревня Крутая, подъ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ Верху.

13. Деревня Сторожевая, подъ Туровымъ лѣсомъ.

14. Деревня Быкова, подъ Туровымъ лѣсомъ и на Шиловѣ колодезѣ.

15. Село Пречистенское, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ, на Дайминовѣ колодезѣ, а въ селѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, древяна клѣтчки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье попа Ивана, да въ селѣ дворъ поповъ Ивановъ, да просвирицы Офимьи, да дворъ пономаревъ Карповъ, да на погостѣ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіей: Микифоръ Игнатовъ, Ѳедька Матвѣевъ; пашни паханья церковныя добрыя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жь, да сѣнныхъ покосовъ и межъ *поль* **) и по логомъ и по верхомъ и по дубровамъ и по ржавцамъ ***) по р. по Чернавѣ и за р. за Чернаву 60 копенъ, а по селитовой и по дровяной лѣсъ вѣзжать ему въ Большой Туровъ лѣсъ ****).

16. Деревня Кутепова, подъ Туровымъ лѣсомъ, на Дайминовомъ Отвершку.

17. Деревня Городилова, подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ, на рѣкѣ Чернавѣ

18. Погостъ на Государевѣ ... землѣ подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ, а на погостѣ церковь Архангела Михаила, древяна клѣтчки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье попа Филата*****); пашни паханья церковныя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети; сѣна межъ полъ по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 60 копенъ; по селитовой лѣсъ вѣзжать ему въ Малой Туровецъ.

19. Деревня Нетесова, на колодезѣ Туровцѣ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ.

20. Деревня Юрова, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ Верху.

*) Къ 1626 году въ составѣ причта села Егорьевскаго произошли значительныя перемѣны, вслѣдствіе которыхъ установились новыя отношенія между владѣльцами церковной земли. Именно: за вдовымъ попомъ Ивановымъ большимъ («на трети») съ дьячкомъ Кленкою 7 чети безъ третника, а за попомъ Ивановымъ меньшимъ съ пономаремъ Дронкою 13 чети съ третникомъ; сѣна (изъ 40 копенъ) вдовому попу Ивану съ дьячкомъ Кленкою 13 копенъ съ третью копною, а Ивану меньшему съ пономаремъ Дронкою 27 копенъ безъ третью коппы, «а въ полѣ и въ дачахъ равняться имъ межъ себя самимъ по записямъ—вдовому попу Ивану съ дьячкомъ третью, а Ивану меньшему съ пономаремъ 2 трети».

**) *Поль*—берегъ, сторона.

***) *Ржавецъ*—болотина, топь.

****) По писцовымъ книгамъ 1626—1629 гг. причтъ села Пречистенскаго составляли: два попа—Иванъ и Григорій, дьячекъ Парфенка Лукинъ и пономарь Васьянъ Агѣевъ; на погостѣ было мѣсто проскуриницыно, да большескихъ 2 двора; пашни паханья добрыя земли считалось уже (вмѣсто 2 ч.) 5 чети.

*****) По писцовой 1626—1629 г.—«попа Іосифа (очевидно, преемника Филатова); при попѣ Іосифѣ «пашни паханья церковныя добрыя земли по верху къ Сосѣѣ» считалось уже не 2, а 3 чети съ осминою.

21. Деревня Ясная Поляна подъ Туровымъ лѣсомъ.

22. Починокъ Волчья Поляна подъ Туровымъ лѣсомъ.

23. Деревня Грязцы, на Черной Гязи, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмѣлеваго колодезя.

24. Починокъ Мухортовъ въ деревнѣ Грязцы.

25. Деревня Хмѣлевая подъ Хмѣлевымъ лѣсомъ, на Хмѣлевомъ колодезѣ.

26. Деревня Нижній Куначъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Куначкомъ колодезѣ*).

Итого въ Серболовомъ стану: 2 села, 16 деревень, 4 деревни безъ 7-ми жеребевъ, 2 починка живущихъ, да 4 пустоши на дикомъ полѣ; дворовъ: помѣщичьихъ 268, крестьянскихъ 39, бобыльскихъ 4; людей: помѣщичьихъ 261 ч., да 8 вдовъ, да 37 недорослей; крестьянъ 39 ч., бобылей 4 ч.; пашни: „паханья помѣщичьихъ и крестьянскія добрыя земли 269 чети съ осминою и съ четверикомъ, да перелогу и дикого поля 15114 чети съ четверикомъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, — обоего... 15374 чети безъ полуосмины; сѣна 29262 копны... Да церковныя земли въ 2-хъ селахъ да въ 2-хъ погостехъ: пашни паханья и перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 220 копенъ.

В) *Затруцкій станъ* занималъ верхнее теченіе р. Сосны, въ области рѣчекъ — Фошны, Вязовика, Жерихани и колодезей: Плоскаго, Лѣснаго и полеваго Дросково, Никольскаго, Липовца и Теляжья, питаемыхъ лѣсами — Святицкимъ, большимъ и меньшимъ Вязовикомъ, Ястребовскимъ, большимъ и малымъ Дросковымъ, Жериханскимъ, Городецкимъ, Ясеновымъ, Ильмовымъ, Ровнецкимъ, большимъ Никольскимъ, Фошнинскимъ и Татариновымъ. Здѣсь поселенія:

1. Сельцо Нижній Вязовикъ, что было займище, подъ лѣсомъ Большимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ; въ немъ церковь Св. Чудотворца Николы, строена на Государевѣ землѣ, а въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе поповское, а на погостѣ той церкви дворъ поповъ Григорьевъ, да на погостѣ жъ келья, а въ ней живетъ пономарь; пашни паханья церковныя добрыя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по р. по Соснѣ и по рч. по Вязовику и по дикому полю межъ полъ по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; лѣсъ Большой Вязовикъ обще съ помѣщики **).

2. Деревня Средній Вязовикъ, подъ Большимъ Вязовикомъ лѣсомъ, на рч. Вязовикѣ.

3. Деревня Вышній Вязовикъ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ.

*) Приправочная, стр. 332—474.

**) Въ 1626—29 годахъ пономъ въ сельцѣ Нижнемъ Вязовикѣ былъ Логинъ, при которомъ все церковное строеніе считалось уже приходскимъ; пономаремъ былъ Васька Дементьевъ; на погостѣ жили дворами 2 бобыли; пашни паханья церковныя добрыя земли, вмѣсто 2 чети, значилось уже 5 чети съ третникомъ.

4. Деревня подъ Святитцкимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону Святитцкаго Верха.
5. Деревня подъ Святитцкимъ лѣсомъ, по правую сторону Святитцкаго Верха.
6. Деревня на усть Святитцкаго Верха, подъ Святитцкимъ лѣсомъ.
7. Село Богоявленское, на р. Хвошнѣ, на усть Плоского колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ, а въ селѣ церковь Богоявленія, деревяна клѣтчки, стоитъ на Государевѣхъ землѣ, отъ войны не освящена; строенье той церкви и всякое строенье въ ней поповское (Иваново), а на погостѣ дворъ поповъ Ивановъ; пашни паханья церковныя добрыя земли 1 четъ, да дикого поля 19 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по дубровамъ и по р. Хвошнѣ 60 копень; лѣсъ Средній обще съ помѣщики *).
8. Слободка, что было займище, на усть рч. Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣса.
9. Слободка сверхъ Жерыханскаго лѣса, на рч. Лѣсной Жерыхани.
10. Деревня Клевцова, сверхъ Плоскова колодезя, подъ Плоскимъ Среднимъ лѣсомъ.
11. Деревня верхъ Плоскова колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ.
12. Деревня подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ.
13. Деревня въ Большой Полянѣ и въ Хмѣлевомъ Куначѣ.
14. Деревня Харечкова, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ.
15. Деревня Башкатова, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ.
16. Деревня верхъ Дроскова Лѣснаго колодезя, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусовомъ Верху.
17. Деревня Шварева, подъ Дросковымъ лѣсомъ, на Среднемъ Отвершку.
18. Сельцо Архангельское, что было займище, подъ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусовомъ Верху, а въ сельцѣ церковь Архангела Михаила, деревяна клѣтчки, стоитъ на Государевой землѣ; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье попа Семена, да на погостѣ дворъ поповъ Семеновъ, да дворъ пономаревъ Ивановъ; наши паханья церковныя земли четверть съ осминою, да перелогу да дикого поля и дубровы 19 чети съ осминою, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и дубровамъ 60 копень; лѣсъ Большой Дросковъ со всѣми помѣщики **)

*) По писцовой 1626—1629 гг. причтъ села Богоявленскаго составляли: попъ Дмитрій, преемникъ „прежняго Ивана“, и дячекъ Юшка Ивановъ; строенье церкви называется уже „прежняго попа Ивана и приходскихъ людей“; доброй пашенной земли значилось уже не 1 четъ, а 5 чети, дикаго же поля убавилось—изъ 19-ти до 15-ти чети.

**) Въ 1626 году въ сельцѣ Архангельскомъ былъ тотъ же попъ Семень; дячкомъ состоялъ Митрошка Васильевъ, а пономаремъ Тимошка Артемьевъ; при погостѣ жили дворами 2 бобыля; церковной пашенной доброй земли считалось уже 4 чети съ осминою.

19. Починокъ верхъ Дроскова Верха, подь Большимъ Дросковымъ лѣсомъ.

20. Деревня Муратова, верхъ Дроскова Полеваго колодезя, подь Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.

21. Починокъ (Теряева) на Полевомъ Дросковомъ колодезѣ, подь Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.

22. Деревня Сѣтенева, на Полевомъ Дросковѣ колодезѣ, подь меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.

23. Ивановской починокъ Гранкина подь Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Полевомъ Дросковѣ колодезѣ.

24. Деревня Погонева подь Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ, по правую сторону Дросковаго колодезя.

25. Починокъ подь Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Долгой Полянѣ.

26. Деревня Морозова, подь Большимъ Дросковымъ лѣсомъ на Рогу, на Дросковомъ Отвершку.

27. Сельцо Дмитровское на р. Хвощиѣ подь Городецкимъ лѣсомъ, а въ сельцѣ церковь Страстотерца Христова Дмитрія Солунскаго, строенье той церкви поповское, стоитъ на Государевой землѣ, безъ пѣнія отъ войны, а на погостѣ мѣсто дворовое поповское: пашни перелогомъ церковной земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоого — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жь; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Городецкій обще съ помѣщики *).

28. Деревня усть р. Хвоцны.

29. Деревня на р. Соснѣ подь Ильмовымъ лѣсомъ.

30. Деревня Ровнецъ, подь Ровнецкимъ лѣсомъ, да къ ней же пустошь, что было сельцо Егорьевское **).

Итого въ Затруцкомъ стану: село безъ жеребья, да сельцо, да два сельца безъ жеребьевъ, да 13 деревень, да восемь деревень безъ 21 жеребья, да слободка, да двѣ слободки безъ шести жеребьевъ, да три починка, да починокъ безъ жеребья живущихъ, да въ дву пустошахъ четыре жеребья. А въ селѣ и въ сельцахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ слободкахъ 187 дворовъ помѣщиковъ, да 80 дворовъ крестьянскихъ, да 13 дворовъ бобыльскихъ. А людей въ нихъ: помѣщиковъ 166 человекъ, да 9 вдовъ, да 52 человекъ недорослей; крестьянъ 83 чел., бобылей 13 ч. — Пашни паханныя добрыя земли помѣщиковы и крестьянскія 143 чети, да перелогу и дикого поля и дубровы пашенныя 12760 чети безъ третника, обоого — 12903 чети

*) Церковь эта „разорена отъ Литовскихъ людей и отъ Татарскія войны въ 1616 году“; послѣ чего писцовая книга 1626—1629 г. обозначаетъ только мѣсто церковное да дворовое поповское.

**) Приправочная книга, стр. 475—532.

безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 24023 копны... Да церковныя земли въ селѣ да въ трехъ сельцахъ: пашни паханья да перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 220 копенъ.

Г) *Мокрецкій станъ*. Онъ лежалъ на правомъ берегу р. Сосны, въ области ея притоковъ—Тима и Кщеневои и колодезей—Свинаго, Бѣлаго и Плоскаго, гдѣ залегали лѣса—Мокрецкій, Плоскій и Лебедскій съ удеревьями—Кунацкою и Минниною. Это былъ наименѣе населенный станъ. Въ немъ:

1. Село Введенское, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, въ Долгой Полянѣ, а въ селѣ церковь Введенія Пречистыя Богородицы, древяна клѣтчки, на Государевѣ... землѣ, стоитъ безъ пѣнія отъ войны, строенье поповское, да на погостѣ дворъ поповъ Ждановъ, да на погостѣ жъ келья, а въ ней живетъ пономарь; пашни паханья церковныя земли четверть, да дикого поля 19 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ полъ и по логомъ и по дубровамъ и по дикому полю и по р. Соснѣ 60 копенъ; лѣсъ Мокрецкій обще съ помѣщики *).

2. Деревня Свиная подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

3. Деревня Чесночная, верхъ Свиного колодезя, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

4. Деревня, что было займище Евлановское, на Рогу, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, по верхъ озера и Евланова Рога.

5. Деревня Сторожева (или Сторожиловая) подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

6. Деревня Вышняя Роговая подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

7. Деревня Кудинова, на Плоскомъ колодезѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ.

8. Деревня Пятина на р. Тиму, подъ Плоскимъ лѣсомъ.

9. Деревня Шелохова, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму.

10. Сельцо Рождественское, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, а въ сельцѣ церковь Рождества Христова, древяна клѣтчки, отъ Татарскія войны стоитъ безъ пѣнія, строенье той церкви приходское, стоитъ на Государевѣ... землѣ, а на погостѣ у той церкви мѣсто дворовое поповское, да мѣсто дворовое пономарское, да мѣсто дворовое просвирицино; пашни перелогомъ церковныя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Плоской обще съ помѣщики **).

11. Деревня Лебедки, подъ лѣсомъ подъ Лебедками, на р. Тиму.

12. Починокъ на рѣкѣ Тиму.

13. Деревня на Среднемъ Острову на р. Соснѣ, подъ Кунацкою удеревью.

*) Въ 1626—1629 годахъ здѣсь понами были уже Евлампій и Илья, пономаремъ Ефимка Романовъ, проскурицею Дарьца, жившіе особыми дворами; при нихъ 3 двора бобылей: изъ 20 чети теперь церковной доброй земли показано уже 5 чети съ осминою, а подъ дикимъ полемъ 14 чети съ осминою; „да прихѣрния церковныя земли, что вымѣрено сверхъ церковныя дачи, пашни и дикого поля добрыя земли 23 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

**) По писцовой книгѣ 1626—1629 гг. въ этомъ сельцѣ показана вмѣсто церкви часовня; при ней дворъ попа Федора, мѣсто дворовое пономаря Сергушки и мѣсто дворовое проскурицино; количество пашни прежнее.

14. Починокъ на р. Соснѣ усть Кщеневой, на Мининой удеревн.

Итого въ Мокрецкомъ стану: „село, да 4 жеребья въ сельцѣ, да деревня, да 10 деревень безъ 18 жеребьевъ, да 2 починка живущихъ; а въ нихъ дворовъ: помѣщиковъ 76, крестьянскихъ 47, да 8 пустыхъ крестьянскихъ дворовъ, бобыльскихъ 6, а въ нихъ людей: помѣщиковъ 73 чел., да 4 вдовы, да 16 чел. недорослей; крестьянъ 48 чел., бобылей 6 чел. Пашни паханыя добрыя земли помѣщиковы и крестьянскія 74 чети съ осминою, да перелогу и дикого поля 5986 чети съ осминою, обоего — 6061 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 10988 копенъ... Да церковныя земли: пашни паханыя и перелогу и дикого поля 40 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 100 копенъ.

Всего въ 1615 году, по Приправочной книгѣ, въ Ливенскомъ уѣздѣ состояло: „помѣщиковъ 574 чел., да 48 вдовъ, да 153 чел. недорослей; за ними въ помѣстьяхъ: 4 села, да 2 сельца, да 1 село безъ жеребья, да 52 деревни, да 24 деревни безъ сорока семи жеребьевъ, да 8 починковъ, да починокъ безъ жеребья, да въ дву починкахъ четыре жеребья, да слободка, да 2 слободки безъ шести жеребьевъ, да 5 пустошей, да въ трехъ пустошахъ одиннадцать жеребьевъ. А въ селахъ и въ сельцахъ, и въ деревняхъ, и въ починкахъ, и въ слободкахъ 734 двора помѣщиковыхъ, да 271 дворъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 276 человекъ, да 38 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да 25 дворовъ крестьянскихъ пустыхъ. Пашни паханыя помѣщиковы и крестьянскія: добрыя земли 714 чети съ четверикомъ, да перелогу и дикого поля и дубравы пашеныя 49132 чети съ четверикомъ, обоего — 49846 чети съ полусосминою въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 92801 копна... Да монастырскія вотчинныя земли: пашни паханыя добрыя земли осмина, да перелогу и дикого поля 99 чети съ осминою, обоего — 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ... А положены въ Лив. уѣздѣ помѣсныя земли по Государеву указу въ соху по 800 чети. А напередъ сего въ Лив. уѣздѣ помѣсныя и монастырскія земли въ сошное писмо были не положены. Да въ Ливенскомъ же уѣздѣ въ 4-хъ станахъ церковной земли 208 чети. Да помѣсныхъ порожжихъ земель 5521 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ“.

Такъ было бѣдно и малочисленно поселеніями верхнее и среднее теченіе р. Сосны въ началѣ 17-го вѣка, спустя уже тридцать лѣтъ послѣ того, какъ здѣсь положено было прочное начало новой гражданственности подъ защитою города Ливенъ: всего около ста разныхъ поселеній, включая сюда и такіе ничтожныя, часто однодворные поселки, какъ починки и займища; 1043 жилыхъ двора на весь уѣздъ, который охватывалъ тогда и значительную часть нынѣшняго Малоархангельскаго уѣзда; 1041 человекъ — помѣщиковъ съ недорослями (безъ 48 вдовъ), крестьянами и бобылями! Положимъ, „переписная книга“ имѣетъ въ виду только людей служилыхъ, землевладѣльцевъ и сошныхъ, и не принимаетъ въ счетъ людей, не обязанныхъ службою в тягло; но послѣдняго рода людей успѣло тогда собраться во вновь засе-

ляемъ краѣ еще очень мало... Правда, переписная книга не беретъ въ счетъ свой и священно-церковно-служителей, т. е. поповъ, дьячковъ и пономарей; но много ли ихъ было въ 13-ти селахъ, сельцахъ и погостахъ?.. Не считаются здѣсь и нищіе, что жили на церковныхъ земляхъ и питались отъ церквей Божіихъ; но такіе люди насчитывались здѣсь не сотнями, а десятками. И вотъ, если мы къ числу людей по „Переписной“ присоединимъ и всѣхъ такихъ жителей, какъ священно-церковно-служители, гулящіе люди *), нищіе, захребетники **), сосѣди и подсосѣдники, даже съ ихъ женами и дѣтьми: то и тогда численность населенія Ливенскаго уѣзда, по всѣмъ вѣроятіямъ, не превыситъ трехъ-четырехъ тысячъ человекъ, а съ городомъ едва ли дойдетъ до шести тысячъ ***). Потому-то и посоль Крымскаго хана Джанибека-Гирея Ахметъ-паша Сулешовъ, въ 1614 году, предъ уполномоченными царя Михаила Ѳеодоровича для заключенія мирнаго договора съ Крымомъ, находилъ возможнымъ пригрозить плѣномъ на Ливнахъ не болѣе какъ тысячи человекъ ****).

Какъ бы то ни было, но съ возникновеніемъ города Ливенскій край сталъ постепенно заселяться. Старая борозда, успѣвшая подъ вліяніемъ политическихъ невзгодъ частію зарости кустарниками и дубровами, а частію обратиться въ дикое поле, начала опять проходить межъ лѣсовъ, лѣсковъ и дубровъ, у колодезей, рѣчекъ, озеръ и болотъ, на ржавцахъ, рогахъ, вершкахъ и отвершкахъ, а мѣстами выходила уже и въ дикое поле, которое, кромѣ того, служило для многихъ и сѣнными покосами. Главную услугу краю въ этомъ отношеніи оказывали служилые люди, дѣти боярскіе — помѣщики. На ихъ долю выпала здѣсь и первая борозда, и самое заведеніе починокъ, займищъ и деревень; отъ ихъ именъ и фамилій многія изъ поселеній получили свои названія, а нѣкоторыя удерживаютъ эти названія и до настоящаго времени. Потому для насъ не безразличны самыя фамиліи первыхъ помѣщиковъ Ливенскаго уѣзда, — этихъ безстрашныхъ его піонеровъ, колонизаторовъ и первыхъ пахарей. Вотъ эти фамиліи, приводимыя нами въ алфавитномъ порядкѣ на основаніи *Приправочной* и *Переписныхъ* книгъ 17-го вѣка.

Абакумовъ, Абышкинъ, Авдѣевъ, Агаповъ, Агѣевъ, Адамовъ, Акульшинъ, Александровъ, Алехинъ, Алтисинъ, Алтухинъ, Альчуковъ, Амосовъ, Анисимовъ, Анненковъ, Аносовъ, Антиповъ, Аристовъ, Артемовъ, Афанасьевъ, Ахихминъ, Аширининъ, Ашихминовъ.---

*) „Гулящіе люди“ — не владѣвшіе дворами и пашнями, а потому не вносимые въ писцовыя книги и не подлежащіе общественнымъ податямъ и повинностямъ.

**) „Захребетникъ“ — безземельный и бездомный крестьянинъ, работающій у другихъ, батракъ.

***) Такая цифра могла бы получиться въ томъ случаѣ, еслибы въ каждомъ помѣщичьемъ, крестьянскомъ и бобыльскомъ дворѣ, подобно монастырскимъ дворамъ, было не менѣе четырехъ душъ мужскаго пола; но извѣстно, что монастырскіе крестьяне были дожовятѣе крестьянъ помѣщичьихъ, а помѣщики не всѣ были люди семейные.

****) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, стр. 85.

Бабкинъ, Багриновцевъ, Багринцовъ, Багудковцевъ, Байковъ, Бакулинъ, Барановъ, Барышовъ, Баскаковъ, Батинъ, Батраковъ, Бахтеяровъ, Бахтинцевъ, Бахтинъ, Бачуринъ, Башкатовъ, Безлѣпковъ, Безсоновъ, Бекетовъ, Бизгинъ, Биркинъ, Бирловъ, Блжсковъ, Бобровниковъ, Богатый, Богданчиковъ, Боевъ, Болдыревъ, Болотовъ, Болотскій, Болтинковъ, Борзенковъ, Борисовъ, Бородинъ, Борценковъ, Бредихинъ, Бровинъ, Бровкинъ, Брыковъ, Будогоцкій, Булавинъ, Булгаковъ, Бурновъ, Бурцовъ, Быкановъ, Быскаковъ, Бычищевъ, Бышановъ, Бѣжинъ, Бѣлиховъ, Бѣловъ, Бѣлый, Бѣляевъ.—

Васютинъ, Ватутинъ, Вахнинъ, Веревкинъ, Вершиновъ, Викторовъ, Влаковъ, Власовъ, Волковъ, Волобовъ, Волобоевъ, Воробьевъ, Воровъ, Вороновскій, Выгаловъ, Выпоровъ, Выренинъ, Выриновъ.—

Гавриловъ, Гамовъ, Гладковъ, Глотовъ, Глухой, Глушковъ, Гнѣздиловъ, Гнѣздневъ, Говоровъ, Голдаевъ, Голицкій, Головинъ (Замятня), Голодскій, Голощановъ, Голубицкій, Гончаровъ, Горбатовъ, Горборуковъ, Городниковъ, Гранкинъ, Гревцовъ, Грибановъ, Гриденковъ, Гридуновъ, Гриневъ, Губановъ, Гулевскій.—

Дапшинъ, Дворянникъ, Демидовъ, Деминъ, Добриковъ, Добродѣевъ, Докукинъ, Долгій, Должановъ, Долженковъ, Должиковъ, Домаревъ, Донской, Дорохинъ, Дороховъ, Доросеевъ, Драчевъ, Дромовъ, Дронинъ, Дружинъ, Дурисовъ, Дурищевъ, Дурневъ, Дурновъ.—

Егоровъ, Егурновъ, Екимовъ, Енинъ, Ереминъ, Еремѣевъ, Ермоловъ, Ершовъ, Есиновъ, Еськинъ, Еськовъ, Ефановъ.—

Жердевъ, Животовъ, Жидковъ, Жилинъ, Жильцовъ, Жиновинъ, Житковъ, Жихаревъ, Жуковъ, Журуховъ.—

Заболоцкій, Заборовъ, Завалищентъ, Завалишинъ, Заикинъ, Зайцевъ, Занинъ, Занцовъ, Зароченцевъ, Затыкинъ, Затверчиковъ, Звягинцевъ, Звягинъ, Землинъ, Зиборевъ, Зиновьевъ, Злобинъ, Золотухинъ, Зубаревъ, Зубовъ, Зубцовъ, Зыбинъ.—

Иваниковъ, Иваниловъ, Ивановинъ, Ивановъ, Иванчиковъ, Ивашовъ, Игнатьевъ, Извѣковъ, Изжеуровъ, Ильинъ, Ишневъ.—

Кавелинъ, Казанцевъ, Казначеевъ, Калининъ, Калугинъ, Каменевъ, Капустинъ, Карловъ, Кародинъ, Карповъ, Карновъ—Кислой, Касторновъ, Карташевъ, Карцевъ, Касьяновъ, Катасоновъ, Каторгинъ, Кафоновъ, Кириловъ, Кирѣевъ, Кишкинъ, Кладовъ, Кливцовъ, Климовъ, Клодовъ, Клоковъ, Клушинъ, Клюковъ, Ключниковъ, Кобозевъ, Ковыршинъ, Кожуховъ, Козминъ, Кокаревъ, Кологрѣевъ, Колшинъ, Кольцовъ, Коморовцевъ, Кондратьевъ, Кондуровъ, Копоновъ, Коноплевъ, Константиновъ, Коныловъ, Корничовъ, Коробецкій, Корогодинъ, Коршиковъ, Коршаньевъ, Косовъ, Косой, Костомаровъ, Косторный, Косюровъ, Косьяновъ, Котосоновъ, Кохановъ, Кохоновъ, Коширянинъ, Крапивцевъ, Красниковъ, Красной, Красноуховъ, Красовъ, Кривцовъ,

Брюковъ, Будрявой, Кузменковъ, Кузминъ, Куликовъ, Куповой, Куровъ, Курьяновъ, Бутафинъ, Кутеповъ, Кушелевъ. —

Лагутинъ, Лагутовъ, Лазаревъ, Лакомовъ, Ларионовъ, Лахинъ, Лахтионовъ, Левикинъ, Левитный, Легоновъ, Леденевъ, Лелеховъ, Лениковъ, Лесковъ, Лигостаевъ, Липовскій, Лисинъ, Литвиновъ, Литовиновъ, Лиховинъ, Лобовъ, Лобынцевъ, Логачевъ, Логовчинъ, Ломакинъ, Лубанниковъ, Лубениковъ, Лукинъ, Лукьянчиковъ, Луневъ, Лыковъ, Лѣсной, Лютовъ (Лутовъ). —

Малыхинъ, Мальцевъ, Мансовъ, Мараховъ, Марковъ, Маслаковъ, Маслеховъ, Матвѣевъ, Махтинъ, Мацневъ, Медвѣдевъ, Мерунцевъ, Межиновъ, Мезенцевъ, Мехеховъ, Меренковъ, Меркуловъ, Мешеневъ, Микитинъ, Миклевъ, Микляевъ, Микулинъ, Микульниковъ, Мильцевъ, Минаевъ, Минаковъ, Миненковъ, Митусовъ, Митюнинъ, Митюревъ, Михайловъ, Михеевъ, Мишеневъ, Мишинъ, Мишуровъ, Моисеевъ, Молявинъ, Моначаровъ, Мининковъ, Моногоровъ, Москвитиновъ, Москвитинъ, Мостенскій, Моховъ, Мощениковъ, Мухортовъ, Мягкій, Мясниковъ. —

Невзгодовъ, Невѣровъ, Некрасовъ, Непотягинъ, Неспайковъ, Нестеровъ, Нетесовъ, Нехорошій, Новиковъ, Носовъ, Ностоязинъ, Нѣгиневъ. —

Овсянниковъ, Огарковъ, Огибаловъ, Озерковъ, Озеровъ, Окатовъ, Окороковъ, Окульшинъ, Окуневъ, Олехинъ, Оловяниковъ, Олсуновъ, Олтунинъ, Олтуховъ, Олябевъ, Омеляновъ, Онисимовъ, Оносовъ, Онсуповъ, Онусовъ, Опальковъ, Остаховъ, Офонинъ, Офремовъ, Очкасовъ, Очкиневъ. —

Павловъ, Панюковъ, Парахинъ, Пахомовъ, Пашковъ, Паюмовъ, Пенковъ, Переверзевъ, Переславскій, Перцовъ, Печерскій, Пещальниковъ, Пикаловъ, Пирезовъ, Пирозовъ, Писаревъ, Пихачевъ, Пишковъ, Пишовъ, Пишиновъ, Пищальниковъ, Пищулинъ, Платоновъ, Плешковъ, Плохой, Повѣткинъ, Погоневъ, Подколзинъ, Подольскій, Подорогинъ, Позняковъ, Полный, Полунинъ, Полухинъ, Польшчиковъ, Полянскій, Пономаревъ, Поновъ, Поспѣловъ, Потаповъ, Поцѣлуевъ, Прокоповъ, Прохоровъ, Псаревъ, Пузиковъ, Пчельниковъ, Пыжовъ, Пѣшковъ. —

Равцевъ, Радкинъ, Радцевъ, Ракинъ, Ревякинъ, Ремезовъ, Реутовъ, Решетовъ, Римшинъ, Ровенскій, Рогозинъ, Рогулинъ, Родіоновъ, Розанцевъ, Розинковъ, Розинновъ, Росленевъ, Росщункинъ, Ртицовъ, Рудневъ, Русановъ, Рыбинъ, Рыковъ, Рылкинъ, Рылковъ, Рышковъ, Рѣдкинъ, Рѣпинъ. —

Сабаевъ, Сабѣевъ, Савеловъ, Савенковъ, Савиновъ, Сазоновъ, Салтыковъ, Самойловъ, Санковъ, Санюковъ, Сапрыкинъ, Сараевъ, Сахаревъ, Селеховъ, Селименовъ, Селищевъ, Семенихинъ, Сениутинъ, Сергѣевъ, Сидоровъ, Сижинцевъ, Силуяновъ, Ситниковъ, Скороваровъ, Скорый, Скрылевъ, Скрыбинъ, Скуридинъ, Слѣпушкинъ, Смагинъ, Смотровъ, Смычковъ, Смѣшолоховъ, Созоновъ, Солодняевъ, Соложеницынъ, Солоповъ, Соповъ, Сотниковъ, Соходиловъ, Стародубцевъ, Старухинъ, Стохановъ, Страховъ, Строевъ, Стронковъ, Стрѣльниковъ, Стряпковъ, Студениковъ, Суринъ, Суровцевъ, Суха-

новъ, Сухаревъ, Сухининъ, Сухинъ, Сухонубовъ, Сушковъ, Сычевъ, Съдой, Съменихинъ, Съриковъ, Сюлеменовъ.—

Таплыгинъ, Тарховъ, Тверитиновъ, Телѣгинъ, Теплинскій, Теплицкій, Тершиновъ, Теряевъ, Тимофеевъ, Титовъ, Тишининъ, Тишинъ, Товарковъ, Токаревъ, Томаковъ, Толстой, Топоровъ, Трикачовъ, Трубицынъ, Трубниковъ, Тулковъ, Тумаковъ, Туицынъ, Туридинъ, Тучковъ.—

Уваровъ, Улановъ, Ульяновъ, Устиновъ, Ухинъ, Ушаковъ, Ушатовъ.—

Фатѣевъ, Фаустовъ, Филатовъ, Филиповъ, Филипскій, Фроловъ, Фтатѣевъ.—

Ханинъ, Харечковъ, Харитоновъ, Хвостовъ, Хитрово, Хлудовъ, Хмелевскій, Хмыринъ, Хороводовъ, Хорошиловъ, Хорошниковъ (Хорошеньковъ), Хребтовъ.—

Чаплыгинъ, Челищевъ, Челсовъ, Черенцевъ, Черниковъ, Черновъ, Черный, Чернышовъ, Чернятинъ, Четверткинъ, Чиковъ, Чубатой, Чумаевъ, Чупахинъ, Чурилинъ, Чуриловъ.—

Шабановъ, Шавовъ, Шавяковъ, Шадринъ, Шаловъ, Шаталовъ, Шатерниковъ, Шатовъ, Шаховской, Шацкій, Шевляковъ, Шевьяковъ, Шевяковъ, Шелизовъ, Шемринъ, Шепелевъ, Шетохинъ, Шетѣевъ, Шеховцевъ, Шеширинъ, Шигаревъ, Шиголевъ (Шигоевъ), Широной, Шишковъ, Шлондовъ, Шолоповъ, Шолоховъ, Шонуровъ, Штоповъ, Шуйскій, Шумовъ, Шумскій.—

Щегловъ, Щемкуновъ, Щербининъ.—

Юринъ, Юровъ, Юрьевъ, Ютиловъ.—

Ядынинъ, Ядышный, Языковъ, Якимовъ, Ялдыковъ, Янинъ, Яхонтовъ.—

Оедориковъ, Оедоровъ, Оедяниковъ.—

По трудности украинской службы, на Ливнахъ селились большею частью люди незнатные, такъ—называемые *новини*, дѣти боярскіе „третьей статьи“, которымъ давалось помѣстья 150 чети и денегъ „съ городомъ по пяти рублей“, тогда какъ окладъ первой или большой статьи, лучшимъ новикамъ дѣтямъ боярскимъ, назначался „въ 300 ч., денегъ съ городомъ по 8 р.“, а второй статьи: „200 ч., денегъ съ городомъ по 6 р.“.

У многихъ изъ Ливенскихъ помѣщиковъ не было вовсе ни крестьянъ, ни бобылей, ни задворныхъ, пришлыхъ и дѣловыхъ людей, или работниковъ; сами же они не могли обработать своего земельного надѣла, такъ что несравненно большая часть ихъ имѣній оставалась впустѣ, подъ дикимъ полемъ. Въ приправочной книгѣ, по точномъ изслѣдованіи, записано, что изъ 49846 чети пашни, состоявшей во владѣніи Ливенскихъ помѣщиковъ, обрабатывалось, или, что то же, было пашенною доброю землею только 714 чети, съ четверникомъ, а 49132 чети съ четверникомъ значились подъ дикимъ полемъ, перелогомъ и пашенною дубровою. Понятно, что, при такихъ условіяхъ быта, помѣщики мало чѣмъ разнились отъ крестьянъ, были бѣдны и не стѣснялись родниться съ крестьянами, женись не только на ихъ дочеряхъ, но и на вдо-

вахъ. Такъ, „Ливенець сынъ боярскій Левка Пантелѣевъ сынъ Болдыревъ“, изъ деревни Жериной, женился на вдовѣ монастырскаго крестьянина „Фильки Алехина — Оетиньциѣ“, хотя „Оетиньца“ была уже не молодая, такъ какъ имѣла отъ перваго мужа трехъ сыновей: „Оедосѣйка 11 лѣтъ, Савку 9 лѣтъ и Оську 5 лѣтъ“. Другой Ливенець, также „сынъ боярскій Петрушка Жилкинъ“, когда умеръ монастырскій крестьянинъ Семень Картавий, вступилъ въ бракъ съ женою его „Парасковьицею“ *). Вдовы же помѣщиковъ были тѣмъ болѣе желанными невѣстами, и многія изъ нихъ, покидая помѣстья своихъ мужей, выходили замужъ. Такъ поступила по убіеніи Ливтовцами (въ 1618 г.) своего мужа Оомы Яковлевича Ушакова, помѣщика деревни Бекетовой Затруцкаго стана, вдова его Агафья. По случаю постоянной войны въ Ливенскомъ уѣздѣ, вдовы ежегодно умножались; тѣмъ не менѣе численность ихъ не увеличивалась, а сокращалась. Напримѣръ, въ 1615 году ихъ считалось въ уѣздѣ 48, а чрезъ десять лѣтъ было только 15. Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ могли умереть, другія перешли на жительство въ иные города (какъ вдова Григорія Печельника Оксиньца съ сыномъ Петрушкою во Мценскъ въ 1617 году), но большинство вдовъ, по всей вѣроятности, сдѣлались вновь женами.

Не умѣя, въ большинствѣ случаевъ, ни читать, ни писать **), Ливенскіе помѣщики мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ и по своему развитію. Иные помѣщики, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, выдавали своихъ дочерей, какъ говорится, за перваго встрѣчнаго. Помѣщикъ Борисъ Монуиловъ принялъ къ себѣ въ зятя Антошку Сермягина, и тотъ зять его „выбѣгъ“. Бѣдность заставляла нѣкоторыхъ помѣщиковъ бросать свои имѣнія и „бродить безвѣстно“. О многихъ сиротахъ и недоросляхъ помѣщиковъ замѣчено, что они „волочатся межъ дворъ“. За то были и такіе помѣщики, которые въ своихъ помѣстьяхъ строили церкви и снабжали ихъ иконами, книгами и другими принадлежностями на свой счетъ. Боярскій сынъ Степанъ Мишинъ построилъ церковь Спасово Преображеніе на погостѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ (сверхъ Полевой воды, на Суходолѣ) и одного изъ сыновей своихъ, Ивана, опредѣлилъ къ ней попомъ.

*) Въ то время въ Ливенскомъ уѣздѣ женщина была почти такъ же рѣдка и дорога, какъ и въ Кавказскихъ нашихъ укрѣпленіяхъ, до полнаго покоренія этого края; потому не всѣ Ливенскіе дѣти боярскіе были люди семейные. По крайней мѣрѣ, о многихъ изъ нихъ Переписная книга замѣчаетъ, что „послѣ нихъ (т. е. по смерти или убіеніи Татарами) жены и дѣтей не осталось“. Въ виду этого, всякая вдова крестьянская, даже не молодая, всегда могла рассчитывать на жениха не только изъ крестьянскаго сословія, но даже и изъ помѣщичьяго, дворянскаго; если же къ тому у нея были дѣти отъ перваго мужа, то это обстоятельство только придавало ей болѣе цѣны въ глазахъ жениха: дѣти были тогда дорогимъ приданымъ невѣстѣ—вдовѣ.

**) Въ числѣ депутатовъ при избраніи царя Михаила Феодоровича, вѣроятно, находились лучшіе изъ Ливенскихъ дѣтей боярскихъ, но за нихъ рукоприкладствовалъ „съ Ливень выборный Бгорьевскій попь Гавріило“. — См. собр. государ. грам. и догов. ч. I, стр. 640—641.

VII.

Смуты на Ливнахъ въ эпоху Самозванцевъ и набѣги Крымцевъ.

Сборъ рати на Ливнахъ и слухъ о Самозванцѣ. — Ливенское ополченіе подъ Кромами. — Мятежъ на Ливнахъ и убіеніе воеводы. — Мѣры царя Василія Ивановича Шуйскаго къ усмирению бунтовщиковъ. — Покорность Лжедмитрію II-му. — Участіе жителей г. Ливень въ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. — Осада г. Ливень атаманомъ Заруцкимъ и разграбленіе поселковъ въ Красномъ стану. — Набѣги Крымскихъ Татаръ на Ливенскія мѣста. — Жертвы Татарскаго погрома. — Запустѣніе сель и деревень. — Помѣщики — скитальцы. — Церкви безъ пѣнія. — Нищіе на погостахъ. — Богадѣленный дворъ и кельи для нищихъ при городскихъ и сельскихъ церквахъ.

Въ то время, какъ обитатели Быстрой Сосны все свое вниманіе обращали на югъ, къ Крыму, и оттуда только чаяли себѣ бѣдствій, на ихъ родномъ небѣ сгустилась грозовая туча, имѣвшая пролить обильные потоки золь: то были смуты по поводу Самозванщины. При первой вѣсти о появленіи Самозванца, царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ велѣлъ на Ливнахъ собирать полки и прислалъ сюда воеводъ Петра Ивановича Щереметева и Михаила Глѣбовича Салтыкова.

По обычаю, на Ливнахъ полагали, что готовится Крымская война; но скоро дѣло разъяснилось. Въ это время ѣхалъ чрезъ Ливны на Донъ царскій посолъ, дворянинъ Хрущовъ; онъ имѣлъ бесѣду съ Щереметевымъ и Салтыковымъ по поводу Ливенскаго ополченія, и, между прочимъ, услышалъ отъ нихъ: „насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война; но — добавляли они — трудно поднять руку на Государя природнаго“ *), т. е. на Лжедмитрія, который тогда выдавалъ себя въ Польшѣ за царевича Дмитрія, сына Іоанна Грознаго (какъ извѣстно, убитаго въ Угличѣ), и уже набиралъ войско противъ царя Бориса. Предположеніе воеводъ объ *иной войнѣ* стало ясно для всѣхъ на Ливнахъ, когда Татаръ не было видно, а между тѣмъ самозванный царевичъ появился уже въ Сѣверской украинѣ, и Кромчане съ Сѣвчанами, повязавъ своихъ воеводъ, послали ему бить челомъ на царство. Можетъ быть, тоже сдѣлали бы тогда и Ливенцы, тѣмъ болѣе, что пропаганда бѣглаго монаха Леонида среди обитателей Сосны, въ пользу спаснагося будто бы царевича Дмитрія, многихъ уже прельстила здѣсь, а царя Бориса почти никто не любилъ;

*) Карамз. т. X, стр. 358—360. — Соловьевъ, т. 8, стр. 100.

но на Ливнахъ стояла сильная царская рать. Вунтовать, подобно Кромчанамъ, было нельзя; и Ливенцевъ повели воеводы противъ ихъ же собрата по оружію и ближайшаго сосѣда—на городъ Кромы.

Неохотно шли Ливенцы ратью на Кромы, въ которыхъ затворилось около четырехъ тысячъ человекъ; не особенно радѣли царю Борису и самые ихъ воеводы—Шереметевъ и Салтыковъ. Они стояли подъ Кромами нѣсколько недѣль, успѣли ночью сжечь городовыя стѣны и башни, но не выбили Кромчанъ изъ землянаго вала. Вслѣдъ затѣмъ подоспѣла къ Кромамъ и главная царская рать, тысячъ въ семьдесятъ, подъ предводительствомъ князей Мстиславскаго и Шуйскаго. Казалось, Кромамъ теперь не устоять; но осада затянулась и велась безъ всякаго успѣха. Дѣло въ томъ, что, помимо неспособности главнаго воеводы Мстиславскаго, товарищи его Шереметевъ и Салтыковъ, что собирали рать на Ливнахъ и съ нетвердыми мыслями шли подъ Кромы, когда замѣтили ту же шатость и въ ратныхъ людяхъ, явно стали „норовить окаянному Гришкѣ“, т. е. самозванцу и его приверженцамъ—Кромчанамъ. Салтыковъ, начальствовавшій надъ царскою артиллеріею, во время одного приступа, самовольно, безъ вѣдома главныхъ воеводъ, велѣлъ свезти „нарядъ“ съ „городовой осыпи“, и тѣмъ избавилъ Кромчанъ отъ „тѣсноты велией“. Въ другой разъ, когда у Кромчанъ не доставало „зеленой казны“, услужливый Московскій воевода выставляетъ на шанцахъ цѣлые мѣшки съ порохомъ, и Кромчане уносятъ ихъ въ свое подземелье на виду у Московскихъ караульныхъ! Такъ шла осада маленькаго городка Кромъ, безъ стѣнъ и башенъ, пока живъ былъ Борисъ и пока преемникъ его, юный царь Феодоръ Борисовичъ, не смѣнилъ неспособныхъ воеводъ Мстиславскаго и Шуйскаго. Новый же главный царскій воевода, Петръ Феодоровичъ Басмановъ, умный и доселѣ преданный дѣлу Годуновыхъ, сразу увидѣлъ настроеніе умовъ въ царскомъ войскѣ, сошелся въ мысляхъ съ воеводами Ливенскаго ополченія и вмѣстѣ съ ними передался на сторону самозванца. Петръ Ивановичъ Шереметевъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ поспѣшили на встрѣчу къ самозванному царевичу, прибывшему изъ Путивля въ Кромы, пировали съ нимъ на Кромскомъ пепелищѣ и отсюда, уже безпрепятственно, проводили его чрезъ городъ Орель и Тулу на царство въ Москву.

Кто изъ Ливенскихъ людей не умеръ подъ Кромами отъ смертоноснаго „мыта“, свирѣпствовавшаго въ царскомъ войскѣ, а также и отъ мѣткой стрѣльбы Кромскихъ сидѣльцевъ, и возвратился къ своей украинской службѣ, тотъ много кое-чего могъ рассказать своей братьи по оружію—и о молодечествѣ своихъ сосѣдей Кромчанъ, съ козакомъ Корелою во главѣ, и о бѣдствіяхъ великой царской рати отъ свирѣпствовавшей животной боли, и о переходѣ войска на сторону „прирожденнаго государя“, а главное—о рыцарской доблести новообрѣтеннаго царя, его милости и привѣтливости ко всѣмъ ратнымъ людямъ, и особенно о томъ, какъ они, Ливенцы съ Ельчанами и Рязанцами вообще, способствовали водаренію „истиннаго природеннаго царя Ди-

митрія Ивановича "... *). Слухи о воинственности царя Дмитрія усилились на Ливнахъ и Ельцѣ еще болѣе, когда начали свозить сюда нарядъ и собирать ратныхъ людей изъ другихъ городовъ, чтобы идти на Турскаго султана, взять Азовъ и завоевать въ конецъ царство Крымское. Тогда не страшились войны такъ, какъ въ настоящее время. Война на Ливнахъ была постоянная; рѣдкій годъ не приходили сюда Крымскіе Татары. Но тогда Крымцы вносили войну, а теперь сами Ливенцы пойдутъ на нихъ съ огнемъ и мечемъ, плѣномъ и грабежемъ... Вообще, говорятъ, что нападать и идти на приступъ — не такъ страшно, какъ стоять и защищаться; а нападать на такого врага, который пользуется оплошностью и беззащитностью другаго, никому не оказываетъ пощады, все жжетъ, рубить и беретъ въ *полонъ*, — есть своего рода ратный праздникъ, общее веселье... И вотъ, среди такихъ чаяній, на Ливны приходитъ вѣсть, что новаго, не бывалаго еще на Руси по широтѣ своихъ замысловъ, царя не стало, что онъ оказался будто бы монахомъ — разстригою, еретикомъ и чернокнижникомъ, и что, потому, его убили, а на Москвѣ воцарился князь Василій Ивановичъ Шуйскій, которому и должны теперь всѣ приносить присягу. Понятно, съ какимъ недоумѣніемъ и нерасположеніемъ отнеслись на Ливнахъ къ такимъ вѣстямъ и требованіямъ изъ Москвы; и, наоборотъ, — какую радость породилъ между Ливенцами слухъ, шедшій изъ Путивля и Кромъ, что желанный царь вовсе не убитъ, а спасся отъ крамольныхъ Московскихъ бояръ и собираетъ противъ нихъ новыя силы. Не одобровать Шуйскому! думали на украинѣ, и тотчасъ все Присосенье стало за одно съ Трубчанами, Кромчанами, Ельчанами и прочими сосѣдями, отказавшимся отъ покорности Москвѣ съ ея нелюбимымъ царемъ. Мятежъ на Ливнахъ, какъ и по другимъ украинскимъ городамъ, не обошелся безъ кровопролитія. Въ то время воеводою на Ливнахъ былъ мужественный Алексѣй Плещеевъ. Давъ присягу царю Василю, онъ желалъ остаться ему вѣрнымъ, склонялъ къ тому же своихъ подчиненныхъ и погибъ за противодѣйствіе мятежу **). Можетъ быть, голосъ воеводы и не былъ одинокъ; можетъ быть, съ нимъ пострадали и лучшіе изъ дворянъ, цѣнившихъ присягу, какъ дѣло Божіе, — только некому было предать ихъ имена на память родовъ и поколѣній, когда мятежники возобладали надъ городомъ. Одинъ лѣтописецъ, наблюдавшій издали за тѣмъ, что происходило тогда на Ливнахъ и по другимъ городамъ, исчисливъ важнѣйшія жертвы бунта, ограничивается общимъ указаніемъ на тѣ роды мученій, какимъ бунтовщики предавали воеводъ и многихъ дворянъ: „иныхъ — говоритъ онъ — съ башни метяху, иныхъ — съ мосту въ ровъ, иныхъ вверху ногами вѣшаху, иныхъ по стѣнамъ распинаху, руки и ноги гвоздіемъ пробивше, изъ пицалей разстрѣляху; они — жъ, яко мученики прежніе, ни въ чемъ ужасахуся, ихъ воровъ обличаху, и, отнюдь на ихъ вражью прелесть не лѣстящеса, вси помроша за правду“.

*) См. Историческое описаніе г. Кромъ, Г. П., изданіе Кромской Земской Управы, 1890 г.

**) Карамзинъ т. XII, стр. 30—38. Соловьевъ, т. 8, стр. 172—173.

Вѣроятно, одною изъ такихъ смертей пострадалъ и Ливенскій воевода... Это было въ 1606 году; а спустя потомъ девять лѣтъ производился дозоръ Ливенскимъ служилымъ людямъ, изъ которыхъ объ однихъ записано, что они умерли, о другихъ,— что ихъ убили, или взяли въ плѣнъ Татары, а о нѣкоторыхъ (именно: Агѣй Лыковъ, Сидоръ Зубовъ, Григоръ Безлѣпкинъ, Степанъ Васильевичъ Гридуновъ, Меншовъ Лаврентьевичъ Быскаковъ, Исаѣ Парфеновичъ Гридуновъ, Иванъ Григорьевичъ Казначеевъ, Батракъ Борьяновъ, Зыбъ Писаревъ, Иванъ Бычищевъ, Ѳедоръ Лобинцевъ, Ѳедоръ Рагозинъ, Пронъ Михайловъ и Нехорошемъ Ишковъ) сказано только, что „ихъ не стало“: можетъ быть—въ числѣ этихъ людей загадочной судьбы были и пострадавшіе на Ливнахъ отъ руки своей же братьи, но писецъ, желая, можетъ быть, къ чести самихъ Ливенцевъ, быть краткимъ, удовлетворился общою, ходячею фразою для показанія того, что ихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ.. Не слѣдуетъ также упускать изъ вниманія и то, что наслѣдники нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ помѣщиковъ (какъ на примѣръ Алешка Агѣевъ сынъ Лыковъ), „тѣ отцевъ своихъ помѣстья покиня, сошли безвѣстно“. Если наше предположеніе относительно указанныхъ помѣщиковъ вѣроятно, то понятнымъ становится и отреченіе сыновей ихъ отъ наслѣдства, и безвѣстное исчезновеніе послѣднихъ съ Ливенъ: они не могли ужиться въ добромъ согласіи съ убійцами своихъ отцевъ, а у самихъ убійцъ смыкались уста для дачи точнаго показанія приказнымъ о томъ, когда и по какому случаю кого не стало, или куда и по какой причинѣ кто выбылъ... Когда страсти стихаютъ, тогда нѣтъ охоты и вспоминать о томъ, что творилось подъ ихъ вліяніемъ. Другое дѣло вспоминать и давать *снани* объ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Татарами: тутъ было чѣмъ вспомнить себя и другихъ,— и на Ливнахъ помнили даже самыя годы такихъ жертвъ, не только мужчинъ, но и женщинъ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, узнавъ, что происходитъ на берегахъ Быстрой Сосны, думалъ подѣйствовать на мятежныхъ жителей мирными убѣжденіями и религіозными мѣрами. Для этого онъ послалъ къ нимъ изъ Москвы Крутицкаго митрополита Пафнутія и боярина Нагого съ образомъ св. Царевича Димитрія и съ письмомъ матери его, Царицы-инокини Марѣы, въ которомъ она свидѣтельствовала, что собственными глазами видѣла мученическую смерть своего сына въ Угличѣ и достойную казнь самозванца на Москвѣ, совѣтовала не вѣрять злонамѣреннымъ слухамъ о спасеніи мнимаго царя и обѣщала полное прощеніе и милость отъ государя всѣмъ, кто придетъ въ разумъ и покореніе истинѣ *). Но посольство это не имѣло успѣха ни въ Ельцѣ, ни на Ливнахъ: здѣсь не хотѣли вѣрять ни митрополиту, ни Нагому, считая ихъ пособниками царя Василія, а о письмѣ царицы полагали, что оно сочинено самимъ Шуйскимъ для прельщенія ихъ. Тогда царь Василій Ивановичъ отправилъ войско подъ начальствомъ боярина Ивана Михайловича Воротынскаго (сына того знаменитаго Михаи-

*) Собран. госуд. грам. и догов. ч. I, стр. 316—318.

да Ивановича Воротынскаго, съ именемъ котораго тѣсно связано возникновеніе г. Ливенъ) и стольника Юрія Трубецкаго. Трубецкой, отдѣлившись отъ Воротынскаго, съ 5-ю тысячами человекъ пошелъ на Кромы, а Воротынскій съ главными силами направился къ Быстрой Соснѣ и, расбѣявъ на пути своемъ шайки мятежниковъ, осадилъ Елецъ. Между тѣмъ товарищъ его Трубецкой былъ разбитъ подъ Кромами и потерялъ почти весь свой отрядъ. Вѣсть объ этой неудачѣ смутила и людей Воротынскаго; они стали покидать его и расходиться по домамъ. Ослабленный такимъ образомъ, Воротынскій отказался отъ надежды взять Елецъ, снялъ съ него осаду и ушелъ въ Москву, оставивъ за собою не только Ливны и Елецъ, но и весь Орловскій край въ полномъ возстаніи.

Побѣдитель Трубецкаго, холопъ Болотниковъ, увеличивъ свой отрядъ Ливенцами и другими мятежниками, пошелъ къ самой Москвѣ, но вскорѣ былъ запертъ царемъ Василюемъ въ Тулѣ. Тутъ, въ 1608 году, въ числѣ другихъ были убиты: Ливенскій боярскій сынъ Аванасій Щетининъ, имѣвшій свое помѣстье въ Затруцкомъ стану подъ Каменнымъ лѣсомъ на Горемыкиномъ Верху, что была деревня Щетинина; Мокрецакаго стана, деревни Кудиновой, что подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ, Нехорошій Ишковъ; Затруцкаго стана, деревни Непочатой, на Коробецкомъ отвершку помѣщикъ Петръ Бухаринъ; да въ томъ же 1608 году убитъ подъ Каширою Затруцкаго стана, слободки Дурневой, сверхъ Жерыханскаго лѣса, на рѣчкѣ Лѣсной Жерыхани, помѣщикъ Федоръ Савенковъ. Кромѣ этихъ помѣщиковъ дѣтей боярскихъ, павшихъ жертвою самозванства, въ Ливенскихъ переписныхъ книгахъ упоминаются и многіе другіе, которыхъ въ 1608 году не стало. Возможно, что все это были сподвижники холопа Болотникова, ратовавшіе за тѣнь Лжедмитрія I-го. Когда же появился Лжедмитрій II-й и на нѣкоторое время поселился въ Орлѣ, тогда у города Ливенъ установилось такое же сношеніе съ Орломъ, какое до того времени велось съ Москвою; только не Лжедмитрій жаловалъ Ливенцевъ, а они, въ ожиданіи будущихъ милостей, служили Тушинскому вору имуществомъ, деньгами и людьми. Такъ было до тѣхъ поръ, пока и втораго самозванца не стало въ Калугѣ *).

Понятно, какъ должна была смотрѣть Москва на нашъ край въ эпоху служенія его самозванному дѣлу. Москва прилагала все свое стараніе къ тому, чтобы обстроить, заселить, укрѣпить и сдѣлать его оплотомъ противъ вражескихъ нападеній; и вотъ, этотъ оплотъ сталъ противъ нея, передался на сторону „воровъ“, сдѣлался центромъ мятежа, вступилъ въ открытую борьбу съ государствомъ! Съ этого времени Москва и всѣ, кто болѣе или менѣе оставался вѣрнымъ ея дѣлу въ смутную эпоху самозванцевъ, стали смотрѣть на обитателей нашего края, какъ на „воровъ“ и „искони погибшихъ людей“.

*) Замѣчательно, что въ то время, какъ Ливны были на сторонѣ Лжедмитрія II-го, нѣкоторые изъ служилыхъ людей этого города подвергались убіенію отъ Литовцевъ. Такъ, подъ 1609 годомъ въ писцовыхъ книгахъ значится убіеніе „Литовскими людьми подъ Орломъ“ Затруцкаго стана, деревни Вахтеяровой, сверхъ Плоскаго колодезя, подъ Серболовымъ лѣсомъ, помѣщика Петра Ансупова.

обозвали ихъ „кромольниками“, „проломленными головами“ и сложили о нихъ по-словицы: „Орель да Кромы—первые воры; Елецъ—всѣмъ ворами отецъ; Карачевъ—на поддачу; и Дмитровцы—не выдавцы; а коли Амчанинъ къ тебѣ на дворъ—выноси скорѣй святыхъ вонъ“... О жителяхъ Комарицкой (сѣвской) волости доселѣ поется извѣстная Комарицкая пѣсня, указывающая на измѣну ихъ своему барину, т. е. Борису Годуну, которому, какъ помѣщику, принадлежала эта волость; относительно же г. Ливенъ сложилась поговорка: „Ливны—самимъ ворами дивны“. Г. Артемьевъ предполагаетъ, что къ сочиненію послѣдней поговорки послужило поводомъ важное сторожевое значеніе г. Ливенъ на Московской украинѣ. Но не видно, чтобы Ливны укрѣплены были болѣе всѣхъ городовъ Орловскаго края, какъ бы „на удивленіе всѣмъ ворами“. Въ этомъ отношеніи Мценскъ имѣлъ даже явное преимущество предъ Ливнами, такъ какъ крѣпость его возвышалась на самородной, каменной горѣ, съ трехъ сторонъ недоступной для непріятеля, а съ четвертой она отдѣлялась глубокимъ рвомъ, который, въ свою очередь, защищенъ былъ новою крѣпостью—„Большимъ острогомъ“. Кромѣ того, дѣлаемое г. Артемьевымъ объясненіе стоитъ внѣ всякой связи съ вышеприведенными поговорками относительно прочихъ городовъ Орловскаго края. Вѣрнѣе, надо полагать, понялъ смыслъ всѣхъ этихъ поговорокъ одинъ Орловскій старожилъ, Дмитрій Ивановичъ Басовъ, прадедъ котораго поселился на Орлѣ вслѣдъ за смутнымъ временемъ; приведши въ своемъ описаніи Орловской старины большую часть указанныхъ поговорокъ, онъ иронически замѣчаетъ: „значить, всю губернію похвалилъ“ *)! Вышеприведенныя поговорки, очевидно, рассчитаны на риму, но и въ самой римѣ нельзя не видѣть характеристики жителей нашихъ городовъ въ Смутное время. Такъ, Кромы первые ознаменовали себя отчаянною борьбою противъ всего Московскаго войска; Орель былъ резиденціею втораго самозванца; Елецъ далъ въ своихъ стѣнахъ убѣжище всѣмъ бунтовщикамъ противъ царя Василя Ивановича и вызвалъ противъ себя походъ Московской рати; а Ливны могли удивить самихъ бунтовщиковъ своею кровавою расправою съ воеводою и тѣми, кто былъ на сторонѣ Москвы: именно, тогда какъ прочіе города только вязали своихъ воеводъ, Ливенцы сами наложили на нихъ руки...

Со смертію Лжедмитрія II-го не прекратились еще смуты на Ливнахъ, какъ и во всемъ Московскомъ государствѣ. Однако общія бѣдствія вразумили многихъ. Смирлись и Ливенцы предъ Москвою; и когда, по очищеніи ея отъ Поляковъ, происходило избраніе новаго царя, то вмѣстѣ съ жителями Брянска и Мценска отправили на Москву и Ливенцы своихъ выборныхъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, во главѣ съ Егорьевскимъ попомъ Гаврилою (изъ казачьей слободы, что въ большомъ острогѣ), который одинъ за всѣхъ своихъ товарищей, какъ вѣроятно не умѣвшихъ писать, и руку приложилъ къ грамотѣ. Въ этой знаменитой грамотѣ, писанной на большихъ александрійскихъ листахъ, скрѣпленныхъ десятью восковыми печатями, значится между

*) См. „Орлов. Губ. Вѣдом.“ 1861 г. № 30,

другими и такая подпись: „съ Ливенъ Выборный, Егорьевскій попъ Гавріило, и въ дѣтей Боярскихъ и Козаковъ мѣсто, руку приложилъ“ *).

Въ то время, какъ Ливенскіе выборные находились въ Москвѣ и своею подписью утверждали избраніе на престолъ Михаила Феодоровича Романова, ихъ городъ подвергся осадѣ отъ казацкаго атамана Заруцкаго. Этотъ вѣрный слуга Лжедмитрія II-го, по убіеніи его, присоединился—было къ ополченію Минина и Пожарскаго для освобожденія Москвы отъ Поляковъ, а потомъ, принявъ подъ свое покровительство Марину Мнишекъ, вдову двухъ самозванцевъ, задумалъ утвердить на царствѣ маленькаго сына ея и свирѣпствовалъ съ шайкою Черкасовъ на югъ Россіи. Какъ видно, онъ надѣялся на наше Присосенье, такъ усердно служившее прежде отцу „воренка Ивашки“; и если бы его надежды оправдались, то, быть можетъ, онъ и засѣлъ бы здѣсь съ Мариною, какъ послѣ утвердился въ Астрахани. Но Ливенцы, отправивъ уже депутацію въ Москву, не хотѣли болѣе знаться съ „ворами“. При появленіи Заруцкаго, они затворились въ городъ и отбили всѣ приступы Черкасъ. Послѣ этого славнаго дѣла, Ливенскій воевода Григорій Феодоровичъ Колтовскій, въ Маѣ 1613 года, доносилъ въ Москву, что „воръ Ивашко Заруцкій приступалъ къ городу Ливнамъ, но города не взялъ, и отсюда пошелъ къ Лебедяни“ **). Заруцкій приступалъ также и къ Ельцу, но и Ельчане его отбили. Свою неудачу подъ Ливнами и Ельцемъ Черкасы выместили на ихъ беззащитныхъ селахъ и деревняхъ, и послѣ того своими грабежами долго еще деркали жителей Сосны въ осадномъ положеніи ***).

Заруцкій, какъ видно, не проникалъ на правый берегъ Сосны и ограничился грабежемъ лѣваго ея берега, гдѣ расположенъ былъ Красный станъ. Въ *Приправочной книгѣ* 1615 года показываются совершенно запустѣвшими „отъ войны во 121 (т. е. 1613) году“ слѣдующія помѣстья Краснаго стана: 1) „*Богдановское* Иваново сына Слѣпушкина, что былъ починокъ обще съ Васильемъ Зыбинымъ съ товарищи; 2) *Оксеновское* Ильино сына Руднева; 3) *Васильевскій жеребей* Савельево сына Леонова; 4) *Климовъ жеребей* Степаново сына Михайлова; 5) *Степановъ жеребей* Кузмино сына Харитонова; 6) *Игнатовъ жеребей* Гамова; 7) *Хмеровъ жеребей* Гамова; 8) *Федоровъ жеребей* Теряева; 9) *Епифановъ жеребей* Лыхова въ починкѣ Харина помѣстья Мезенцева, да межъ Фадѣева помѣстья Гнѣздилова на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ“ ****). Во всѣхъ этихъ помѣстьяхъ, находившихся „подъ лѣскомъ подъ Присыскомъ по большой Новосильской дорогѣ“, не осталось никого и ничего; видны были только знаки дворовыхъ мѣстъ. Кромѣ того, въ *Приправочной книгѣ* замѣчено, что „на погостѣ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ подъ Краснымъ лѣсомъ, церковь Никола Чудотворца да придѣлъ Св. мученика Фрола и Лавра, дре-

*) См. Собран. госуд. грам. и договор. ч. 1, стр. 640—641.

**) См. Разрядныя книги подъ 1613 годомъ.

***) См. тамъ же подъ 1614 г. и Исторію Россіи Соловьева, т. 9, стр. 19.

****) Переписная книга № 233—241.

вяна клѣтки, строенья поца Назарья, стоитъ не освящена отъ войны 121 (1613) году“. Такъ какъ при описаніи этой церкви не упомянуто ни о книгахъ, ни объ иконахъ, то, вѣроятно, все внутреннее ея „строенье“ было разграблено, а потому и самая церковь не могла быть освящена „отъ войны 121 году“.

Въ *Приправочной книгѣ* упоминается еще, что многіе изъ Ливенскихъ помѣщиковъ и ихъ дѣтей, „оставя свои помѣстья отъ войны, сошли безвѣстно“, или „волочатся межъ дворъ“, но то, вѣроятноже, была уже другая „война“—Татарская.

Смуты самозванщины, раздиравшія Русское государство въ теченіе долгаго времени, были самою благопріятною порою для нападенія Крымскихъ Татаръ на Московскую Украину. Благодѣтельная цѣпь станичныхъ разъѣздовъ и сторожевыхъ постовъ, созданная на украинѣ бдительнымъ Московскимъ правительствомъ, теперь, въ эпоху общаго безнарядья и отпаденія отъ Москвы украинскихъ городовъ, естественно ослабѣла и не могла сдерживать жадныхъ до добычи Крымскихъ набѣдниковъ. Дорога отъ Крыма къ берегамъ Быстрой Сосны сдѣлалась открытою; дверь на Ливны со стороны грознаго юга растворилась. И вотъ, съ того времени, какъ Русское государство вступило въ борьбу съ внутреннею крамолою и до утвержденія на престолѣ Михайла Ѳеодоровича, не проходило года, чтобы Крымцы не побывали въ Ливенскомъ уѣздѣ и не оставили здѣсь опустошительныхъ своихъ слѣдовъ. Съ каждымъ годомъ на Ливнахъ не досчитывались многихъ помѣщиковъ: кого изъ нихъ „убили Татарове“, кто съ женою и дѣтьми „пойманъ ими въ полонъ“, кого „не стало отъ Татарскія войны“, а кто, „покиня отъ той войны свое помѣстье, шелъ безвѣстно“, или переехалъ на Орель, ушелъ въ Мценскъ, Чернь, Новосиль, или же „скитается и волочится межъ дворъ“. Крестьяне имѣли одинаковую участь съ помѣщиками: ихъ убивали и брали въ плѣнъ. Многіе починки, займища и деревни обезлюдѣли и обратились въ *пустоши*, на которыхъ, спустя пять—десять лѣтъ, видны были только слѣды дворовыхъ мѣстъ, а села обратились въ сельца и погосты. Не видно, чтобы Татары въ теченіе десятилѣтнихъ своихъ набѣговъ причинили какой—либо вредъ самому городу Ливнамъ; хотя, быть можетъ, они и не разъ держали его въ осадѣ, но для того только, чтобы дать возможность другимъ отрядамъ свободнѣе и безопаснѣе разбойничать въ уѣздѣ, или, какъ тогда говорили, — „роспусить войну“. Особенно страдали тогда отъ Татарскихъ погромовъ станы: Серболовъ, Затруцкій и Мокрецкій, какъ болѣе удаленные отъ города.

Приправочная книга 1615 года, по „разспросу мѣстныхъ старожильцевъ, сохранила слѣдующія жертвы Татарскаго меча, огня и плѣна между 1605—1615 годами.

Въ 1605 году „Татарове *взяли* Малаха Медвѣдева“, помѣстье котораго находилось въ Серболовомъ стану, въ деревнѣ Вышнемъ Вязовикѣ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Вязовикомъ, на рѣчкѣ Вязовикѣ, обще съ Миляемъ Красновымъ „съ товари-

щи“; послѣ Малаха „жены и дѣтей не осталось, и помѣстье его заустѣло“.—Въ 1607 году Татарове *взяли* въ Затруцкомъ стану, въ слободкѣ Дурневѣ, помѣщика Якова Булгакова, и такъ какъ послѣ него жены и дѣтей не осталось, то помѣстье Яковлево заустѣло; въ томъ же году „отъ Татарскія войны“ заустѣлъ починокъ въ Затруцкомъ стану подѣ Ястребовскимъ лѣскомъ, на колодезѣ Теляжьѣ, гдѣ жили четыре помѣщика, дѣти боярскіе: „Тимоей Степановъ сынъ Боевъ, Степанъ Юрьевъ сынъ Межановъ, Ѳедоръ Васильевъ сынъ Сайковъ и Иванъ Васильевъ сынъ Тепленинъ“; за ними въ дачахъ было 200 чети, по 50 четей за человѣкомъ; тогда же „отъ Татарскія войны“ заустѣлъ починокъ Татариновъ въ Затруцкомъ стану, на рѣкѣ Фошнѣ, подѣ Фошнинскимъ Татариновымъ лѣскомъ, гдѣ жило помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 5 человѣкъ.—Въ 1608 году Крымцы опустошили деревню Ровнецъ въ Затруцкомъ стану и убили двухъ помѣщиковъ: Ѳедора Ефимова и Григорія Озарова Есиповыхъ.—Въ 1609 году въ Затруцкомъ же стану „убили Татарове Василья Брыкова съ женою и дѣтьми“, а помѣстье его находилось „въ деревнѣ по правую сторону Святитцкаго верха, подѣ Святитцкимъ лѣсомъ, и отъ его помѣстья осталось „дворовое мѣсто“; „взяли Ермака Данилова сына Чурилова“, помѣстье коего находилось „верхъ Дроскова Лѣсного колодезя подѣ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусномъ верху“; послѣ Ермака остался сынъ, и „онъ, то помѣстье покиня, сшелъ въ Новосиль“.—Въ 1610 году „Татарове убили Онтонна Михайлова сына Власова“ въ Затруцкомъ стану, въ починокѣ подѣ Ясеновымъ лѣсомъ, противъ Громыкина Затона, а въ Мокрецкомъ стану, въ деревнѣ Хорошевой подѣ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, *взяли* помѣщика Мухортова.—Въ 1611-мъ году „Татарове *взяли* Карпа Омельянова“—помѣщика въ Мокрецкомъ стану деревни Шолоховой подѣ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, совмѣстнаго владѣнія съ Кондратомъ и Осипомъ Старухиными.—Въ 1612 году „Татарове *взяли* *) Микиту Межинова“—въ Затруцкомъ стану помѣщика деревни Ровнеца подѣ Ровнецкимъ лѣсомъ, а послѣ него остался сынъ „Тимошка, и онъ, покиня то помѣстье, отъ войны волочится межъ дворъ“; въ Мокрецкомъ стану „убили Татаровя Олиса Чупахина“—помѣщика деревни Кудиновой подѣ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ, общаго владѣнія съ Ѳедоромъ Студениновымъ.—Въ 1613 году Татары опустошали Красный станъ и взяли въ плѣнъ помѣщиковъ: Оксена Ильина Руднева, Клима Степанова Михайлова, а Ѳедора Теряева убили; пограбили: въ Серболовомъ стану—„Любимово помѣстье Лобово въ деревнѣ Гниловодахъ подѣ Серболовымъ лѣсомъ, на Гниломъ озерѣ, и Любима убили“; въ Затруцкомъ стану—„Савино помѣстье Мартинова сына Олферова въ деревнѣ Ровнецъ, подѣ Ровнецкимъ лѣсомъ... и Савву взяли Татарове“;—починокъ Ворово на колодезѣ Липовцѣ, „а по сказкѣ стороннихъ людей, въ томъ починокѣ было помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 9 человѣкъ: Ѳедоръ да Василій Максеямовы дѣти Воровы, Потапъ да Третьякъ Омель-

*) По переписной 1626—1629 гг.—„убили“...

яновы дѣти Звягинцовы, Семенъ Максимовъ сынъ Дурисовъ, Илья Васильевъ сынъ Медвѣдевъ, Илья Ивановъ сынъ Быскаковъ, Микита Колугинъ, Томело Савенокъ, и тѣхъ дѣтей боярскихъ *поимали* Татарове съ женами и съ дѣтьми; Ѳедорово помѣстье Красникова въ деревнѣ Ровнецѣ подѣ Ровнецкимъ лѣсомъ... и Ѳедора убили Татарове“;— въ Мокрецкомъ стану: „Сенькино помѣстье Лютова въ деревнѣ, что было займище Евлановское на рогу подѣ Мокрецкимъ лѣсомъ, промежъ озера... и Сеньку убили Татаровя; Герасимово помѣстье Чюмаева въ деревнѣ Сторожевой подѣ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Дмитриемъ Позняковымъ да съ Емелькомъ Болотцкимъ съ товарищи... и Герасима взяли Татаровя; Гришино помѣстье Власово въ деревнѣ Кудиновой на Плоскомъ колодезѣ, подѣ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Ѳедоромъ Студениновымъ съ товарищи... и Гришку убили Татарове; Сергѣево помѣстье Крапивенцева въ деревнѣ Роговой подѣ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Ѳаддѣемъ Игнатовымъ да съ Иваномъ Кисловымъ, и Сергѣя взяли Татаровя“.—Въ 1614 году обращены въ пустоши помѣстья: въ Серболовомъ стану— „Алексѣевское Голощагово въ деревнѣ Оберцѣ подѣ лѣсомъ подѣ Оберцомъ, обще съ Самойломъ Черново да съ Власомъ Щегловымъ съ товарищи... и Алексѣя взяли Татарове, а послѣ ево осталась жена вдова Агафья да сынъ Олферко 14 лѣтъ, да дочь дѣвка Парасковьяца, и жена ево и дѣти отъ войны, покиня помѣстье, сошли во Мценскъ;—Даниловское помѣстье Батицево въ деревнѣ Оберцѣ... и Данила взяли Татарове, а послѣ ево остался сынъ Олешка, и онъ, покиня то помѣстье отъ войны, спель безвѣстно“; въ Затруцкомъ стану: „Первово помѣстье Нечаева сына Иваньчикова въ деревнѣ Ровнецѣ подѣ Ровнецкимъ лѣсомъ... да Ивановское помѣстье Григорьева сына Казначеева и Первово и Ивана убили Татарове“; въ Мокрецкомъ стану; „Логвиновское помѣстье Галактионова сына Остахова въ сельцѣ Рожественскомъ, и Логвина убили Татаровя“; послѣ Логвина остались двѣ дочери, и онѣ „отъ войны помѣстье отца своего покинули“.

Только подѣ 1606 годомъ *Приправочная книга* 1615 года и переписныя послѣдующихъ лѣтъ вовсе не упоминають объ опустошеніяхъ отъ Татаръ *), но за то „приправочная“ пополняетъ списокъ запустошенныхъ Татарами мѣсть и убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ помѣщиковъ отъ неизвѣстныхъ лѣтъ; таковы помѣстья: въ Затруцкомъ стану: „Григорьево Титанино, что была деревня Луговая на рѣкѣ на Хвоцнѣ подѣ Среднимъ лѣсомъ (что осталось за роздачею у Михайлы Рогулина обще съ Михайломъ же Рогулинымъ да съ Левою Карловымъ съ товарищи)..., а Григорья убили Татарове;—Сергѣево помѣстье Лахтіоново въ деревнѣ Воровой подѣ Дросковымъ лѣсомъ на Среднемъ отвершку, обще съ Вуріемъ Тучковымъ да съ Григоріемъ Ивановымъ съ товарищи..., а по сказкѣ стороннихъ людей Сергѣя *взяли* Татарове съ женою и съ дѣтьми ево; Григорьево помѣстье Щербинина жеребей въ сельцѣ

*) Это именно въ царствованіе Лжедмитрія I-го, когда онъ самъ готовилъ на украинѣ средства для войны съ Турками.

Дмитровскомъ на рѣчкѣ на Хвощиѣ, подѣ Городецкимъ лѣсомъ... и по сказкѣ стороннихъ людей Григорья убили Татарове, а послѣ ево остался сынъ Куземка, и онѣ, отъ войны покиня то помѣстье, шель въ Чернь“. Въ Мокрецькомъ стану: „Ортемовское помѣстье Климова въ сельцѣ Рожественскомъ, и Ортема убили Татарове; Васильевское Шилова въ томъ же сельцѣ Рожественскомъ... и Василья взяли Татароя; Гришино помѣстье Быканово въ деревнѣ на Среднемъ Острову на р. Соснѣ подѣ Кунацкою удеревью, обще съ Лукою Жихоревымъ съ товарищи... и Гришу взяли Татарове“.

Кромѣ того, отъ Татарской войны заустѣли помѣстья и дворы: въ Серболовомъ стану— „Гавриловское Гулевское въ деревнѣ Крутой подѣ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ верху, обще съ Оксеномъ Онисимовымъ съ товарищи... дворъ помѣщиковъ пустъ; Васильевскаго помѣстья Пчелинскаго, что осталось за роздачею у Саввы Даньшина за 40 четими въ селѣ Егорьевскомъ“... Въ Затруцкомъ стану: „Минино Яковлева сына Савелова, что былъ починокъ подѣ Ясеновымъ лѣскомъ, противъ Громышкина Затону, вверхъ по рѣчкѣ по Соснѣ противъ Мокреца; Ларина помѣстья Пыжова, что осталось за роздачею у Агѣя Самойлова да у Кузмы Климова въ селѣ Богоявленскомъ, на рѣчкѣ на Хвощиѣ, по лѣвую сторону Плоскова колодезя подѣ Среднимъ лѣсомъ; Куприна помѣстья Ортемова сына Колшина въ слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣсу, обще съ Курбатомъ Бекетовымъ да съ Омою да съ Кирѣемъ Прокоповыми, да Степаномъ Монниковымъ съ товарищи..., oprичъ того, что изъ того жѣ Куприна помѣстья за Омою Ушаковымъ, а по сказкѣ стороннихъ людей, на томъ помѣстьи Купринѣ селились, и пропали безвѣстно; Вѣляево помѣстье Будоготцково въ той же слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣсу, обще съ Курбатомъ Бекетовымъ да Степаномъ Монасековымъ съ товарищи; Осипово помѣстье Мишаново въ той же слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, обще съ Курбатомъ Бекетовымъ да Степаномъ Монасековымъ съ товарищи; Федоровское помѣстье Савенкова, что осталось за роздачею Павла Шатохина и съ тѣмъ, что дано было Нехорошему Уланову въ слободѣ сверхъ Жерыханскаго лѣсу на рѣчкѣ на Лѣсной Жерыхани съ Замятнею Кашириновымъ да съ Григорьемъ Токмаковымъ съ товарищи дикого поля 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ; Ананьинскаго помѣстья Краснокова треть, что осталось за роздачею Данила Сапрокова въ деревнѣ Плоскаго колодезя подѣ Среднимъ лѣсомъ, обще съ Микиткою Бахтеяровымъ да Даниломъ Сапроковымъ съ товарищи; Петрухинскаго помѣстья Онеуова вверхъ Плоскова колодезя педѣ Среднимъ лѣсомъ, обще съ Микитою Бахтеяровымъ съ товарищи, что осталось за роздачею у Микитки да Гришки Черныхъ, да у Ивана Мостенсково; Ульянова помѣстья Иванова сына Блыскава въ починокѣ подѣ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Рогу, на Лѣсномъ Дросковомъ колодезѣ, обще съ Кузмою Васютинымъ

да съ Семеномъ Леоновымъ“. Въ Мокрецкомъ стану: „Гришина помѣстья Юрьева, что, по сказкѣ стороннихъ людей, осталось Матвѣя Дороеева треть въ деревнѣ верхъ Свиного колодезя подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Матвѣемъ же Дороеевымъ да съ Левомъ Головинымъ; Оедькино помѣстье Иванова сына Трубицына въ деревнѣ Нижней Роговой, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, подъ Нижнимъ Рогомъ, обще съ Осипомъ Кишкинымъ съ товарищи; Мининово помѣстье Сидорова сына Баранова въ деревнѣ Вышней Роговой подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Оадѣемъ Ушатова Есислова; Ивановское помѣстье Остахова въ сельцѣ Рожественскомъ подъ Плоскимъ лѣсомъ на рѣкѣ на Тиму“.

Многихъ Ливенскихъ помѣщиковъ въ описываемое время, по выраженію Приправочной, — „не стало“ (умерли ли они естественною смертію, пострадали-ль отъ своей же брательи въ мятежное время на Ливнахъ, сложили ли свои головы въ борьбѣ съ Москвою за самозванцевъ, или убиты и захвачены въ плѣнъ Татарами, — неизвѣстно), и послѣ нихъ помѣстья ихъ заустѣли. Именно, въ Серболовомъ стану: „Агѣевское Лыкова — въ деревнѣ Хмѣлевой, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, а послѣ Агѣя остался сынъ Олешка, и онъ, то отца своего помѣстье покиня, шель безвѣстно“; въ Затруцкомъ стану: „Сидорово Зубова — въ деревнѣ на усть Святитцкаго верха подъ Святитцкимъ лѣсомъ, обще съ Иваномъ Сухошубовымъ да съ Малахомъ Бородинымъ; Ортюшкино Лахтіонова — въ деревнѣ Воровой подъ Дросковымъ лѣсомъ на Среднемъ отвершку, а послѣ Ортема осталось два сына: Дениско да Корнилко, и они, то помѣстье отъ войны покиня, живутъ въ Новосили; Григорьево Безлѣикова — въ сельцѣ Дмитровскомъ на рѣкѣ Хвошнѣ подъ Городецкимъ лѣсомъ; Степановское Васильева сына Гридунова — въ деревнѣ Ровнецѣ, обще съ Иваномъ Извѣковымъ и съ товарищи; Исаево Порфенова сына Гридунова — въ той же деревнѣ Ровнецѣ подъ Ровнецкимъ лѣсомъ; Ивановское Григорьева сына Казначеева — въ той же деревнѣ Ровнецѣ; Меньшово Лаврентьева сына Быскакова — въ той же деревнѣ Ровнецѣ; Семеново Иванова сына Извѣкова, и Семена не стало лѣтъ съ двѣнадцать (около 1603 г.), а послѣ ево осталось два сына: Онтонъ да Иванъ, и они, то отца своего помѣстье покиня отъ войны, живутъ во Мценску“; въ Мокрецкомъ стану: „Нехорошево Ишково — въ деревнѣ Кудиновой на Плоскомъ колодезѣ подъ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Оедоромъ Студениновымъ съ товарищи; Пронино Михайлова — въ той же деревнѣ Кудиновой, обще съ Оедоромъ Студениновымъ съ товарищи; Батраково Барьянова — въ деревнѣ Пятиной подъ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Богданомъ Пятина; Зыбино Писарева — въ деревнѣ Шолоховой подъ Плоскимъ лѣсомъ на рѣкѣ Тиму; Ивановское Бычищева — въ сельцѣ Рожественскомъ подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму; Оедоровское Лобынцева — въ деревнѣ Лебедкахъ подъ лѣсомъ подъ Лебедками; Оедоровское Рогозина — въ той же деревнѣ Лебедкахъ, а послѣ Оедора остался сынъ, и онъ, то отца своего помѣстье отъ войны покиня, шель безвѣстно“.

Покидали помѣстья не только вдовы и осиротѣвшія дѣти помѣщиковъ, но и сами помѣщики, и сходили или на Ливны, подъ защиту городовыхъ укрѣпленій, или переселялись на жительство въ другіе города, или исчезали *безвѣстно*, или же *волочили*, *скитались* и *бродили межъ дворъ*. Такъ, въ 1613 году побросали свои помѣстья въ Красномъ стану: Богданъ Ивановичъ Слѣпушкинъ и Игнатъ Гамовъ и переселились во Мценскъ, а Степанъ Кузминъ Харитоновъ и Миронъ Гамовъ „отъ войны сошли безвѣстно“. — Серболова стана помѣщики: „Өирсъ Левиинъ, деревни Хмѣлевой, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, покиня свои помѣстья, сбрили безвѣстно, а Яковъ Левиинъ, взявъ помѣстье въ деревнѣ Хмѣлевой же, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, не селился на немъ“. — Затруцкаго стана: помѣщикъ Иванъ Олферовъ сынъ Сидоровъ, покинувъ свое помѣстье, что былъ починокъ подъ Ясеновымъ лѣсомъ противъ Грамыкина Затону, вверхъ по р. Соснѣ, противъ Мокреца, обще съ Олфимомъ Микляевымъ, — „волочился межъ дворъ“; Первой Кишкинъ, покиня свое помѣстье, что былъ Кишкинъ жеребей — деревня Логовая на рѣчкѣ Хвошиѣ подъ Среднимъ лѣсомъ, обще съ Левою Карповымъ да съ Кузюю Аверкіевымъ сыномъ Климова съ товарищи, — 1608 года шель на Елецъ; Степанъ Екимовъ сынъ Осиповъ, покиня свое помѣстье въ деревнѣ Ровнецѣ, шель на Орель въ 1602 году; Яковъ Химинъ, помѣщикъ слободки Дурневой, что свержъ Жерыханскаго лѣса, въ 1607 году „шелъ во Мценскъ“; туда же сошли и два сына помѣщика Семена Извѣкова — „Онтонъ да Ивашка“, лишившіеся отца въ 1602 году; Яковъ Дмитріевъ сынъ Леоновъ, покиня помѣстье, что былъ починокъ подъ Хвощенскимъ лѣскомъ, — жилъ на Ливнахъ на посадѣ. — Мокрецкаго стана: села Рождественскаго помѣщикъ Гриша Кондратьевъ Кураговъ, покиня свое помѣстье, что подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, въ 1613 году шель на Осколь; осиротѣвшее въ 1615 году семейство помѣщика Фатѣя Сергѣева, деревни Шолоховой подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму (общаго владѣнія съ Кондратомъ да Осипомъ Старухиними, да съ Оверкою Смѣшолоховымъ съ товарищи), именно — жена Фатѣева и двѣ дочери „волочатся межъ дворъ“.

Замѣчательно, что въ то время, какъ отъ Татарской войны Ливенскіе села, деревни и починокъ пустѣли, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, оставались отъ нихъ только слѣды дворовыхъ усадьбъ, — церкви стояли на погостахъ невредимыми. Ни въ Приправочной 1615 года, ни въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ послѣдующаго времени нѣтъ указанія на то, чтобы та или другая церковь была сожжена или разрушена Татарами. Есть только одно замѣчаніе относительно Дмитріевской церкви сельца Дмитровскаго (что на рѣчкѣ Фошиѣ подъ Городецкимъ лѣсомъ, въ Затруцкомъ стану), гласящее, что та церковь „разорена отъ Литовскихъ людей и отъ Татарскія войны въ 1616 году“, но и это замѣчаніе не даетъ намъ права утверждать, чтобы разо-

реніе Дмитріевской церкви послѣдовало именно отъ Татаръ, а не отъ Литовскихъ людей. Выраженіе — „отъ Татарской войны“ — весьма неопредѣленно и можетъ указывать только на то, что, по разореніи этой церкви Литовцами, она не могла быть скоро восстановлена. Но такъ какъ въ 1615 году Дмитріевская церковь несомнѣнно „стояла“, хотя и „безъ пѣнія“ (потому что при ней не было пона), а внослѣдствіи указывается уже только мѣсто ея; то возможно, что на совершенное разореніе ея имѣла вліяніе и Татарская война. Вообще же, въ виду сохранности церквей, когда вокругъ ихъ вздымалось пламя огня и видѣлись слѣды всеобщаго опустошенія, невольно приходитъ на мысль, что Крымскіе Татары какъ будто нарочно оставляли безъ вреда эти святыни Русскаго народа для того, чтобы посредствомъ ихъ на опустошенныя земли снова собрать разбѣжавшихся жителей, или привлечь новыхъ поселенцевъ, и, такимъ образомъ, имѣть возможность предаться новому грабежу и плѣну. И не удивительно: частыя удачи въ набѣгахъ могли пріучить Крымцевъ смотрѣть на Ливенскій уѣздъ, какъ на свой приходъ и доходъ! Однакожъ, по случаю ли оскверненія храмовъ Татарами и неиспроверженія престоловъ, гдѣ враги могли рассчитывать на сокрытыя сокровища, съ ограбленіемъ другихъ внутреннихъ принадлежностей церкви, или же по инымъ какимъ либо причинамъ, только нѣкоторыя уѣздныя церкви „отъ той войны оставались безъ пѣнія“, хотя на погостахъ ихъ жили поны и пономари (очевидно, исполнявшіе по преимуществу дьячковскія должности). Таковы: въ Красномъ стану — „на погостѣ на рѣкѣ на Лѣсной Ливнѣ въ Долгой Полянѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ, церковь *Никола Чудотворца* да придѣлъ *Фрола* и *Лавра* отъ войны 121 (1613) года стоитъ не освящена*); въ Затруцкомъ стану: въ селѣ Богоявленскомъ на р. Хвоциѣ, на усть Плоскаго колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ, — церковь Богоявленія Христова „отъ войны не освящена“; а въ селѣ Дмитровскомъ на р. Хвоциѣ, подъ Городецкимъ лѣсомъ, — церковь *страстотерца Христова Дмитрія Солунскаго* „стоитъ безъ пѣнія отъ войны“**); въ Мокрецкомъ стану: въ селѣ Введенскомъ подъ Мокрецькимъ лѣсомъ, въ Долгой Полянѣ, — церковь *Пречистыя Богородицы* „стоитъ безъ пѣнія отъ войны“; въ селѣ Рожественскомъ подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, — церковь *Рождества Христова* „отъ Татарскія войны стоитъ безъ пѣнія“***). Въ самомъ городѣ Ливнахъ, за рѣкою Ливною въ большомъ острогѣ, въ Казачьей Успенской слободѣ, церковь *Успенія Пречистыя Богородицы да церковь Архангела Михаила* стояла почему — то также безъ пѣнія, хотя и строитель ея попъ Афанасій, и образы, и свѣчи, и книги и всякое церковное строенье были налицо. Достойно замѣчанія и

*) Въ 1615 году строителя этой церкви пона Назарья уже не было въ живыхъ, а въ дворѣ поповомъ жила вдова его попадья Парасковья съ дѣтьми, въ ожиданіи, конечно, что кто — нибудь возьметъ „церковное строеніе“ ея мужа въ аренду и позаботится объ освященіи церкви, какъ арендовались тогда церкви и въ самомъ городѣ Ливнахъ.

***) При этой церкви не было ни пона, ни попова двора, а только дворовое мѣсто поповское.

****) На Рожественскомъ погостѣ были только дворовыя мѣста: поповское, пономарское и проскурницно.

то, что въ Приправочной Ливенскаго уѣзда вовсе не упоминается о плѣнѣ поповъ, даже ихъ женъ и дѣтей: щадили ли ихъ Татары въ тѣхъ же видахъ, какъ и церкви, или же попы съ пономарями умѣли лучше своихъ прихожанъ избѣгать плѣна и меча Татарскаго? Повидимому, огонь Татарскій не касался и ихъ жилищъ, такъ какъ изъ 14-ти погостовъ только на двухъ не было поповскихъ дворовъ, да и объ этихъ двухъ нельзя утвердительно сказать, чтобы они сожжены были именно Татарами. Предполагать же, что попы, какъ болѣе обеспеченные люди, могли скорѣе другихъ приходскихъ людей возстановлять свои дворы послѣ ихъ разрушенія, не позволяетъ самая сохранность при нихъ церквей. Вѣроятно же думать, что Татары, въ своихъ соображеніяхъ, щадили вообще погосты церковные съ ихъ строеніями и людьми, а за попами и пономарями въ большей или меньшей мѣрѣ могли укрываться и „проскурницы“ и „нищіе“, что „питались отъ церкви Божіей“. Все это были какъ-бы люди Божіи.

Подъ нищими, прежде всего, разумѣлись, конечно, люди бѣдные, снискивавшіе себѣ пропитаніе милостынею, подаваніемъ, также слѣпые, хромые, увѣчные, извѣстные подъ общимъ именемъ убогихъ, равно престарѣлые, малоумные, разнаго рода „порченые“ и юродствующіе, иногда подъ названіемъ „блаженныхъ“. Какъ ни грубы были нравы на Ливнахъ временъ самозванщины, и какъ ни склонны были тогдашніе люди на проявленіе самаго широкаго эгоизма, своеволія, насилія, противленія власти и даже нарушенія присяги, но присутствіе при многихъ церковныхъ погостахъ, городскихъ и сельскихъ, „богадѣленныхъ дворовъ“ или „келлій“ для нищихъ обнаруживаетъ въ нихъ высокое уваженіе къ христіанской милостынѣ и заботливую участливость къ судьбѣ бездомныхъ, голодныхъ и не защищенныхъ отъ холода. Въ городѣ Ливнахъ, вѣроятно со времени еще построения большаго острога, находился „богадѣленный дворъ“, да у рѣки у Ливны подъ горою пять келлій, а въ нихъ жили нищіе, питались по міру“. Это былъ главный пріютъ нищенства и убожества на Ливнахъ. Кромѣ того, Ливенскіе стрѣльцы въ своей слободѣ, при церкви Великомученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, имѣли четыре келліи для нищихъ, чтобы они питались отъ церкви Божіей. Въ двухъ Казачьихъ слободахъ — Покровской и Успенской, что въ большомъ же острогѣ „за рѣкою за Ливною“, при каждой изъ двухъ церквей находилось по три келліи для нищихъ; при Покровской жили нищіе: Сережка Тихоновъ, Микитка Геремеевъ и Демка Игнатовъ, а при Успенской: Елишка Гончаръ, Ивашка Горбунъ и Ивашко Долгой. Такіе же пріюты для убожества созданы были стараніемъ поповъ и благотворительностію приходскихъ людей и при многихъ сельскихъ погостахъ. Именно, въ Красномъ станѣ: на погостѣ села Пятницкаго, что была деревня Парахина, и на Егорьевскомъ погостѣ „подъ Краснымъ лѣсомъ межъ дву отвершковъ на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ“, гдѣ жили нищіе: Андрюшка Кобцовъ да Сидорко Шаталовъ; въ Серболовомъ стану — на Преображенскомъ погостѣ „подъ Серболовымъ лѣсомъ сверхъ Половой Воды съ правой стороны“ жили нищіе: Микифоръ Васильевъ, Ивашко Съдой

и Мишка Терентьевъ *), и на погостѣ села Пречистенскаго при церкви Рождества Пречистыя Богородицы „поповскаго строения“.

Повидимому, келлія для нищихъ считалась необходимою принадлежностью каждой церкви; а гдѣ не было такихъ келлій, тамъ обычнымъ пріютомъ для нищихъ служили дворы поповскіе. И къ этому, кромѣ обычнаго состраданія, были у поповъ особыя виды. Такъ какъ при уѣздныхъ церквахъ кромѣ попа, пономаря и проскурицы, обязанность которой состояла единственно въ приготовленіи просфоръ, не было ни дьяконовъ, ни дьячковъ; то вѣроятно будетъ предположить, что нѣкоторые изъ нищихъ исполняли обязанности пономарскія, давая чрезъ то пономарямъ возможность пѣть и читать, т. е. отправлять дьячковскую должность, а, быть можетъ, нѣкоторыми изъ нищихъ, не въ конецъ убогими, поны и пономари пользовались и для обработки своихъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ. Такія услуги нищіе могли охотно оказывать священно-церковно-служителямъ какъ за получаемое ими отъ причта покровительство, такъ и въ чаяніи, что когда они помрутъ, поны и пономарь похоронятъ ихъ безмездно. Тоже можно предполагать и относительно видовъ городского духовенства на нищихъ, такъ какъ и при городскихъ церквахъ были только поны да пономари (послѣдніе при большинствѣ церквей почему-то даже не упоминаются *переписною*), а дьячекъ съ пономаремъ были при одной только церкви Св. Димитрія Солунскаго, что въ Бѣломѣстной казачьей „за рѣкою за Сосою противъ города Ливенъ“ слободѣ, подобно тому, какъ и одинъ дьяконъ (именно Соборной церкви) Оксентъ Левонтьевъ на весь городъ съ уѣздомъ. Здѣсь нищіе были еще нужнѣе, чѣмъ по селамъ, сельцамъ и погостамъ: кромѣ нѣкоторыхъ пономарскихъ услугъ по церкви и хозяйственныхъ по пахатному, сѣнокосному и дворовому дѣлу поповскому, они могли наблюдать ночной караулъ той церкви, отъ которой питаются сами, сопровождать пона при хожденіи по приходу съ „христовымъ“, доставлять по назначенію вѣсти и распоряженія десятоначальника или поповскаго старосты, и наоборотъ, и т. п. Очень можетъ быть, что нѣкоторымъ изъ нищихъ, наиболѣе честнымъ и расторопнымъ, поручались тогда и нѣкоторыя ктиторскія обязанности, какъ — продажа въ церкви свѣчей, приобретаемыхъ пономъ на свой счетъ, а потому и доставляющихъ ему личный доходъ, за которымъ нужно было досматривать ближнему къ попову двору человѣку, если даже не самой попадѣ.

*) Этотъ пріютъ, какъ и самая церковь, устроенъ помѣщикомъ Степаномъ Мишинымъ съ сыновьями его, Семеномъ да попомъ Иваномъ.

VIII.

Городъ Ливны и его уѣздъ въ царствованіе Михаила
Феодоровича.

Слѣды Смутаго времени въ г. Ливнахъ и его уѣздѣ. — Заслуги Ливенскихъ служилыхъ людей въ очищеніи Русской земли отъ внутреннихъ ея враговъ. — Жалованныя вотчины Ливенскимъ казакамъ „за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ“ — Договоръ съ Крымцами на Ливнахъ и новые ихъ набѣги. — Взятіе и сожженіе Ливенъ Запорожскими казаками. — Помѣщики, павшіе при защитѣ города Ливенъ и разбѣжавшіеся по разнымъ мѣстамъ. — Пустоши. — Возстановленіе города Ливенъ и его сторожъ. — Обязанности Ливенскихъ воеводъ въ военное и мирное время. — Новые погосты и поселенія въ Ливенскомъ уѣздѣ. — Численность населенія. — Осадные головы на Ливнахъ. — Милостивое слово Государево Ливенскимъ воеводамъ. — Численность Ливенскаго гарнизона. — Участіе Ливенцевъ въ солдатскихъ походахъ, въ охраненіи усть-Чернавскаго острога и въ сопровожденіи Московскихъ и Крымскихъ пословъ. — Усиленіе сторожевой линіи по р. Соснѣ и образованіе Черкасскихъ слободъ въ окрестности г. Ливенъ. — Торговля и промыслы на Ливнахъ. — Бѣдность уѣздныхъ людей и недовольство ихъ своимъ положеніемъ. — Общія свѣдѣнія объ уѣздныхъ церквахъ и причтахъ.

Смутное время оставило по себѣ глубокіе слѣды опустошенія какъ на Москвѣ, такъ и по всему государству. Что же касается г. Ливенъ, то, говоря относительно, онъ былъ еще счастливѣе многихъ городовъ Московскаго государства: его стѣны съ башнями, церкви, торговыя лавки, *столы* и кузницы оставались цѣлы и невредимы; только церковь Успенская съ придѣломъ Архангела Михаила, что въ Казачьей слободѣ, стояла безъ пѣнія, да посадъ не досчитывался нѣсколькихъ десятковъ дворовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ изъ своихъ жителей, тогда какъ, по мысли и цѣлямъ правительства, этотъ городъ долженъ былъ съ каждымъ годомъ расти и множиться своимъ населеніемъ. Именно, въ періодъ Смутаго времени на Ливнахъ заустѣло: въ Ямской слободѣ 8 дворовъ, въ Казачьихъ — Егорьевской и Анастасьевской 15 дв., Никольской 21 дв., Покровской и Успенской 39 дв., всего 83 двора. Но положеніе уѣзда, который въ царствованіе Феодора Иоанновича началъ быстро заселяться, было теперь печальное. Населеніе его не только не подвинулось впередъ, какъ желало того Московское правительство, но и значительно сократилось противъ прежняго. Цѣлыя десятки помѣстій, представлявшіе изъ себя деревни, теперь заустѣли совершенно. Напримѣръ: въ Красномъ стану считалось такихъ пустошей 9, въ Серболовомъ 8,

въ Затрудкомъ 35, въ Мокрецкомъ 24, всего въ Ливенскомъ уѣздѣ ко времени царствованія Михаила Ѳеодоровича значилось пустошей 76. Кромѣ того, изъ 14-ти сель — четыре обратились въ погосты, пять сдѣлались сельцами, а уцѣлѣвшія пять сель представляли собою ничтожныя деревушки.

Между тѣмъ, со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича, бѣдствія не прекратились еще какъ для всего государства, такъ въ частности и для Ливенскаго края. Въ то время совнѣ угрожали государству войною Поляки, Шведы и Крымскіе Татары, а внутри его тѣснились многочисленныя шайки Литовцевъ и Малоросійскихъ и Донскихъ казаковъ, бродили всякіе *воры* и разбойники, и всѣ рассчитывали на легкую добычу. Царская казна была пуста; ратныхъ людей стало мало. Надо было прежде всего очищать государство. Въ этомъ великомъ дѣлѣ участвовали и наши Ливенцы: дѣти боярскіе и казаки. Такъ, въ 1614 году, Ливенскій воевода Степанъ Ивановичъ Исленьевъ былъ въ товарищахъ знаменитаго воеводы Дмитрія Михайловича Пожарскаго, преслѣдовавшаго Литовскаго наѣздника Лисовскаго, и участвовалъ въ битвѣ подъ городомъ Орломъ, но былъ обращенъ въ бѣгство; только благодаря мужеству самого Пожарскаго одержана была подъ Орломъ побѣда надъ Литовцами, и Лисовскій вытѣненъ былъ изъ предѣловъ Орловскаго края *).

Въ 1616 году въ походѣ съ Пожарскимъ было Ливенскихъ дѣтей боярскихъ 300 человекъ, да 300 человекъ казаковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, немногіе уже возвратились на Ливны, такъ какъ съ тѣхъ поръ число дѣтей боярскихъ и казаковъ показывается на Ливнахъ значительно меньше противъ 1616 года. Именно, въ Розрядной росписи 1616 года говорится: „На Ливнахъ Игнатій Ермолаевъ сынъ Михневъ да Федоръ Григорьевъ сынъ Шишкинъ; и Февраля Игнатій и Федоръ отпущены, а на Ливнахъ велѣно быть воеводѣ Тимоѳею Васильеву сыну Измайлову, да Петру Прокофьеву сыну Данилову; а съ ними Ливенцевъ дѣтей боярскихъ 744 ч. и изъ нихъ велѣно быть съ бояриномъ со княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ 300 ч., а за тѣмъ 444 ч., съ головами 520 ч. казаковъ и изъ нихъ велѣно быть съ бояриномъ со княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ 300 ч., съ сотникомъ 100 ч. стрѣльцовъ, съ атаманомъ Михайломъ Головиннымъ 60 ч. казаковъ. И всего на Ливнахъ 824 человекъ“. Кромѣ того, изъ Ливенскихъ *писцовыхъ книгъ* извѣстно, что Ливенскіе казаки участвовали въ оборонѣ Москвы отъ Поляковъ, осаждавшихъ ее въ 1618-мъ году подъ предводительствомъ королевича Владислава, и „за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ“ пожалованы были, въ придачу къ прежнимъ помѣстьямъ, вотчинами. Таковы были вотчины: въ *Нрасномъ* стану — за Третьякомъ Романовымъ на Здоровецкомъ отвершку, у Краснаго лѣса, 45 чети; за Гришкою Баслановымъ въ Долгой Полянѣ на Евлановомъ колодезѣ, на р. Лѣсной Ливнѣ, 54 чети; за Осипомъ Харитоновымъ 50 чети, за Евѳимомъ Михѣевымъ 99 чети; за ка-

*) См. „Историческіе очерки г. Орла“ Г. П., стр. 64—66.

зачимъ сыномъ Васьюкою Бурковымъ 54 чети. Всѣ эти вотчины находились въ 3-хъ деревняхъ: Лоношинѣ, Орловой и Здобной.— Въ *Серболовомъ* стану: за Степаномъ Лукьяновымъ сыномъ Сотникова подѣ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя, въ вотчинѣ и помѣстьѣ 152 чети; за Богданомъ Васильевымъ подѣ Серболовымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Кунацкомъ колодезѣ, 37 чети съ осминою; за Исаемъ Григорьевымъ сыномъ Ушакова, по двумъ жалованнымъ вотчиннымъ граматамъ, 123 чети съ осминою; за Третьякомъ Романовымъ 45 чети. Вотчины эти находились въ деревняхъ: Сторожевой, Нижнемъ Куначѣ, Грязцѣ и въ сельцѣ Егорьевскомъ.— Въ *Затруцкомъ* стану: за казачимъ сыномъ Васьюкою Бурковымъ по Государевой жалованной вотчинной граматѣ, за подписью дьяка Герасима Мартемьянова 1620 г. Октября 20 дня, что отцу его дано было за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходѣ. Нѣкоторые же изъ такихъ вотчинниковъ, познакомившись съ Московскою службою, не захотѣли уже оставаться на Ливнахъ и сошли въ Москву. Такъ, казакъ Иванъ Ѳедоровъ, „покиня свою вотчину (жеребей сельца Нижняго Вязовика), шель въ Москвѣ и на Москвѣ сталъ въ стрѣльцы“.

Въ то время, какъ значительная часть Ливенскаго гарнизона была отпущена для походной службы и постепенно истаявала въ битвахъ съ внутренними и внѣшними врагами отечества, самый Ливенскій уѣздъ не зналъ покоя отъ Крымскихъ набѣдниковъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Московскаго государства, невозможно было принять какихъ—либо рѣшительныхъ мѣръ противъ Крыма, и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ огражденіе украины отъ Крымскихъ набѣговъ, рѣшился сдерживать враговъ посредствомъ мирныхъ договоровъ, съ обѣщаніемъ даже платить имъ такъ—называемые *поминки**). Съ этою цѣлью, въ 1614 году, на Ливнахъ съѣхались Московскіе уполномоченные и посланникъ Крымскаго хана Джанибекъ—Гирея Ахметъ паша Сулешовъ. Ахметъ бывалъ на Ливнахъ и прежде. Еще въ 1593 году онъ пріѣзжалъ сюда для переговоровъ о прекращеніи съ обѣихъ сторонъ непріязненныхъ отношеній, съ освобожденіемъ плѣнниковъ, и имѣлъ тогда совѣщаніе съ Московскими уполномоченными, княземъ Ѳедоромъ Хворостининымъ и Богданомъ Вѣльскимъ, на мосту, перекинутомъ черезъ р. Сосну. Но въ то время Ахметъ—паша былъ стговорчивѣе, и общіе переговоры окончились утвержденіемъ мира и союза, какъ говорилось, „на вѣки“**); теперь же онъ требовалъ, чтобы Московскій царь ежегодно присылалъ хану кромѣ *рухляди* (т. е. дорогихъ мѣховъ) 10,000 рублей. Русскіе послы представляли ему бѣдность своего государства и истощеніе царской казны по случаю Смутнаго времени; но Ахмету пашѣ не было нужды до Московской бѣдности; онъ твердилъ одно и угрожалъ: „я на однихъ Ливнахъ вымещу; хотя возьму тысячу плѣнныхъ, и за cadaго возьму по 50 рублей, то у меня будетъ 50,000 рублей... Со

*) Поминки—даръ, подарокъ въ знакъ памяти.

***) Карамзинъ, т. X, стр. 195—196.

мною два дѣла,— говорилъ онъ русскому уполномоченному,— доброе и лихое: выбирайте!“ Въ концѣ концовъ Сулешовъ согласился, конечно, взять всего 4000 рублей, но съ условіемъ, чтобы рано по веснѣ Государь прислалъ въ Крымъ еще большіе поминки*). Съ тѣхъ поръ русскіе послы часто возили въ Крымъ чрезъ Ливны и Елецъ денежную казну и рубли; только Московское золото и соболи мало приносили пользы: Крымцы, охотно принимая то и другое, всегда находили какой—либо поводъ къ разрыву съ Москвою и оправданію своихъ враждебныхъ нападеній на украину, да и на самыя поминки смотрѣли не иначе, какъ на лишнюю взятку со стороны слабаго сосѣда. Уже на другой годъ по заключеніи Ливенскаго договора, въ бытность воеводъ на Ливнахъ Игнатія Истомина сына Михнева да Ѳедора Шишкина, да осаднаго головы Ѳедора Стрѣшнева, Татары успѣли оставить слѣды своихъ набѣговъ въ Ливенскомъ уѣздѣ, опустошили въ Затруцкомъ станѣ деревню Щетинину, что было помѣстьемъ Аванасія Щетинина (убитаго подь Тулою), и, по сказкѣ стороннихъ людей, въ „123 (1615) году жену его взяли въ плѣнъ“ **).

„Отъ Татарскія войны“ 1616 года заустѣла деревня Соловьева Краснаго стана, въ коей помѣщиковъ — боярскихъ дѣтей было 8 человекъ, а Затруцкій помѣщикъ Мина Яковлевичъ Савеловъ „отъ войны 1616 году шель въ Бѣлгородъ“. Въ 1617 году, въ Серболовомъ станѣ изъ деревни Кутеновой, что подь большимъ Туровымъ лѣсомъ на Дайминовомъ отвершку, Татары взяли въ плѣнъ помѣщика Максима Яковлевича Чернятина. Извѣстно также, что въ 1617 году, кромѣ боя съ Татарами въ Болховскомъ уѣздѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по донесенію Ливенскихъ воеводъ, была степная битва за 30 верстъ отъ Оскола. Въ 1618 году Августа 23-го дня бился съ Татарами Ливенскій воевода князь Никита Ивановичъ Егуповъ — Черкасскій, а 27-го Августа Татары стояли подь Мценскомъ; въ томъ же году 8-го Октября была опять степная битва въ 120 верстахъ отъ Ливенъ, а 11-го Октября — новая битва за 50 верстъ отъ Ливенъ ***).

Подь 1618 годомъ въ Ливенскихъ писцовыхъ книгахъ значится нѣсколько помѣщиковъ, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Татарами; это были: въ Красномъ станѣ — Неустрой Ѳедоровичъ Окатовъ и Гавріилъ Ивановичъ Шаталовъ; перваго Татары увели въ плѣнъ, а втораго убили; убили также и Лукьяна Григорьевича Дружина, что жилъ въ деревнѣ Чернянской подь Сторожевымъ лѣсомъ, за рѣкою Чернавою. Многіе служилые люди, получивъ въ этомъ году помѣстья, не захотѣли вовсе селиться; а другіе отказались отъ готовыхъ уже имѣній и разбрелись — кто куда.

Набѣги Крымцевъ не прекращались. Въ 1619 и 1620 г.г. отъ войны сошли съ своихъ имѣній безвѣстно: Илья Ивановичъ Гладковъ, Андрей Степановичъ Осмин-

*) Соловьевъ, т. 9, стр. 85.

**) Приправочная 1615 г. № 743.

***) Вѣляевъ, стр. 59.

никовъ, Антонъ Кузмичъ Легоновъ, Василій Ермоловъ, Максимъ Харламовъ и многіе другіе. Къ 1621 году Ливенская *переписная* приурочиваетъ особенно разгромъ деревни Кудиновой въ Мокрецкомъ станѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ: „по сказкѣ старожильцовъ стороннихъ людей“, Кудиновскіе помѣщики Ѳеодоръ Прокофьевичъ Студениковъ и другіе „бродятъ межъ дворъ, а Гришку Студеникова взяли Татарове“. Подъ 1625 годомъ *переписной* значится убитымъ отъ Татаръ помѣщикъ Мокрецкаго стана Киприанъ Григорьевичъ Кологривовъ.

Въ своей статьѣ „о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ“ г. Артемьевъ, на основаніи Воронежскихъ Актовъ, говоритъ, что „въ 1624 и 1625 г.г. Татары разорили Ливны и весь уѣздъ и доходили до Новосила, откуда увели немало полоняниковъ“ *). Но изъ „Воронежскихъ Актовъ“ видно только, что въ 1625 году Татары напали на Ливенскій уѣздъ и, послѣ битвы съ Ливенскими воеводами, пошли войною на Новосиль. Именно, Ливенскіе воеводы, стольникъ Андрей Артемьевичъ Измайловъ да Данило Моисеевичъ Яблочковъ, 20-го Іюля доносили въ Москву Государю, что „Іюля въ 17 день, въ раннюю вечерню, приходили Татарова въ Ливенской уѣздъ, человекъ съ пятьсотъ, и они на Татаръ выходили и съ Татары бились, и Татарова съ бою пошли въ Русь къ Новосили“ **). Очевидно, Ливенскимъ воеводамъ удалось отстоять городъ; но они не могли преградить Татарамъ пути къ Новосили и, слѣдовательно, избавить Ливенскій уѣздъ отъ разоренія. Потому-то Московское правительство, въ помощь Ливенскимъ воеводамъ, стало назначать еще городовыхъ или осадныхъ головъ, которые обязаны были защищать городъ въ осадное время, тогда какъ воеводы промышляли надъ непріателемъ въ уѣздѣ.

Вообще, набѣги Крымцевъ, не прекращавшіеся въ Смутное время, были особенно часты въ первые и послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. Въ 1639 году Крымскіе Татары два раза были подъ Новосилемъ, и, слѣдовательно, проникали чрезъ Ливенскій уѣздъ; въ 1640 году они опять воевали здѣсь въ Апрѣлѣ, Маѣ и Іюнѣ; въ 1641 году они опустошили Затруцкій станъ, гдѣ, въ деревнѣ Ениной, одного бобыля, Сержку Иванова, взяли въ полонъ, а двухъ—Якушку да Олешку (всѣ они жили въ помѣстьѣ Якова Семеновича Харитоновъ) убили, и изъ деревни Муратовой, вверхъ Дроскова колодезя, взяли въ плѣнъ бобыля Сержку Тарасова, бывшаго за помѣщикомъ Петромъ Легоновымъ.

1618-й годъ былъ особенно несчастенъ для города Ливенъ. Въ это время, кромѣ нападенія отъ Татаръ, онъ подвергся еще разгрому отъ Малороссійскихъ казаковъ. Польскій королевичъ Владиславъ, избранный на Московское государство въ смутное время Россіи, задумалъ теперь отнять корону у Михаила Ѳеодоровича и двинулся съ польскимъ войскомъ къ Москвѣ; при этомъ ему должны были вспоможе-

*) См. „Орловскія Губернскія Вѣдомости“ 1860 г. № 24.

**) См. Воронежскіе Акты, ч. II, стр. 16. Сообщилъ С. Е. Звѣревъ.

ствовать и Малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ гетмана Коношевича—Сагайдачнаго. Сагайдачный шелъ къ Ливнамъ съ юга. Разгромивъ Путивль и Бѣльгородъ *), онъ, въ первыхъ числахъ Сентября, напалъ на Ливны, гдѣ въ то время воеводами были: князь Никита Ивановичъ Егуновъ—Черкасскій и Петръ Прокофьевичъ Даниловъ, служившій здѣсь въ товарищахъ съ 1616 года.

Ливенскіе воеводы, во—время извѣщенные о движеніи Черкасовъ, укрѣпили осаду и собрали въ городѣ, кромѣ осадныхъ людей, 940 человекъ гарнизона; въ томъ числѣ было: дѣтей боярскихъ 302 человекъ, казаковъ съ головами и сотниками 248 чел., пѣшихъ стрѣльцовъ 100 чел. Но что значили эти силы противъ превосходныхъ силъ Сагайдачнаго! Опытный въ ратномъ дѣлѣ, Ливенскій воевода не дался въ обманъ Черкасамъ, подобно Елецкому воеводѣ Андрею Богдановичу Полеву („которому ратное дѣло было не за обычай“), и рѣшился не выходить изъ осады. Но вотъ что повѣствуется въ лѣтописи о судьбѣ Ливенъ и Ельца, этихъ стражей украины: „Приде же изъ—за Порога гетманъ Саадашной въ Украинные города съ запорожскими казаками, и приде къ городу Ливнамъ, и городъ Ливну взяша *взятіемъ* **), воеводу князь Никиту Черкаскаго взяша въ полонъ, и товарища его Петра Даниловича ***)) убиша, и многихъ людей побиха, и городъ *выжгоша*. И взявъ Ливны, поидоша къ Ельцу, и, пришедъ подъ Елецъ, стаху на малое время, и Елецъ взяша обманомъ, спереди выманивъ немногихъ людей. Воеводѣ же бывшу въ тѣ поры Андрею Полеву, и осадное сидѣнье ему не за обычай; и онъ со всеми людьми изъ города на нихъ выйде. Саадашной же, со всеми людьми пришедъ сзади, городъ взя. Въ тожъ время посланы быша послы въ Крымъ, Степанъ Хрущовъ да подъячей Семенко Бредехинъ; да тутъ же было Крымскихъ Татаръ 50 человекъ; да съ ними же послано было мягкія казны на 10 тысячъ. Черкасы-жь ту казну взяша, и того Степана Хрущова и подъячева Семенку взяша въ плѣнъ; а Крымскихъ пословъ иныхъ поймаху живыхъ, а иныхъ побиха многихъ, и воеводу Андрея Полева убиша, а жену его въ полонъ взяша, а городъ Елецъ разориша и выжгоша, и многихъ людей въ полонъ поймаша, и казну государеву всю взяша. Пословъ же тѣхъ Русскихъ и Крымскихъ вымѣниша подъ Москвою“ ****). Въ одномъ древнемъ рукописномъ (полуустановнаго письма) описаніи Ливенскаго Сергіевскаго монастыря говорится, что тогда „какъ самый городъ Ливны, такъ и слобода монастырскихъ крестьянъ была отъ Литовскихъ людей, подъ предводительствомъ Сагайдачнаго гетмана, разорена и 17 человекъ крестьянъ той слободы

*) «А Бѣль-городъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, и *послѣ Литовскаго разоренья* перенесенъ на другую сторону Донца, съ нижнія стороны Бѣлаго колодезя, отъ берега отъ Донца, отъ стараго городища 380 сажень». Кн. В. Черт. на стр. 24.

**) *Взятые*—приступъ, штурмъ.

***) Въ Разрядныхъ книгахъ: Петръ Прокофьевичъ Даниловъ.

****) Выѣстъ съ Ливнами и Ельцомъ пострадалъ и г. Лебедянъ. Обремененный добычею, Сагайдачный соединился съ Королевичемъ въ Тушинѣ, а въ ночь на 1-е октября они повели уже приступъ къ Москвѣ.

побиты и дворы опустошены“ *). Разореніе Литовцами монастырской слободы подтверждается, какъ мы видѣли, и писцовыми книгами. Впрочемъ, сожженіе города Ливенъ казаками Сагайдачнаго, по — видимому, ограничивалось только городскими стѣнами и башнями и не коснулось церквей, такъ какъ многія изъ церквей этого города, существовавшія въ 1615 году, упоминаются и въ Переписной 1646 года. По крайней мѣрѣ, трудно предполагать, чтобы сожженные на Ливнахъ церкви могли возникнуть вновь въ теченіе столь короткаго времени. Съ другой стороны, если Малороссійскіе казаки, особенно въ виду упорной обороны Ливенскаго гарнизона, готовы были выместить свою злобу, за павшихъ своихъ товарищей, на городъ и его защитникахъ съ ихъ имуществомъ; то нѣтъ еще основанія думать, чтобы они простерли свою месть и на церкви Божіи, которыя всегда свято почитались ими.

При оборонѣ города Ливенъ отъ Литовскихъ людей, въ 1618 году, вмѣстѣ съ товарищемъ воеводы Петромъ Прокофьевичемъ Даниловымъ пало много и помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ. Изъ нихъ мы можемъ указать только на тѣхъ, которые упоминаются въ писцовыхъ книгахъ 1626—1629 годовъ. Это были — въ *Красномъ* станѣ: Василій Нечаевъ сынъ Зыбинъ, Иванъ Родіоновъ Павловъ и Иванъ Третьяковъ Ханинъ; въ *Серболовомъ* станѣ: Зиновій Кузминъ Орѣховъ; въ *Мокрецомъ* станѣ: Наумъ Максимовъ Олтуховъ, Михайло Потановъ Лютвиновъ, Денисъ Васильевъ Лобынцевъ, Ѳедоръ Лобынцевъ и Ѳедоръ Рагозинъ, а также: Лукьянъ Сидоровъ Жихаревъ, Мелехъ Васильевъ Говоровъ, Ортюшка Ѳедоровъ Толстой и Гришка Быкановъ; въ *Затруцкомъ* станѣ: Олфимъ Борисовъ Микляевъ, Ѳома Яковлевъ Ушаковъ, Матвѣй Никитинъ Кобызевъ, Софонъ Ефимовъ Азаровъ и Мартинъ Лаврентьевъ Быкановъ. Многіе помѣщики отъ Литовскаго разоренія сошли безвѣстно, а иные разбѣжались по другимъ городамъ: Кондратъ Исаевъ Стрянковъ сбѣжалъ на Елецъ, Кондратъ Григорьевъ — на Лебедянь, Ерошей Ивановъ Крюковъ — на Орель, братья — Ивашко, Власко да Теренко Омеляновы дѣти Власовы — безвѣстно.

Даже спустя десять лѣтъ послѣ Литовскаго разоренія, сопровождавшагося впрочемъ и набѣгами Крымцевъ, переписная Краснаго стана насчитываетъ 21 помѣстье „въ порозжихъ земляхъ“; пустоши эти лежали: на Здоровецкомъ отвершку, подъ лѣсомъ Присынскомъ на большой Новосильской дорогѣ, въ сельцѣ Пречистенскомъ подъ Сторожевымъ лѣсомъ (за рѣкою Чернавою) и у деревень — Золотухиной, Соловьевой и Чернянской. Въ Серболовомъ станѣ значились пустоши: за р. Чернавою по Кривцу, въ деревнѣ Нижнемъ Куначѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, въ деревнѣ Чернянской подъ Богдановымъ лѣсомъ, въ деревняхъ — Кутеновой, Крутой, Городиловой и Волчьей Полянѣ. Въ Мокрецомъ станѣ: въ деревнѣ Вышнемъ Изрогѣ, Баранова тожъ; въ деревнѣ Чернягу, Плашкова тожъ, въ деревнѣ Шолоховѣ подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму, въ деревнѣ Пятиной, Кудиновой, въ сельцѣ Рожественскомъ, въ деревняхъ —

*) См. „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1871 г. стр. 1199.

Лебедкѣ и на Среднемъ Острову. Въ Затруцкомъ станѣ: въ селѣ Нижнемъ Вязовикѣ, въ деревнѣ Дурневѣ, въ слободкѣ Бекетовой, въ деревняхъ—Бахтеяровой, Луговой, Непочатой, Ровнецѣ.

Послѣ нашествія Сагайдачнаго, въ 1619-мъ году, при воеводѣ Григоріѣ Васильевичѣ Измайловѣ, Ливенскій гарнизонъ значительно убавился; здѣсь состояло теперь на лицо: дѣтей боярскихъ Ливенцевъ 286 ч., казаковъ 186 ч., стрѣльцовъ 29 ч., пушкарей 13 ч., затыщниковъ 27 ч., итого—541 человекъ; а въ 1620 и 1622 годахъ, при воеводѣ Михайлѣ Григорьевичѣ Козловскомъ, которому въ 1622 году приданъ былъ въ товарищи Ѳедоръ Грековъ, и подъ 1623 и 1624 годами, при воеводахъ князѣ Иванѣ Петровичѣ Засѣкинѣ да Иванѣ Ивановичѣ Язвцовѣ, въ Разрядныхъ книгахъ какъ на Ливнахъ, такъ и въ Ельцѣ вовсе не дѣлается перечня служилымъ людямъ. Очевидно, въ то время шло возобновленіе сожженнаго Сагайдачнымъ города Ливень, а также возстановлялись и сторожи, разстроеныя Смутнымъ временемъ на Руси. Въ возобновленномъ городѣ на посадѣ находились тѣ же церкви, что и въ прежнемъ, только безъ указанія на большой острогъ, такъ что можно думать, что теперь возобновленъ былъ только малый острожокъ, а посадъ защищенъ былъ лишь ровомъ и землянымъ валомъ. Что же касается сторожъ, то, по Росписи 1623 года, съ Ливень опять ставилось 17 сторожъ: 1-я на горѣ по р. Соснѣ на Кирпичномъ броду, отъ города 3 версты; 2-я усть Трудовъ, отъ города 6 версты; 3-я на усть Рѣчицы, отъ города 8 версты; 4-я на усть Фошии, отъ города 40 версты; 5-я на усть Колпны, отъ города 40 версты; 6-я на усть Луковца, отъ города 40 версты; 7-я по Бѣлогородской дорогѣ за рѣку Быструю Сосну въ Колки, отъ города 4 в.; 8-я подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, отъ города 15 версты; 9-я подъ Долгимъ лѣсомъ, отъ города 30 версты; 10-я подъ Котельскимъ лѣсомъ, отъ города 170 в.; 11-я подъ Пузетцкимъ лѣсомъ, отъ города 150 в.; 12-я на р. Соснѣ на Мѣловомъ броду, отъ города 150 в.; 13-я внизъ по р. Соснѣ на усть Кшеневой, отъ города 5 в.; 14-я на усть Кунача, отъ города 7 в.; 15-я на усть Хмѣлеваго колодезя, отъ города 15 версты; 16-я на усть Чернавы, отъ города 20 версты; 17-я сверхъ Свишень, отъ города 30 версты *). Изъ 17-ти Ливенскихъ сторожъ—на 13-ти сторожахъ стояло по 2 человекъ дѣтей боярскихъ и по 2 человекъ казаковъ, а на четырехъ сторожахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ города Ливень, какъ-то: Усть—Луковецкой, подъ—Котельской, подъ—Пузетцкой и на Мѣловомъ броду, стояло по 3 чел. дѣтей боярскихъ и по 3 ч. казаковъ. Всего высылалось изъ Ливень на сторожи дѣтей боярскихъ и казаковъ 76 человекъ. Разъѣзды сторожей были тѣ же, что и прежде; они простирались отъ 3-хъ до 150 версты.

Рядомъ съ Ливенскими сторожами по берегамъ Быстрой Сосны и ея притоковъ содержались караулы изъ городовъ—Дѣдилова, Епифани, Донкова, Кропивны, Ново-

*) См. Книги Разрядныя, т. I, стр. 963—964.

силы и особенно изъ Мценска. Изъ Мценска сторожили: „усть Чернавъ, на Рѣчицѣ, на усть Колны, усть Луковца, верхъ Очки на Рудѣ, на Долгомъ колодезѣ, на Любовшѣ и верхъ Олешень“, — на каждой сторожѣ по 4 человекъ, а всего — на 9-ти сторожахъ — 36 человекъ. Изъ Новосиля: „усть Чернавы, верхъ Любовши противъ Судбища, усть Оревскаго, на Любовшѣ усть Корытнава, усть Рѣчицы (до усть Трудовъ, а по другую сторону на гору по Соснѣ верстъ съ 6-ть до Святаго Камени), усть Хвощны до колодезя до Вязовика, въ Туровицкихъ дубровахъ (сверхъ колодезя Залегоща и сверхъ Скороднова по Ливенской дорогѣ) и усть рѣчки Колны“; на всѣхъ этихъ сторожахъ стояло по 4 человекъ дѣтей боярскихъ и казаковъ. Нижнее же теченіе Быстрой Сосны охранялось сторожами изъ Ельца и Донкова. Вообще берега Быстрой Сосны были обставлены сторожами такъ, что стоило только прискакать сторожу „съ вѣстями“ на одну изъ нихъ, какъ конскій топотъ стражниковъ раздавался уже по всѣмъ сторожамъ и вѣсти неслись отъ города къ городу до самой Москвы. Тогда, въ виду бранной тревоги, начиналась кипучая дѣятельность на Ливнахъ и по всему Верхососенью.

Сдновременно съ укрѣпленіемъ сторожевой украинской линіи составленъ былъ новый уставъ для сторожевой и станичной службы, который, вмѣстѣ съ разрядными росписями сторожъ, разсланъ былъ ко всѣмъ воеводамъ украинскихъ городовъ отъ 1-го Марта 1623 года. По этому уставу Ливенскій воевода обязанъ былъ: 1-е) станичниковъ посылать съ 25 марта. или какъ откроется весна; 2-е) предъ отправленіемъ на службу долженъ собрать въ съѣзжую избу всѣхъ станичниковъ, дѣтей боярскихъ, атамановъ, ѣздоковъ и вожей, и пересмотрѣть ихъ по спискамъ и списки своего осмотра отправить въ Москву; 3-е) всѣхъ станичниковъ раздѣлить на двѣ половины, изъ коихъ первую посылать на сторожи съ 25-го Марта до Августа, а вторую съ 1-го Августа до 15-го Ноября; 4-е) чтобы въ каждой станицѣ было по сыну боярскому, да по атаману, да по 6-ти человекъ ѣздоковъ, да по два вожа, и чтобы у каждаго станичника было по два коня или къ коню по доброму мерину; 5-е) при самомъ отправленіи станицъ давать имъ наказныя памяти за воеводскою печатью, чтобы они ѣздили бережно и осторожно, доѣзжали до урочищъ и привозили къ воеводамъ доѣздныя памяти въ доказательство, что они на урочищахъ были; а ежели гдѣ переѣдутъ какую сакму, то немедленно посылали-бъ въ городъ своихъ товарищей, человекъ два или три съ вѣстями, а сами-бъ продолжали путь до урочищъ, назначенныхъ въ разрядной росписи, и доѣздывались подлинныхъ вѣстей про Татаръ и про Черкасъ; ежели же гдѣ наѣдутъ на сакму воинскихъ людей, то, объѣхавши и разсмотря людей до точности, сколько и какіе люди, и въ какую сторону ѣдутъ, сами бы съ подлинными вѣстями бѣжали къ воеводѣ; 6-е) по пріѣздѣ станичниковъ съ такими вѣстями, воевода, разспрося ихъ подробно, долженъ немедленно отправить гонцовъ въ Москву и въ сосѣдніе города, дабы всѣ были готовы къ отраженію непріятеля.

Относительно *сторожей* Ливенскіе воеводы обязаны были: 1-е) высылать ихъ на караулы одновременно со станичниками, т. е. съ 25 Марта, или смотря по открытію весны; 2-е) по отправленіи сторожей въ назначенныя мѣста, — отправить роспись сторожъ въ Москву, съ прописаніемъ — сколько человѣкъ отправлено на которую сторожу, сколько веретъ которая сторожа отъ города и сколько проѣзда отъ одной сторожи до другой; 3-е) отправляя сторожей, — наказывать имъ настрого, чтобы они стояли на караулахъ осторожно день и ночь и дѣлали бы частые разѣзды отъ одной сторожи до другой, чтобы провѣдать вѣрнѣе про воинскихъ людей; 4-е) какъ можно чаще посылать дозорщиковъ, чтобы они смотрѣли за исправностію сторожей. — Если станичники и сторожа являлись неисправными, — первые не доѣзжали до указанныхъ имъ урочищъ, а послѣдніе оставляли свои караулы, не дождавшись смѣны; то воевода имѣлъ право ихъ наказывать, смотря по винѣ; а ежели которыхъ станичниковъ или сторожей погромятъ Татары или Черкасы, то воевода немедленно долженъ писать объ этомъ въ Москву, съ означеніемъ, какой уронъ потерпѣли станичники или сторожа. — Наконецъ, воевода обязанъ былъ смотрѣть за исправностію городскихъ укрѣпленій и, по вѣстямъ, собирать въ осаду всеѣхъ уѣздныхъ жителей, писать ихъ въ особые списки, въ которыхъ должно быть означено, кто съ какимъ боемъ будетъ сражаться противъ непріятеля, на какомъ мѣстѣ въ городѣ или въ острогѣ, и подъ чьимъ начальствомъ, такъ чтобы всякій зналъ свое мѣсто во время непріятельскаго нападенія и исполнялъ приказанія своего ближайшаго начальства; долженъ былъ наблюдать, чтобы въ городѣ довольно было колья и камня, чтобы *нарядъ* *) былъ въ исправности и чтобы въ осадѣ можно было сидѣть безстрашно. Въ то время, какъ, при вѣсти, уѣздные жители спѣшили молотить хлѣбъ, сыпали его по ямамъ и, оставивъ у своей *животины* (скотины) немногихъ людей, спѣшили въ осаду, воеводы посылали въ уѣздъ къ *засѣнамъ* **) благонадежныхъ головъ изъ дворянъ, которые должны были подлѣ засѣкъ собрать уѣздныхъ людей со всякимъ боемъ, худыя мѣста въ засѣкахъ подлѣзать, — засѣчь и завалить лѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ рвы покопать, у воротъ и у башенъ худыя мѣста подлѣзать же, рвы почистить и стоять на засѣкахъ съ сборными людьми съ великимъ береженіемъ, чтобы воинскіе люди чрезъ засѣку не прошли и уѣзда не повоевали. Головы должны были постоянно пересылаться между собою на засѣкахъ и о всемъ извѣщать воеводу. При появленіи же непріятеля у засѣкъ, товарищъ большаго воеводы или голова съ сотнями промышляли надъ нимъ на засѣкахъ, въ мѣстахъ укрѣпленныхъ и тонкихъ, вообще представлявшихъ препятствія для нападающихъ и выгодныхъ для защищающихся.

Стоя во главѣ города и уѣзда во всякое время, воевода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ

*) *Нарядъ* — артиллерія.

**) *Засѣка* — мѣсто, заваленное лѣсомъ, перекланное рвами и прегражденное надолбами, либо острогомъ, для пресѣченія прохода.

и главнымъ начальникомъ въ гражданскомъ управленіи. По прибытіи въ городъ, новый воевода вступалъ въ отправление своей должности съ того, что принималъ отъ прежняго воеводы, или отъ своего товарища, если послѣдній по выѣздѣ перваго занималъ его мѣсто, ключи городовые и острожные, и на городѣ и на острогѣ нарядъ, и въ казѣ *зелье* *) и свинець, и всякіе пушечные запасы, и деньги, что есть въ сборѣ, и всякія Государевы дѣла (бумаги). Принявши все это по описямъ и провѣривши по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, воевода обязанъ былъ смотрѣть, чтобы все Государево было цѣло, какъ-то: зданія, оружіе, всякіе запасы, казна и бумаги, и чтобы вездѣ были надежные сторожа. вмѣстѣ съ тѣмъ воевода долженъ былъ наблюдать, чтобы все подати и доходы Государевы съ города, съ посада и со всего уѣзда исправно и въ цѣлости доставлялись въ казну. Неисправныхъ плательщиковъ обыкновенно приводили въ приказную избу и били на правожѣ палками по ногамъ; если же это не дѣйствовало, то бросали въ тюрьму и dopravляли на ихъ *животахъ*. Воевода былъ судьей во всехъ гражданскихъ дѣлахъ; на немъ лежала обязанность охранять общественный порядокъ, правду и чистоту нравовъ: „да и тово ему беречь накрѣпко, чтобъ на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ воровства, грабежу и убивства, и татьбы, и разбою, и бл... **) и насильства ни отъ кого никому не было“; если же кто объявится въ такихъ преступленіяхъ, „и тѣмъ чинить наказаніе, смотря по виѣ“. Для предохраненія отъ пожаровъ, воеводамъ повелѣвалось накрѣпко, чтобъ „въ лѣтніе дни въ городѣ никакіе люди избѣ и мыленъ (бань) не топили и съ огнями не сидѣли, а ѣсть бы варили и хлѣбъ бы пекли въ поварняхъ въ печахъ; а у кого поварень нѣтъ, и тѣмъ велѣтъ ѣсть варить и хлѣбъ печь за городомъ и въ городѣ въ печахъ, чтобъ не близко города и хоромъ“. О такомъ распоряженіи воеводы, съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ и лѣтнихъ дней, *биричи* ***) ежегодно извѣщали горожанъ и жителей посада, послѣ чего избы и бани запечатывались, а люди должны были забираться въ клѣти. За тщательнымъ исполненіемъ такого приказанія наблюдали поставленные для того объѣзжіе головы.

Благодаря разнымъ мѣрамъ правительства, Ливенскій уѣздъ скоро пріобрѣлъ себѣ новыхъ поселенцевъ. Спустя десять лѣтъ послѣ нашествія Сагайдачнаго, здѣсь возникли разныя поселенія:

Въ Красномъ станѣ — *погостъ* въ деревнѣ Здобной, на помѣстной порозжей землѣ, въ починкѣ Степана Лыкова, — „церковь Св. Георгія, древяна клѣтцки, строенье поца Оксена да приходскихъ людей, на погостѣ дворы — поца Оксена, пономаря Онисима Васильева, да дворъ бобыль; пашни паханыя добрыя земли церковныя 2 чети съ осминою, да дикого поля 8 чети съ осминою, сѣна 22 конны, лѣсъ Красной обще

*) *Зелье* — порохъ огнестрѣльный.

**) Т. е. распутныхъ домовъ и вообще распутства.

***) *Биричи* — публичный чтець, обнародывавшій указы и постановленія правительства на площадяхъ и другихъ открытых мѣстахъ.

съ помѣщики. *Деревни* — на усть Никольскаго верха и по правую сторону Никольскаго верха. —

Въ Серболовомъ станѣ: *сельцо Плоское* подѣ Плоскимъ Среднимъ Кривецкимъ лѣсомъ, у Гнилова озера, съ мѣстомъ церковнымъ, что была часовня во имя Іоанна Богослова, и съ дворовымъ мѣстомъ попа Ларіона; пашни перелогомъ церковныя добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикаго поля 17 чети съ осминою, сѣна по дикому полю и по дубровамъ до рч. Кривца 40 копенъ, лѣсъ Плоской Средній Кривецъ обще съ помѣщики. *Погостъ* на помѣстной казачьей землѣ въ деревнѣ Гниловодахъ, подѣ Серболовымъ лѣсомъ на Гниломъ озерѣ, а на погостѣ церковь Преображеніе, древяна клѣтцки, „стала въ 1624 году“, строенье попа Лукьяна да приходскихъ людей, на погостѣ-жъ дворъ попа Лукьяна, а пашни къ той церкви „подавають“ на время тоя-жъ деревни Гниловодъ помѣщики изъ своихъ помѣстныхъ земель. *Погостъ* на Государевой землѣ подѣ Серболовымъ лѣсомъ, на Кунацкомъ колодезѣ, межъ деревень Вышняго и Нижняго Кунача, „стала въ 1618 году“, а на погостѣ церковь Св. Чудотворцевъ Козмы и Даміана, древяна клѣтцки, строенье вдоваго попа Антона, а на погостѣ дворы: вдоваго попа Антона, попа Ѳедоса и пономаря Ивашки Васильева; пашни добрыя земли 5 чети, да дикаго поля 15 чети; сѣна 40 копенъ; лѣсъ Серболовъ обще съ помѣщики, а писана та земля къ церкви по выписи осадного головы Игнатья Кирѣевского въ 1624 году. Кромѣ сельца и двухъ погостовъ, въ томъ же станѣ деревни: *Шаталова* подѣ Серболовымъ лѣсомъ, на Сухомъ верху, ниже Праворотья; *Соловьева* подѣ Серболовымъ лѣсомъ, верхъ Жилева колодезя, на отвершку въ Приворотье; *Подколзина* сверхъ Полага колодезя, на Суходолѣ, подѣ Серболовымъ лѣсомъ; *Стоханова* подѣ большимъ Кривецкимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону Хвощеватаго верха; *Мулгина* подѣ большимъ Кривецкимъ лѣсомъ, по правую сторону Хвощеватаго верха. —

Въ Затруцкомъ станѣ: *погостъ* на помѣстной порозжей землѣ въ Долгой Полянѣ, подѣ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, поверхъ деревень Ениной и Васютиной, а на погостѣ церковь Архистратига Михаила да придѣлъ Св. мученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы, а та церковь ставлена въ 1626 году, строенье той церкви попа Ларіона да приходскихъ людей, на погостѣ дворъ попа Ларіона; пашни добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикаго поля 17 чети съ осминою; сѣна 40 копенъ; лѣсъ большой Дросковъ обще съ помѣщики. Деревни: *Лобова* сверхъ Святицкаго верха, подѣ Святицкимъ лѣсомъ; *Енина* подѣ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Большой Полянѣ, на Хмѣлевой Кулигѣ; *Драчева* подѣ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ; *Васютина* подѣ большимъ Дросковымъ лѣсомъ на Рогу, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Долгой Полянѣ; *Слободна*, что было займище, на усть рѣчки Жерихани, подѣ Скопнымъ Гнѣздомъ, подѣ Жериханскимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону рѣчки Жерихани. —

Въ Мокрецкомъ станѣ: деревня *Нижняя Роговая*, Раткина тожъ, подъ Мокрецимъ лѣсомъ, подъ Нижнимъ Рогомъ; *деревня*, что было *займище*, подъ Мокрецимъ лѣсомъ, на Вышнемъ Изрогѣ, Баранова тожъ. Нѣкоторыя же изъ деревень, упоминаемыхъ въ приправочной 1615 года, не встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ 1626—1629 г.г., потому что, по разореніи ихъ, еще не были заселены вновь. Это— въ Красномъ станѣ: *деревня*, что было займище *Присова*, на р. Лѣсной Ливнѣ, и деревня *Присыскъ* подъ Присыскимъ лѣсомъ, на колодезѣ Присыскѣ, по большой Новосильской дорогѣ; въ Серболовомъ станѣ: починки — *Мухортовъ* въ деревнѣ Грязцахъ и *Волчья Поляна* подъ Туровымъ лѣсомъ; въ Затруцкомъ станѣ: деревня въ Большой Полянѣ и въ Хмѣлевомъ Куначѣ, деревня усть рк. Фошни; въ Мокрецкомъ станѣ: деревня *Вышняя Роговая* подъ Мокрецимъ лѣсомъ; *Кудинова* на Плоскомъ колодезѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ; *Пятина* на рк. Тиму, подъ Плоскимъ лѣсомъ; *Лебедни* подъ лѣсомъ Лебедками, на рк. Тиму; *деревня* на *Середнемъ Острову*, на рк. Соснѣ, подъ Куначкою удеревью.

Вообще, къ 1630 году въ Ливенскомъ уѣздѣ состояло: селъ 5, селець 6, погостовъ 8, деревень 76 и слободокъ 3, кромѣ починковъ и пустошей. Эти поселенія распредѣлялись по станамъ въ такомъ количествѣ:—въ Красномъ: 1 село, 1 сельцо, 3 погоста, 19 деревень; въ Серболовомъ: 2 села, 1 сельцо, 4 погоста, 28 деревень; въ Затруцкомъ: 1 село, 2 сельца, 1 погостъ, 22 деревни, 3 слободки; въ Мокрецкомъ: 1 село, 1 сельцо, 7 деревень. Представляемъ здѣсь свѣдѣнія о населеніи селъ и селець по писцовымъ книгамъ 1626—1629 г.г.—Краснаго стана въ селѣ Парахинѣ—Пятницкомъ жило: помѣщиковъ съ недорослями 22 чел., крестьянъ 7 ч., бобылей 19 ч., а всѣхъ дворовъ съ тѣми, что и на церковномъ погостѣ, 40, кромѣ пустыхъ; въ сельцѣ Пречистенскомъ: помѣщиковъ 13 чел., а дворовъ 9.—Серболова стана въ селѣ Егорьевскомъ: помѣщиковъ 14 чел., крестьянъ 5 чел., бобылей 8 ч., а всѣхъ жилыхъ дворовъ 28; въ селѣ Пречистенскомъ: помѣщиковъ 16 чел., крестьянъ 4 ч., а дворовъ 22; въ сельцѣ Плоскомъ: помѣщиковъ 19, а дворовъ 18.—Затруцкаго стана въ селѣ Богоявленскомъ: помѣщиковъ 23 чел., крестьянъ 12 ч., бобылей 8 ч., а дворовъ 41; въ сельцѣ Нижнемъ Вязовикѣ: помѣщиковъ со вдовами, недорослями и помѣстными казаками 21 ч.; въ сельцѣ Дмитровскомъ: помѣщиковъ 15 ч., а дворовъ 14; въ сельцѣ Архангельскомъ: помѣщиковъ 5 ч., крестьянъ 1 ч., бобылей 1 ч., а всѣхъ дворовъ 11 ч.—Мокрецакаго стана въ селѣ Введенскомъ: помѣщиковъ 12 ч., крестьянъ 7 ч., бобылей 6 ч., дворовъ 30; въ сельцѣ Рождественскомъ: помѣщиковъ 9 ч., дворовъ 8.—Деревни были еще бѣднѣе населеніемъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жило по два и по три помѣщика, весьма часто безъ крестьянъ. Наиболѣе людными деревнями были: въ Красномъ станѣ—*Дутая* (22 помѣщика, съ 9 чел. крестьянъ и бобылей, всего 27 дворовъ), *Орлова* (21 помѣщикъ, 7 чел. крестьянъ и бобылей, всего 24 двора) и *Пашнова* (помѣщиковъ 22 чел., крестьянъ и бобылей 13 ч., а дворовъ 28).—Въ Сер-

боловомъ станѣ: *Нижній Куначъ* (26 пом., 25 ч. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 46), *Крутая* (28 пом., 7 чел. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 30), *Ясная Поляна* (пом. 21 ч., крестьянъ и бобылей 8 ч., а дворовъ 24) и *Нетесова* (25 пом., дворовъ 22).—Въ Затруцкомъ станѣ: *Сетенева* (пом. 20 ч., крестьянъ и бобылей 6 ч., а дворовъ всего 18).—Въ Мокрецкомъ станѣ самую населенную деревнею считалась *Ревякина*, въ которой находилось 16 человекъ помѣщиковъ съ недорослями, 15 чел. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 29, и потомъ — *Шолохова*, гдѣ жило 13 ч. помѣщ. (во вдовою и недорослемъ), 2 крестьянина и 1 бобыль, всего въ количествѣ 15 дворовъ.

Общее число помѣщиковъ—дѣтей боярскихъ, крестьянъ и бобылей въ Ливенскомъ уѣздѣ, по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина и подъячаго Тимофея Семенова (1626—1629 г.г.), было таково: въ Красномъ станѣ—помѣщиковъ 206 чел., крестьянъ 50 ч., бобылей 65 ч.; въ Серболовомъ—помѣщиковъ 331 ч., крестьянъ 105 ч., бобылей 120 ч.; въ Затруцкомъ—помѣщиковъ 219 ч., крестьянъ 96 ч., бобылей 102 ч.; въ Мокрецкомъ—помѣщиковъ 83 ч., крестьянъ 56 ч., бобылей 43 ч. А всего: помѣщиковъ 839, крестьянъ 307, бобылей 330, да дѣловыхъ людей 3 чел. Что же касается до количества дворовъ помѣщичьихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ, то оно по всѣмъ четыремъ станамъ Ливенскаго уѣзда было таково: помѣщичьихъ 901, крестьянскихъ 287, бобыльскихъ 294, да дѣловыхъ людей 3 двора, кромѣ пустыхъ дворовъ, которыхъ считалось: помѣщичьихъ 11, крестьянскихъ 200, бобыльскихъ 27, да дѣловаго человека 1 дворъ.

Въ царствованіе Михаила Феодоровича многіе изъ Ливенскихъ казаковъ, за свое участіе въ оборонѣ Москвы „въ Королевичевъ приходъ“, сдѣлались, какъ это мы видѣли, помѣщиками. За ними, за 4 человекъ, въ трехъ деревняхъ Краснаго стана—Лопашинѣ, Орловой и Здобной, состояло: 4 двора вотчинниковыхъ, дворъ крестьянской 1, дворовъ бобыльскихъ 5, людей въ нихъ 7 человекъ. Въ трехъ деревняхъ—Сторожевой, Нижнемъ Куначѣ и Грязцахъ и сельцѣ Егорьевскомъ Серболова стана считалось казаковъ—помѣщиковъ также 4 человека. Въ Затруцкомъ—9 чел.

Въ 1625 году городъ Ливны приведенъ былъ уже въ надлежащее оборонительное положеніе, такъ какъ, кромѣ воеводъ—Андрея Артемьевича Измайлова и Данилы Моисеевича Яблочкова, на Ливны присланъ былъ тогда въ *осадные головы* бѣлевецъ Игнатій Кирѣевскій, котораго въ слѣдующемъ году смѣнилъ новый *осадный голова* болховитинъ Степанъ Ржевскій. Осадный голова былъ начальникомъ крѣпости, особенно въ осадное время; подъ его командою находились пушкары, затынщики, воротники и разные жилацкіе люди. Въ 1625 году всѣхъ ратныхъ людей на Ливнахъ считалось 916 человекъ; въ томъ числѣ было: дѣтей боярскихъ Ливенцевъ и казаковъ помѣстныхъ 431 чел., стрѣльцовъ съ головою 66 ч., казаковъ конныхъ 284 ч., бѣломѣстныхъ казаковъ пѣшихъ 101 ч., пушкарей и затынщиковъ 34 ч. Воевода

назначался на службу „съ городомъ“ или „осаднымъ головою“, обыкновенно, въ то время, когда ожидали большого прихода „воинскихъ людей“ и когда обычнымъ воеводамъ приходилось промышлять надъ непріятелемъ въ открытомъ полѣ. Въ такіе головы, въ 1628 году, назначенъ былъ на Ливны Лаврентій Ивановичъ Писаревъ, служившій предъ тѣмъ въ товарищахъ главнаго Ливенскаго воеводы Ѳедора Васильевича Клепика—Бутурлина. И въ томъ же году Ливенскій воевода Клепикъ—Бутурлинъ писалъ въ Москву, что онъ посылалъ товарища своего, Ивана Rogozина, на Крымскихъ и Ногайскихъ людей, и что походъ этотъ сопровождался побѣдою надъ непріятелемъ и взятіемъ 53 человекъ въ плѣнъ. За это царскій стряпчій Дороеей Флоровичъ Шиповъ привезъ Ливенскимъ воеводамъ, Бутурлину и Rogozину, „милостивое слово Государево съ червонцами“. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно, ожидали опять Татаръ, и потому, при воеводахъ—князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскомъ и Яковъ Ивановичъ Рчиновъ, Ливенскій гарнизонъ достигаетъ небывалаго еще количества—1419 человекъ, а въ 1630 году, при тѣхъ же воеводахъ, доходитъ до 1491 чел. Наибольшій же составъ Ливенскаго гарнизона относится къ 1631 году, при тѣхъ же воеводахъ, когда здѣсь было ратныхъ людей 1556 человекъ, въ томъ числѣ однихъ Ливенскихъ дѣтей боярскихъ 1053 чел. Въ это время шла война съ Польшей, и Московское правительство напрягало все свои усилія къ возвращенію г. Смоленска. Какъ можно заключать изъ приводимаго въ Разрядныхъ книгахъ перечня служивыхъ на Ливнахъ людей за 1632-й и послѣдующіе два года, въ походъ противъ Смоленска выступило изъ Ливенъ около 500 дѣтей боярскихъ и до 150 казаковъ конныхъ; а такъ какъ въ это время надобно было особенно сторожить и за приходомъ „воинскихъ людей“ на Украину, то къ оружію на Ливнахъ призваны были ямскіе охотники (17 чел.) и вся братья стрѣleckая, казачья, пушкарская и ямская, также ихъ племянники, половинщики и бобыли (227 ч.); послѣ чего Ливенскіе воеводы 1632—1633 годовъ, стольникъ Дмитрій Ѳедоровичъ Колтовскій и Алексѣй Степановичъ *) Самаринъ, располагали гарнизономъ въ 1149 ч. Такой же, вѣроятно, составъ гарнизона поддерживался на Ливнахъ и въ 1634 году при воеводѣ стольникѣ Андрѣе Васильевичѣ Клепикѣ—Бутурлинѣ и его товарищѣ—Уланѣ Евсеичевичѣ Щепинѣ. Извѣстна судьба Смоленскаго похода. Тамъ погибла и вся почти Ливенская дружина. „Изъ дѣтей боярскихъ Ливенцевъ, которые были въ солдатской службѣ подъ Смоленскомъ“ спаслось во—время (и то, повидимому, бѣгствомъ) только „150 человекъ“, которые и присоединились къ Ливенскому гарнизону 1635 года. Потребовалось „верстанье *новиновъ*“ дѣтей боярскихъ; и съ братьей разныхъ служивыхъ людей, ихъ племянниками, половинщиками и бобылями, которые вооружались *рога-*

*) Въ Дворцовыхъ Разрядахъ—Елизарьевичъ.

тинами *) и топорами, составилъ гарнизонъ въ 1467 человекъ. Приблизительно такой же гарнизонъ поддерживался въ 1636 году при воеводѣ Яковѣ Оксеновичѣ Дашковѣ и при послѣдующихъ воеводахъ — Дмитріѣ Ѳеодоровичѣ Колтовскомъ (1638—1642 гг.), Ѳеодорѣ Михайловичѣ Бояшевѣ (1642 г.), Иванѣ Васильевичѣ Клепиковѣ — Бутурлинѣ (1643—1645 гг.) и Емельянѣ Ивановичѣ Соплинѣ — Бутурлинѣ (1648 г.). Впрочемъ, показываемое въ Разрядныхъ книгахъ число ратныхъ людей на Ливнахъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, никогда не состояло въ наличности. Изъ общаго числа служилыхъ людей, прежде всего, отдѣлялась значительная часть въ солдатскіе полки, какъ это было въ походахъ Пожарскаго противъ Литовцевъ и — Шеина — подъ Смоленскъ. Кромѣ того, для охраненія отъ прихода „воинскихъ людей“, съ 1625 года изъ Ливенъ высылалось въ Усть-Чернавскій острогъ 100 чел. конныхъ и 50 ч. пѣшихъ, которые перемѣнялись по — мѣсячно и жили съ весны во все лѣто и до снѣговъ **); для посольской размѣны на Волуйкѣ часто находилось по 100 и 150 ч. Ливенскихъ служилыхъ людей; были также послыки служилыхъ Ливенцевъ и на Осколь. Въ такихъ посылкахъ участвовали обыкновенно дѣти боярскіе и казаки; численность Ливенскихъ казаковъ — помѣстныхъ, конныхъ и бѣломѣстныхъ доходила до 600 ч.

При неопредѣленномъ числѣ въ городѣ дѣтей боярскихъ и казаковъ, численность стрѣльцовъ, пушкарей, воротниковъ и затинщиковъ отличалась относительною устойчивію, такъ какъ это были люди пѣшіе, обязанные только гарнизонною службою и „служившіе съ земель“. Обычное число стрѣльцовъ было 100; но иногда численность ихъ упадала до 29 ч., какъ это было въ 1619 году, послѣ разгрома Ливенъ Сагайдачнымъ. Численность пушкарей и затинщиковъ (вѣроятно съ воротниками) не превышала 42 ч. Въ случаѣ осаднаго времени, въ защитѣ города участвовали и осадные люди, кто съ рогатиной, а кто съ топоромъ. Подъ 1617 и 1618 годами, по случаю вторженія Крымцевъ, въ составѣ Ливенскаго гарнизона упомянуты и „осадные люди“, только, къ сожалѣнію, безъ означенія числа. Надъ стрѣльцами непосредственнымъ начальникомъ былъ сотникъ, или *голова*, затѣмъ слѣдовали пятидесятники и десятники; надъ казаками (въ числѣ которыхъ были и Ливенскіе помѣщики), начальствовали есаулы, атаманы, сотники и головы, а надъ ямщиками — старосты.

По окончаніи Польской войны, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ обратилъ особенное вниманіе на укрѣпленіе сторожевой украинской линіи. Между прочимъ, въ это время сильнѣе прежняго укрѣплены были и берега Быстрой Сосны. Здѣсь, въ 1636 году, между Ливнами и Ельцемъ построены былъ новый городъ въ усть — Чернавскомъ ост-

**) *Рогатина* — острое, широкое копьё, съ поперечиною, насаженное на дерево; но были *рогатины* — и родъ огнестрѣльнаго оружія: „какъ съ обѣихъ сторонъ воинскіе люди учнутъ вмѣстѣ сходиться и тѣмъ рогатеникамъ доведется у своихъ рогатинъ порохъ въ стволѣхъ запалити“ (Ратн. Уст. XI, 137).

**) „А отъ Ливенъ 20 версты, между Ельца, въ лѣтнюю пору, на р. Соснѣ, на усть р. Чернавы, въ городкѣ, стоятъ заставныя головы, сотнями перемѣняясь, на Каліюской дорогѣ“. Кн. В. Четр., стр. 4.

рогъ былъ уже свой постоянный гарнизонъ съ осаднымъ головою, лихвинцемъ Ивановъ Буинимъ во главѣ; въ 1636 году здѣсь считалось съ головою 360 ч. служилыхъ людей да пушкарей 10 ч.*). Въ томъ же году поставленъ былъ ниже Ельца, на Талецкомъ броду, „полевой острогъ“, для прикрытія посылаемыхъ туда (съ Ельца) головъ и ратныхъ людей. Кромѣ того, Михаилъ Феодоровичъ покровительствовалъ заселенію Ливенскаго уѣзда какъ посредствомъ переселенія разныхъ людей изъ внутреннихъ областей государства, такъ и чрезъ привлеченіе въ этотъ малонаселенный край Малороссійскихъ казаковъ (обыкновенно называвшихся тогда Черкасами), которые, терпя угнетеніе отъ Польскаго правительства, тѣмъ охотнѣе селились у береговъ Быстрой Сосны, что царь, сверхъ богатыхъ земель, назначалъ имъ и денежное жалованье на первоначальное обзаведеніе: „атаману 7 рублей, есаулу 6 рублей, рядовымъ по 5 рублей, всѣмъ на лицо съ порукою, что Государеву службу служить, и Государевымъ жалованьемъ имъ на указныхъ своихъ мѣстахъ на вѣчное житье строитца, и пашню пахать и хлѣбъ сѣять“. Такимъ образомъ съ 1630 года въ составѣ Ливенскаго гарнизона являются уже Малороссійскіе казаки—Ливенскіе помѣщики „съ атаманами и есаулами“ во главѣ**). Черкасы образовали нѣсколько слободъ въ Ливенскомъ уѣздѣ. Одна изъ нихъ находилась въ самомъ городѣ, на посадѣ, и вмѣстѣ съ Стрѣлецкою слободою составляла Пятницкій приходъ; прочія находились недалеко отъ города: на устьѣ рѣчки Трудовъ (по Орловской почтовой дорогѣ), въ 6-ти верстахъ отъ города, что нынѣ село Крутое; при р. Соснѣ—слобода Телячье, въ 9-ти верстахъ отъ города, и, наконецъ, при Соснѣ же—слобода Рѣчица (нынѣ село), въ 15-ти верстахъ отъ города***).

Польское правительство не могло, конечно, равнодушно относиться къ тому, что его подданные массами перебѣгаютъ въ Московское государство и населяютъ собою пустынные его пространства. Въ 1640 году Поляки, чрезъ особыхъ уполномоченныхъ, потребовали выдачи всѣхъ Черкасъ, но изъ Москвы отвѣчали на это требованіе, что въ *докончальныхъ*****) грамотахъ не сказано, чтобы выдавать перебѣжчиковъ*****).

Не смотря на постоянныя военныя опасности, жители города Ливенъ, въ царствованіе Михаила Феодоровича, занимались торговлею и разными промыслами: кузнечнымъ, коновальнымъ, плотничьимъ, сапожнымъ, рыбнымъ, звѣринымъ, гончарнымъ, селитреннымъ и т. п. Въ маломъ острожкѣ было 37 лавокъ и 4 стола; лавки и столы держали и служилые люди: стрѣльцы, пушкаріи, затинщики, воротники, ямщики и казаки; были лавки и вдовьи, и чернаго старца Сергіева монастыря (торговавшего, вѣ-

*) См. Кн. Разрядн. т. II, 905 стр.

***) См. Книги Разрядныя подъ этимъ годомъ.

****) По 9-й ревизіи въ этихъ слободахъ съ принадлежащими къ нимъ хуторами считалось 477 дворовъ, а въ нихъ—2671 мужч. и 2999 женщ.; всѣ они причислены къ разряду государственныхъ крестьянъ.

*****) *Докончальный*—мирный, утвержденный окончательно.

*****) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, 264—265.

роятно, иконами, крестиками, свѣчами, ладономъ, деревяннымъ масломъ, а можетъ быть и нѣкоторыми рукописными сказаніями); „а оброковъ съ лавокъ и столовъ и кузницъ (числомъ 8) на годъ даютъ по 20 рублей“, --говорится въ *Приправочной* 1615 года. Кабакъ былъ одинъ на весь городъ и сдавался „въ откупъ изъ Розряду, а откупу было по 110 рублей на годъ“; откупщики держали кабакъ „на вѣрѣ“ и назывались цѣловальниками. Мѣсто этого кабака обозначается нынѣшнимъ питейнымъ домомъ (что на торговой—Красной площади), извѣстнымъ подъ названіемъ Горѣлаго. Сохраняется преданіе, что названіе „Горѣлаго“ усвоено за этимъ кабакомъ потому, что во время одного нападенія ордынцевъ онъ горѣлъ. Нѣкоторые посадскіе и уѣздные люди занимались рыбнымъ промысломъ и звѣроловствомъ; они брали на откупъ рѣчки: Сосну, Олымъ, Труды и Любовшу „и съ тѣхъ рѣкъ за рыбныя ловли, и за бобровые гоны, и за хмѣлевья болота, и за полевой всякой звѣрь давали оброку на Ливнахъ въ Розрядѣ по 50 рублей въ годъ“. Кромѣ того, пушкаріи и разные люди на Ливнахъ занимались приготовленіемъ селитры; они подряжались на то въ Пушкарскомъ Приказѣ, и въ 1634 году брали за пудъ селитры по 2 р. и 10 алтынъ*). Были на Ливнахъ и такіе предприимчивые люди, что, не взирая на опасность отъ Татаръ, вели торговлю съ Дономъ и доставляли туда хлѣбъ и разные другіе запасы. Торговля эта велась на стругахъ и была такъ важна для Дона, что когда она остановилась въ 1657 году, то Донцы жаловались въ Москву на крайнюю свою нужду въ хлѣбныхъ и военныхъ запасахъ**). Иногда торговые люди заживались на Дону и принимали участіе въ походахъ Донскихъ казаковъ подъ Азовъ, чтобы сообща пограбить и поразбойничать на счетъ басурманъ. Въ 1662 году они вмѣстѣ съ Донцами разгромили Турецкіе караваны, шедшіе въ Азовъ, бились съ ними и возвратились домой съ добычей, къ неудовольствію, конечно, Московскаго правительства***). Бывали случаи, что Ливенцы навсегда приставали къ Донцамъ, а Донцы, не ужившіеся по-чему-либо съ своими собратьями, предпочитали Тихому Дону Быструю Сосну и селились на Ливнахъ. Такъ, въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича бѣжали „на Донъ въ казаки“ нѣкоторые изъ жителей деревни Вышняго Кунача, а изъ Дона вышли на Ливны: Максимко Васильевъ, Гришка Абрамовъ и Евстратка Петровъ; они пристали къ церковнымъ землямъ, а Максимко на свой счетъ построилъ себѣ дворъ; вносилъ эти Донцы поступили на Государеву службу, —кто въ стрѣльцы, а кто въ солдаты. Жили на Ливнахъ на церковныхъ земляхъ и Крымскіе полоняники; таковъ былъ Васька Болдырь, очевидно, принявшій христіанство.

Тогда какъ жители города Ливенъ, помимо земледѣлія, находили себѣ средства къ жизни въ торговлѣ и разныхъ промыслахъ, уѣздные люди были вообще бѣдны и

*) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, стр. 224 -225.

**) Исторія Россіи Соловьева, т. II, стр. 13.

***) Тамъ-же, т. II, стр. 13 и т. 9, стр. 275.

часто терпѣли крайнюю нужду. Главное обезпеченіе Ливенскихъ помѣщиковъ состояло въ обработкѣ земельного надѣла; но этому препятствовали тогда и частые набѣги Татаръ, и недостатокъ рабочихъ рукъ. Помѣстья въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича были такъ малолюдны, что на двухъ помѣщиковъ не доставало и по одному крестьянину. Впослѣдствіи, къ 1630-му году, благодаря разнымъ мѣропріятіямъ правительства, число крестьянъ и бобылей въ Ливенскомъ уѣздѣ значительно увеличилось (съ 314 до 637 чел.), но за то увеличилось и число помѣщиковъ (съ 775 до 1076 чел.), такъ что въ общемъ на двухъ помѣщиковъ могло приходиться почти только по одному крестьянину или бобылю. Новымъ приливомъ населенія далеко не пополнился ущербъ, причиненный Ливенскому уѣзду Смутнымъ временемъ и учащенными набѣгами Крымцевъ. Къ 1630 году все еще считалось здѣсь: 11 дворовъ и 240 мѣстъ дворовыхъ помѣщичьихъ пустыхъ, 200 дворовъ и 78 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 27 дворовъ и 16 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ, 1 дворъ пустой дѣловаго человѣка. За то съ 1615 и по 1630 годъ обработка земли сильно подвинулась впередъ, а именно — съ 714 чети съ четверикомъ до 3306 чети съ осминою; это — „пашни паханія помѣщичьихъ и крестьянскія земли“, послѣ чего еще считалось въ уѣздѣ „перелогу и дикаго поля и дубравы пашенныя 53,699 чети*“.

Самый приливъ рабочаго населенія не обходился безъ непріятностей для помѣщиковъ. Обыкновенно, новыхъ поселенцевъ старались привлекать на свои помѣстья болѣе зажиточные помѣщики, а мелкопомѣстные владѣльцы страдали еще отъ вывода крестьянъ боярами и другими значительными помѣщиками. Нѣкоторые помѣщики отъ безлюдья бросали свои помѣстья и поступали въ казаки. О бывшемъ помѣщикѣ Затруцкаго стана изъ деревни Ровнеца Кирѣѣ Ѳеодоровичѣ Свединѣ замѣчено въ писцовой, что онъ „въ 1617 году сталъ на Ливнахъ въ казаки“. Вопросъ о томъ, какъ бы добыть себѣ крестьянина, бобыля или дѣловаго человѣка, былъ тогда насущною злобою дня, яблокомъ раздора между помѣщиками. Известная жалоба Елецкихъ помѣщиковъ, что имъ „отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича Романова мочи не стало, жить невозможно, пуще стало Крымской и Ногайской войны“, — раздѣлялась отчасти и Ливенскими владѣльцами. По крайней мѣрѣ, одинъ Ливенскій помѣстный казакъ, Авдѣй Яковлевъ, не постѣнялся въ домъ своего крестьянина, при постороннихъ свидѣтеляхъ, говорить даже такія рѣчи: „Государь насъ не жалуешь, крестьянъ изъ-за насъ велитъ выводить; насъ въ заговорѣ человѣкъ съ пятьсотъ: кто изъ-за насъ крестьянъ выводитъ, у тѣхъ мы вотчины выжемъ, а крестьянъ побьемъ, а найдемъ — де иного государя**“.

*) Всего по Приправочной 1615 года считалось помѣщичьей и крестьянской земли въ Ливенскомъ уѣздѣ 49846 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна 92801 копна; по писцовымъ-же книгамъ 1626—1629 гг. — земли 56895 чети, сѣна 112527 копенъ.

**) См. Дополненіе къ 9 т. Исторіи Россіи Соловьева, стр. 504—505.

серьезнаго заговора у него съ прочими помѣщиками, очевидно, не было, — было только общее недовольство бѣдностію, вслѣдствіе недостатка работниковъ, а отсюда и ожесточеніе противъ тѣхъ помѣщиковъ, которымъ удавалось такъ или иначе собрать на своихъ земляхъ сколько-нибудь крестьянъ и бобылей. Самый опасный элементъ въ помѣщичьемъ населеніи представляли тѣ разорившіеся служилые люди и ихъ недоросли, которые „бродили и волочились межъ дворъ.“ Такими бродягами по писцовой 1626—1629 гг. были: въ Красномъ стану—Трофимъ Гавриловъ Шмолдовъ, Яковъ Евсѣевъ Митюревъ, Сенька Моисеевъ Харитоновъ, Гришка Богдановъ Гревцовъ и неизвѣстный по имени сынъ Левона Ханина; въ Мокрецкомъ стану: бывшіе помѣщики деревни Кудиновой—Федька да Оверко Студениковы и Гаврилко Ядышинъ; въ Затруцкомъ стану: бывший Ровнецкій помѣщикъ Ларя Семеновъ сынъ Осиповъ. Число этихъ завѣдомыхъ бродягъ пополнялось еще многими изъ тѣхъ, кои, „взявъ помѣстья, не селились“ и исчезали неизвѣстно куда. Такіе люди, безъ сомнѣнія, могли сходиться въ мысляхъ съ помѣстнымъ казакомъ Авдѣемъ Яковлевымъ. При бездомномъ положеніи, имъ недалеко было до явнаго воровства и разбоевъ. Были случаи, что разбоемъ занимались и домовитые помѣщики. Извѣстно, напримѣръ, изъ писцовыхъ книгъ, что помѣщики Краснаго стана—Данилко да Филька Тимоѣевы дѣти Ягурновы, имѣя свои помѣстья въ деревнѣ Присынкѣ, упражнялись въ разбоѣ и, будучи пойманы на томъ, „по сказкѣ старожильцовъ—тутошнихъ и стороннихъ людей, за то воровство вкнуты въ 1629 году въ тюрьму.“ Если же бѣдствовали сами помѣщики, то могли ли благоденствовать ихъ бобыли и крестьяне?.. Впрочемъ, нѣкоторые бобыли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ тогдашняго правительства, успѣвали дѣлать себѣ карьеру и становились помѣщиками. Такъ, напримѣръ, бобыль помѣщика Герасима Васильевича Михайлова (изъ деревни Драчевой, подъ Дросковымъ лѣсомъ) „Петрушка Савельевъ сынъ Золотухинъ бѣжалъ на Луковецъ въ дѣти боярскіе;“ за нимъ туда же въ дѣти боярскіе сбѣжали и нѣкоторые изъ бобылей деревни Ениной, что была за помѣщиками Енинымъ и Харитоновымъ. Были также случаи, что правительство записывало крестьянъ въ казаки и надѣляло ихъ землею и угодьями, а въ казакахъ нѣкоторые изъ нихъ могли заслуживать и вотчины.

Взглянемъ также на бытъ уѣзднаго духовенства въ царствованіе Михаила Феодоровича. Около 1630 г. въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось 19 погостовъ, изъ коихъ на трехъ: въ сельцѣ Пречистенскомъ Краснаго стана, въ сельцѣ Плоскомъ Серболова стана и въ сельцѣ Дмитровскомъ Затруцкаго стана не было ни церквей, ни часовень, ни поповъ „отъ войны“, а въ прочихъ погостахъ церкви стояли въ цѣлости и причты были на-лицо, почему здѣсь, безъ сомнѣнія, и совершалось богослуженіе *). Въ сельцѣ же Рождественскомъ Мокрецкаго стана совершалось,

*) При церкви сельца Пречистенскаго, Краснаго стана, показаны только „дворовыи мѣста попа Федора, пономарское и проскурницыно“; слѣдовательно—попа не было.

очевидно, неполное богослуженіе, такъ какъ здѣсь на мѣстѣ бывшей церкви стояла часовня. При нѣкоторыхъ церквахъ, какъ въ селѣ Пречистенскомъ Серболова стана и Введенскомъ Мокрецкаго стана, было по два попа; въ другихъ, какъ на Георгіевскомъ погостѣ Краснаго стана, въ селѣ Егорьевскомъ и на погостахъ Преображенскомъ и Козмодамьянскомъ Серболова стана, кромѣ настоящихъ поповъ были еще вдовы попы, а въ остальныхъ было по одному попу. Полные причты (т. е. попь, дьячекъ и пономарь) находились только при пяти церквахъ, а именно: въ трехъ селахъ—Парахинѣ Краснаго стана, Пречистенскомъ и Егорьевскомъ Серболова стана, въ одномъ селѣ—Архангельскомъ Затруцкаго стана и при погостѣ Преображенскомъ Серболова стана. При шести церквахъ служили попы съ пономарями, при одной (въ селѣ Богоявленскомъ Затруцкаго стана) попь съ дьячкомъ, а при четырехъ—были одни попы. Обычною пропорціею церковной земли было „20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,“ сѣна—40 копенъ; только при Георгіевскомъ погостѣ Краснаго стана, что въ деревнѣ Здобной, считалось почему—то всего 11 чети, а сѣна 22 копы, да о погостѣ Преображенскомъ Серболова стана замѣчено въ писцовой Малечкина, что „пашни къ той церкви подавають на время тоя-жъ деревни Гниловодъ помѣщики.“ При четырехъ церквахъ, съ обычною пропорціею пашни, сѣна показано 60 копенъ; сто: въ селѣ Пречистенскомъ и при погостѣ Архангельскомъ Серболова стана, въ селѣ Богоявленскомъ и селѣ Архангельскомъ Затруцкаго стана. Нѣкоторыя же церкви, сверхъ обычной пропорціи, владѣли еще такъ—называемою „примѣрною пашенною землею“; именно: три церкви Краснаго стана—погосты Никольскій (10 чети) и Георгіевскій (25 чети) и Пятницкая церковь села Парахина (15 ч.), да ц. села Введенскаго въ Мокрецкомъ стану (23 чети съ осминою); при этихъ церквахъ сѣна кашивалось по 60 копенъ, кромѣ Парахинской, при которой „сѣножати“ было 40 копенъ.

Попы, дьячки и пономари были, можно сказать, самыми усердными и притомъ наиболѣе прочными колонизаторами Ливенскаго края. Въ то время, какъ помѣщики часто смѣнялись по разнымъ случаямъ войны, службы и добровольнаго перемѣщенія въ другія мѣста, попы крѣпко сидѣли на своихъ погостахъ и старались обращать дикое поле въ пашни. Оттого, быть можетъ, и самые бобыли охотнѣе селились на церковныхъ земляхъ, нежели на помѣщичьихъ. По крайней мѣрѣ, изъ писцовыхъ книгъ извѣстно, что тогда какъ цѣлыя помѣщичьи деревни вовсе не имѣли бобылей, на погостахъ Краснаго стана жили дворами 14 бобылей. Погосты прочихъ становъ были скуднѣе бобыльскими дворами, но и при нихъ, въ общей сложности, жило дворами 15 бобылей. При помощи бобылей, церковныя земли изъ дикаго поля все болѣе и болѣе превращались въ „добрыя земли“. Напримѣръ, при Никольскомъ погостѣ Краснаго стана доброй пашенной земли считалось 9 чети, а подъ дикимъ полемъ 11 чети; здѣсь же обработана была и 1 четь „примѣрной“ земли. При 11 церквахъ обрабатывалось по 5 чети и болѣе въ полѣ, а въ дву по тому жъ; при прочихъ же

церквахъ, гдѣ не было бобылей, воздѣлывалось лишь „по 2 или по 2 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ“. При нѣкоторыхъ церквахъ вдовы попы были „на трети“ пашни и сѣнныхъ покосовъ, что допускалось настоящими попами тѣмъ охотиѣе, что въ то время далеко не вся еще церковная земля была распаханна. Вообще, поповскій бытъ представлялъ много выгодъ предъ бытомъ помѣщичьимъ, почему нѣкоторые помѣщики, умѣвшіе грамотѣ, рады были случаю сдѣлаться попами. Такъ о помѣщикѣ Затруцкаго стана Иванѣ Мартиновѣ, жившемъ подъ Ясеновымъ лѣсомъ, извѣстно, что онъ „сталъ въ попы“. А дѣти и внуки помѣщиковъ охотно становились дьячками и пономарями, какъ это было именно на Преображенскомъ погостѣ Серболова стана, въ помѣстьѣ Степана Мишина. Въ занятіи поповскихъ мѣстъ усматривается и послѣдственность; напримѣръ, при Никольскомъ погостѣ Краснаго стана послѣ Андрея священствовалъ сынъ его Назарій. О состоятельности поповъ свидѣтельствуесть тотъ фактъ, что изъ 16 церквей Ливенскаго уѣзда, о построеніи которыхъ упоминають писцовыя книги, 4 были построены и снабжены во всемъ необходимомъ попами, 6 были построены попами съ помощью приходскихъ людей, 5 — приходскими людьми и 1 — помѣщикомъ *).

IX.

Положеніе города Ливенъ и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Перепись посадскихъ тяглыхъ людей и надворничества „на Ливнахъ въ городѣ и за городомъ“. — Списокъ населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда по переписи 1646 года. — Крестьяне, бобыли и задворные люди въ городѣ и уѣздѣ. — Мѣры противъ Крымскихъ набѣговъ. — Большой сходъ воеводъ на Ливнахъ. — Полковые и городовые воеводы. — Мѣстничество и ревизія на Ливнахъ. — Укрѣпленіе Ливенской застѣки. — Нашествіе Крымскаго хана и слѣды Ханскаго погрома въ Ливенскомъ уѣздѣ. — Жертвы плѣна въ уѣздѣ и городѣ. — Бѣгство крестьянъ и бобылей отъ „разоренія Крымскаго хана“. — Взглядъ на колонизацію Ливенскаго края въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Важнѣйшимъ источникомъ для исторіи г. Ливенъ и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича служить переписная книга 1646 года. Въ ней мы находимъ

*) Всего въ Ливенскомъ уѣздѣ, по писцовой Малечкина, считалось „церковныя земли въ 5 селахъ, 3 сельцахъ, да въ 7 погостахъ (а къ 8-му погосту церковныя земли нѣтъ) пашни паханныя и перелогу и дикого поля и дубравы пашенныя, окрѣпчія и порозкія земли, 301 четъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 702 коши; да окрѣпчія церковныя земли въ 2 селахъ да въ погостѣ 63 чети съ осминою; обоего 364 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Да церковныя жъ порозкія земли въ 3 сельцахъ 60 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 120 копенъ“.

упоминаніе какъ о *городѣ* Ливнахъ, его *посадѣ* и *слободахъ*, такъ и подробное описаніе населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда. Приводимъ выписку изъ этой переписи относительно города Ливень. „Лѣта 7154 (1646) Мая въ 20 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Руси указу и по наказу, за приписью дьяка Микиты Головина, князь Ѳедоръ Петровичъ Борятинскаго да подъячей Дмитрей Болотовъ, по сказкамъ за руками на Ливнахъ въ городѣ и за городомъ, посадскихъ тяглыхъ людей и надворничества дворниковъ и на церковныхъ земляхъ и всякихъ чиновъ людьми бобылей и бобылокъ досматривали. А по досмотру и по сказкамъ за руками въ *Пушкарской* слободѣ на пушкарской землѣ живутъ себѣ *) дворами бобыли (перечисленіе) ..., а по сказкѣ пушкарей, что тѣ люди, которые живутъ на ихъ земляхъ, въ пушкарской службѣ и въ посылкахъ имъ помогаютъ, всего тѣхъ людей, которые живутъ себѣ дворами на пушкарскихъ земляхъ, 20 человекъ.

Да за *городомъ* на берегу р. Сосны Сергіевскаго монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ Іоною съ братьею *слободна*, а въ слободкѣ крестьяне ..., всего 18 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 41 человекъ. Да за тѣмъ же монастыремъ живутъ бобыли около монастыря на монастырской землѣ на оброкѣ ..., всего 14 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 22 человекъ. Да которые живутъ на церковныхъ земляхъ на оброкѣ себѣ дворами:

Церкви *Никола Чудотворца*, что на Ливнахъ въ *городѣ*, за попомъ за Иваномъ на церковной землѣ живутъ себѣ дворами на оброкѣ на время ... 3 двора, дѣти казачьи и стрѣleckіе, да слѣпой Евтишка Фирсовъ, да вдова Огрофенка.

Церкви *Никола Чудотворца*, что въ *Казачьей* и въ *Ямской слободѣ*, за попомъ Васильемъ дворъ бобыль — Сенька Ивановъ слѣпъ.

Церкви *Покрова Пресвятыя Богородицы*, что въ *Казачьей* слободѣ, за попомъ Богданомъ на оброкѣ дворъ, въ немъ живетъ Донской казакъ Гришка Абрамовъ, дворъ Ливенца сына боярскаго Ерочки Дорошеева, дворъ бобыль Савостьки Киреева (нынѣ въ солдате), а за попомъ Иваномъ дворъ бобыль — Ларка Клеменовъ.

Церкви *Великаго Христова Мученика Георгія*, что на *посадѣ* въ *Казачьей* слободѣ, за попомъ за Иваномъ живутъ себѣ дворами на оброкѣ: дворъ — Крымской полоняникъ Васька Болдырь; дворъ — Ивашко Гончаръ; дворъ — Титко Хромовъ; дворъ — Силка Исаевъ; дворъ — Микитка Паншивсковъ, и тѣхъ де писецъ Тихонъ Кошкинъ по Государеву указу написалъ въ стрѣльцы и въ казаки, и книги къ Государю къ Москвѣ посланы, а нынѣ они живутъ на церковной землѣ на время.

Церкви *Успенія Пресвятыя Богородицы* за попомъ за Иваномъ живутъ на церковной землѣ: дворъ — Донской казакъ Максимко Васильевъ; дворъ — Елецкой ка-

*) Себѣ — особо.

закъ Ѳедька Ѳомиинъ; дворъ—*нормовой* *) солдатъ Кудинко Петровъ, а дворы на церковной землѣ строили они сами, живутъ на оброкъ до времени.

Церкви *Великія Христовы мученицы Параскевы*, нарицаемая Пятницы, что на *посадъ Стрѣлецкія* и *Чернаскія слободы*, за попомъ за Никитою на церковной землѣ живетъ себѣ дворомъ Донской казакъ Евстратко Петровъ да Ливенской стрѣлецъ Потапко Которгинъ, да солдатъ Сенька Коноваль, а Государеву они службу нынѣ служатъ, а живутъ на церковной землѣ до времени безъ оброка.

Церкви *Димитрія Селунскаго*, что въ *Казачьей Бѣломѣстной слободѣ*, за попомъ за Иваномъ живутъ себѣ дворами: дворъ—полковой казакъ Максимко Головинъ; дворъ—гулящей челоувѣкъ Кленка Вылочинъ; дворъ—бѣломѣсной казакъ Митька Васильевъ; дворъ—стрѣлецъ Ивашко Горбинской; дворъ—бобыль Игнашко Епихинъ, и тотъ Игнашко посланъ по Государеву указу на Донъ на стругу въ стрѣльцахъ, а нынѣ въ томъ дворѣ живетъ мать ево Оксиньца; всего которые живутъ на церковной землѣ 25 чел.“

Переписная 1646 года упоминаетъ всего о 7-ми церквахъ города Ливень (кромя монастыря), потому что только на землѣ этихъ церквей жили разные тяглые люди. Церковныя земли особенно тянули къ себѣ разныхъ выходцевъ, полоняниковъ, обездоленныхъ войною, гулящихъ и шатающихся людей, такъ какъ съ одной стороны эти земли, по недостатку рабочихъ рукъ, лежали впустѣ, частію подъ перелогомъ, частію подъ дикимъ полемъ, а съ другой стороны—при нѣкоторыхъ церквахъ были уже готовые дворы, да и пошны были уступчивѣе другихъ помѣщиковъ: они, какъ видно, не всегда выговаривали себѣ у своихъ жильцовъ извѣстный оброкъ, довольствовались временными ихъ услугами и не отталкивали вдовъ, слѣпыхъ и разныхъ убогихъ людей. Изъ такихъ церковныхъ жильцовъ, конечно, молодыхъ и здоровыхъ, пополнялся составъ гарнизонной службы, а слѣпые, горбатые и подобные калѣки доживали свой вѣкъ подъ церковнымъ кровомъ и уступали его новымъ нищимъ и убогимъ.

Кромѣ изложенныхъ свѣдѣній о городѣ Ливнахъ, переписная 1646 г. сообщаетъ особенно подробныя данныя о населенныхъ мѣстахъ Ливенскаго уѣзда, съ указаніемъ численности тяглаго населенія въ каждомъ изъ четырехъ уѣздныхъ становъ. Вотъ какія села и деревни существовали на пространствѣ Ливенскаго уѣзда въ началѣ царствованія Алексея Михайловича.—

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ:

Села: *Никольское*—на Лѣсной Ливнѣ; *Пятницкое*, что была деревня Парахина, сверхъ Бѣлаго колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ; *Егорьевское*.—Деревни: Никольскаго прихода—*Зубцова*, что былъ починокъ Бунаевской, Мишустино тожъ, на Лѣс-

*) *Кормовой*—получающій жалованье или содержаніе за службу.

снѣ Ливнѣ, подѣ Краснымъ лѣсомъ, противъ Евланова колодезя *); *Ностомарова*, что было займище—Присадѣ, подѣ Краснымъ и подѣ Евлановымъ лѣсомъ, на Лѣсной Ливнѣ; Пятницкаго прихода—*Орлова*—сверхъ Хвоцеватаго и Хрущеватаго колодезя, подѣ Краснымъ лѣсомъ; *Лопашина*—подѣ Краснымъ лѣсомъ, подѣ Евлановымъ Рогомъ, сверхъ Евланова колодезя; деревня, что было займище Алексѣя Зайцева, —*Дутое* тожъ, сверхъ Евланова колодезя подѣ Краснымъ лѣсомъ; Егорьевскаго прихода—*Платонова*, *Лютая* тожъ, на Полевой Ливнѣ подѣ Краснымъ лѣсомъ; *Чувакина*—на Полевой Ливнѣ у Краснаго лѣса на Рогу; *Пашнова*—на Полевой Ливнѣ на колодезѣ Ребинкѣ, подѣ Краснымъ лѣсомъ; *Хвоцеватая*, *Потапова* тожъ **) на Полевой Ливнѣ на усть Хвоцеватаго колодезя; *Жилевая*—подѣ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевѣ колодезѣ; *Здобная*.—Всего въ Красномъ стану считалось: 3 села (собственно прихода, погоста или церкви) и 11 деревень.

ВЪ СЕРБОЛОВОМЪ СТАНѢ:

Села: *Спасское*—подѣ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полой Воды съ правой стороны; *Спасское*, что была деревня Гниловоды; *Козмодамьянское*—подѣ Серболовымъ лѣсомъ на Кунацкомъ колодезѣ, межъ деревень Вышняго и Нижняго Кунача; *Егорьевское*—подѣ Богдановымъ лѣсомъ, вверхъ Хмѣлеваго колодезя на Верхней Плоти; *Пречистенское*—подѣ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; *Архангельское*; *Никитское*.—Деревни: Спасскаго прихода—*Шестанова* подѣ Серболовымъ лѣсомъ; *Соловьева*—подѣ Серболовымъ лѣсомъ сверхъ Жилева колодезя; *Островъ*—сверхъ Полова колодезя на Суходолѣ, подѣ Серболовымъ лѣсомъ; *Прильпы*—подѣ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя; *Сторожевая*—тамъ же; Спасскаго прихода—*Гниловоды*, подѣ Серболовымъ лѣсомъ у Гнилаго озера; Козмодамьянскаго прихода—*Вышній Куначъ*; *Нижній Куначъ*; Егорьевскаго прихода—*Грязцы*, на Черной Гязи, вверхъ Хмѣлеваго колодезя подѣ Богдановымъ лѣсомъ; *Новосильская*—тамъ же; *Крутая*—подѣ Большимъ Туровымъ лѣсомъ на Крутомъ Верху; Пречистенскаго прихода—*Сторожевая*; Архангельскаго прихода—*Юрова*, подѣ Туровымъ лѣсомъ на Крутомъ Верху; Никитскаго прихода—*Стаханова*, что была пустошь—Дикое Поле; того жъ прихода селятся дѣти боярскіе подѣ *Долгимъ лѣсомъ*.—Всего въ Серболовомъ стану показано: 7 селъ и 15 деревень.

ВЪ МОКРЕЦКОМЪ СТАНѢ:

Село *Введенское* и сельцо *Рождественское*.—Деревни: Введенскаго прихода—*Нижняя Роговая*, подѣ Мокрецкимъ лѣсомъ, подѣ Нижнимъ Рогомъ; *Ревянина*, что

*) Названіе этой деревни произошло отъ фамиліи помѣщика. Въ 1646 году здѣсь былъ помѣщикъ Исая Ивановичъ Зубцовъ.

**) Названіе *Потапова* произошло отъ фамиліи помѣщика Евдокима Потапова, послѣ котораго владѣлъ сынъ его Михайлъ Евдокимовичъ (въ 1678 г.).

было займище Евлановское, на Рогу, подь Мокрецкимъ лѣсомъ, промежь озера Евланова; *Свиная*, Невстанихина тожь, подь Мокрецкимъ лѣсомъ, сверхъ Свиного колодезя; Рождественскаго прихода—*Шолохова* подь Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму, на усть Бѣлаго колодезя; *Лебедки* на р. Тиму, подь лѣсомъ Лебедками; *Пятина* („за Григорьемъ Куріяновымъ сыномъ Пятинымъ“).—Всего въ Мокрецкомъ стану: село, сельцо и 6 деревень.

ВЪ ЗАТРУЦКОМЪ СТАНѢ:

Села: *Никольское*—Нижній Вязовикъ, что было займище подь лѣсомъ Большимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ; *Богоявленское* на рк. Фошиѣ, на усть Плоскаго колодезя подь среднимъ лѣсомъ; сельцо *Дмитровское* на рк. Фошиѣ, подь Городецкимъ лѣсомъ; *Архангельское*, подь Дросковымъ лѣсомъ на Брусовомъ Верху; *Луновецъ*.—Деревни: Никольскаго прихода—*Святина*, подь Святицкимъ лѣсомъ; *Вышній Куначъ*; Богоявленскаго прихода—деревня, что была *слободна* на усть рч. Жерихани подь Скопнымъ Гиѣздомъ; деревня, что была слободка *Дурнова* сверхъ Жериханскаго лѣса; *Бахтеярова*—сверхъ Плоскаго колодезя; Дмитриевскаго прихода—*Луговая* на р. Сосиѣ; Архангельскаго прихода—*Енина* подь Большимъ Туровымъ лѣсомъ на Дросковѣ колодезѣ; *Драчева* подь Дросковымъ лѣсомъ; *Шпарова*—Ступина и Телѣгина тожь; *Муратова* верхъ Дроскова колодезя.—Всего въ Затруцкомъ стану упоминаются: 4 села, 1 сельцо и 10 деревень.

Итого по *переписной* 1646 года въ Ливенскомъ уѣздѣ насчитывалось 17 сель съ сельцами и 42 деревни. Такъ не богатъ былъ поселеніями Ливенскій уѣздъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. При этомъ необходимо еще имѣть въ виду, что тогдашнія села были незначительнѣе нынѣшнихъ поселковъ и деревень, а нѣкоторыя изъ нихъ представляли изъ себя одни погосты.

Что же касается крестьянскаго и бобыльскаго населенія, то оно представляется по *переписной* 1646 года въ такомъ количествѣ: 1) въ *Красномъ стану* за помѣщиками: 30 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 72 чел.; 11 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 18 чел.; да въ деревнѣ Здобной въ вотчинѣ за Васильемъ Евдокимовичемъ Бурковымъ 3 крестьянскихъ двора, людей 8 человекъ;—всего въ Красномъ стану крестьянскихъ (33) и бобыльскихъ (11) дворовъ 44, а крестьянъ (80) и бобылей (18) вмѣстѣ 98 чел.—2) Въ *Серболовомъ стану*: за помѣщиками 46 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 123 чел.; 42 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 61 чел. да 2 вдовы; да за монастыремъ и на церковныхъ земляхъ 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 4 чел., 8 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 18 чел.; всего крестьянскихъ (48) и бобыльскихъ (50) дворовъ 98, а людей въ нихъ (крестьянъ 127, бобылей 79) съ тремя вдовами 209 человекъ.—3) Въ *Мокрецкомъ стану*: за помѣщиками 7 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 8 чел.—4)

Въ *Затруцкомъ стану*: за помѣщиками 15 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 29 чел.; 14 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 19 чел., да вдова, да 1 дворъ задворнаго человѣка; всего крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ съ задворнымъ человѣкомъ 30, а людей со вдовою 50 человѣкъ.

Такимъ образомъ въ 1646 году на Ливнахъ считалось крестьянскихъ (38) и бобыльскихъ (14) дворовъ 52 *), а въ уѣздѣ крестьянскихъ (съ задворнымъ 96) и бобыльскихъ (82) 178, всего 230 дворовъ, а людей (въ городѣ 83, въ уѣздѣ 375) со вдовами (8) 458 чел.—Изъ этого числа собственно за помѣщиками (въ томъ числѣ и за Ливенскими пушкарями) состояло 281 и за церквями 49, а людей за помѣщиками 376 и за церквями 82 чел., именно: за Сергіевскимъ монастыремъ 34 двора, за Пятницкимъ попомъ Наумомъ (въ Красномъ стану) 2 двора, за Спасскимъ попомъ Дмитріемъ 3 двора бобыльскихъ, за Козмодамианскимъ попомъ Родіономъ 3 двора бобыльскихъ, за Егорьевскимъ попомъ Лукьяномъ 2 двора бобыльскихъ (въ Серболовомъ стану) и за Никольскимъ попомъ Логвиномъ (Затруцкаго стана) 4 двора бобыльскихъ. Всѣ эти пять поповъ имѣли явное преимущество предъ помѣщиками въ людяхъ: тогда какъ на трехъ человѣкъ помѣщиковъ не приходилось и по одному крестьянскому или бобыльскому двору, у поповъ было отъ двухъ до четырехъ дворовъ бобыльскихъ; насельники обрабатывали церковныя земли и, питаясь отъ нихъ сами, способствовали благосостоянію священнослужителей.

Мы видѣли, какъ часты были нападенія Крымцевъ на Ливенскій уѣздъ въ царствованіе Михаила Феодоровича и какими опустошеніями сопровождались эти нападенія; не смотря на то, ко времени вступленія на престолъ Алексея Михайловича общее количество крестьянскаго и бобыльскаго населенія, подобно служилому—помѣщичьему, не только не уменьшилось, но еще увеличилось. Извѣстно, что въ 1615 году всѣхъ крестьянъ и бобылей считалось въ Ливенскомъ уѣздѣ 314 человѣкъ, а въ 1646 году ихъ насчитывалось 450 человѣкъ **). Такое увеличеніе крестьянъ и бобылей не было послѣдствіемъ естественнаго прироста, но объясняется единственно благоволительными мѣрами правительства къ тому, чтобы этотъ край, постоянно угрожаемый и опустошаемый Татарами, не обезлюдѣлъ. Здѣсь не чинилось розыска бѣглыхъ крестьянъ отъ нелюбимыхъ помѣщиковъ; да и можно ли было дѣлать такіе поиски тамъ, гдѣ никто не былъ увѣренъ въ личной безопасности, гдѣ война, плѣнь, мечъ и огонь не щадили никого и ничего, гдѣ одни изъ жителей цѣлыми семьями исчезали „безвѣстно,“ или „поимались въ полонъ“, а другія, лишившись своего крова и всякаго родства, „волочились межъ дворъ?“ Обыкновенно, кто почему—либо появлялся на Ливнахъ,—будь это бѣглый холопъ или преступникъ,—тотъ становился здѣсь или

*) Т. е. за пушкарями 20 дворовъ и за Сергіевскимъ монастыремъ 32 двора, кромя 25 дворовъ, временно поселившихся на церковныхъ градскихъ земляхъ.

**) Убавилось только число дворовъ—съ 309 на 230.

гулящимъ человѣкомъ, или *дѣловымъ* и *задворнымъ*, или крестьяниномъ и бобылемъ, или же стрѣльцомъ и солдатомъ, а иногда попадалъ и въ дѣти боярскіе, на правахъ служилаго помѣщика. Переписчики только досматриваютъ, гдѣ и на чьей землѣ кто живетъ, не допрашиваясь, откуда и почему вышелъ и поселился тотъ или другой крестьянинъ, бобыль, задворный или гулящій человѣкъ.

Городъ Ливны, оцѣпленный сторожами и засѣками, продолжалъ, какъ и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, служить оплотомъ и убѣжищемъ въ виду Крымскихъ набѣговъ для уѣздныхъ людей. При первыхъ вѣстяхъ о непріятелѣ, биричи готовы были разсыпаться по всѣмъ четыремъ станамъ, чтобы во-время собрать уѣздныхъ людей, служилыхъ и неслужилыхъ, въ осаду; въ помощь Ливенскимъ воеводамъ могли выступить еще цѣлые корпуса войскъ, содержавшіеся по украинскимъ городамъ. Послѣдняя жѣбра, практиковавшаяся для удержанія Крымскихъ набѣдниковъ со времени Михаила Ѳеодоровича, была особенно приложена къ Ливнамъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго Крымцы, по выраженію историка Соловьева, въ первый же годъ царствованія „поздравили“ набѣгомъ на Орловскій край *). Именно, въ 1646 году, царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ быть большому полку на Ливнахъ, сторожевому въ Ельцѣ, а передовому въ Курскѣ. Воеводами большого полка были назначены: бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, окольный князь Дмитрій Петровичъ Львовъ, князь Семенъ Петровичъ Львовъ да дьякъ (съ Разрядомъ) Александръ Дуровъ; при казнѣ на жалованье драгунамъ и солдатамъ состояли: Иванъ Андреевичъ Ржевскій, Григорій Замятинъ Нероновъ да дьякъ. Въ случаѣ появленія Татаръ, съ Ливенскимъ корпусомъ должны были соединиться еще полки: Тульскій, Переяславльскій, Кропивенскій, Веневскій и Мценскій. Воеводамъ всѣхъ этихъ городовъ предписано было находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою относительно Крымскихъ вѣстей и быть всегда на-готовѣ выступить въ *сходъ* на Ливны. Такимъ образомъ Ливны стали главнымъ стратегическимъ пунктомъ относительно обороны украины. Впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ, большой полкъ перемѣщался иногда то въ Бѣлгородъ, то на Яблоновъ. Во время похода въ Бѣлгородъ, въ іюнь 1646 года, *головами* были: у Ливенцевъ Матвѣй Воиновичъ Баучаровъ, у Мценянъ Андрей Артемьевичъ Шенинъ и Осипъ Степановичъ Арсеневъ, у Болховичанъ Никита Михайловичъ Зыбинъ, у Брянчанъ Гавріиль Осиповичъ Бокинъ. По выступленіи большого полка, на Ливнахъ оставались на воеводство: князь Семенъ Петровичъ Львовъ и городской воевода Дмитрій Ѳеодоровичъ Колтовскій, которые, въ случаѣ появленія Крымцевъ, должны были присоединиться къ сходу въ Бѣлгородъ. Простоявъ лѣто и осень въ Бѣлгородѣ, большой полкъ возвратился къ зимѣ на Ливны, сторожевой по прежнему

*) Побуждаемые Турецкимъ султаномъ, Крымцы въ декабрѣ 1645 года, подъ предводительствомъ своихъ царей Калги и Нурадина, опустошили Комарицкую (Сѣвскую) волость и завоевали Карачевскія и Орловскія мѣстности. См. Орлов. Епарх. Вѣдом. 1867 г. стр. 1217—1218.

помѣстился въ Ельцѣ, а передовой сталъ въ Курскѣ; при чемъ, по отозваніи князя Одоевского въ Москву, главнымъ воеводою большаго полка назначенъ былъ изъ Тулы окольнічій Михаилъ Матвѣевъ Бутурлинъ. Назначеніе въ 1647 году въ полковые Ливенскіе воеводы князя Григорія Семеновича Куракина и Андрея Васильевича Клипикова—Бутурлина съ дьякомъ Саввою Самсоновымъ, а въ осадные—Федора Обросимовича Лодыженскаго послужило поводомъ къ мѣстничеству на Ливнахъ. Такъ какъ полковая служба считалась выше городской, то Лодыженскій почиталъ *порухою* (униженіемъ) для себя и своего рода служить ниже Бутурлина, о чемъ и билъ челомъ Государю. Въ Москвѣ однакожь посмотрѣли на это мѣстническое дѣло иначе, и Лодыженскій за неудачное мѣстничество посаженъ былъ въ Ливенскую *тюрьму*; послѣ чего онъ оставался здѣсь городовымъ воеводою до 1650 года, когда былъ смѣненъ Яковомъ Петровичемъ Кологривовымъ. При преемникѣ Кологривова, бѣлевцѣ Никитѣ Михайловичѣ Зыбинѣ (1651—1653), сходъ назначался на Яблоновѣ и по указу Государя, 10-го іюня 1653 года производился на Ливнахъ смотръ дѣтямъ боярскимъ и черкасамъ „со всею ихъ службою,“ а именно: Ливенцамъ, Ельчанамъ, Новосильцамъ, Ефремовцамъ, Таличанамъ и Чернавцамъ; ревизію эту производили: бояринъ и воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и окольнічій Федоръ Васильевичъ Бутурлинъ *). При Зыбинѣ же Ольшанскіе черкасы доставляли въ Воронежъ Московскія рогатины **).

Въ виду постояннаго сосредоточенія боевыхъ силъ на Ливнахъ, Крымскіе Татары сдѣлались осторожнѣе въ своихъ нападеніяхъ и не осмѣливались показываться на украинѣ во всякое время года, какъ это было въ царствованіе Михаила Феодоровича; теперь болѣе удобнымъ временемъ для набѣговъ они считали уже зиму, такъ какъ съ выпаденіемъ снѣговъ, обыкновенно, прекращались на украинѣ станичныя и сторожевыя разѣзды, и Московское правительство, не чаявшее въ зимнюю пору прихода „воинскихъ людей,“ ослабляло свою бдительность. Между тѣмъ присоединеніе Малороссіи (въ 1654 г.) вовлекло Московское государство въ долговременную и изнурительную войну съ Польшею, осложнившуюся еще трудною борьбою съ Швеціею. Главныя силы государства были отвлечены на западъ; туда же ушла и часть Ливенскаго ополченія; Украина защищалась слабо, и Татары, подкупаемые Польскимъ золотомъ, нашли теперь удобный случай возобновить свои набѣги. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ, „по большимъ Крымскимъ вѣстямъ,“ велѣлъ укрѣпить Ливенскую засѣку и послалъ для этого дѣла инженера Михаила Ивановича Засѣцкаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять на себя и самое береженіе засѣкъ съ сторожами. „Засѣчное дѣло,“ т. е. устройство земляныхъ и деревянныхъ крѣпостей, производилось „ратными всякими охочими пѣшими людьми (стрѣльцами, казаками и солдатами) изъ

*) См. „Разрядныя книги“ времени царя Алексѣя Михайловича.—

***) Ворон. Акты, ч. III, стр. 8-я.

поденнаго корму, по 6 денегъ челоѣку на день,“ за *дѣловцами*, чтобъ они „не гуляли, засѣчное дѣло дѣлали на сѣбѣхъ,“ наблюдали, кромѣ главнаго инженера, дворяне и головы, стоявшіе на засѣкахъ. Засѣчная работа кипѣла теперь у всѣхъ Татарскихъ *перелазовъ*, или бродовъ, на р. Соснѣ, каковы — усть Луковца, Хвошны, Трудовъ, Ливенъ и Чернавы. Но засѣка не помогла: Крымцы прорвались чрезъ нее у самаго города Ливенъ и, подъ предводительствомъ своего хана, причинили много зла Ливенскому уѣзду. Татары побывали теперь во всѣхъ четырехъ станахъ Ливенскаго уѣзда и вездѣ оставили слѣды опустошенія.

Въ *Красномъ стану* Татары опустошили слѣдующія мѣстности: село Пятницкое, деревни: Костомарову, Орлову, Хвощеватое, Хрущеватое тожъ, Плотову, Лютую тожъ, Чувахину, Чухову тожъ, и Тишкову; въ *Серболовомъ стану*: села — Нижній Куначъ, Козмодамьянское тожъ, Спасское, Спасское — Островъ, Егорьевское, деревни: Сторожевую, Прилѣны и Грязцы; — въ *Затруцномъ*: село Никольское, деревни: Святину, Миляеву и слободку на усть рч. Жерихани. *Мокрецкій* станъ опустошенъ былъ до того, что его нашли нужнымъ причислить навремя къ Затруцкому. Конечно, указанными мѣстностями не исчерпывались всѣ бѣдствія Татарскаго погрома. Здѣсь приведены только тѣ села и деревни, изъ которыхъ Татары вывели въ плѣнъ крестьянъ и бобылей. Нѣкоторыя деревни послѣ „ханскаго разоренія“ заустѣли совершенно. Такъ о деревнѣ Здоровцѣ, верхъ колодезя Здравца на Липовомъ отвершку, подъ Краснымъ лѣсомъ, замѣчено въ писцовыхъ книгахъ 1684 года, что „той деревни помѣщики и вотчинники съ старыхъ усадебъ сошли послѣ Ханскаго разоренія на новыя усадьбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ лѣсу, къ рѣчкѣ Лѣсной Ливнѣ“. Подобно Здравецкимъ помѣщикамъ и помѣщики „деревни усть — Никольскаго верха на рѣчкѣ на Лѣсной Ливнѣ, противъ *стрѣлицы* въ Красномъ лѣсу, покинувъ старыя свои усадьбы, сошли послѣ Ханскаго разоренія на новыя усадьбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ стану, къ рѣчкѣ Лѣсной Ливнѣ, противъ устья Бѣлаго колодезя въ низъ по правую сторону, что смежно съ деревнею Здравцемъ.“ Невозможно перечестъ всѣ жертвы плѣна „въ приходѣ на Ливны Крымскаго хана.“ Мы можемъ отмѣтить здѣсь только тѣхъ плѣнниковъ изъ крестьянъ и бобылей, о которыхъ упоминаетъ переписная 1678 года. Вотъ эти жертвы.

Въ *Красномъ стану*: въ дер. Костомаровой Татары „въ приходѣ Крымскаго хана взяли въ полонъ крестьянъ помѣщика Олфера Булгакова — 2 двора“; въ с. Пятницкомъ помѣщика Григорія Парахина „пойманы въ полонъ крестьяне — 4 двора“; изъ деревни Орловой взяты въ плѣнъ крестьянинъ Артемья Онисимова; въ деревнѣ Плотовой, Лютой тожъ, „взяты въ полонъ“ бобыли — 2 двора, бывшіе за помѣщикомъ Андреемъ Шетѣвымъ; въ дер. Чувахиной взяты въ плѣнъ: крестьянинъ Марко Козницъ, крестьянинъ Агѣя Васильевича Корогодина и бобыль Евсея Манеимовича Теряева; изъ деревни Тишковой „въ приходѣ воинскихъ людей“ уведены въ плѣнъ крестьяне помѣ-

щиковъ: Ивана Анцупова — 2 двора. — Въ *Серболовомъ* стану: въ селѣ Нижнемъ Куначѣ, Козмодамьянскомъ тожъ, „въ приходъ воинскихъ людей“ захвачены бобыли, жившіе въ 4-хъ дворахъ на церковной землѣ; того же прихода въ деревнѣ Нижнихъ Куначяхъ Татары плѣнили крестьянъ и бобылей (2 двора) въ помѣстьѣ Митрофана Онуфриевича Огаркова и у помѣщика Елисея Шигорева захватили одного бобыля; изъ села Спасскаго вывели 4 двора крестьянъ, бывшихъ за помѣщикомъ Трофимомъ Михайловичемъ Мохоровымъ; въ деревнѣ Сторожевой обезлюдѣли помѣщики Яковъ Курдюмовичъ Фаустовъ и Прокофій Яковлевичъ Рудневъ; у перваго Татары вывели 2 двора крестьянъ, а у втораго по двору крестьянскому и бобыльскому; изъ села Спасскаго-Острова Татары вывели бобылей, жившихъ тремя дворами на церковной землѣ, и крестьянъ въ вотчинѣ Сергіевскаго монастыря — два двора; въ деревнѣ Прилѣпахъ „пойманы въ полонъ“ крестьяне и бобыли помѣщика Бориса Аносова, въ числѣ двухъ дворовъ; въ селѣ Егорьевскомъ взяты Татарами бобыли, жившіе на церковной землѣ двумя дворами; изъ деревни Грязцовъ Татары вывели крестьянъ помѣщика Мартина Скрябина (изъ двухъ дворовъ) и бобылей помѣщика Якова Скрябина (изъ двухъ дворовъ). — Въ *Затруцномъ* стану: изъ села Никольскаго Татары „поймали“ крестьянъ, жившихъ на церковной землѣ; въ деревнѣ Миляевой плѣнили крестьянъ помѣщиковъ Андрея Писарева и Михаила Прокофьева, всего 3 двора; въ деревнѣ Святинѣ захватили нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ за помѣщикомъ Василиемъ Шетохинымъ (2 двора); изъ слободки усть Жерихани вывели крестьянъ и бобылей, что были за помѣщикомъ Романомъ Савиновымъ Каширининомъ, въ числѣ двухъ дворовъ.

Къ числу жертвъ Крымскаго нашествія должно отнести и „пропавшихъ безвѣстно“. Таковы были бобыли: Ефремко Сидоровъ, Ромашко Аванасевъ и Афонько Анкудиновъ, жившіе дворами при церкви села Парахина; Безсонко Ивановъ, Сидорко Чаплинъ, Вавилко Григорьевъ, Осипко Ивановъ и Перфилько Трофимовъ, жившіе на погостѣ Георгіевской церкви (подъ Краснымъ лѣсомъ на Полевой Ливнѣ), и Панько Акинфиевъ, жившій на Георгіевскомъ погостѣ, что на Степановомъ починкѣ Лыкова въ деревнѣ Здобной (на Полевой Ливнѣ усть Хвоцеватаго колодезя). О всѣхъ этихъ бобыляхъ писцовая книга 1684 года, по сказкѣ старожиловъ, замѣчаетъ, что они „отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣстно“. Пропалъ безвѣстно тогда же и пономарь Георгіевской церкви Краснаго стана Онисимко Гавриловъ. Что случилось съ городомъ Ливнами „въ приходъ Крымскаго хана“ — неизвѣстно. Нужно думать однакожъ, что и самый городъ немало пострадалъ тогда отъ непріятельскаго оружія. Такъ думать заставляетъ насъ то именно обстоятельство, что въ числѣ жертвъ плѣна были и обитатели города. Здѣсь „пойманы въ полонъ“ нѣсколько казаковъ и бобылей, стрѣлецъ и одинъ гулящій человекъ, жившіе въ Бѣломѣстной слободѣ на церковной землѣ; бобыль, жившій въ Никольской слободѣ, „взятъ въ полонъ“; нѣсколько изъ

полковыхъ казаковъ, жившихъ тремя дворами въ Успенской Заливенской слободѣ, „поиманы въ полонъ“; точно также уведены были въ Крымъ и многіе изъ бобылей, жившихъ 20-ю дворами „на Ливнахъ на пушкарской землѣ“.

Нашествіе Крымскаго хана на Ливенскій уѣздъ заставило многихъ крестьянъ и бобылей искать спасенія въ бѣгствѣ; нѣкоторые изъ бѣглецовъ, вѣроятно, попались въ плѣнъ, а другіе, оставшіеся на свободѣ, не хотѣли уже возвращаться на прежнія, опустошенныя мѣста и пристроились на новыхъ земляхъ. Потому въ переписной о многихъ крестьянскихъ поселкахъ замѣчено, что теперь тамъ „пусто“, т. е. не осталось никого. Кромѣ того, причиною бѣгства крестьянъ могло служить желаніе попасть на новомъ мѣстѣ въ бобыли или задворные люди, или обратиться въ гулящихъ людей; а бобыли, разъ снявшись съ своего мѣста, не думали возвращаться къ нему какъ по недостатку на то средствъ, такъ и потому, что надѣялись пристроиться въ какомъ-либо посадѣ, чтобы пользоваться большею безопасностью во время непріятельскаго нашествія. Вѣроятно и самая бѣдность разорившихся помѣщиковъ бывала немаловажною причиною побѣговъ крестьянъ и бобылей. По крайней мѣрѣ, о пяти крестьянскихъ дворахъ помѣщика Савелья Даншина, въ селѣ Богоявленскомъ, замѣчено, что они „разошлись отъ разоренія“; о пяти крестьянскихъ дворахъ, что были за помѣщикомъ деревни Жилевой Леонтіемъ Овсянниковымъ, а послѣ него за женою его Авдотьею, сказано просто, что тѣ крестьяне „живутъ въ бѣгахъ“; въ такихъ же бѣгахъ показаны 4 двора крестьянскіе, бывшіе за помѣщикомъ Кирѣвымъ въ деревнѣ Нижнихъ Куначахъ; два двора крестьянъ помѣщиковъ Багринцевыхъ въ деревнѣ Соловьевой; нѣсколько дворовъ крестьянъ и бобылей, значившихся за помѣщиками села Богоявленскаго: Клеменомъ Артемьевичемъ Карловымъ, Ѳеодоромъ Елистратовичемъ Рогулинымъ и Тимоеемъ Елистратовичемъ Коширениномъ. О нѣкоторыхъ бѣглецахъ было извѣстно, куда они сбѣжали и гдѣ находились. Такъ, о бывшемъ крестьянинѣ помѣщика села Спасскаго Антона Яковлевича Макарова замѣчено, что онъ бѣжалъ съ братьями своими въ Чернавскій уѣздъ; а крестьяне помѣщика деревни Сторежевой Меркулы Григорьевича Шевякина бѣжали въ деревню Крутую, — значить къ черкасамъ. Всякій помѣщикъ радъ былъ „пришлымъ людямъ“, но и „пришлые“ не засиживались на одномъ мѣстѣ: такъ о пришлецахъ помѣщика деревни Семелецкой Кондрата Коненева сказано, что „нынѣ тамъ пусто — живутъ въ бѣгахъ“.

При погромѣ селъ, погостовъ и деревень, въ приходѣ Крымскаго хана пострадали и нѣкоторыя церкви. Такъ о церкви Св. Парасковей, нарицаемая Пятницы, что въ селѣ Паряхинѣ Краснаго стана, замѣчено въ писмовыхъ книгахъ 1684 года, что она „стоитъ безъ пѣнія, не освящена отъ разоренья Крымскаго хана“. Въ той же писмовой Краснаго стана о церкви Св. Георгія Стратотернца говорится: „и та церковь разорена въ приходѣ Крымскаго хана, а нынѣ часовня древняя“. Въ сель-

цѣ Пречистенскомъ, что подъ Сторожевымъ лѣсомъ, на мѣстѣ Успенской церкви стояла также часовня. — Что случилось съ церквами Краснаго стана, стоявшими на пути Крымскаго хана; тоже, вѣроятно, было и съ церквами другихъ становъ; только не видно, чтобы Татары и теперь сохранили какую-либо изъ церквей, или увели въ плѣнъ кого-либо изъ поповъ. „Пропалъ“ одинъ пономарь — и тотъ „безвѣстно“.

Вообще царствованіе Алексѣя Михайловича не было еще благопріятнымъ временемъ для прочной осѣдлости въ Ливенскомъ уѣздѣ. Колонизація края поддерживалась исключительно мѣрами правительственными, и главную массу населенія, какъ и прежде, составляли служилые люди, стекавшіеся сюда изъ разныхъ мѣстъ, обыкновенно незнатные и не обезпеченные на мѣстѣ своей родины. Будучи удовлетворены на Ливнахъ помѣстьями и денежнымъ жалованьемъ, эти служилые люди старались удержать свои земли въ потомствѣ; а на мѣсто убитыхъ, вымершихъ или разорившихся отъ войны и шатающихся „межъ дворъ“ находились новые охотники — служилые люди; отказа не было никому, потому что непочатой земли, „дикаго поля“ и „перелогу“ было много; помѣщики охотно принимали къ себѣ каждаго „въ товарищи“. Писцовыя книги испещрены ссылками на грамоты, выдаваемые новымъ Ливенскимъ помѣщикамъ, въ бытность воеводъ на Ливнахъ — Дмитрія Воейкова (1654 г.), Андрея Чичирина (1661 г.), Владимира Скрябина (1674 г.), и Тимофея Челищева (1675 г.). Все это были поселенцы незнатныхъ родовъ. Знатные же и богатые роды чуждались службы на Ливнахъ, кромѣ, конечно, воеводства, которое было временнымъ. Оттого въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Ливенскомъ уѣздѣ не видно и вотчинъ, за исключеніемъ одной (въ деревнѣ Здобной Краснаго стана), принадлежавшей казачьему сыну Василю Евдокимовичу Буркову, который владѣлъ 3-мя дворами крестьянъ, въ числѣ 8 человекъ; да и въ этой вотчинѣ, скоро перешедшей во владѣніе Петра Кондратьевича Ершова, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича крестьянъ было уже „пусто“ *). Кто изъ бояръ и думныхъ дворянъ могъ интересоваться помѣстьемъ въ такомъ краѣ, какъ Ливенскій, гдѣ личность крестьянина и имущество вотчинника не были обезпечены отъ „прихода воинскихъ людей“ и откуда крестьяне, при первомъ удобномъ случаѣ, могли разбрестись въ разныя стороны! Въ то время и въ средней полосѣ Россіи крестьянство не вполне еще забыло прежнюю свою вольность и массами перебѣгало съ земли на землю; тѣмъ труднѣе было рассчитывать Ливенскимъ помѣщикамъ на прочность крестьянской осѣдлости. Здѣсь каждая вѣсть о появленіи Татаръ на украинѣ, равно призывъ биричей къ осадѣ, особенно же нашествіе Татаръ —

*) Въ 1652 году Бурковъ заложилъ свою вотчину Петру Ершову, а въ 1681 году Ершовъ „ту свою закладную вотчину заложилъ и просрочилъ Ливенцу Микитѣ Партелѣву, — жеребей деревни Здобной, что было займище Присада подъ Краснымъ лѣсомъ на Полевой Ливнѣ, усть Фощеватаго колодезя, а Песковатаго тожъ“.

подавали поводъ къ тому, чтобы разбѣгаться въ разныя стороны. При такихъ именно обстоятельствахъ жили на Ливнахъ всѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича *).

Х.

Городъ Ливны и его уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1678 года въ царствованіе Θεодора Алексѣевича.

Положеніе города Ливень и его уѣзда въ царствованіе Θεодора Алексѣевича. — Церкви г. Ливень и Сергіевскій монастырь. — Станы, села, деревни и ихъ населеніе. — Новопробытые крестьянскіе и бобыльскіе дворы. — Общее количество населенія въ Ливенскомъ уѣздѣ. — Епархіальная зависимость и состояніе уѣзднаго духовенства. — Церковная утварь. — Грамотность въ средѣ духовенства.

Царствованіе Θεодора Алексѣевича (1676—1782) было уже переходнымъ временемъ для города Ливень и его уѣзда отъ непрерывныхъ военныхъ тревогъ къ мирному, обеспеченному труду. Теперь восточная половина Малороссіи была окончательно утверждена за Россіей и служила немаловажнымъ прикрытіемъ для обитателей р. Сосны отъ Крымскихъ и Ногайскихъ набѣговъ; кромѣ того, къ концу 17-го вѣка линія южныхъ укрѣпленій Россіи успѣла выдвинуться въ степи такъ, что Татарамъ трудно было проникать въ Ливенскій уѣздъ и производить въ немъ опустошенія; наконецъ, по случаю возникавшихъ смуть въ Малороссіи и Чигиринскихъ походовъ, на Московской украинѣ содержались цѣлые корпуса войскъ, готовые во всякое время дать отпоръ Крымскимъ набѣдникамъ. Главными стоянками сборныхъ войскъ были Сѣвскъ и Курскъ; особенно сильно укрѣпленъ былъ г. Сѣвскъ, воевода котораго занималъ первую степень между начальниками провинцій **). Въ правленіе же Софіи русскія войска, съ помощью малороссійскихъ казаковъ, проникли до самаго Крыма и привели въ трепетъ безпокойныхъ его обитателей, а молодой царь Петръ Алексѣевичъ взятіемъ Азова заставилъ Крымцевъ опасаться за самое политическое свое существованіе. Подъ вліяніемъ такихъ событій Ливенскій край, какъ удаленный уже отъ военныхъ тревогъ, все больше и больше привлекалъ къ себѣ обитателей; прежніе *перелог*и начали

*) Нашествіе Крымскаго хана на Ливенскій и сосѣдніе съ нимъ уѣзды находилось въ связи съ трудною войною Московскаго государства съ Польшею и Швеціею. Когда именно совершилось это нашествіе, — въ переписныхъ книгахъ Ливенскаго уѣзда не упоминается. Но такъ какъ В. Р. Чевскій („Г. Новосиль съ уѣздомъ“. Историко—статистическій очеркъ, Орель, типографія Косякиной и Соколова, 1892 г. стр. 19), на основаніи извѣстныхъ ему памятниковъ Новосильской старины, относитъ разореніе города Новосила Крымскими Татарами къ 1659 году; то, по всей вѣроятности, это событіе случилось при нашествіи Крымскаго хана на Ливенскія мѣста, что и могло быть причиною новаго укрѣпленія Ливенской засѣки въ 1660 году.

**) Исторія Россіи Соловьева, т 13, стр. 423.

вновь распахиваться и обращаться въ цвѣтушія нивы; дикое поле постепенно суживалось и уступало мѣсто новымъ починкамъ, займищамъ, деревнямъ и селамъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ эпохѣ культурной жизни на берегахъ Сосны, остановимъ вниманіе наше на томъ состояніи города Ливенъ и его уѣзда, въ какомъ находились они послѣ бурнаго времени Крымскихъ набѣговъ. Въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣнна для насъ переписная книга по городу Ливнамъ и его уѣзду, составленная въ началѣ царствованія Θεодора Алексѣевича, когда городъ Ливны сохранялъ еще бранный видъ и служилъ охраною для обитателей верхняго бассейна Сосны.

„Лѣта 7186 (1678) Генваря въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Θεодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и по наказу изъ Помѣсного Приказу за приписью дьяка Ивана Рогозинина, Ливны города к Ливненскому уѣзду переписи Григорья Ильича Шишкина да подьячего Ивана Ральна, что въ городѣ на Ливнахъ и на посадѣ, и въ слободахъ, и въ уѣздѣ за всякихъ чиновъ людьми въ помѣстьяхъ и въ отчинахъ, въ селахъ и деревняхъ, и въ починкахъ за монастыри крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и во дворахъ людей и ихъ дѣтей, и братья, и племянниковъ, и сосѣдъ и подсосѣдниковъ, и захребетниковъ имяны съ отцы ихъ и съ прозвищи...“

Ливенская переписная книга отъ 1678 года, упоминая лишь вскользь о городѣ (т. е. кремлѣ) и посадѣ (иначе — большомъ острогѣ), сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія только о 6-ти церквяхъ города Ливенъ, именно тѣхъ, на земляхъ которыхъ жили дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки, бобыли, работники и гулящіе люди, — это: *Соборная Троицкая, Никольская, Димитріевская*, что въ Бѣломѣстн ѣ слободѣ, *Никольская*, что въ Никольской слободѣ, *Успенская*, что въ За — Ливенской слободѣ полковыхъ казаковъ, и *Георгіевская*, что въ Георгіевской слободѣ. — Соборной Троицкой церкви *попъ Никита* сказалъ: „на церковной землѣ живетъ Ливенецъ сынъ боярской Кирюшка Ковыршинъ на время; у него 3 сына — Сенька 8 лѣтъ, Васька 6 л., Нестерко въ малыхъ лѣтахъ.“ Относительно жильцовъ на землѣ Никольской церкви Троицкіи *протопопъ Иванъ* сказалъ: „которые де прежь сего на церковной землѣ жили себѣ дворами на оброкѣ на-время 3 двора бобыльскихъ, и тѣ бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли или куда сошли — онъ протопопъ не знаетъ.“ — При Димитріевской церкви, что въ Бѣломѣстной слободѣ, жили особыми дворами: „*попъ Григорій* да дьячки — Сидорка, Данилка, Сенька Турбины, у Данилки работникъ Ивашка; а что де прежь сего на церковной землѣ жили 2 двора казацкихъ, дворъ бобыльской, стрѣлецъ да гулящій человекъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы, а иные померли.“ — У Никольской церкви, что въ Никольской слободѣ, жили: „*попъ Иванъ*, дьячекъ Остаеѣй, дворъ вдовой попады Гавриловой Агафьи, да сына боярскаго дворъ; а что де прежь сего у тоѣ церкви былъ бобыль, и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонъ.“ — У церкви Успенія, что въ За — Ливенской слободѣ: „*попъ Стефанъ*, два двора

дьячковы — Ивашки да Кирюшки, дворъ отставленнаго попа Павла; на церковной же землѣ живетъ Донской казакъ Ѳедька Кудрявцевъ, а что де прежь сего на церковной землѣ жили 3 двора полковыхъ казаковъ на — время, и въ прошлыхъ годѣхъ въ приходъ воинскихъ людей пойманы въ полонъ, а иные померли“. — У церкви Св. Велико-мученика Георгія: „*попъ Ѳедоръ*, да на церковной землѣ живутъ: дядя его Михайла Моголевцевъ, да полковой казакъ Самсонка Серебrenиковъ на — время, а что де прежь сего у тое церкви жили на оброкѣ 5 дворовъ бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ написаны въ стрѣльцы и въ казаки“.

Такимъ образомъ за время Алексѣя Михайловича запустѣло на церковныхъ земляхъ города Ливенъ 15 дворовъ бобыльскихъ и казацкихъ: кто изъ жильцовъ ихъ умеръ или взятъ въ плѣнъ, а кто записанъ въ стрѣльцы и казаки, или пропалъ безъ вѣсти. Затѣмъ къ 1678 году оставалось: два сына боярскихъ, очевидно, обездоленные войною, одинъ Донской казакъ, почему — либо не ужившійся на Дону, одинъ полковой казакъ, одинъ работникъ, да вдовы попъ и попадья, да дядя поповъ.

На посадѣ жили городовые и отставные дѣти боярскіе: Иванъ Ивановичъ и Онуфрій Петровичъ Костромитины, Гр. Ѳедяниковъ, Тим. Ивановичъ Сусловъ, Филиппъ Васильевичъ Баландинъ, Евфимъ Лукьяновичъ Крушинъ, Филимонъ Баландинъ, Даніилъ Горностаевъ, Ларіонъ Семеновичъ Головинъ и Макарь Павловичъ Шатовъ. За ними не было ни крестьянъ, ни бобылей; потому они охотно принимали къ себѣ на жительство въ городъ тѣхъ изъ своихъ сослуживцевъ, дѣтей боярскихъ, которые потерпѣли разореніе отъ войны и не могли оставаться въ своихъ помѣстьяхъ. Равно не стало и 20-ти бобыльскихъ дворовъ, что были на Ливнахъ на пушкарской землѣ: „по сказкѣ Ливенцовъ дѣтей боярскихъ Тимофея Иванова сына Сулова, Филиппа Васильева сына Баландина съ товарищи, тѣ бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ пойманы и написаны въ разныя службы, а нынѣ пусто“.

Сергіевскій монастырь, по прежнему, былъ богатѣйшимъ вотчинникомъ Ливенскаго уѣзда. Послѣ игумена Харлампія, считающагося основателемъ монастыря, здѣсь настоятельствовали: игумень *Іона*, упоминаемый въ *подлинной переписной* 1846 года; іеромонахъ старецъ *Моисей*, исходатайствовавшій въ 1849 году выписъ на монастырскую землю съ писцовыхъ книгъ Ивана Малечкина за приписью дьяка Мартыяна Бредихина; іеромонахъ *Іоасафъ*, стараніемъ котораго въ 1667 году построена была каменная Успенская церковь съ придѣломъ во имя Св. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, существующая донинѣ; игумень *Терентій*, имя котораго, подъ 1669 годомъ, значится на крестѣ, хранящемся въ Сергіевской церкви. Во время переписи 1678 года въ Сергіевскомъ монастырѣ „на посадѣ“ настоятельствовалъ *строитель Матвей* *). „По сказкѣ его, за тѣмъ монастыремъ: служба Алферко сынъ Зубаревъ,

*) Объ игуменѣ Іонѣ и строителѣ Матвеевѣ не упоминается ни въ „Описаніи древностей Сергіевской церкви въ г. Ливнахъ, сдѣланномъ по порученію Министра Финансовъ Графа Егора Францовича Канкринна Орловской Ка-

да поваръ Сенька Матѣевъ сынъ Корѣла, да за городомъ за рѣкою за Сосою, отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣкѣ по Соснѣ, по конецъ Бѣломѣстныя казачьи слободы, на рѣкѣ на Соснѣ на берегу, монастырская слобода; а въ ней монастырской дворъ, живутъ дѣтеныши: Тимошка Филиповъ сынъ Арнаутъ, Игнашка Константиновъ, у него 3 сына: Евтюшка 7 лѣтъ, Васька 5 л., Самошка 3 л., Данилка Сафоновъ, у него сынъ Пахомка 11 лѣтъ, — всего 7 человекъ“. Сверхъ того, въ монастырской слободѣ находилось 19-ть крестьянскихъ дворовъ: Ивашки Васильева сына Семенова *новина* съ 5-ю сынами, Марка Яковлева сына Кудрявцева, Моисейка Степанова сына Кортаваго съ 2 сынами, Гришки Васильева сына Сомова (да съ нимъ живетъ крестьянинъ Панька Васильевъ сынъ Бѣлоглазъ), Якушки Семенова съ 2 братьями, Елисейки Васильева съ 3 сыновьями, Васьки Савельева сына Ефанова съ 4 сынами, Аюньки Васильева сына Сомова (у него зять Мишка Харитоновъ, у Мишки сынъ Гришка 9 л.), Иллюшки Иванова сына Устинова съ 4 сынами: Ивашкомъ (у Ивашки 2 сына), Кондрашкомъ (у него сынъ Иллюшка), Тимошкою и Ермошкою (у Ермошки сынъ Куземко) и съ внукомъ Гаврилкою Лукьяновымъ, Васьки Савельева сына Ефанова съ 2 сынами, Радьки Осипова съ 2 сынами, Ларки Иванова сына Алехина съ 4 сынами и 2 пасынками, Данилки Осипова сына Шершкова съ 3 сынами (изъ которыхъ старшій Оетюшка имѣлъ 2 сыновъ), Васьки Севастьянова сына Жданова, онъ же Боевъ, съ 5-ю сынами (изъ которыхъ два старшіе Тимошка и Ониська имѣли по сыну), Обрамки Иванова сына Алехина (у него подсосѣдникъ Ливенецъ Макарко Захарьевъ сынъ Косьяновъ съ 3 сынами), Ершки Иванова сына Рышкова съ 3 сынами, Калынки Иванова сына Алехина съ 3 сынами, Мишки Иванова сына Алехина съ сыномъ, 2 братьями (Ермошкою и Обрамкою, у котораго 2 сына) и зятемъ Лазаркою Яковлевымъ сыномъ Кудрявцевымъ, и Кузки Андреева сына Ситникова съ сыномъ. Всего за монастыремъ въ слободѣ, въ 19-ти крестьянскихъ дворахъ, было людей „80 человекъ, служба, да поваръ, да подсосѣдникъ 3 человекъ“. Изъ 5-ти сыновей *новина* Ивашки Семенова два старшіе сына, Сенька да Стенька, находились „въ бѣгахъ“. Изъ монастырскихъ же старинныхъ крѣпостныхъ крестьянъ: „Андрюшка да Селиверстко Федоровы дѣти съ племянникомъ Мартиномъ Микитинымъ сыномъ и съ двумя сынами Селиверстка (Оюмкою да Онофрейкомъ), Якушка Гурьевъ сынъ Кудрявцевъ съ 3 сынами (Петрушкой, Кирюшкой, Мишкой), Сидорка Авдѣевъ сынъ Милинъ съ 4 сынами, Ивашко Семеновъ сынъ Милинъ Шалтыкъ съ 2 сынами жили на Ливнахъ въ полковыхъ казакахъ, а Селиверстко въ Донскихъ казакахъ; да крестьянскія дѣти Ивашко кузнецъ да Андрюшка Микитинъ дѣти Медвѣдевы жили въ бѣгахъ въ Зем-

ленной Палаты Предсѣдателю д. ст. с. Петру Алексѣевичу Бурнашову въ 1838 году“, ни въ описаніяхъ Сергіевскаго монастыря, помѣщенныхъ въ Орлов. Епарх. Вѣдом. за 1871 г. въ № 17 и за 1872 г. въ № 8-мъ. Потому списокъ Сергіевскихъ настоятелей, приведенный въ 8 № Орловскихъ Епарх. Вѣдомостей за 1872 годъ, пополняется еще двумя именами, такъ что всѣхъ настоятелей Сергіевскаго Ливенскаго монастыря можно считать теперь не 13, а 15-ть.

ляскомъ городѣ; Антюшко (съ 2 сынами) да Алиоанко Оедоровы дѣти жили на Ливнахъ въ Бѣломѣстной слободѣ. Жены умершихъ монастырскихъ крестьянъ Фильки Алехина и Сеньки Кортаваго Фетиньца и Парасковьяца вышли замужъ; Фетиньца за Ливенца сына боярскаго Левку Пантелѣева сына Болдырева въ деревню Жерину, а Парасковьяца за Ливенца же сына боярскаго Петрушку Жилкина; съ Фетиньцей ушли трое сыновей ея отъ перваго мужа (Оедосейка 11 л., Савка 9 л., Оська 5 л.), а съ Парасковьяцей одинъ сынъ (Лунка 6 л.). Бывшій же монастырскій крестьянинъ Корюшка Петровъ сынъ Ефановъ состоялъ „въ бѣгахъ“. По видимому, монастырь не розыскивалъ своихъ крестьянъ—бѣглецовъ, такъ какъ на мѣсто бѣжавшихъ охотно поступали къ нему *новики*, да и розыски въ то время представляли много затрудненій. Были за Сергіевскимъ монастыремъ и бобыли, но ко времени переписи 1678 года „тѣ бобыли померли“, а дѣти ихъ поступили на разную службу: „Сенька да Куземка Григорьевы дѣти Горностаевы сидѣли въ Сѣвѣжей избѣ на Ливнахъ въ подьячихъ (у Сеньки зять Андрюшка), а третій братъ ихъ Данилка (у него сынъ Егупко 15 л.); да Петрушкины дѣти Золотаревы—Сасонка, Оедька и Петрушка, да Яковлевы дѣти Сожины—Петрушка, Матюшка и Мартышко, да Филипповы дѣти Овчинниковы—Ивашка, Петрушка и Евсеѣико, да бобыли—Титко Фроловъ, Минка Потаповъ Гололобовъ, Фролка Ивановъ да Васька Маркеловъ сынъ Ивановъ жили на Ливнахъ въ полковыхъ казакахъ; Фролко Маркеловъ сынъ Ивановъ—въ Московскихъ стрѣльцахъ; Анисимко, Андрюшка и Филька Емельяновы дѣти Зачепилины жили на Ливнахъ въ городѣ; бобыль Ивашко Артемьевъ сынъ Жилинъ, да Минка Степановъ сынъ Семенниковъ жили на Ливнахъ, Ивашко въ Донскихъ казакахъ, Минка въ ямщикахъ, а Сенька Григорьевъ сынъ Смольяниновъ—выборнаго полку въ солдатахъ“.

Вообще, число монастырскихъ крестьянъ часто измѣнялось. Напримѣръ, въ 1678 году за монастыремъ считалось 19 крестьянскихъ дворовъ, съ населеніемъ въ 80 человекъ, а въ 1679 году значилось 17-ть дворовъ, людей въ нихъ 77 человекъ; изъ двухъ дворовъ крестьяне успѣли уже разбѣжаться. Для исправленія духовныхъ требъ въ монастырской слободѣ, Сергіевскій монастырь имѣлъ у себя бѣлыхъ поповъ. Такимъ попомъ въ 1672 году былъ Тимошей, прикладывавшій съ соборнымъ попомъ Никитою къ верстальнымъ книгамъ руки вмѣсто не знающихъ грамотъ, а въ 1686 году попь Іаковъ, присутствовавшій при размежеваніи съ старцемъ Антоніемъ и съ крестьянами. Межеваніе это производилъ стольникъ Иванъ Васильевичъ Золотаревъ съ подьячимъ Ильею Струковымъ; при чемъ за Сергіевскимъ монастыремъ оказалось: „наши пахатной и перелогу, да дикаго поля доброй земли 70 четвертей, да по старымъ писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина въ 1629 году примѣрной земли въ тѣхъ же урочищахъ и въ тѣхъ же четвертяхъ 75 четвертей, всего старья вотчины съ примѣрною землею 145 четвертей; да въ семь же 1686 году примѣрено сверхъ

той старой вотчины изъ старой примѣрной земли въ тѣхъ же урочищахъ 350 четвертей; сѣна 140 копенъ; лѣсъ Красный и Серболовъ съ помѣщики обще; а о рѣкахъ Кшеневѣ и Тимѣ, которыя даны сему монастырю на пищу со всѣми угодами и сѣнными покосы, писано было къ Великимъ Государемъ въ Помѣстный Приказъ, что оныхъ рѣкъ въ десятины и покосенно и версты положить не можно*). Въ 1688 году настоятель Сергіевскаго монастыря игуменъ Германъ просилъ въ Помѣстномъ Приказѣ о дачѣ ему на монастырскую вотчинную землю выписи, которая, по его прошенію, и дана съ писцовыхъ книгъ за подписаніемъ дьяка Автонома Иванова. Въ 1691 году настоятелемъ Сергіевскаго монастыря былъ игуменъ Алексѣй, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на минеи мѣсячной за октябрь мѣсяць, а въ 1699 году „сему монастырю дана была выпись на крестьянъ отъ думнаго дворянина и воеводы Семена Петровича Неплюева**).

Въ 1678 году въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось 3 стана: Красный, Серболовъ и Затруцкій, къ которому причисленъ былъ существовавшій прежде четвертый станъ — Мокрецкій, сильно пострадавшій предъ тѣмъ временемъ отъ Татарскихъ набѣговъ***).

Въ переписной этого года значатся слѣдующія поселенія на пространствѣ Ливенскаго уѣзда съ жильцами ихъ — помѣщиками, крестьянами и бобылями:

1. Въ Красномъ стану:

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское, на Лѣсной Ливнѣ, съ церковью Св. Николая Чудотворца; при ней попъ Ѳеодоръ Андреевъ да 2 двора дьячковыхъ — Сеньки да Ѳедьки Тимошеевыхъ дѣтей Андреева; да дворъ крестьянина Куземки Ѳокина сына Андреева, а людей въ немъ 6 человекъ.

Приходомъ къ селу Никольскому были деревни:

Зубцова, что былъ починокъ Бунаевской, Мишустино тожь; въ ней 22 человекъ дѣтей боярскихъ: Кирила Ѳомиинъ сынъ Ивашовъ, Матвѣй Михайловъ сынъ Адашевъ, Еськинъ, Красовы, Мягкіе, Зубцовы, Лагутины, Аширинины; всѣ они однодворцы, безъ крестьянъ и бобылей.

*) См. вышеприведенное описаніе древностей Сергіевскаго монастыря.

**) Тамъ-же.

***) Г. Артемовъ въ своемъ изслѣдованіи говоритъ: «Ливенскій уѣздъ раздѣлялся на 4 стана..., а до 1673 г. былъ еще и 5-й станъ, называвшійся Подлѣснымъ»... «Отъ чего не упоминается послѣ о Мокрецкомъ станѣ, находившемся за р. Сосною, — неизвѣстно. Тѣмъ болѣе это непонятно, что значительная часть станова Затруцкаго и Серболова также были расположены за Сосною, а однако включены въ перепись. Что Мокрецкій станъ не былъ безлюденъ, можно видѣть изъ писцовой книги 1691 года, по которой значится въ Мокрецкомъ станѣ 1778 датчинниковъ или владѣльцевъ приписной тамъ къ селамъ и деревнямъ земли» (см. Орлов. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 26, стр. 247). Но такое недоумѣніе г. Артемова относительно Мокрецкаго стана объясняется тѣмъ, что онъ не имѣлъ у себя подъ руками переписной книги 1678 года. Что-же касается до упоминаемаго г. Артемовымъ 5-го *Подлѣснаго* стана въ Ливенскомъ уѣздѣ, то такого стана мы не встрѣтили ни въ одной переписной Ливенской книгѣ за время съ 1615—1684 г., а потому и сомнѣваемся въ его существованіи.

Костомарова, что было займище Присада; ее населяли 16 человекъ помѣщиковъ-однодворцевъ: Сасонъ Исаевъ сынъ Чюпахинъ, Губановы, Голицкіе, Селеменовы, Бызгины, Левоновы, Жердевы, Теряевы и Булгаковы; никто изъ нихъ крестьянъ и бобылей не имѣлъ, а „которые прежь сего за отцомъ Савелья да Трофима Алферевыми дѣтьми Булгаковыми были 2 двора крестьянскихъ, и въ прежнихъ годѣхъ въ приходъ Крымскаго хана взяты въ полонъ, а нынѣ пусто“.

СЕЛО ПЯТНИЦКОЕ.

Село Пятницкое, что была деревня Парахина, съ церковью Св. Великомученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы; въ прежнее время при церкви жили бобыли двумя дворами „и тѣ бобыли померли“. Изъ 22-хъ помѣщиковъ этого села только одни Парахины имѣли на своихъ земляхъ крестьянъ и бобылей; именно: „за Володиміромъ да за Сафономъ Ларионовыми дѣтьми—крестьянской дворъ да бобыльской, людей въ нихъ 4 человекъ; за Микитою Лазаревымъ сыномъ—дворъ крестьянской, людей въ немъ 6 чел.; за Евтиѣемъ Семеновымъ сыномъ—2 двора крестьянскихъ, людей 7 чел.; за Іовомъ Овдокимовымъ сыномъ—дворъ крестьянскій, людей 3 чел.; за Савостьяномъ Григорьевымъ сыномъ прежь сего было за отцомъ ево 4 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы“. Прочіе Парахины, а также Чюриловы, Анисимовы и Овсянниковы не имѣли ни крестьянъ, ни бобылей.

Къ приходу Пятницкому принадлежали деревни:

Орлова, Хвощеватое тожъ, у Хрущова колодезя; въ ней жило 16 помѣщиковъ—однодворцевъ: Анисимовы, Кондуровы, Устиновы, Филатовы, Ефановы, Воробьевы, Ермоловъ (Андрей Михайловичъ), Ситниковъ, Овсянниковъ и Платоновъ; изъ нихъ только за отцомъ Андрея да Ивана Артемьемъ Анисимовымъ „прежь сего былъ крестьянинъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонъ“.

Лапошина, подъ Краснымъ лѣсомъ, состояла во владѣніи Петра Маркова сына Смагина съ товарищами (6 чел.), изъ которыхъ только за дѣдомъ Антона Семеновича Огибалова „былъ бобыль, и въ прошлыхъ годѣхъ умре“.

СЕЛО ЕГОРЬЕВСКАЕ.

Село Егорьевское Верхнее, съ церковью Св. Великомученика Георгія; у той церкви пошъ Павелъ да дьячекъ Овдокимко Топоровъ“.

Деревня Плотовая, Лютая тожъ; въ ней 13 помѣщиковъ—однодворцевъ: Рудневы, Лютые, Бакулины, Жидкіе, Токаревы, Вѣляевъ и Левишній—безъ крестьянъ и бобылей; за Андреемъ Филипповичемъ Алтухинымъ былъ дворový человекъ Кондрашко Семеновъ сынъ Семеновъ (у него 2 сына: Кондрашко 8 л., Васька 4 л.), за отцомъ Понкратья Андреева Шатѣва „были 2 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ, а нынѣ пусто; за Перфильемъ Андреевымъ сыномъ Шатѣвымъ—2 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 8 человекъ“.

Деревня Чювахина. Чюхова тожь, съ 13-ю помѣщиками—однодворцами: Козминимъ (Степаномъ Козмичемъ), Воробьевыми и Селютинимъ; за Игнатомъ Марковичемъ Козминимъ и Агъемъ Васильевичемъ Корогодинимъ было по крестьянину, а за Евѣемъ Максимовичемъ Теряевымъ былъ бобыль, и тѣ двое крестьянъ да бобыль „въ приходѣ войскихъ людей въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ“.

Деревня Пишнова, за 22 помѣщиками—однодворцами; за отцами Фрола Ивановича и Федора Алексѣевича Ансуповыхъ было по 2 двора крестьянскихъ, „и тѣ крестьяне въ приходѣ войскихъ людей въ полонъ поиманы“; прочіе же помѣщики, какъ-то: Михайловы, Авдѣевы, Логачевы, Злобины, Подколзины, Бекетовъ, Настолзинъ, Кудрявій, Ядышній, Ершовъ и Невзоровъ—безъ крестьянъ и бобылей.

Деревня Хвоцеватая, Потапова тожь, за 18 помѣщиками-однодворцами—Трубицыными, Мезенцевыми, Чиковыми, Потаповыми, Глаткими, Ершовымъ, Выпоровымъ, Головинимъ и Горборуковымъ безъ крестьянъ и бобылей; два же крестьянскихъ двора, что были у отца Михайлы Евдокимовича Потапова, въ „прошлыхъ годѣхъ померли“.

Деревня Жилева, подъ Жилевымъ лѣсомъ, за 2-мя помѣщиками: Рыковымъ (Федоромъ Мелентьевичемъ) и Овсянниковымъ. а по смерти послѣдняго за вдовою его Авдотьей Леонтьевною; за Овсянниковымъ было 5 крестьянскихъ дворовъ и изъ нихъ всѣ люди разбѣжались.

Деревня Здобная прежде принадлежала Василию Евдокимовичу Буркову, у котораго въ починкѣ было 3 двора крестьянскихъ, а „нынѣ тою отчиною владѣеть Петръ Кондратьевъ сынъ Ершовъ и крестьянъ пусто“.

„Да въ томъ-же Красномъ стану сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ поселены вновь села и деревни и починки—Ливенцы дѣти боярскіе“.

Деревня Здоровецъ, усть Никольскаго Верха на рч. Ливенкѣ за 20 однодворцами; это: Лыковы, Смагины, Гранкины, Ханины, Кобозевы, Мишуревъ (Петръ Яковлевичъ), Гревцовы, Кожуховы, Богатые, Теряевы, Хвостовы, безъ крестьянъ и бобылей*).

Деревня Семенихина за 16-ю помѣщиками—однодворцами: Семенихины (Григорій Федоровичъ), Манцовы, Золотухины, Егорновы, Глаткій, Сараевы, Болтенковъ, Ханинъ, Ровенскіе, безъ крестьянъ и бобылей.

Деревня Дутая; въ ней помѣщиковъ 21 человекъ, безъ крестьянъ и бобылей: Ивановы (Мартинъ Ермолаевичъ), Леоновы, Хмелевскій, Рылковы, Котосоновъ, Заболотскіе, Чельцовъ, Стряпковъ; за отцомъ Максима Никитича Иванова „были прежь сего 2 бобыля и въ прошлыхъ годѣхъ померли“; за отцомъ Василья Федоровича Рылкова былъ также бобыль „и въ прошлыхъ годѣхъ умре“.

Подъ названіемъ Здорова въ переписной показаны двѣ деревни; въ настоящее время есть село Здоровецъ и Здоровецкіе (Здоровскіе) дворы, при колодцахъ, въ 11 в. отъ города.

Деревня Роговая за 15-ю помѣщиками-однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей): Манцовы, Огибаловы, Солоповы, Алтуховы, Кожуховы, Солоповы, Аеонины.

Деревня Косьянова за 11 однодворцами: Добриковы (Василій Ивановичъ), Сухой, Кондратьевы, Ахихминъ, Косьяновы.

СЕЛО НИЖНЕЕ ЕГОРЬЕВСКАЕ.

Село Нижнее Егорьевское. съ церковію Св. Великомученика Георгія: у той церкви попъ Сидоръ да дьячекъ Максимка Еськовъ.

СЕЛО УСПЕНСКАЕ.

Село Успенское, съ часовнею Успенія Пресвятыя Богородицы; въ немъ помѣщиковъ-однодворцевъ 21 человекъ (безъ крестьянъ и бобылей): Дромовъ (Василій Лаврентьевичъ), Хмелевскій, Добриковы, Горбатовъ, Занцовъ, Шеховцовы, Пыжевы, Алтухинъ, Клоковы, Невзоровы, Козлицъ, Анисимовъ.

Деревня Новосильская, помѣщики-однодворцы въ числѣ 21 человекъ (безъ крестьянъ и бобылей) съ Михайлою Евдокимовичемъ Подольскимъ во главѣ: Страховъ, Карповъ, Ханинъ, Сухаревъ, Анисимовъ, Голубицкій, Куликовъ, Созоновъ, Трубицынъ, Пашковъ, Потаповы, Ялдыковъ, Ромезовъ, Голощановъ, Бакулинъ, Кривцовъ, Косторный, Александровъ, Крапивцовъ.

„Всего въ Красномъ стану за помѣщики (281 ч.) 6 дворовъ крестьянскихъ, 3 двора бобыльскихъ, обоого 9 дворовъ, людей въ нихъ 34 человекъ, дворовыхъ людей 2 человекъ, дѣтей у нихъ 2 человекъ*).

II. Въ *Серболовомъ стану:*

СЕЛО БОГОЯВЛЕНСКАЕ.

Село Богоявленское, съ церковью—Богоявленіе Христово; у той церкви попъ Григорій да дьячекъ Степанъ Григорьевъ, живутъ на церковной землѣ. Въ селѣ 46 помѣщиковъ—однодворцевъ, безъ крестьянъ и бобылей: Везсоновъ (Петръ Алексѣевичъ), Марковъ, Вѣлье, Митусовъ, Шумакинъ, Микитины, Саженцевъ, Лениковъ, Каторгинны, Потаповъ, Куповой, Опальковы, Бочюринъ, Некрасовы, Фроловъ, Моначаровъ, Трубниковы, Мальцевъ, Литовиновъ, Пейковъ, Болтенковъ, Пышковъ, Ѳедориковъ, Жихаревъ, Медвѣдевъ, Амосовы, Скурдины, Черниковы, Добродѣевы, Фаустовы, Шемрины, Глаткіе.— „Прежь сего за отцомъ Трофима Савельева сына Даншина было 5 дворовъ крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные отъ разоренья разошлись“. Братя Ледяниковы имѣли у себя двороваго человекъ (Лавренку Савельева); помѣщикъ Ракинъ имѣлъ работника (Гаврилу Иванова), а за Дмитріемъ Самойловичемъ Косюровымъ „жилъ гулящій человекъ на—время“.

*) Красный станъ описывается въ переписной 1678 г. подъ № отъ 2-го по 23 включительно.

Того жъ прихода *деревня Круглая* за 34 помѣщиками — однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей): Чаплыгинымъ (Лазаремъ Сидоровичемъ), Артемовымъ, Зубаревыми, Болотовыми, Лукинымъ, Шепелевыми, Драчевыми, Реутовыми, Лыковыми, Рѣдкинымъ, Заблоцкими, Быкановымъ, Минаковымъ, Кутеповыми, Рѣпинымъ, Ватутиными, Титовымъ, Минаевымъ, Стародубцевымъ, Башкатовымъ, Моисеевымъ, Марковымъ.

Деревня Кунацная, на р. Соснѣ, за 14 помѣщиками — однодворцами; это были: Гончаровъ (Сввелій Григорьевичъ), Волоцкій, Синютины, Болдыревъ, Плешковъ, Бабинъ, Скрябинъ, Ядынинъ, Суринъ, Толстые и Клушины; изъ нихъ только Клушины (Евфимъ Лукьяновичъ да Ѳома Сидоровичъ) имѣли по дворовому человѣку (у перваго: Ѳомка Устиновъ съ двумя сыновьями, а у втораго — Ивашка Мартыновъ).

СЕЛО НИЖНІЕ КУНАЧИ.

Село Нижніе Куначи. Козмодамьянское тожъ, съ церковью Козмы и Даміана; „у той церкви попъ Гаврила, да на церковной землѣ живетъ бобыль Ивашко Сергѣевъ сынъ Сергѣевъ (у него сынъ Созонка да пасынокъ Сережка Семеновъ сынъ Семеновъ); а прежь сего было на церковной землѣ 4 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ приходѣ воинскихъ людей поиманы въ полонѣ. Въ томъ же селѣ въ починкѣ за стольникомъ за Васильемъ Алферовымъ сыномъ Хитрово дворъ ево боярской, а во дворѣ дѣловые люди: Трошка Алексѣевъ сынъ Огуречниковъ (у него 2 сына: Якимка 15 лѣтъ, Тимошка 5 л.), Мишка Филипповъ сынъ Шестаковъ, всего людей 4 человѣка“. За помѣщикомъ Митрофаномъ Сидоровичемъ Мезенцевымъ былъ дворъ бобыльской (Гришки Еремеева Татарина съ двумя сыновьями — Тараскомъ и Кипріяномъ); за прочими помѣщиками (всего 20 чел.): Бѣляевымъ, Кушелевымъ, Яхонтовымъ, Красноуховымъ, Жихоревыми, Ѳедяниковымъ, Шолоховымъ, Топоровымъ, Борзенковымъ, Ѳедоровымъ, Шеталовымъ, Викторовымъ и Косторнымъ — ни крестьянъ, ни бобылей не было; „а что прежь сего было за помѣщики: за Иваномъ Казацевымъ крестьянинъ, за Степаномъ Сотниковымъ 7 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, за Иваномъ Никифоровымъ сыномъ Якимовымъ крестьянинъ, за Григорьемъ Сапковымъ 5 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ тѣ помѣщиковы крестьяне и бобыли померли, а нынѣ пусто“.

Того-жъ прихода *деревня Куначи Нижніе*, въ ней за Мартыномъ Юрьевымъ сыномъ Дорохинымъ было два двора крестьянскихъ, въ нихъ людей 4 чел.; за Митрофаномъ Онуфриевымъ сыномъ Огарковымъ „прежь сего было крестьянскихъ и бобыльскихъ 2 двора, и въ прошлыхъ годѣхъ поиманы въ полонѣ; за Кирилою Елисѣевымъ сыномъ Шпгаревымъ прежь сего (за отцомъ ево) былъ бобыль, и въ приходѣ воинскихъ людей взять въ полонѣ; за Борисомъ Михайловымъ сыномъ Кирѣевымъ (за дѣдомъ его) было 4 двора крестьянскихъ, и они живутъ въ бѣгахъ; за Ѳедоромъ Томицинымъ сыномъ Родивоновымъ — 2 двора крестьянъ и бобылей вымерли“; прочіе

помѣщики—Окороковы, Лѣсные, Дороховы, Огарковы были также однодворцы, безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО СПАССКОЕ.

Село Спасское; въ немъ „церковь Спаса Преображенія; попъ Аверкій Оедоровъ; 13-ть помѣщиковъ однодворцевъ, безъ крестьянъ и бобылей... Прежъ сего за Трофимомъ Михайловымъ сыномъ Мохоровымъ было 4 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ; за Ермоломъ да за Антономъ Яковлевыми Мохоровыми былъ крестьянинъ Осташка Синютинъ съ братьями, и онъ живетъ въ бѣгахъ въ Чернавскомъ уѣздѣ“; у Филипскихъ былъ бобыль, но умеръ; прочіе помѣщики: Лобовъ, Пыхачевъ, Грибаковъ, Антиповы, Шатовъ, Бочюрины.

Того прихода *деревня Сторожевая*, подъ Серболовымъ лѣсомъ, за 9-ю дѣтьми боярскими—однодворцами; изъ нихъ: у Мишиныхъ было 3 двора бобыльскихъ, и они опустѣли; у Дворятина былъ тоже бобыль, но умеръ; у Якова Курдюмова Фаустова было 2 двора крестьянскихъ „и въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ“; у Прокофія Яковлева Руднева также „взяты въ полонъ“ изъ двухъ дворовъ крестьяне и бобыли; бывшіе бобыли за Селеховымъ и Пикаловымъ померли.

Того-жъ прихода *деревня Гниловоды*, подъ Серболовымъ лѣсомъ; въ ней за Сидоромъ Алексѣвичемъ Ефановымъ дворъ бобыльской, въ немъ 6 чел., „а что прежъ сего было за отцомъ ево 2 двора крестьянъ, и тѣ крестьяне въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ пойманы“; за Василиемъ Васильевичемъ Ефановымъ съ братьями—2 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 3 чел.; за Степаномъ Васильевичемъ Говоровымъ—дворовыхъ 4 чел., дѣтей у нихъ 6 чел.

СЕЛО СПАССКОЕ—ОСТРОВЪ.

Въ селѣ Спасскомъ (Островъ) сверхъ Полова колодезя на Суходолѣ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, церковь Преображенія Господня; въ немъ 13 помѣщиковъ—однодворцевъ безъ крестьянъ и бобылей: Логачевъ (Кондратъ Григорьевичъ), Ковыршинъ, Шеталовъ, Батинъ, Донской, Сапрыкинъ, Стречковы, Ухинъ, Бредихинъ; а что „прежъ сего на церковной землѣ жили 3 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ пойманы, да что прежъ сего за Сергіевымъ монастыремъ, что на Ливнахъ, за игуменомъ въ томъ селѣ на церковной землѣ жили 2 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ взяты“.

Того прихода *деревня Прильпы*, подъ Серболовымъ лѣсомъ, за 9-ю помѣщиками безъ крестьянъ и бобылей: Микульниковымъ (Лахтіономъ Григорьевичемъ), Шишковымъ, Шолоповымъ, Ютиловымъ, Токаревымъ; за Гордѣемъ Борисовичемъ Аносовымъ „прежъ сего было (за отцомъ ево) 2 двора крестьянъ и бобылей, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ пойманы“, а крестьянинъ Микульниковыхъ „умре“.

Того-жъ прихода *деревня Соловьева*; въ ней помѣщиковъ — однодворцевъ 21 человекъ: Багринцевъ (Савва Степановичъ), Игнатьевъ, Воробьевъ, Невзоровъ, Лахины, Толстые, Афанасьевы, Погоневъ, Копыловы, Сабѣевъ; „прежъ сего за Багринцевыми было 2 двора крестьянскихъ и нынѣ въ бѣгахъ“.

Того-жъ прихода *деревня Подберцова*, за 12-ю помѣщиками — однодворцами безъ крестьянъ и бобылей; это — Подкользинъ (Федоръ Сафоновичъ), Черные, Туридины, Щегловы, Золотухинъ.

Того-жъ прихода *деревня Поднользина*, за Дементьемъ Сафоновымъ Подкользинымъ съ товарищи (всего 6 чел. помѣщиковъ), безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Малахова*; въ ней помѣщики: Алехины, Трубицынъ, Должановъ, Титовъ, Ютиловъ, Стохановъ, Зибаревъ, Долженковъ.

СЕЛО ЕГОРЬЕВСКОЕ.

Село Егорьевское подъ Богдановымъ лѣсомъ; въ селѣ церковь Великомученика Георгія, у церкви попъ Поликарпъ, „а которые прежъ сего у той церкви жили 2 двора бобыльскихъ и въ прошлыхъ годѣхъ пойманы въ полонъ“; помѣщикъ Шуйскій имѣлъ дворъ бобыльскій (людей 5 чел.); прочіе: Фаустовъ, Пенковы, Глушковы, Трикачовъ, Зиновьевъ, Лакомовы, Бачюринъ, Ртищевы, Печерскіе, Потаповъ, Сижинцевъ — безъ крестьянъ и бобылей.

Того прихода *деревня Новосильская*, подъ Богдановымъ лѣсомъ; помѣщики безъ крестьянъ и бобылей: Калининны, Глушковы, Шепелевы, Лукьянчиковъ, Салтыковъ.

Того-жъ прихода *деревня Черничья*; помѣщики: Пчельниковъ, Окульшины, Сычовъ, Дорохинъ, Зубцовы, Сижинцевъ, Шумовъ.

Того-жъ прихода *деревня Грезцы*, на Черной Грязи; помѣщики: Скрябины, Потаповъ, Бахтинъ, Сотниковъ, безъ крестьянъ и бобылей; за отцомъ Емельяна Мартыновича Скрябина было 2 двора крестьянскихъ, да за дядею его Яковомъ — 2 двора бобыльскихъ „и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ пойманы, а иные померли“.

Того-жъ прихода *деревня Крутая*, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; помѣщики: Хорошиловы, Силуяновы, Харитоновы, Фатѣевы, Выриновъ, Каменевъ; изъ нихъ только за Михайлою Клементьевичемъ Хорошиловымъ былъ дворъ крестьянскій (съ 3 чел.).

Того-жъ прихода *деревня Хмѣлевая*, на Хмѣлевомъ колодезѣ; помѣщики: Пикаловъ, Мильцовъ, Горбатовъ, Косовы, Шумскіе, Занинъ, Затырчиковъ, Тулковы, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО ПРЕЧИСТЕНСКОЕ.

Въ селѣ *Пречистенскомъ* церковь Пречистыя Богородицы; у церкви попъ Романъ; „по сказкѣ ево, прежъ сего на церковной землѣ было 2 двора бобыльскихъ и тѣхъ бобылей взялъ отецъ ево попъ Федоръ въ Чернавской городъ, невѣдомо по

какому указу, а нынѣ пусто; помѣщики всѣ безъ крестьянъ и бобылей: Медвѣдевъ, Кафоновъ, Шиголевъ, Ивановъ, Полунины, Филатовъ, Тепленскіе, Агѣевъ.

Того прихода *деревня Ясная*, что подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; помѣщики безъ крестьянъ и бобылей: Болотовъ, Лыковы, Сухаревъ, Трубниковы, Пенковъ, Суровцевъ, Клодовъ, Потаповъ, Оносовы, Анисимовъ, Егоровъ, Риновъ, Ѳедориковы.

Того-жъ прихода *деревня Волчья*; помѣщики: Абакумовъ, Занины, Антиповы, Авдѣевъ, Ватутинъ, Сижинцевъ, Москвитиновъ, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Сторожевая*, Акулкова тожъ; помѣщики: Шевяковъ, Перцовы, Толстой, Зароченцовы, Стрѣльниковъ, Сѣдой, Пикаловъ; изъ нихъ только у Меркулы Григорьевича Шевякова было 2 двора крестьянскихъ, но ко времени переписи 1678 года тѣхъ крестьянъ не стало: одни померли, а другіе „жили въ бѣгахъ въ деревнѣ Крутой“.

Того-жъ прихода *деревня Крутая*, за 15-ю помѣщиками — однодворцами: Лукьянчиковыми (Ефремомъ Степановичемъ), Савенковыми, Башкатовыми, Екимовыми, Смотровымъ, Литвиновымъ, Гладкими и Трубицыными, всѣ они безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Бынова*, подъ Туровымъ лѣсомъ, за Давидомъ Дмитриевымъ сыномъ Носовымъ съ товарищи: Сахаревымъ, Смотровымъ, Воробьевымъ, Мишинимъ, Тишкинымъ, Готовымъ, Докукинымъ, Моногаровымъ, всего за 10 ч. безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Кутепова*, за однодворцами: Акимомъ Ѳедоровичемъ и Акимомъ Ивановичемъ Кутеповыми.

Того-жъ прихода *деревня Нетесова*, за 11-ю однодворцами: Нетесовымъ (Савеліемъ Ивановичемъ), Лунинымъ (Павломъ Остафьевичемъ), Чаплыгинымъ, Чернышевыми, Щацкимъ, Корташевымъ; всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Село Архангельское за 6-ю однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей); это: Сижинцевы (Никита Тихоновичъ), Дронины, Куровъ, Скуридинъ.

Того прихода *деревня Пономарева*, подъ Чернымъ лѣсомъ на Черномъ колодезѣ, за Васильемъ Игнатьевичемъ Пономаревымъ съ товарищи (всего 18 чел.); это: Шадринъ, Лукины, Повѣткины, Бурцовы, Лѣсной, Полный, Ефановъ, Озеровъ, Литвиновы, Дворяткинъ, Пашковъ, Гладковъ, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ — ПЛОСКОЕ.

Село Никольское, Плоское тожъ; въ немъ церковь Никиты Христова мученика; у той церкви попъ Трифонъ; въ селѣ 18 помѣщиковъ — однодворцевъ: Мешеневъ (Константинъ Осиповичъ), Перцовъ, Стрѣльниковъ, Зайцевъ, Рылковъ, Скорый, Логачевъ, Ядынинъ, Барановъ, Ефановъ, Бекетовъ, Невѣровъ, Анненковъ, Ковыршинъ, Мясниковъ, Бровкинъ, Микляевъ, Сергѣевъ (безъ крестьянъ и бобылей).

Того прихода *деревня Стоханова*, что была пустошь Дикое Поле, за Гуріемъ Даниловичемъ Александровымъ съ товарищи (всего за 20 чел. однодворцами); это: Мишинъ, Непотягинъ, Ядынины, Анисимовы, Титовъ, Алтисинъ; у Александра былъ бобыль, но онъ умеръ.

Того-жъ прихода *деревня Мульгина*, за Моисеемъ Клеменовымъ сыномъ Заболоцкимъ съ товарищи (всего за 9-ю чел. однодворцами): Савиновымъ, Зароченцовыми, Кафоновымъ, Стрешковыми, Мальцевымъ.

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское, что подъ Долгимъ лѣсомъ, съ церковью Николая Чудотворца; у церкви попъ Ома; помѣщиковъ 23 человекъ, всѣ однодворцы: Злобины, Кавелинъ, Шацкій, Бачюрины, Сапрыкины, Савиновъ, Болоцкіе, Таршиновъ, Пахомовъ, Лукинъ, Сергѣевъ, Шигоревъ, Пыжовъ, Толстой, Пешуринъ, Лѣсной, Потаповъ.

Того прихода *деревня Черемошня*, за 8-ю однодворцами: Шеховцевымъ (Иваномъ Фроловичемъ), Дворянинымъ, Скрылевыми, Ревякинымъ, Махтинымъ, Сковаровымъ, Логачевымъ.

Того-жъ прихода *деревня Малинова*; въ ней 13 помѣщиковъ—однодворцевъ: Полуинъ (Яковъ Клементьевичъ), Молявинъ, Вершиновъ, Пашковы, Шигоревъ, Потаповы.

Того-жъ прихода *деревня Семенецкая*, за 17-ю однодворцами; это: Альчуковъ, Леденевы, Трубицынъ, Вѣляевъ, Сотниковъ, Стрешковъ, Скуридинъ, Пыжовъ, Шаловы, Волковъ, Баскаковъ, Должиковъ; за Кондратомъ Коненевымъ жили „пришлые люди на-время, а нынѣ пусто—въ бѣгахъ“.

„Всего въ Серболовомъ стану за помѣщики: крестьянскихъ 3 двора, людей въ нихъ 7 человекъ, бобыльскихъ 6 дворовъ, людей въ нихъ 25 чел., на церковной землѣ дворъ бобыльскій, людей въ немъ 3 чел., обоего—крестьянъ и бобылей 10 дворовъ, людей въ нихъ 35 чел.; въ вотчинѣ дѣловыхъ людей *) 2 чел., дѣтей тожь, дворовыхъ людей 8 чел., дѣтей тожь, гулящій 1 чел. Всего крестьянъ и бобылей и дѣловыхъ людей съ гулящимъ человекомъ 56 человекъ **).

III. Въ *Затруцномъ стану*:

СЕЛО САВИНО.

Село Савинъ на рѣкѣ Тимѣ; въ немъ часовня Архангела Михаила; у той часовни попъ Леонтій; въ селѣ 17 помѣщиковъ—однодворцевъ: Веригинъ (Степанъ Степановичъ), Болтенковы, Пикаловъ, Смотровъ, Плоховой, Степановъ, Логачевы, Гово-

*) *Дѣловые люди*—назначенные къ работѣ.

**) Серболовъ станъ въ переписной подъ № 24—60.

ровъ, Кожуховъ, Псаревъ, Пантелѣевъ, Жаворонковъ, Стародубцевъ, Мальцевъ (Филиппъ Григорьевичъ).

Деревня Красная Поляна, селится вновь на рк. Тимъ, за 13 однодворцами, каковы: Селютинъ (Леонтій Исаевичъ), Хмелевскіе, Мильцевъ, Рыковъ, Шаталовъ, Перцовъ, Золотухинъ, Кононыхинъ, Антиповъ, Пасловъ.

СЕЛО РОЖДЕСТВЕНСКОЕ.

Село Рождественское съ церковью во имя Рождества Христова; у той церкви попь Василій; помѣщиковъ—однодворцевъ 12: Леоновъ, Долгіе, Меренковъ, Студениковы, Ланинъ, Ильинъ, Гласковы ¹⁾.

Деревня Лебедки; въ ней 19 однодворцевъ: Пиляевъ (Никифоръ Остафьевичъ), Карловы, Пунковы, Голошановъ, Ѳедорищевъ, Булавины, Головинъ, Шебановъ, Волковъ, Филипповъ, Доросеевъ, Демидовъ ²⁾.

Деревня Пятина подъ Плоскимъ лѣсомъ, на рк. Тимъ; въ ней 13 помѣщиковъ, всѣ однодворцы: Сапроновъ (Иванъ Алексѣевичъ), Ревякинъ, Ноялковъ, Писаревы, Ткаревъ, Шелоховы, Растворовъ, Ѳомины, Кривцовъ ³⁾.

Деревня Шолохова за однодворцами 21 человекомъ: Шолоховъ (Михаилъ Аверкіевичъ), Головинъ (Павелъ Трофимовичъ), Старухинъ, Мопыхины, Писаревы, Власовы, Шаховъ, Сергѣевы, Биркинъ ⁴⁾.

Деревня Кудинова поселилась вновь; помѣщиковъ однодворцевъ 29: Животовъ (Клеменъ Никитичъ), Меренковъ, Кореневъ, Лемидовъ, Кудиновы, Шеменовы, Тербуновъ, Никоновъ, Вѣлоусовъ, Кривцовы, Мальцевы, Юрьевъ, Масловы, Ядынинъ, Поповъ, Орнатовъ, Ряполовъ, Распоповъ, Ѳоминъ, Дениковъ, Карловъ.

Деревня Роговая, подъ Плоскимъ лѣсомъ на Плоскомъ колодезѣ, за 5-ю человекими однодворцами: Кочергинымъ (Андреемъ Кирилловичемъ), Ѳедорищевымъ, Леневымъ, Необѣдовымъ, Чернымъ ⁵⁾.

СЕЛО ВВЕДЕНСКОЕ.

Село Введенское съ церковью Введенія Пресвятя Богородицы; у той церкви попь Дмитрій; помѣщиковъ однодворцевъ 15-ть человекъ: Савенковы (Терентій Карповичъ), Тулицыны, Мальцевы, Пирѣевъ, Тереховъ, Кавелинъ, Тупицынъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ прежнее время сельцо Рождественское (переп. книга 1646 г) находилось въ Мокрецкомъ стану.

²⁾ Дер. Лебедки по переписной 1646 г. состояла въ Мокрецкомъ стану.

³⁾ Дер. Пятина была прежде въ Мокрецкомъ стану.

⁴⁾ Деревня Шолохова находилась раньше въ Мокрецкомъ стану.

⁵⁾ Деревня «на Рогу» (по приправочной 1615 года.) или «Нижняя Роговая» (по переписной 1646 года) относилась къ Мокрецкому стану.

⁶⁾ Село Введенское состояло прежде въ Мокрецкомъ стану.

Деревня Ревякина; въ ней 19 однодворцевъ: Животовы (Ларіонъ Михайловичъ), Лютой, Монасиновъ, Ревякины, Алехины, Багринцевъ, Демидовы, Шеменевъ, Прохоровъ, Голдаевъ, Тербинъ *).

Деревня Вахнева за 15-ю помѣщиками — однодворцами, каковы: Ревякины (Устинъ Исаевичъ), Поздняковы, Рудневъ, Кутафинъ, Болоцкіе, Дорофеевъ, Лихонинъ, Шебановъ, Вышловъ.

Деревня Плешкова; въ ней 10 помѣщиковъ, всѣ однодворцы: Дорофеевъ (Гаврила Ѳеодоровичъ), Юрьевы, Мальцевъ, Нестеровъ, Головинъ, Иваниковъ, Малютинъ (Киреанфъ Потаповичъ).

Деревня Шебанова; ее населяли 9 помѣщиковъ однодворцевъ: Дорофеевы (Ив. Никитичъ), Ильинъ, Грѣздиловы, Викуловъ, Иваниковъ.

Деревня Рѣдкина; въ ней 12 однодворцевъ: Вороновскіе (Кондратъ Родіоновичъ), Пикаловы, Чекихинъ, Селищевъ, Микляевъ, Меншиковъ (Ѳеодосъ Семеновичъ).

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское съ церковью Св. Николая Чудотворца; „у той церкви попъ Сафонъ сказалъ: которые прежь сего жили на церковной землѣ крестьяне и тѣ въ прошлыхъ годѣхъ померли и въ полонъ поиманы“; помѣщиковъ однодворцевъ 16-ть: Павловъ (Данило Кипріяновичъ), Леншины, Лехоневъ, Агѣевъ, Черные, Бахтеяровы, Даниловъ, Псаревы, Медвѣдевъ.

Деревня Миляева за 7-ю однодворцами: Красовыми (Исаемъ Даниловичемъ), Болоцкими, Ряполовымъ, Медвѣдевымъ; „села Никольскаго дѣти боярскіе сказали, что прежь сего за Андреемъ Писаревымъ да за Михайлою Прокофіевымъ было 3 двора крестьянскихъ и въ прошлыхъ годѣхъ онъ Михайло умре, а крестьяне поиманы въ полонъ“; за Созономъ Зибаревымъ былъ дворъ крестьянской, и въ прошлыхъ годѣхъ тотъ крестьянинъ „умре“.

Деревня Святина подъ Святицкимъ лѣсомъ; въ ней 27 однодворцевъ: Огарковы, Кутафины, Микулинъ, Гритчинъ, Злобинъ, Шетохины, Красные, Скорые, Башкатовъ, Ширяевы, Булгаковъ, Брыковы, Бородины. „Той же деревни дѣти боярскіе Ѳеодоръ Шетохинъ съ товарищи сказали: прежь сего за Борисомъ Мануиловымъ сыномъ Кутафинымъ жилъ на ево землѣ зять ево Антошка Сермягинъ, да за Васильемъ Шетохинымъ были 2 двора крестьянскихъ, и тотъ зять и крестьяне выбѣгли, а иные въ полонъ взяты“.

СЕЛО ДМИТРОВСКОЕ.

Въ селѣ Дмитровскомъ, на рѣкѣ Фоши, церковъ Великомученика Дмитрія; „у той церкви попъ Клеменъ да дьячекъ Михайла Клеменовъ; въ селѣ 20 ч. одно-

*) Бывшаго Мокрецкаго стана.

дворцевъ: Мягкій (Иванъ Ивановичъ), Распоповъ, Полянскіе, Бредихины, Зибаревы, Алехинъ, Будихинъ, Дуровы, Рыбины, Золотухинъ, Теряевъ, Половневъ.

Деревня Пущинская, за 3-мя однодворцами: Медвѣдевымъ (Иваномъ Андреевичемъ), Уваровымъ, Павловымъ.

Деревня Логовая, Лимовая тожъ; въ ней 31 чел. однодворцевъ: Пенковъ (Иванъ Минаевичъ), Псаревъ, Агѣевъ, Рыбины, Чернышовъ, Шимаревъ, Волоцкій, Рогулинъ, Медвѣдевъ, Шасковъ, Полухинъ.

Деревня Шевякова, на рѣкѣ Фошня; въ ней за Аверкіемъ Онисимовичемъ Псаревымъ задворные люди—2 двора, людей въ нихъ 5 челов.; прочіе помѣщики однодворцы (всего 6 чел.): Псаревъ (Василій Свиридовичъ), Пироговъ, Черниковы.

СЕЛО БОГОЯВЛЕНСКОЕ.

Въ селѣ Богоявленскомъ церковь Богоявленія; „въ томъ селѣ за помѣщикомъ Клеменомъ Артемьевымъ сыномъ дворъ крестьянскій; людей въ немъ 3 чел., а иные въ бѣгахъ; за Ѳедоромъ Елистратовымъ сыномъ Рогулинымъ да Тимоеемъ Елистратовымъ Коширениномъ были прежь сего крестьяне и бобыли, и одни изъ нихъ умерли, а иные живутъ въ бѣгахъ“; прочіе помѣщики однодворцы: Сухинины, Уваровы, Рогулины, Корниловы, Панюковъ, Кочюковъ, Климовъ, Прокофьевы, Павловы, Климовы, Самойловъ, Воропаевы, Семеновы.

Деревня—что была слободка *Дурнова*; въ ней 14 однодворцевъ: Токмаковъ (Сидоръ Яковлевичъ), Коширениновъ, Переславскій, Дурновъ; изъ нихъ только за Лукьяномъ Евсеѣвичемъ Булгаковымъ жило 3 ч. дворовыхъ.

Деревня Прокснова, Бенетова тожъ, за 7 челов. однодворцами: Прокоповымъ (Иваномъ Дементьевичемъ), Ушаковыми, Полянчиковымъ, Лукьянчиковымъ, Мокасиновыми.

Деревня Бахтеярова вверхъ Плоскаго колодезя; въ ней помѣщиковъ однодворцевъ 8 человекъ: Клевцовъ (Яковъ Григорьевичъ), Зибаревы, Печерскій, Буняковъ; изъ нихъ за отцемъ Ивана Никитича Бахтеярова былъ крестьянинъ, который сбѣжалъ.

Деревня Клевцова подъ Плоскимъ лѣсомъ, вверхъ Плоскаго колодезя; въ ней 6 ч. однодворцевъ: Клевцовы, Поспѣлые, Зиборевъ; за Тимоеемъ Семеновичемъ Поспѣлымъ „жилъ себѣ дворомъ на его землѣ на—время выборнаго полку солдатъ Иванко Ѳедоровъ Пыхтовъ“.

Деревня—что была слободна на усть рѣчки Жерихани; въ ней 6 ч. помѣщиковъ: Корниловъ, Звягинъ, Сопроновы; за Перфильемъ Архиповымъ Коширениновымъ жилъ дворовый человекъ съ дѣтьми; за дѣдомъ Никифора Елисѣевича Коширенина (Романомъ Савиновымъ) „было 2 двора—крестьянскій и бобыльскій, и тѣ крестьяне и бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ поиманы“.

СЕЛО ПОКРОВСКОЕ.

Въ селѣ Покровскомъ церковь Покрова Пречистыя Богородицы; поселено вновь на рѣкѣ Соснѣ; 21 ч. однодворцевъ: Обориновъ (Дмитрій Григорьевичъ), Коробецкій, Медвѣдевы, Масловы, Ерофеевъ, Криволаповъ, Заевъ, Филатовы, Дубровскій, Легостаевъ, Оборневъ, Семенихинъ, Внуковъ, Демьяновъ, Узоловъ, Онисимовъ, Павловъ.

Деревня Погожая на р. Соснѣ; въ ней 23 ч. помѣщиковъ однодворцевъ: Лодыгинъ (Михаилъ Родіоновичъ), Егорьевы, Ефремовъ, Кононовъ, Гречишкинъ, Волковы, Колугинъ, Бахтеяровы, Шелишевъ. Квашнины, Ильинъ, Золотухинъ, Санинъ, Лесковы, Можаровъ.

Деревня Косожа на рѣкѣ Косожѣ; въ ней 9 однодворцевъ: Можаровъ (Петръ Гавриловичъ), Бахтеяровъ, Сабины, Леоновы, Волковъ.

Деревня Красная—на р. Соснѣ— „поселена вновь“; въ ней 25 однодворцевъ: Лубениковъ (Авдѣй Герасимовичъ), Оборневъ, Коробецкіе, Бахтеяровъ, Зубаревъ, Боевы, Ревякинъ, Сѣдельниковъ, Гладкій, Дубровскій, Рогулинъ, Сотниковъ, Шестопаловъ, Сухотинъ, Болдыревъ, Внуковы, Перовъ, Тучковъ, Булгаковъ, Гридякинъ.

Деревня Мисайлова на р. Соснѣ— „поселена вновь“; въ ней 10 однодворцевъ: Перовъ (Обросимъ Карповичъ), Халезевы, Зубовъ, Бухтеровъ, Сухининъ, Ефремовъ, Бахтеяровъ, Бабенькинъ, Дуровъ.

Деревня Бѣлозерки; въ ней 12 однодворцевъ: Есиповъ (Федоръ Ивановичъ), Занинъ, Лаушкинъ, Черницынъ, Музалевъ, Золотухинъ, Кононовъ, Масловъ.

Деревня Губнина „поселена вновь“ на р. Соснѣ; въ ней 19 однодворцевъ: Бабенковъ (Сафонъ Кондратьевичъ), Борзенковъ. Кошелевъ, Ревякинъ, Моисеевъ, Казначеевъ, Козминъ, Момошинъ, Кулаевъ, Кофоновы, Быкановы, Красниковы, Васютинъ, Губановъ, Огарковы.

СЕЛО ИВАНЬ.

Въ селѣ Иванѣ церковь Покрова Пречистыя Богородицы; при ней попъ Миронъ; въ селѣ 17 однодворцевъ: Давыдовъ (Иванъ Филипповичъ), Ефремовъ, Алехинъ, Малыгины, Щербатовъ, Шелимовъ, Писаревъ, Булгаковъ, Пыхтинъ, Лежновъ, Семеновъ, Москвитинъ, Челединовъ, Мецнениновъ, Мягкинъ, Офремовъ.

Деревня Верхососенье на р. Соснѣ; 19 однодворцевъ: Маховъ (Манеимъ Евлампіевичъ), Косьяновъ, Протасовъ, Харитоновъ, Комаринъ, Тучковы, Логостаевъ, Дубининъ, Щетининъ, Воскобоевъ, Лунинъ, Воженовъ, Калининъ, Золотухинъ, Гречишкинъ, Дубенцовъ, Теряевъ, Леоновъ.

СЕЛО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Въ селѣ Архангельскомъ церковь Архистратига Михаила, у церкви попъ Василій; въ селѣ 11 однодворцевъ: Гревцовы (Парфенъ Ивановичъ), Легостаевы, Мальцевы, Медвѣдевъ.

Деревня Драчева; 15 однодворцевъ: Драчевъ (Иванъ Фроловичъ), Лобниковъ, Бѣжиновы, Солодиковы, Михайловы, Шелимовы.

Деревня Харечнова за 7 однодворцами:— Лукьянъ Перфильевичъ и Макаръ Трифоновичъ Харечковы, Смолины, Шелимовы, Борзенковы.

Деревня Башкатова: 11 однодворцевъ: Иванъ, Оома и Максимъ Семеновичи и Евдокимъ Никифоровичъ Башкатовы, Извѣковы, Медвѣдевъ.

Деревня Новосильская; 15 однодворцевъ: Безлѣпкинъ (Евсѣй Григорьевичъ), Филиповы, Легостаевъ, Курсовъ, Реткинъ, Жердевъ, Клоковы.

Деревня Енина; 10 однодворцевъ: Игнатъ Козмичъ, Аѳанасій Борисовичъ и Иванъ Сидоровичъ Енины съ товарищами; за Ениными были „прежъ сего крестьянскіе и бобыльскіе дворы и нынѣ пусто“.

Деревня Шварова (Шпарова), Ступина и Телѣгина тожъ; 19 однодворцевъ: Павловы (Тимоѳей Любимовичъ), Пучковы, Малыхины, Дергунцовы, Тучковъ, Внуковы, Сухинъ, Легостаевы.

СЕЛО НИЖНЕЕ АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Въ селѣ Нижнемъ Архангельскомъ церковь Архистратига Михаила; у церкви попъ Василій; помѣщиковъ однодворцевъ 3 человекъ: Близкіе (Иванъ Аѳанасьевичъ съ товарищи).

Деревня Погонева за 7 чел. однодворцами;— Шатохинъ (Ефимъ Ивановичъ), Лаушкинъ, Енинъ, Луневъ, Шереповъ.

Деревня Сетенева; 26 однодворцевъ: Леоновы (Терентій Карповичъ), Теряевы, Черниковы, Сухановъ, Харитоновъ, Васютины, Енины, Калининъ, Сухонины.

Деревня Морозова; 11 однодворцевъ: Ушаковы (Григорій Ѳомичъ), Внуковы, Семеновы, Волоцкій, Сотниковъ.

Деревня Непочатая за 5-ю однодворцами: Малыгинимъ (Ѳедоромъ Андреевичемъ) Драчевымъ, Енинимъ, Лаушкинымъ, Ковшинниковымъ.

Деревня Кюнова; 22 однодворца: Васютинъ (Ларіонъ Полуѳеовичъ), Оборневъ, Онисимовъ, Лаврищевы, Воровъ, Непочатый, Шелимовы, Давидовы, Зайцевъ, Аѳонины; изъ нихъ только за Давидовымъ былъ дворовый человекъ Якушко Семеновъ.

Деревня Никольская; 9 однодворцевъ: Аѳонины (Кондратъ Григорьевичъ), Ефремовы; у Данилы Петровича Ефремова— дѣловой человекъ съ 2-мя сыновьями.

Деревня Ворова на Ворѣ колодезь; 48 человекъ однодворцевъ: Алексины (Борисъ Остафьевичъ), Ивановъ, Черниковы, Муратовы, Теряевъ, Розинковъ, Жердевы, Даниловъ, Мальцевы, Гревцовы, Герасимовы, Колѣновы, Меркуловъ, Кренивъ, Васильевъ, Позняковъ, Бологовъ, Вочюринъ, Фурсовъ, Погоневъ, Бабаевъ, Курловъ, Внуковы, Селезневъ, Борзенковъ, Муратовы, Лошачковъ, Сараевъ.

СЕЛО РОВНЕЦЬ.

Въ селѣ *Ровнецъ* церковь Св. Великомученика Георгія; у церкви погъ Василій; 27 чел. помѣщиковъ, всѣ однопорцы: Аристъ Семеновичъ Новиковъ, Исай Васильевичъ и Абрамъ Онуфріевичъ Кожуховы, Несторъ Архиповичъ Ашихминовъ, Авдѣй Полефтовичъ Овсянниковъ, Степанъ Никитичъ Мерцаловъ, Иваниковъ, Ломакинъ, Огарковы, Бирюковы, Заболоцкій, Асѣвы, Ереминъ, Хмелевскій, Лубяниковы, Полянинъ, Губановы, Сапрыкинъ, Шабановъ, Зубцовъ, Зароченцевъ, Жилинъ, Моногородъ, Савинковъ, Окороковъ, Мезинцевъ.

„Всего въ Затруцкомъ стану: крестьянскихъ дворовъ 3, людей въ нихъ 7 чел., дворовыхъ людей 12 чел., дѣловыхъ людей 3 чел.; итого 22 человекъ*“.

„Всего на Ливнахъ на посадѣ за монастыремъ 19 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 80 чел., поварь 1 чел., служба 1 чел., подсосѣдникъ 1 чел. Въ Ливенскомъ уѣздѣ за помѣщики и на церковной землѣ крестьянскихъ 12 дворовъ, людей въ нихъ 39 чел., бобыльскихъ 10 дворовъ, людей въ нихъ 37 чел., дворовыхъ людей 24 чел., дѣтей у нихъ 8 чел., дѣловыхъ людей 3 чел., въ вотчинѣ дѣловыхъ людей 4 чел.; обоего — крестьянскихъ и бобыльскихъ 41 дворъ, людей 159 чел. Всего крестьянскихъ и бобыльскихъ, дѣловыхъ и дворовыхъ и съ гулящими 199 чел.“.

„Въ Ливенскомъ же уѣздѣ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ за Ливенцы дѣтьми боярскими, по сказкамъ ихъ, крестьянскіе и бобыльскіе дворы объявились вновь:

Въ Красномъ стану въ дер. Здобной за Исаемъ Васильевымъ и Абрамомъ Онофріевымъ дѣтьми Кожуховыми, да за нимъ же Обрамомъ усть Никольскаго Верха на рѣкѣ на Ливенѣ Лѣсной противъ *стрѣлицы****) его помѣщицкій дворъ съ *задворными людьми*... всего 4 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 16 чел., задворныхъ 2 двора, людей 7 чел., дворовыхъ людей 5 чел., дѣтей тожь.

Въ дер. Косьяновѣ за Несторомъ Архиповымъ сыномъ Ашихминимъ дворъ крестьянской, людей въ немъ 3 чел.

Въ дер. Жилевой за Авдѣемъ Полуехтовымъ сыномъ Овсянниковымъ дворъ крестьянской, людей 5 чел., задворныхъ 2 чел., людей 4 чел.

Въ Затруцкомъ стану въ дер. Красной за Степаномъ Микитинимъ сыномъ Мерцаловымъ дворъ крестьянской, въ немъ 4 чел.

Всего въ Ливенскомъ уѣздѣ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ, по сказкамъ, объявилось вновь: крестьянскихъ 7 дворовъ, людей въ нихъ 27 чел., 1 дворъ бобыльской, людей тожь, задворныхъ 4 чел., людей 11 чел., дворовыхъ людей 5 чел., людей тожь: обоего — крестьянскихъ и бобыльскихъ 8 дворовъ, людей 29 чел., всего:

*) Затруцкій станъ въ переписной подъ № 61—112.

**) *Стрѣлица*—укрѣпленіе, съ котораго стрѣляли,—бойница, башня.

крестьянскихъ и бобыльскихъ и задворныхъ и дворовыхъ людей и ихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 48 чел.“.

Сличая переписную книгу 1678 года съ такою же книгою 1646 года, мы находимъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича численность крестьянскаго и бобыльскаго населенія въ г. Ливнахъ и его уѣздѣ значительно уменьшилась; именно: въ 1646 году „на Ливнахъ на пушкарской землѣ и въ Ливенскомъ уѣздѣ было за помѣщики и за вотчинникомъ и за монастыремъ и на церковной землѣ 95 дворовъ крестьянскихъ, 82 двора бобыльскихъ, всего въ городѣ и уѣздѣ 230 дворовъ“, а къ 1678 году „убыло крестьянскихъ 59 дворовъ, бобыльскихъ 70 дворовъ, обоего — крестьянскихъ и бобыльскихъ 129 дворовъ“. Но уменьшеніе крестьянъ и бобылей не доказываетъ еще того, чтобы въ царствованіе Алексѣя Михайловича уменьшился общій составъ населенія Ливенскаго уѣзда; убыль крестьянъ и бобылей въ значительной мѣрѣ восполнялась приливомъ новыхъ служилыхъ людей — дѣтей боярскихъ, которыхъ насчитывалось въ 1678 году 1700 чел., кромѣ ихъ вдовъ и недорослей, а также переходомъ на Ливны черкасъ, т. е. Малороссійскихъ казаковъ. Потому-то и число населенныхъ мѣстъ въ уѣздѣ не только не уменьшилось, но и увеличилось новыми селами и деревнями; именно: по переписной 1678 года въ Ливенскомъ уѣздѣ значилось: въ Красномъ стану 5 селъ и 17 деревень, въ Серболовомъ — 9 селъ и 28 деревень, въ Затруцкомъ (вмѣстѣ съ бывшимъ Мокрецкимъ) — 11 селъ и 41 деревня, всего-же въ уѣздѣ: 25 селъ и 85 деревень. Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича и въ правленіе ц. Софіи численность населенныхъ мѣстъ и самое народонаселеніе Ливенскаго уѣзда еще болѣе увеличились. Г. Артемьевъ, помѣстившій рядъ статей „о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ“ въ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1860 годъ, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, полагаетъ, что къ концу 17 вѣка населеніе Ливенскаго уѣзда простиралось вообще до 11,000 человекъ. Вотъ эти соображенія:

„Изъ сохранившихся въ архивѣ Ливенскаго уѣзднаго суда верстальныхъ книгъ 1672 года, смотровыхъ 1681 года и писцовыхъ 1685—1692 гг. видно, что въ концѣ 17-го столѣтія населеніе Ливенскаго уѣзда было довольно значительно... Изъ упомянутой писцовой книги видно, что въ немъ считалось селъ 32, деревень 96 и 4729 *даточныхъ помѣстныхъ* или владѣльцевъ приписной къ этимъ селамъ и деревнямъ земли и пустошей. Верстальные книги даютъ намъ возможность опредѣлить число мужескаго пола, преимущественно разныхъ служилыхъ людей... Въ 1680 году воеводѣ Михаилу Воейкову и подъячему Θεодору Петрушеву въ Старомъ Осколѣ и въ Ливнахъ велѣно было сдѣлать осмотръ *завоеводчиновъ**), ясауловъ, сотниковъ,

*) *Завоеводчикъ* — помѣщикъ воеводскій.

*копейщиковъ***), рейтаровъ и солдатъ и городской службы дворянъ и дѣтей боярскихъ, всякихъ чиновъ служилыхъ и отставныхъ, и недорослей, а Бѣлогородскаго полка тѣхъ, которые прежде съ 1676 по 1680 г. на службѣ въ полкахъ были, и воеводѣ, и всѣхъ, кто не были въ Чигиринскомъ походѣ 1674 года лѣнностію, ослушаніемъ и воровствомъ, или, бывъ въ полку, изъ онаго, не имѣя отпуска, въ дома свои бѣжали. Затѣмъ должно было опредѣлить указанное число копейщиковъ, рейтаровъ и солдатъ и по недостатку наличныхъ назначить въ эти должности самыхъ лучшихъ изъ бывшихъ рейтаровъ и изъ *нѣтчиковъ*, а бѣглецовъ написать въ солдаты. Во исполненіе этого наказа Воейковъ и Петрушевъ, прибывъ въ Ливны и взявъ подписныя прошлыхъ 1675 и 1679 годовъ разборныя книги Ливенцамъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, назначеннымъ въ полковую службу, конную и пѣшую, а также переписныя 1678 года крестьянскимъ и бобыльскимъ дворамъ, и пересмотрѣвъ всѣхъ, кто были изъ нихъ на—лицо, разобрали при окладчикахъ, допрашивая всякаго человѣка порознь, и сказки отъ нихъ взяли за ихъ, окладчиковъ, рукоприкладствомъ. И по этому разбору оказалось на—лицо въ 3-хъ станахъ Ливенскаго уѣзда—Затрутскомъ, Красномъ и Серболовомъ слѣдующее число разнаго званія людей: сотенныхъ 30, копейщиковъ 59, рейтаровъ большого оклада 159, сотенныхъ нѣтчиковъ 5, рейтаровъ, которые отъ смотра и разбора бѣжали и сказокъ не подавали, за что имъ быть въ солдатахъ,—37, рейтаровъ, которые сверхъ указнаго числа 250-ти человѣкъ остались, а у нихъ лошади худы и сами они скудны, почему также назначены въ солдаты,—39, солдатъ 165, казаковъ: атаманъ, ясаулъ и 72 рядовыхъ. Въ добавокъ къ этимъ выбрано на полковую и городовую службу изъ отставныхъ 2. Написанныхъ прежде въ сказкахъ сотенныхъ и копейщиковъ съ отцами, братьями и съ дядями, отдѣльно отъ ихъ семействъ, 68. Записано же при этомъ осмотрѣ сотенныхъ 19, копейщиковъ 50, рейтаровъ 250, рейтаровъ-нѣтчиковъ 171, солдатъ 190, донскихъ казаковъ 55, въ городовую службу 996. Итого въ Ливнахъ составилось конныхъ и пѣшихъ полковой и городской службы 2,569 чел. Да у нихъ же считалось на пашнѣ 1019, недорослей 1104, старыхъ и увѣчныхъ 189, а всего 2309. Сверхъ того въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось тогда Ливенскихъ черкасъ полковой службы, которые служили въ Рыбинскомъ полку, 84 и черкасъ городской службы 45, а всего 129; да у нихъ было на пашнѣ 81 и недорослей 125; итого 206 чел. Такимъ образомъ все мужское населеніе служилыхъ людей Ливенскаго уѣзда простиралось до 5213 чел. Весьма вѣроятно, кажется, допустить, что и количество женскаго пола было не менѣе того же. Если еще принять въ соображеніе, что въ уѣздѣ проживали также и другія сословія, какъ духовенство, торговые и посадскіе люди и т. п., хоть въ небольшомъ количествѣ, то все населеніе

*) *Копейщикъ* или *копейникъ*—ратникъ, вооруженный копьемъ,—копьеносецъ.

Ливенскаго уѣзда въ концѣ XVII столѣтія, кажется, безъ преувеличенія можно будетъ считать въ 11,000 чел.*)“.

Въ церковномъ отношеніи г. Ливны и его уѣздъ были неоднократно перемѣщаемы изъ одной епархіи въ другую. Первоначально, какъ мы видѣли, Ливенскій край находился въ области Черниговской епархіи, къ которой относилось и все Рязанское княжество; потому-то Черниговскіе архинастыри считали своимъ долгомъ посредствовать между великимъ княземъ Владимірскимъ и князьями, господствовавшими „на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ“. Въ концѣ 12-го вѣка на Рязани образована была особая епископская каѳедра, и съ тѣхъ поръ обитатели Быстрой Сосны находились въ вѣдѣніи Рязанскихъ владыкъ. Со времени же присоединенія Соснинскаго бассейна къ Московскому княжеству мы видимъ его находящимся въ епархіи Крутицкой; почему въ царствованіе Василія Шуйскаго и посланъ былъ сюда Крутицкій митрополитъ Пафнутій для увѣщанія жителей, передавшихъ на сторону самозванца. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи на Ливнахъ епископской каѳедры. Именно, на Московскомъ соборѣ 1667 года, бывшемъ подъ предѣдательствомъ святѣйшихъ патріарховъ: Александрійскаго Памфіла, Аятіохійскаго Макарія и Московскаго Іосафа II, царь Алексѣй Михайловичъ предлагалъ учредить въ городѣ Ливнахъ особую епископію, и соборъ тогда же постановилъ „открыть на Ливнахъ епископскую каѳедру, съ подчиненіемъ ея Крутицкой митрополіи, такъ чтобы Ливенскій епископъ, кромѣ священнослуженія и хиротонисанія, ничего не дѣлалъ безъ благословенія и повелѣнія Крутицкаго митрополита“^{***}). Но постановленіе это, какъ и соборное опредѣленіе 1681 года объ учрежденіи такой же каѳедры въ гор. Болховѣ, не было приведено въ исполненіе, по недостатку на то матеріальныхъ средствъ. Оставшійся по прежнему въ непосредственномъ вѣдѣніи Крутицкихъ іерарховъ, Ливенскій уѣздъ испытывалъ немалыя затрудненія въ сношеніи съ епархіальною каѳедрою, которая отдѣлялась отъ него почти 500-верстнымъ разстояніемъ^{***}). Вслѣдствіе этого многіе изъ церквей оставались „безъ пѣнія“. Такъ, напримѣръ, въ 1678 году, изъ 25-ти селъ Ливенскаго уѣзда въ 6-ти не было ни поповъ, ни дьячковъ, именно: въ селахъ Пятницкомъ (Парахинѣ) и Успенскомъ Краснаго стана, Спасскомъ (Островѣ) и Архангельскомъ Серболоваго стана, въ Богоявленскомъ и Покровскомъ Затруцкаго стана; дьячковъ же не было въ 13-ти селахъ: Нижнемъ-Куначѣ (Козмо-дамянскомъ), Спасскомъ, Егорьевскомъ, Пречистенскомъ, Никольскомъ — Плосковѣ тожъ, Никольскомъ, что подъ Долгимъ лѣсомъ (Серболова стана), Савинѣ (при часовнѣ Арх. Михаила), Рождественскомъ, Никольскомъ, Ивани, Архангельскомъ, Ниж-

*) См. «Орлов. Губерн. Вѣдом.» 1860 г. № 26.

**) См. Истор. Россійской Іерархіи, 1827 г., т. I, стр. 32.

***) Крутицкіе іерархи имѣли свое мѣстопробываніе въ Москвѣ — «на Крутицахъ».

немъ-Архангельскомъ и Ровнецѣ (Затруцкаго стана), и только въ 5 селахъ: Никольскомъ (на Лѣсной Ливнѣ), Егорьевскомъ Верхнемъ, Егорьевскомъ Нижнемъ (Краснаго стана), Богоявленскомъ (Серболова стана) и Дмитріевскомъ на Фошнѣ (Затруцкаго стана) были поны и дьячки; въ двухъ селахъ Успенскомъ (Краснаго стана) и Савинѣ (Затруцкаго стана) вмѣсто церкви находились часовни, а въ селѣ Архангельскомъ (Серболова стана) не было и часовни. При отсутствіи дьячковъ, обязанности ихъ, по всей вѣроятности, исполняли дѣти и внуки поповскіе—недоросли, которые впоследствии становились настоящими дьячками. Такъ, въ селѣ Никольскомъ (на Лѣсной Ливнѣ) дьячками были внуки пона Андрея—„Сенька да Ѳедька Тимошевы дѣти Андреева“; въ селѣ Богоявленскомъ (Серболова стана) должность дьячка проходилъ сынъ пона Григорья „Стенька Григорьевъ“; при церкви села Дмитріевского на Фошнѣ (Затруцкаго стана) дьячкомъ состоялъ сынъ пона Клемена „Михайло Клеменовъ“. Въ занятіи поповскихъ мѣстъ видна также наслѣдственность. Иногда же поны перемѣщались на другой приходъ, чтобы еще при жизни своей доставить сыну поповское мѣсто. Извѣстно, напримѣръ, что Пречистенскій попъ Ѳедоръ (Серболова стана) перешелъ „въ Чернавскій городъ“, а послѣ него священствовалъ въ селѣ Пречистенскомъ сынъ его Романъ, повидимому недовольный на отца за то, что тотъ, перемѣщаясь на новый приходъ, вывелъ съ собою съ Пречистенской церковной земли и два двора бобыльскихъ—„невѣдомо по какому указу“*). Переписная 1678 года не упоминаетъ о нищихъ, жившихъ прежде при церквяхъ Ливенскаго уѣзда: померли ли они, или „пойманы были Татарами“—неизвѣстно. За то она указываетъ на убыль крестьянъ и бобылей, жившихъ на церковныхъ земляхъ и частію умершихъ, частію уведенныхъ Татарами въ плѣнъ; это въ селахъ: Пятницкомъ, Парахинѣ тожъ (2 двора бобыльскихъ), Спасскомъ—Островѣ (3 двора бобыльскихъ), Егорьевскомъ (2 двора бобыльскихъ), Никольскомъ (крестьяне) и Нижнемъ Куначѣ (4 двора бобыльскихъ). Изъ 25 уѣздныхъ Ливенскихъ церквей только 2 имѣли на своей землѣ крестьянъ и бобылей, именно: за церковью села Никольскаго на Лѣсной Ливнѣ былъ крестьянскій дворъ (въ числѣ 6 человекъ) и за Козмодамианскою церковью уцѣлѣлъ одинъ бобыльскій дворъ (въ числѣ 3 чел. м. п.).

Русскій православный народъ искони выражалъ свое благочестіе въ преданности къ храмамъ Божиимъ. Эту черту обнаруживаютъ и обитатели Ливенскаго уѣзда въ 17-мъ вѣкѣ. Изъ переписныхъ книгъ этого времени видно, что гдѣ скоплялось нѣсколько десятковъ жилыхъ дворовъ, тамъ появлялся уже и погостъ съ церковью или, по крайней мѣрѣ, часовнею. Какъ незначительны были тогда приходы, можно судить изъ того, что въ Красномъ станѣ Ливен. уѣзда, въ 1684 году, при 557 дворахъ и при 1250 душахъ мужескаго пола, считалось 8 приходоу, изъ которыхъ въ 4-хъ были церкви, а въ прочихъ вмѣсто церквей, частію подвергшихся разоренію при на-

*) См. Переписную Ливенскую книгу 1678 г. № 44.

шествиі Крымцевъ, а частію не освященныхъ по смутнымъ обстоятельствамъ тогдашняго времени,—часовни; значить, въ приходѣ, среднимъ числомъ, состояло около 70 дворовъ, съ населеніемъ въ полтора ста душъ муж. пола. Понятно, отсюда, какъ, при бѣдности тогдашняго населенія, тревожимаго притомъ частыми нападеніями непріятелей, твудно было построить или возобновить разоренную церковь, съ необходимыми всякій разъ хлопотами предъ отдаленнымъ енархіальнымъ начальствомъ объ освященіи церкви и поставленіи къ ней причта. Въ виду такихъ обстоятельствъ, между прихожанами и попами устанавливалась крѣпкая связь и взаимная преданность. Если прихожане были не въ состояніи на свой счетъ построить церковь, къ нимъ приходилъ на помощь попъ и на свои собственные средства созидалъ церковь, которую потомъ или выкунали у него прихожане, или обогащали внутреннее достояніе ея своими „прикладами“, состоявшими въ образахъ, ризахъ, книгахъ, колоколахъ и т. п.

Уѣздныя церкви были вообще весьма бѣдны. Построенныя *кльтци*, онѣ совѣтъ отличались отъ обыкновеннаго жилого дома только приподнятою кровлею (на подобіе клѣтки), а внутри имѣли видъ моленныхъ домовъ. Весь иконостасъ ихъ состоялъ иногда изъ двухъ иконъ, какъ напр. въ Пятницкой церкви села Парахина (впрочемъ не освященной „отъ разоренья Крымскаго хана“, но съ попомъ и тремя дячками), и въ Никольской села Никольскаго, въ которой третьимъ образомъ была уже запрестольная икона Пречистыя Богородицы Одигитріи. Въ Георгіевской церкви съ вторымъ престоломъ Св. Никиты мученика было всего 5 иконъ съ запрестольными. Заслуживаетъ особеннаго вниманія села Новосилскаго церковь Св. великомученика Георгія; она строилась въ 1684 году уже не *кльтци*, но „съ круглымъ алтаремъ“; для ней тогда же приготовлено было 6 образовъ и полотняныя ризы. Въ часовняхъ стояло по 1 или по 2 образа, а въ часовнѣ сельца Покровскаго — 3. Но при всей бѣдности населенія, въ нѣкоторыхъ церквахъ имѣлись иконы въ серебряныхъ окладахъ. Таковы: въ церкви Никольской „образъ Пречистыя Богородицы запрестольныя Одигитріи, окладъ серебряный съ вѣнцемъ, вѣнецъ чеканной, окладъ басменной“; въ Пятницкой церкви — „образъ Св. мученицы Параскевы, окладъ серебряной золоченой басебной“ (тоже-что басменной); въ Георгіевской — „образъ Пречистыя Богородицы на престолѣ обложенъ, вѣнецъ и гривна (ожерелье или цѣпь на шеѣ) серебряная“. Въ Георгіевской часовнѣ, бывшей прежде церковью, имѣлся также напестольный образъ Богородицы въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ. Вообще же въ церквахъ и часовняхъ Краснаго стана имѣлись только слѣдующіе образа: Спаса, Пр. Богородицы Одигитріи, Успенія, Казанскія и Владимірскія, Деисусы (въ одной Георгіевской), Св. Николая, Флора и Лавра, Параскевы, Георгія и Іліи. Напестольные кресты были неокладные, слѣд. деревянные. Таковы же, вѣроятно, были и священные сосуды; о сосудахъ же Георгіевской церкви замѣчено, что они были оловянные. *Кандъи* или кадильницы упоминаются мѣдныя, Священническія ризы были вездѣ полотняныя (т. е.

собственно: риза, стихарь, поручи и епитрахиль) и по одной парѣ; только въ Никольской церкви было двое ризъ, изъ которыхъ однѣ были собственностью попа, а другія составляли „прикладь“ приходскихъ людей *). О колокольныхъ не встрѣчается упоминанія; о числѣ-же колоколовъ извѣстно, что ихъ было: при Никольской 2, Пятницкой 4, Георгіевской 3. При новостроенной церкви села Новосильскаго колоколовъ еще не было. Изъ часовень только одна Георгіевская имѣла 2 колокола, которые, очевидно, были спасены при разореніи находившейся здѣсь церкви въ приходъ Крымскаго хана.

Въ нѣкоторыхъ церквахъ имѣлись еще письменныя напрестольныя евангелія „безъ евангелистовъ“ (въ Георгіевской); въ Пятницкой церкви было евангеліе, котораго „половина обгорѣла кругомъ“; въ Никольской церкви имѣлись два евангелія: одно напрестольное поповское, другое „толковое Польской печати“ — прикладъ приходскихъ людей. Изъ прочихъ церковныхъ книгъ упоминаются: Апостоль, Часословъ, Псалтирь слѣдованная и учебная, Требники — большой и меньшій, Канунникъ, Тріодъ цвѣтная, Минея общая съ праздниками, Октой, Шестодневъ, Прологъ марта мѣсяца, Николино житіе и ермолой письменной. При часовнѣ сельца Пречистенскаго находился только Службеникъ „старый“; при Покровской часовнѣ — Апостоль и Требникъ; при Архангельской — Минея общая, Псалтирь и Часословъ малый „Кіевской печати“.

Появленіе въ Ливенскомъ уѣздѣ богослужебныхъ книгъ Польской или Кіевской печати объясняется съ одной стороны переселеніемъ въ 17-мъ вѣкѣ на Ливны малороссійскихъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые могли приносить съ собою священныя книги и жертвовать ихъ въ ту или другую церковь, а съ другой — частыми походами Ливенскихъ служилыхъ людей (по случаю тогдашнихъ войнъ съ Поляками и Турками) въ Малороссію, гдѣ они могли такъ или иначе пріобрѣтать Евангелія, Часословы и прочія церковно-богослужебныя книги Виленскаго и Кіевскаго изданія, чтобы внести ихъ потомъ дорогимъ „прикладомъ“ въ приходскую церковь, въ благодарность Господу Богу за благополучное возвращеніе свое на родину.

Всеѣ попы Краснаго стана: Никольскій — Егорій Емельяновъ, Покровскій — Мелентій, Пятницкій — Василій Ѳомиинъ, Архангельскій — Романъ Филиповъ, Егорьевскій — Аванасій Дорофеевъ и села Новосильскаго попь Савинъ прикладывали свои руки къ переписнымъ книгамъ 1684 г. за помѣщиковъ дѣтей боярскихъ, своихъ духовныхъ дѣтей, и почеркъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (особенно Никольскаго Егорія Емельянова и Архангельскаго Романа Филипова) отличается такою твердостью, что почти не уступаетъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ подьячимъ. Изъ всего стана мы не встрѣтили между рукоприкладствовавшими только одного попа сельца Пречистенскаго — Матвѣя Иванова, а восьмага попа, вдовца Сидора, который жилъ и священствовалъ на разоренномъ, въ нашествіе хана, Георгіевскомъ погостѣ (въ часовнѣ), уже не было въ живыхъ, и

*) Въ двухъ часовняхъ селець Пречистенскаго и Покровскаго имѣлись также полотняныя ризы.

дворъ его былъ „пустъ“. Въ числѣ подписей имѣются и три рукоприкладства дьячковъ: Пятницкаго — Дорошки Тарасова, Никольскаго — Оедьки Андреева и Георгіевскаго Новосильскаго — Ивана Иванова. Изъ наличныхъ дьячковъ не встрѣчается подписи только одного Георгіевскаго — Евдокимки Иванова. Кромѣ того, о значительной степени грамотности духовенства въ Красномъ стану свидѣтельствуется и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ церквяхъ употреблялись письменныя евангелія и ермологіи. Гдѣ обучались грамотѣ Ливенскіе кандидаты на священство и дьячковство — неизвѣстно; но есть основаніе думать, что разсадникомъ духовнаго пресвѣщенія для г. Ливенъ и его уѣзда уже тогда служилъ именно Сергіевскій монастырь. Изъ переписныхъ книгъ 17-го вѣка мы знаемъ, что нѣкоторые бобыли, жившіе на землѣ Сергіевскаго монастыря, умѣли читать и писать, почему иногда поступали подьячими въ Ливенскую *сълзную избу*; таковы, на примѣръ, были „Сенька и Кирюшка Григорьевы дѣти Горностаевы“. Вѣроятно все это предполагать, что *Горностаевы* и другіе монастырскіе *дѣтеныши* своею грамотою, а чрезъ нее и карьерою, обязаны были какому-нибудь *черному старцу* Сергіевскаго монастыря, поставившему для себя подвигомъ обученіе дѣтей чтенію и письму, тѣмъ болѣе, что у монастыря была своя лавка въ городѣ, гдѣ, какъ нужно думать, можно было пріобрѣтать самыя грамотки, бумагу и чернила. По крайней мѣрѣ, на просвѣтительное значеніе Сергіевскаго монастыря для всего Ливенскаго уѣзда ясно указываетъ то, что въ первой половинѣ 18-го вѣка при Сергіевской обители существовала уже правильно организованная школа для дѣтей духовенства Ливенскаго уѣзда.

XI.

Статистическія свѣдѣнія о Красномъ станѣ Ливенскаго уѣзда въ правленіе царевны Софіи, по писцовой и межевой книгѣ 7193 (1684) года.

Вѣковая борьба за культуру на берегахъ Сосны. — Ливенскія писцовыя, межевыя и переписныя книги 17-го вѣка, какъ древнѣйшіе и важнѣйшіе памятники статистическихъ свѣдѣній о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ. — Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ Красномъ станѣ, письма и межеванья стольника Ивана Васильевича Золотарева и подьячаго Александра Ершова. — Села, селища, деревни, починки, пустоши и населенныя дубравы на пространствѣ Краснаго стана. — Помѣстные и вотчинныя земли съ прогорѣлыми полянками изъ Краснаго лѣса. — Межа Краснаго и Затруцкаго становъ. — Межа между Краснымъ и Серболовымъ станомъ. — Пограничная черта между Ливенскою градскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ. — Поселенія, помѣщичьи и вотчинники Краснаго стана. — Церкви и часовни; святыя образа, напрестоль-

ныя принадлежности, священническія облаченія и церковныя книги; священно-церковно-служители и ихъ земельные и сѣнокосные надѣлы.— Общее заключеніе о Красномъ станѣ.

Мы видѣли, какъ, подъ напоромъ враждебныхъ Московскому государству народовъ, городъ Ливны на—долго исчезъ было съ лица земли, а уѣздъ его обезлюдѣлъ и обратился въ дикое поле, перемежаемое остатками первобытныхъ лѣсовъ и дубравъ, въ которыхъ обитали охотники за дикими звѣрями да появлялись безстрашные станичники, долженствовавшіе извѣщать Московское правительство о движеніи непріятелей,—и какъ затѣмъ, по возстановленіи города Ливенъ, подъ надежною защитою его стѣнъ, Ливенскій уѣздъ снова началъ заселяться служилыми и всякими *жилецкими* людьми. Долго Крымскіе Татары оспаривали Присосенье, какъ обычное для себя перепутье въ Московское государство, и силились обратить его по прежнему въ пустошь; но бодрствовало съ своей стороны и Московское правительство по отношенію къ берегамъ Быстрой Сосны: независимо отъ высылки и поселенія на Ливнахъ разнаго служилаго—военнаго люда, оно отворило сюда свободныя ворота всѣмъ, кому не было счастья и удачи внутри государства, въ Малороссіи и на Дону, кого преслѣдовалъ на мѣстѣ судъ за разныя преступленія, кто желалъ избыть отъ крѣпостной зависимости, или въ комъ кипѣлъ бранный духъ, кого влекла на новое мѣсто беззавѣтная удаль, или кто надѣялся изъ бѣднаго захребетника и бездомнаго подсосѣдника попасть въ казаки, пробиться въ дѣти боярскіе, сдѣлаться помѣщикомъ и даже вотчинникомъ. За этимъ людомъ тогда же послѣдовали на берега Сосны готовые уже попы съ дьячками и пономарями; такъ какъ всѣмъ имъ правительство въ изобиліи предоставляло дикое поле на пашни, луга и логи на покосы, лѣса и дубровы „для въѣзда въ нихъ по селидебной и дровяной лѣсѣ“. Попы строили или арендовали построенныя раньше церкви и часовни и снабжали ихъ „всякимъ церковнымъ строеньемъ“, т. е. святыми иконами, священными сосудами и облаченіями, богослужебными книгами, свѣчами и др. принадлежностями; во всемъ этомъ усердно помогали имъ своими „прикладами“ и приходскіе люди. Въ тѣхъ же поселкахъ, гдѣ не доставало готоваго пона, ставился въ попы какой-либо сынъ помѣщика, если онъ былъ сколько-нибудь обученъ грамотѣ. На церковныхъ погостахъ, какъ и на усадьбахъ помѣщичьихъ, не замедлили появиться бобыли и разныя „нищіе“. Такимъ образомъ, гдѣ такъ недавно еще залегало дикое поле, тамъ въ короткое время возникали болѣе или менѣе людныя поселенія. Села, слободы и деревни, равно займища и починки, весьма часто обращались Крымцами въ пепель и развалины, а обитатели ихъ гибли отъ меча, таяли отъ плѣна, разбѣгались въ разныя стороны; но за временнымъ опустошеніемъ Присосенья слѣдовали новыя приливы служилыхъ людей, съ новыми выходцами изъ крестьянъ, бобылей, разныхъ задворныхъ или дѣловыхъ людей,—и Ливенскій уѣздъ опять возставалъ изъ-подъ развалинъ, снова перелогі его становились

„доброю пашнею“, дикое поле постепенно суживалось, а села и деревни пополнялись новыми дворами. Упорная борьба благодѣтельной культуры съ всеокрушительнымъ варварствомъ длилась на берегахъ Быстрой Сосны въ теченіе цѣлаго вѣка; успѣхъ этой борьбы склонялся то на ту, то на другую сторону; среди бранной тревоги и господства меча угасали цѣлыя поколѣнія; у представителей культуры иногда отнимались, какъ говорится, руки для воздѣлыванія края, на который устремлялись всегубительныя стихіи несмолкавшей войны; по временамъ казалось, — вотъ, вотъ перестанетъ уже биться жизненный пульсъ у береговъ Быстрой Сосны, и этотъ прекрасный уголокъ Московскаго государства обратится въ „дикое поле“, къ явному торжеству варварскаго Крыма. Но Москва была крѣпка духомъ и тогда, когда не имѣла еще достаточно силы защитить отъ Крымцевъ дорогаго своего Присосенья: „Сами вы знаете, что по ту и по другую сторону Сосны все наша земля“ — напоминалось въ 1593 году изъ Москвы посламъ ея Хворостинину и Бѣльскому, когда они заключали на Ливнахъ мирный договоръ съ Крымскимъ посланцомъ Ахметъ — пашею, желавшимъ, чтобы переговоры о мирѣ происходили на правомъ берегу Сосны, который Татары считали своимъ.

Дорого стоило Москвѣ держаться на берегахъ Быстрой Сосны и культивировать ихъ среди бранныхъ тревогъ: много людей полегло здѣсь своими головами и не больше ли еще уведено было ихъ въ плѣнъ Татарами, — первыхъ приходилось замѣщать новыми людьми для такихъ же жертвъ, а послѣднихъ — выкупать за золото, серебро и дорогіе мѣха, присовокупляя къ тому и дорогіе *поминки* ханамъ, калгамъ, царевичамъ, разнымъ мурзамъ и посламъ. А чего стоило содержаніе остроговъ, засѣкъ, станичниковъ, вожей, сторожей и даже цѣлыхъ корпусовъ войска на берегахъ Быстрой Сосны! Но разъ утвердившись на берегахъ Быстрой Сосны, Московское правительство считало этотъ край уже навсегда своимъ, внимательно относилось ко всему его невгодамъ и весьма часто посылало сюда писцовъ, межевщиковъ и разныхъ дозорщиковъ, которые составляли списки наличныхъ здѣсь помѣщиковъ, освѣдомлялись, кого изъ нихъ и почему не стало, — кого убили или взяли въ плѣнъ Татары, кто перешелъ или сбѣжалъ отъ войны въ другой городъ, кто взялъ помѣстье и на немъ не селился, а кто бросилъ свое опустошенное помѣстье и „бродить межъ дворъ“; подробно „имяны“ перечисляли помѣщичьихъ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, съ ихъ семействами; описывали самыя помѣстья и вотчины, — кто чѣмъ владѣетъ изъ пашни, перелоговъ, дикаго поля, сѣнныхъ покосовъ и куда вѣзжаетъ по „селидебной и дрованой лѣсѣ“. Такимъ образомъ составились *писцовыя, межевыя* и *переписныя книги*, какъ драгоценнѣйшіе памятники колонизаціи Ливенскаго уѣзда. При помощи этихъ памятниковъ мы можемъ воспроизвести эпоху колонизаціи нашего края въ страдное для него время Крымскихъ погромовъ; можемъ указать на первоначальныя здѣсь поселенія и на постепенное возникновеніе разныхъ сель, деревень, слободъ, починковъ и займищъ, съ церквами, часовнями и причтами при нихъ;

можемъ назвать по имени, отчеству и фамилии самихъ колонизаторовъ нашего края, нерѣдко съ ихъ женами и недорослями, крестьянами, бобылями, дѣловыми и задворными людьми; знаемъ жертвы непріятельскаго меча, огня, плѣна и грабежа; имѣемъ возможность объяснить происхожденіе названій многихъ поселеній, а также показать, насколько въ тотъ или другой промежутокъ времени подвигалась впередъ самая обработка земли, какъ постепенно сокращалось пространство „дикаго поля“, уступая мѣсто „доброй пашнѣ“ и „расчищеннымъ землямъ“. Такихъ *нигузъ*, обнимающихъ своимъ описаніемъ пространство Ливенскаго уѣзда, дошло до насъ 8, которыя хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Изъ нихъ первыя три принадлежатъ времени Царя Михаила Ѳеодоровича, четвертая—Алексѣя Михайловича, пятая—Ѳеодора Алексѣевича, а остальные—времени Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Въ частности, 1-я изъ нихъ отъ 1615—1616 г. представляетъ „списокъ съ писцовой и межевой книги города (Ливень), его острога, посада и слободъ, и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ“, къ сожалѣнію—безъ начальныхъ листовъ и безъ означенія писцовъ.—2-я относится къ 1620 году и озаглавлена такъ: „Подлинная платежная книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ, письма и дозора Немира Ѳеодоровича Кирѣевского и подьячаго Василія Ключарева“.—3-я относится къ 1627—1628 г. подъ заглавіемъ: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ, письма и мѣры писцовъ Ивана Ивановича Малечкина и подьячаго Тимофея Семенова“.—4-я отъ 1646 года съ заглавіемъ: „Подлинная переписная книга посадскихъ дворовъ и людей въ городѣ и помѣстныхъ и вотчинныхъ въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Мокрецкомъ и Затруцкомъ, переписи князя Ѳеодора Петровича Борятинскаго и подьячаго Дмитрія Болотова“.—5-я отъ 1678 года: „Подлинная переписная книга посадскихъ дворовъ и людей въ городѣ и помѣстныхъ въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ и Затруцкомъ, переписи Григорія Ильича Шишкина и подьячаго Ивана Ральина“.—6-я отъ 1686 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ и Серболовѣ, письма и межеванья стольника Ивана Васильевича Золотарева и подьячаго Александра Ершова“.—7-я отъ 1690 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Мокрецкомъ, Серболовѣ и Затруцкомъ, письма и межеванья стольника Акима Кузмича Паршина и подьячаго Афанасья Губанова“.—Наконецъ, 8-я отъ 1691 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Затруцкомъ и Серболовѣ, письма и межеванья стольника и воеводы Павла Ѳеодоровича Загряжскаго и подьячаго Афанасья Губанова.“—Кромѣ того, сохранилась еще одна „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ земель въ Затруцкомъ станѣ, письма и межеванья стольника и воеводы Василія Са-

вича Жемайлова и подъячаго Селиверста Булгакова“, относящаяся къ 1692 году, и 5 подлинныхъ *межевыхъ книгъ* на помѣстныя земли (между 1692 и 1699 годами): Сидора и Филимона Зубцовыхъ, Кириллы Сапрыкина Зенова, Гуды Кожухова, Ивана и Ѳедора Ереминыхъ и Егуна Горностаева въ пустоши, что былъ починокъ *Поршинъ* Затруцкаго стана; б) разныхъ владѣльцевъ въ деревнѣ Губкиной Затруцкаго стана; в) въ *деревнѣ Дубовинѣ* Затруцкаго стана; г) въ *деревнѣ Теплыхъ Платахъ, Муравлева тожъ*, Мокрецкаго стана, и д) помѣстной земли Самойлы Кононова и Ивана Самойлова Хитровыхъ въ *деревнѣ Верхососеньѣ*, на Хмѣлевомъ Колодезѣ (отъ 11 ноября 7208 г.). Изъ этихъ послѣднихъ книгъ—1-я межеванья стольника и воеводы Павла Ѳедоровича Гагряжскаго; 2-я, 3-я и 4-я письма и межеванья стольника и воеводы Василья Савича Жемайлова и подъячаго Селиверста Булгакова, а 5-я межеванья Сидора Аванасьевича Гринева *). Изъ перечисленныхъ Ливенскихъ писцовыхъ, межевыхъ и переписныхъ книгъ мы по преимуществу пользовались тремя—отъ 1615-го, 1646 и 1678 годовъ, описывающими городъ Ливны и его уѣздъ въ началѣ cadaго изъ царствованій—Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, такъ какъ и эти книги въ достаточной мѣрѣ проливаютъ свѣтъ на колонизацію Ливенскаго уѣзда въ 17-мъ вѣкѣ **). Любопытныя жители современныхъ сель и деревень Ливенскаго уѣзда въ представленныхъ нами выдержкахъ изъ *переписныхъ книгъ* найдутъ первыя историческія указанія на ихъ родныя поселенія, съ первоначальными обитателями, на завѣтныя пашни, питавшія ихъ предковъ, на рѣки, рѣчки, колодези, ржавцы и болота, подлѣ которыхъ ихъ праѣды имѣли свои покосы, на разныя урочища, вершки, отвершки и *вертепины*, которыми владѣютъ они сами, на залетавшія здѣсь нѣкогда лѣса и уже исчезнувшіе безслѣдно и т. п. Словомъ, предъ ними, въ краткомъ очеркѣ, привстаетъ неизслѣдованная еще никѣмъ исторія ихъ мѣста жительства съ бѣдствіями Татарскихъ погромовъ. Особенно драгоцѣнны въ статистическомъ отношеніи *приправочная* 1615 года и *переписныя книги* время царей Иоанна и Петра Алексѣевичей: первая описываетъ Ливенскій уѣздъ въ началѣ борьбы съ Крымскими Татарами, а послѣднія изображаютъ его уже по выходѣ изъ этой борьбы, на канунѣ Крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына, потрясшихъ гнѣздо Крымскихъ разбойниковъ, и въ виду новаго—Петровскаго времени, предъ благословеннымъ разцвѣтомъ земледѣлія, торговли и промышленности на берегахъ Быстрой Сосны, а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны того, кто интресуется своею родиною не только въ ея настоящемъ, но и давно прошедшемъ.

*) «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи», кн. 1, С. П. В. 1869 г., стр. 115—116, № 1180—1193.

**) Что-же касается до платежной 1620 года и переписныхъ книгъ 1626—1629 годовъ, то мы воспользовались изъ нихъ въ своихъ очеркахъ только тѣмъ, что нашли въ нихъ наиболѣе характернаго. Выдержки изъ этихъ книгъ были уже помѣщены нами въ «Трудахъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи» за 1892 г. во 2-мъ вып.

Подлинная писцовая и межевая книга 1693-го года характеризует свое значеніе въ отношеніи статистики Ливенскаго уѣзда слѣдующимъ предисловіемъ:

„7193 (1684) года Октября въ 11 день, по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и по наказу изъ Помѣстнаго Приказа за приписью дьяка Анисима Невѣжина, писцы—стольникъ Иванъ Васильевичъ Золотаревъ да подъячей Александръ Ершовъ писали и мѣрили и межевали въ Ливенскомъ уѣздѣ въ Красномъ и въ Серболовомъ, въ Затруцкомъ и въ Мокрецкомъ станѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ монастырскія и церковныя и порозжія земли и дикія поля, села и деревни и починки и пустоши и селища и займища за Ливенцы за дѣтьми боярскими, за вдовами и за дѣвками и за недорослыми и за казаками, и у нихъ крестьянъ и бобылей и дѣловыхъ и задворныхъ людей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ ихъ, и что за кѣмъ въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ пустошахъ и на дикихъ поляхъ и на монастырскихъ и на погостахъ церквей и въ порозжихъ земляхъ и въ дикомъ полѣ черныя пашни и сѣна и лѣсу и всякихъ угодій, и за кѣмъ именемъ и по сколько черныя пашни въ дачахъ и всякаго угодья и крестьянъ и бобылей и задворныхъ и дѣловыхъ и кабалныхъ людей, и что сверхъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Ивана Малечкина да подъячаго Тимоѣя Семенова 137 (1629) году за кѣмъ прибыло помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и дикихъ полъ и монастырскихъ и церковныхъ земель и порозжихъ погостныхъ пустыхъ и на какихъ урочищахъ, и то писано въ сихъ писцовыхъ книгахъ ниже сего порознь по статьямъ“.

СТАНЪ КРАСНОЙ.

За помѣщици въ помѣстьяхъ: села, деревни, починци, пустоши, дубровы и займища.

Деревня Здоровецъ, верхъ колодезя Здоровца, на Липовомъ отвершку, подъ Краснымъ лѣсомъ, а той деревни помѣщики и вотчинники съ тѣхъ старыхъ усадебъ сошли послѣ Ханскаго разоренья на новыя усадьбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ лѣсу, къ рѣчкѣ къ Лѣсной Ливенкѣ; а въ той деревнѣ помѣщиковъ 25 чел., да недоросль 1 чел., 20 дворовъ помѣщиковыхъ, да 5 мѣсть дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ же, да дворъ задворнаго человѣка, а людей въ немъ 7 человѣкъ, да мѣсто дворовое бобыльское пусто; пашни наханныя добрыя земли 236 чети съ осминою, да перелогу 57 чети съ осминою, да дикаго поля 301 четь, да примѣрныя земли, что примѣрено въ той же ихъ межѣ сверхъ старыхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго жъ поля 192 чети, обоего... 786 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по Здоровцу и вверхъ по Трудамъ 1093 копны.

Починокъ Головинъ на Здоровецкомъ отвершку у Краснаго лѣсу; всего въ починокъ Головинъ съ прогорѣлыми полянки 4 человекъ помѣщиковъ, а за ними 5 мѣстъ дворовыхъ помѣщическихъ пустыхъ, пашни паханыя добрыя земли 4 чети, да перелогу 3 чети съ осминою, да дикаго поля 79 чети съ осминою, обоего... 87 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 103 копны.

Пустошь—что было займище—*Григорова полянка*, подъ Краснымъ лѣсомъ.

Деревня усть Никольскаго верха на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ противъ *стрѣлицы* въ Красномъ лѣсу, а той деревни помѣщики съ тѣхъ старыхъ усадебъ сошли послѣ Ханскаго разоренья на новыя усадьбы, на новоросчисную землю Краснаго жъ лѣсу, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ противъ устья Бѣлаго колодезя внизъ по правую сторону, что смежно съ деревнею Здоровцемъ; а въ ней помѣщиковъ 20 чел., недорослей 4 чел., 14 дворовъ помѣщическихъ, да дворъ задворнаго человекъ, людей въ немъ 4 чел.; пашни паханыя добрыя земли 167 чети, да перелогу 16 чети, да дикаго поля 141 четъ безъ полусмины, да примѣрныя земли, что примѣрено въ той же ихъ межѣ сверхъ старыхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго поля 58 чети, обоего... 382 чети безъ полусмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ до рѣки Трудовъ 638 копень.

Деревня Зубцова, Красова тожъ, по правую сторону усть Никольскаго верха, на Лѣсной рѣчкѣ Ливенкѣ, противъ устья Бѣлова колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ; въ ней 14 чел. помѣщиковъ, 12 дворовъ помѣщическихъ, да мѣсто крестьянское пусто; пашни паханыя добрыя земли 124 чети съ осминою, да перелогу 12 чети съ осминою, да дикаго поля 185 чети, обоего... 322 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 89 чети, обоего... 410 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ Трудамъ и по рѣчкѣ по Березовцу и межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 644 копны.

Деревня Зубцова въ Долгой полянѣ, что былъ починокъ Буняевской Мишустина, по одной сторонѣ рч. Лѣсной Ливенки отъ Краснаго лѣсу противъ Евланова колодезя; въ ней помѣщиковъ 22 чел., 15 дворовъ помѣщическихъ, а въ нихъ дѣловыхъ людей 7 чел., да мѣсто дворовое помѣщичье пусто, да 2 мѣста дворовыхъ—крестьянское да бобыльское пусты; пашни паханыя добрыя земли 190 чети, да перелогу 18 чети, да дикаго поля 380 чети, обоего... 588 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 324 чети, и обоего... 912 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. по Трудамъ и по рч. по Березовцу и межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 1004 копны.

Пустошь, что была деревня *Евланова* подъ Краснымъ лѣсомъ, на Евлановѣ колодезѣ, по правую сторону Евланова колодезя, по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки; помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 13 чел., да 7 мѣстъ дворовыхъ помѣщическихъ пустыхъ,

да 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 45 чети, да перелогу 10 чети, да дикаго поля 54 чети съ осминою, всего 110 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 77 чети, обоєво... 187 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣнныхъ покосовъ 220 копень.

Деревня Ностомарова, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ, по обѣ стороны; въ ней дѣтей боярскихъ 28 чел., да недорослей 3 чел., 15 дворовъ, да 6 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ, 2 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, 2 мѣста пустыхъ бобыльскихъ; пашни паханыя добрыя земли 230 чети, да перелогу 33 чети, да дикаго поля 515 чети съ осминою, обоєго 778 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 226 чети съ осминою, всего... 1003 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1601 копна.

Пустошь, что была деревня *Присынокъ* подъ лѣсомъ подъ Присынкомъ, на колодезѣ на Присынку; въ ней 26 чел. помѣщиковъ, да недорослей 3 чел., 16 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста крестьянскихъ пустыхъ, да мѣсто бобыльское пусто-жъ; пашни перелогомъ добрыя земли 42 чети съ полутретникомъ, да дикаго поля 784 чети безъ полутретника, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 1020 чети съ полутретникомъ, обоєго... 1846 чети съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Березовцу и межъ поль, по логомъ и по дубровамъ 1652 копны.

Пустошь, что былъ починокъ *Присынокъ*, а по новому прозванію *Могилы тожъ*, подъ Краснымъ лѣсомъ на большой Новосильской дорогѣ; помѣщиковъ 27 чел., 15 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ; пашни перелогомъ добрыя земли 57 чети съ осминою, да дикаго поля 417 чети съ осминою, обоєго... 475 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по лугамъ и по верхамъ и по дикому полю 950 копень.

Деревня Семенихина подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, межъ изроговъ, на рѣч. на Лѣсной Ливенкѣ (усадыбы подъ Краснымъ лѣсомъ, а пашня по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки); помѣщиковъ 31 чел., да недорослей 3 чел., дворовъ помѣщиковыхъ 21, людей въ нихъ дѣловыхъ 3 чел., 7 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 8 мѣстъ крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ же; пашни паханыя добрыя земли 274 чети безъ третника, да перелогу 121 чети безъ полутретника, да дикаго поля 635 чети съ осминою, обоєго... 1030 чети, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 170 чети, всего 1200 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна по рч. по Лѣсной Ливенкѣ и по Ключевому колодезю и межъ поль, по лугамъ и по дикому полю 2074 копны.

Деревня Роговая подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на Гниловдѣ; помѣщиковъ 23 чел., да недорослей 5 чел., 13 дворовъ помѣщиковыхъ, 1 мѣсто дворовое помѣщиково пусто, да 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ; пашни па-

пши паханья добрыя земли 116 чети, да перелогу 38 чети, да дикаго поля 476 чети, обоего... 630 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Лѣсной Ливенкѣ и межъ полъ, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю черезъ Моховой верхъ и по Моховому верху 1260 копенъ.

Деревня Лопашино безъ жеребья подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на Гниловодѣ, сверхъ Евланова колодезя, а жеребей той деревни писанъ въ порозжихъ земляхъ, а въ ней опричь того жеребья, что писанъ въ порозжихъ земляхъ, помѣщиковъ 8 чел., 6 дворовъ помѣщиковыхъ, 1 мѣсто дворовое помѣщиково; пашни паханья добрыя земли 61 четь, да перелогу 13 чети, да дикаго поля 156 чети, обоего... 230 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ и по обѣ стороны Моховаго верха 460 копенъ, да примѣрныя земли дикаго поля 108 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Деревня, что было займище Алексѣя *Зайцева*, *Дутое тожъ*, сверхъ Евланова колодезя на Гниловодѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ; помѣщиковъ 22 чел., да недорослей 4 чел., помѣщиковыхъ дворовъ 21, мѣсть дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ 6, мѣсть пустыхъ крестьянскихъ 9; пашни паханья добрыя земли 172 чети съ осминою, да перелогу 37 чети безъ полтретника, да дикаго поля 436 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли лишнія дикаго поля 219 чети безъ третника, всего 855 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1280 копенъ.

СЕЛО ПАРАХИНО, ОВСЯННИКОВО ТОЖЪ.

Село (что была деревня) *Парахино* подлѣ верховья Бѣлаго колодезя, на Гниловодѣ (усадыбы подъ Краснымъ лѣсомъ); въ немъ помѣщиковъ 29 чел., недорослей 8 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, людей у нихъ дѣловыхъ 4 чел., 2 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 4 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 20 чел., 17 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 235 чети, да перелогу 37 чети, да дикаго поля 422 чети безъ третника, обоего 694 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ сверхъ отвершковъ рч. Полевой Ливенки по обѣ стороны Корытной дороги 1369 копенъ.

Того—жъ села *Парахина*, а по новому прозванію *деревня Овсянникова*, подъ Краснымъ лѣсомъ, подлѣ верховья Бѣлаго колодезя, на Гниловодѣ; въ ней помѣщиковъ 18 чел., недорослей 2 чел., 10 дворовъ помѣщиковыхъ, людей въ нихъ дѣловыхъ 1 чел., 5 мѣсть помѣщиковыхъ дворовыхъ пустыхъ, 12 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 3 мѣста дворовыя бобыльскія пусты; пашни паханья добрыя земли 49 чети, да перелогу 31 четь, да дикаго поля 240 чети, обоего... 420 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 80 чети

безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ сверхъ отвершковъ рч. Полевой Ливенки по обѣ стороны Корытной дороги 840 копенъ.

Деревня Орлова сверхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки въ верховьяхъ усадьбы, а по другую сторону той же рѣчки поля; помѣщиковъ 7 чел., да 5 дворовъ помѣщиковыхъ, да 2 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да мѣсто крестьянское пустое, да 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ, пашни паханья добрыя земли 70 чети, да перелогу 15 чети, да дикаго поля 56 чети, обоего... 141 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 282 копны, да примѣрныя земли дикаго поля 72 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Деревня Орлова-жъ верхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону усадьбы на рч. Полевой Ливнѣ, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливны пашня; помѣщиковъ 20 чел., недорослей 10 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, 6 мѣсть дворовыхъ помѣщиковыхъ, 6 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 4 мѣста дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 185 чети, да перелогу 104 чети, да дикаго поля 570 чети, обоево... 859 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1568 копенъ.

Деревня Носьянова на отвершку Краснаго лѣсу, на Рогу внизъ по правую сторону рч. Полевой Ливенки, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливенки пашня; помѣщиковъ 23 чел., недорослей 2 чел., 14 дворовъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да дворъ крестьянской, людей въ немъ 2 чел., 5 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 257 чети съ третникомъ, да перелогу 33 чети съ третникомъ, да дикаго поля 539 чети съ третникомъ, обоево... 830 чети, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 748 чети съ осминою, всего... 1578 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1660 копенъ.

Деревня Чюванино и Жоново тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ по одну сторону Краснаго лѣсу, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливенки; помѣщиковъ 24 чел., недорослей 12 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, 5 мѣсть дворовыхъ помѣщиковыхъ, 5 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 3 мѣста дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 204 чети съ осминою, да перелогу 25 чети съ полуосминою, да дикаго поля 610 чети съ полуосминою, обоего... 840 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1680 копенъ, и убыло изъ того помѣстья противъ старыхъ писцовыхъ книгъ въ той деревнѣ Чювагинѣ пашни паханья и перелогу и дикаго поля добрыя земли 210 чети, сѣна 420 копенъ.

Дубровы за Чернавскимъ колодеземъ: *Осининовая, Отсночная*, дуброва *Зеленая*, дуброва прозвище *Медвѣжья*; въ нихъ помѣщиковъ 5 чел., а за ними въ по-

мѣстьяхъ дикаго поля и дубровы на пашню добрыя земли 30 чети, да примѣрено лишней земли 66 чети, обоево... 96 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 60 копенъ.

Деревня Платавая, Лютая тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону усадьбы, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливны поля; помѣщиковъ 25 чел., недорослей 4 чел., 15 дворовъ помѣщиковыхъ, дѣловыхъ людей въ одномъ дворѣ 2 чел., 8 мѣсть помѣщиковыхъ пустыхъ, дворъ крестьянской, людей въ немъ 8 чел., 6 мѣсть крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскія пустыя; пашни паханныя добрыя земли 185 чети, перелогу 64 чети съ осминою, да дикаго поля 450 чети съ осминою, обоево... 700 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1400 копенъ, да примѣрныя земли 95 чети.

Деревня Пишиново подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. на Полевой Ливенкѣ, на колодезѣ на Ребинкѣ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки подлѣ Краснаго лѣсу усадьбы, а по другую сторону той же рѣчки поля; помѣщиковъ 22 чел., недорослей 3 чел., 28 дворовъ помѣщиковыхъ, дѣловыхъ людей въ одномъ дворѣ 4 чел., 23 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханныя добрыя земли 221 четь съ осминою, да перелогу 32 чети безъ полуосмины, да дикаго поля 495 чети съ полуосминою, обоего... 748 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1497 копенъ.

Пустошь дикое поле, что по конецъ полдеревни *Пишиновой*, по одну сторону рѣчки Чернавы; помѣщиковъ 9 челов., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню старыя дачи 136 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 120 чети съ осминою, обоево 256 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 272 копны, да той же пустоши дикаго поля 40 чети въ порозжихъ земляхъ.

Деревня Хвоцеватая, Потапова тожъ, на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ, на усть по обѣ стороны Хвоцеватова колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки усадьбы, а по другую сторону той же рч. поля; помѣщиковъ 13 чел., недорослей 4 чел., 15 дворовъ помѣщиковыхъ, одно мѣсто помѣщиково пусто, 6 мѣсть дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 1 мѣсто бобыльское пусто; пашни паханныя добрыя земли и съ отхожею землею 82 чети, да перелогу 27 чети, да дикаго поля 206 чети, обоего... 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 577 копенъ.

Тоя—жъ деревни Хвоцеватой, Потапова тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ, на усть по обѣ стороны Хвоцеватого колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣч. Полевой Ливенки усадьбы, а по другую сторону поля; помѣщ. 3 челов., недорослей 3 чел., 4 дв. помѣщиковыхъ, 4 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханныя добрыя земли 33 чети, да перелогу четь съ осминою, да дикаго поля и съ отхожею землею 79 чети съ осминою, обоего... 114 чети, да примѣрено

лишнія земли дикаго поля 33 чети, всего...147 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна 228 копенъ.

Деревня Здобная, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, на рѣкѣ на Пол. Ливнѣ, усть Хвощеватаго колод., а Песковатаго тожъ, по одну сторону рч. усадьбы, а по другую поля; 3 помѣщика, 3 двора помѣщичьихъ, да 6 мѣстъ крестьянскихъ и бобыльскихъ Васьки Сергѣева, да Васьки Романова, Родки Захарова, да Дружинки Тихонова, Андришки Гевлева и Игнашки Ильина, а тѣ крестьяне и бобыли пропали безвѣстно; пашни паханья добрыя земли 20 чети, перелогу 32 чети, обоего... 55 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 6 чети, всего 61 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. Полевой Ливнѣ и межъ полъ, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю и по дубровамъ подъ Жилевымъ лѣсомъ 110 копенъ, лѣсъ Красной съ помѣщиками обще.

Деревня Здобная, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колодезя, Песковатой тожъ, по одну сторону рѣчки усадьбы, а по другую сторону поля; помѣщиковъ 6 чел., 2 двора помѣщичьихъ, 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, да за 3 человекъ 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 5 человек., да дворъ задворнаго человек., людей въ немъ 3 человек.; пашни паханья добрыя земли 16 чети, да перелогу четь, да дикаго поля 20 чети, обоего...37 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 13 чети, всего 50 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 74 копны.

Деревня Здобная—жъ, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. Полевой Ливенкѣ, усть Хвощеватаго колодезя....

Деревня Жилева, подъ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевомъ колодезѣ; помѣщиковъ 3 чел., 1 дворъ помѣщиковъ, 6 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханья добрыя земли 10 чети, да перелогу четь съ осминою, да дикаго поля 18 чети съ осминою, обоего...30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 60 копенъ.

Въ той же *деревнѣ Жилевой* 2 помѣщика, мѣсто дворовое помѣщичье, да 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, Ларки да Сеньки Есиновыхъ, да Еремки Климова, да Матюшки Григорьева, а тѣ крестьяне пропали безвѣстно; пашни паханья добрыя земли 10 чети, да перелогу 1 четь съ осминою, да дикаго поля 18 чети съ осминою, обоего...30 чети, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 19 чети, всего...49 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по Жилеву колодезю по логамъ 60 копенъ.

Пустошь на дикомъ полѣ по конецъ казачьихъ посадскихъ полъ, за Жилевымъ колодеземъ къ Шеталовскому полю, промежъ Жилеваго верха по Муравской дорогѣ, за двумя помѣщиками.

СЕЛЬЦО ПРЕЧИСТЕНСКОЕ.

Сельцо Пречистенское подъ Сторожевымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣчки Чернавы, а усадьбы отъ рѣчки Чернавы въ 480 саженьяхъ; помѣщиковъ 22 челов., 16 дворовъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханныя добрыя земли 170 чети, да перелогу 27 чети безъ полуосмины, да дикаго поля 358 чети съ полуосминою, обоего...555 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли 1322 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1110 копенъ.

Деревня Чернянская, подъ Сторожевымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣчки Чернавы; помѣщиковъ 23 челов., 9 дворовъ помѣщиковыхъ, 6 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ; пашни паханныя добрыя земли 125 чети, да перелогу 14 чети съ осминою, да дикаго поля 384 чети съ осминою, обоего...524 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 1659 чети съ полуосминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1050 копенъ, да тоя жъ деревни Чернянской по конецъ поль помѣщиковъ 5 человекъ, что дано имъ вновь изъ дикаго поля...на пашню 30 чети, да сверхъ тѣхъ ихъ дачъ примѣрено лишнія земли дикаго поля 105 чети, сѣна 60 копенъ.

Пустошь, что была деревня *Соловьева* подъ Сторожевымъ лѣсомъ; помѣщиковъ 38 челов., 11 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ; пашни перелогомъ добрыя земли 93 чети съ осминою, да дикаго поля 323 чети съ осминою, обоего...417 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 578 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 834 копны.

Пустошь, что была деревня *Золотухина* подъ Сторожевымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣчки Чернавы; помѣщиковъ 15 челов., 6 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ; пашни паханныя добрыя земли 53 чети, да перелогу 23 чети, да дикаго поля 193 чети, обоего...269 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 269 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 538 копенъ.

СЕЛО НОВОСИЛЬСКОЕ.

Село Новосильское, что была пустошь дикое поле, усадьбы на дву Чернавскихъ отвершкахъ, на дву прудахъ, на Гниловодѣ, подъ Новосильскимъ лѣсомъ; помѣщиковъ 77 чел., недорослей 2 чел., 59 дворовъ помѣщиковыхъ, да 10 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, пашни паханныя добрыя земли 590 чети, да перелогу 43 чети, да дикаго поля 1572 чети, обоего...2205 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли дикаго поля 2205 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10125 копенъ, да того жъ села Новосильскаго всѣмъ помѣщикамъ отмежевано въ тѣхъ урочищахъ на старыя ихъ дачи и на примѣрныя земли на усадьбы на 4450

чети 220 десятинь съ полудесятиною, да на сѣнные покосы 1102 десятины съ полудесятиною, да на лѣсныя угодья 880 десятинь, и всего на усадьбы и на сѣнные покосы и на лѣсныя угодья 2203 десятины, а того села всеѣмъ помѣщикамъ пашнею и сѣнными покосы и всякими угодья владѣть вопче противъ ихъ полюбовного заручного челобитья, а для воды проѣздъ того села Новосильскаго всеѣмъ помѣщикамъ черезъ большую Московскую дорогу и черезъ помѣстную землю деревни Соловьевой Прохора Косьянова съ товарищи, что вышелъ колодезь изъ — подъ Средняго лѣсу; а межа того села Новосильскаго Матвѣеву помѣстью Сахарова съ товарищи учинена, починъ отъ ивы, что стоитъ въ большомъ Чернавскомъ отвершку на мысу, на взгорьѣ, на обчей Егорьевской межѣ того села Новосильскаго, на ней двѣ грани, подлѣ ея двѣ ямы, по — праву церковная Егорьевская земля села Новосильскаго, а по лѣву помѣстная земля того — жѣ села Новосильскаго Матвѣя Сахарова съ товарищи...

Пустошь дикое поле по лѣвую сторону отъ Новосильскаго лѣсу, отъ верховья рѣки Чернавы и съ Каменною дубровою и Възжею съ урочищи; помѣщиковъ 14 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 135 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 405 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна 1350 копенъ, да въ тѣхъ же урочищахъ отмежевано имъ на усадьбы 67 десятинь съ полудесятиною, да на лѣсныя угодья 270 десятинь.

Пустошь дикое поле въ верховьѣ рѣки Чернавы по одну сторону *Възжей* и въ *Косьяновой дубровѣ*; помѣщиковъ 16 чел., недорослей 1 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 220 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 295 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна на тѣ дачи 1200 копенъ, а десятинами имется 300 десятинь, да отмежевано имъ на усадьбы 60 десятинь, да на лѣсныя угодья 240 десятинь.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣки Большаго Кривца и по одну сторону къ рѣкѣ Любовшѣ отъ межи села Новосильскаго; помѣщиковъ 14 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 235 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 470 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна на тѣ ихъ дачи и на примѣрныя земли 1837 копенъ съ полукопною, а десятинами — 184 десятины, да отмежевано имъ на усадьбы 35 десятинь съ четью, да на сѣнныя угодья 141 десятина.

Пустошь дикое поле усть рч. Большаго Кривца по одну сторону р. Любовши...

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣки Любовши съ урочищи и по одну сторону рч. Большаго Кривца къ межѣ села Новосильскаго; помѣщиковъ 15 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, да примѣрныя земли дикаго поля 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жѣ, сѣна... 1975 копенъ, да отмежевано имъ на усадьбы 31 десятина съ полудесятиною, да на лѣсныя угодья 126 десятинь.

СЕЛЬЦО ПОКРОВСКОЕ.

Сельцо Покровское, что была пустошь дикое поле, усадьбы по одну сторону рк. Любовши и по обѣ стороны рч. Корытенки, а пашни и покосы по обѣ стороны рк. Любовши и рч. Корытенки и рч. Малаго Кривца; помѣщиковъ 156 чел., 126 дворовъ помѣщиковыхъ, 23 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 7 чел., дѣловыхъ людей 15 чел.; пашни паханья добрыя земли 1455 чети, да дикаго поля 2543 чети, обоего... 4080 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 4080 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на тѣ ихъ дачи и на примѣрныя земли 20,400 копенъ, да того жъ сельца Покровскаго всеѣмъ помѣщикамъ отмежевано на усадьбы 408 десятинъ, да на сѣнные покосы 2040 десятинъ, да на лѣсныя угодья 1623 десятины, и всего на усадьбы на сѣнные покосы и на лѣсныя угодья 4131 десятина.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рк. Любовши и въ Жилевой дубровѣ отъ Становаго колодезя; помѣщиковъ 15 чел., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 299 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 299 же чети, всего стараго помѣстья и съ примѣрною землею 599 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна... 1495 копенъ, да въ тѣхъ же урочищахъ отмежевано имъ на усадьбы 29 десятинъ, да на лѣсныя угодья 115 десятинъ.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рк. Любовши и въ верхъ по лѣвую сторону Становаго колодезя и въ Становой дубровѣ, помѣщиковъ 56 чел., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 1177 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ тѣхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго поля въ тѣхъ же урочищахъ 1177 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, обоего... 2355 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 5787 копенъ съ полу-копною, а десятинами имется 1449 десятинъ, да на лѣсныя угодья 471 десятина, да на усадьбы 118 десятинъ.

СЕЛЬЦО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Сельцо Архангельское, что была пустошь дикое поле на колодезѣ на Теляжѣ, подъ Ястребскими лѣсками, что было написано по старымъ книгамъ въ Затруцкомъ стану, и по нынѣшнему письму и по отводу старожильцевъ Становой межи то сельцо Архангельское отмежевано въ Красный станъ; помѣщиковъ 114 чел., недорослей 1 чел., 43 двора помѣщиковыхъ, въ одномъ дворѣ помѣщиковѣ крестьянскихъ дѣтей 2 чел., 55 мѣсть дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да дворъ крестьянской, въ немъ 3 чел.; пашни паханья добрыя земли 789 чети, да перелогу 51 четь съ осминою, да дикаго поля 1417 чети съ осминою, обоего... 2258 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 2258 чети въ полѣ, а

въ дву по тому жъ, сѣна 9198 копенъ съ полу-копною, да отмежевано имъ на усадь-
бы по обѣ стороны колодезя Теляжья 226 десятинь, да на лѣсныя угодыя 903 де-
сятины, да на сѣнные покосы 1129 десятинь.

Пустошь дикое поле по одну сторону рк. Трудовъ, отъ устья рк. Любовши, что
били челомъ на сѣнные покосы Ливенцы Кириллъ Гавриловъ сынъ Сопрыкинъ, да
Фролъ Никитинъ сынъ Анисимовъ, да Максимъ Ѳеодоровъ Кабановъ.

Общее количество помѣщицовъ съ недорослями, крестьянъ,
дѣловыхъ и задворныхъ людей, дворовъ жилихъ и пус-
тыхъ, пашни, перелогу, дикаго поля и примѣрной земли,
сѣнныхъ покосовъ и лѣсовъ.

„Всего въ *Красномъ стану* за помѣщики за 1071 человекъ да за недорослями
76 чел. 543 двора помѣщиковыхъ, людей въ нихъ дѣловыхъ 36 чел., въ одномъ
дворѣ помѣщиковѣ крестьянскихъ дѣтей 2 чел., 223 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ
пустыхъ, 11 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 45 чел., 133 мѣста дворовыхъ
крестьянскихъ пустыхъ, 34 мѣста бобыльскихъ пустыхъ, 3 двора задворныхъ, людей
въ нихъ 14 чел.; пашни паханья добрыя земли 6604 чети съ осминою, да перелогу
1194 чети съ полутретникомъ, да дикаго поля 17882 чети, обоего... 25681 четь
безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено
сверхъ старыхъ дачъ у всѣхъ помѣщиковъ 19,404 чети съ третникомъ въ полѣ, а
въ дву по тому жъ, и всего старое помѣстья и съ примѣрною землею 45085 чети
въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 82870 копенъ, да на сѣнные жъ покосы 2
десятины, да въ *Красномъ же стану Черныхъ лѣсовъ*: *Красного* лѣсу 8000 десятинь,
да *Жилева* лѣсу 600 десятинь, всего 8600 десятинь.

В О Т Ч И Н Ы.

Въ Красномъ стану за вотчинники въ вотчинахъ:

—За Ливенцемъ за *Константиномъ Ивановымъ* сыномъ *Голоцкимъ* вотчины
блаженной памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича...
по жалованной вотчинной грамотѣ за приписью дьяка Григорья Близнакова 189
(1681) году, что ему дано за *Литовскіе походы да за Коноптскую службу* изъ
помѣстья ево въ вотчину въ дву третяхъ пустоши, что было *займище Григорова*
полянка въ *Красномъ лѣсу*, по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки, на гору по Гроз-
ному верху, а въ ней на ево жеребей дикаго поля на пашню 10 чети въ полѣ, а
въ дву по тому жъ, сѣна по рк. по Лѣсной Ливенкѣ 20 копенъ, а для *хормного*
и *дровяного лѣсу* и по всякое угодые въѣзжать ему въ *Красной лѣсѣ* по прежнему
съ помѣщики вобще.

— За *Константиномъ* же *Голоцкимъ* вотчины по той же жалованной вотчинной грамотѣ... пустоши, что была *деревня Присынокъ* подъ лѣсомъ подъ *Присынскомъ* на колодезѣ на *Присынку*, а въ ней на ево жеребей мѣсто дворовое вотчинниково, пашни перелогомъ добрыя земли 3 чети, да дикаго поля 31 четь, обоево... 34 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. по *Березовцу*, по логомъ и по верхомъ и по дубравамъ 68 копенъ, *лѣсонъ Присынокъ* съ помѣщики и вотчинники вопче, да сверхъ той ево вотчинной дачи примѣрено лишнія земли дикаго поля 37 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а та ево *Константинова* вотчина *Голоцкаго* писана въ нынѣшнемъ 193 (1685) году октября въ 4 числѣ.

— За *Ливенцы* за *Аванасьемъ Ефимовымъ* сыномъ да за *Емельяномъ Михайловымъ* сыномъ *Кондоуровымъ*, что кромѣ сего было по писцовымъ книгамъ *Ивана Малечкина* 137 (1629) году въ вотчинѣ за *Аванасьевымъ* отцомъ, а за *Емельяновымъ* дѣдомъ роднымъ за *Ефимомъ Кондоурова*, а *Михеевъ* онъ же, *жеребей деревни Орловы* въ верхъ *Хвощеватаго* и *Хрущеватаго* колодезя подъ *Краснымъ* лѣсомъ, а въ ней на ихъ жеребей мѣсто дворовое вотчинниково, да мѣсто дворовое крестьянское *Карпушки Иванова*, да два мѣста *бобыльскихъ Евстратки Константинова* да *Игнашки* да *Пашки Акуловыхъ*, а тѣ крестьяне и бобыли, по сказкѣ старожильцовъ, въ приходъ *Крымскаго хана* пропали безвѣсно; пашни паханья добрыя земли 10 чети, да перелогу 5 чети, да дикаго поля 30 чети, обоево... 45 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 22 чети съ осминою за *человѣкомъ*; сѣна межъ полъ, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубравамъ и по обѣ стороны рч. *Лѣсной Ливны* въ верхъ къ дву дубкамъ и черезъ *Корытную* дорогу въ *Каменную дубраву* къ *Чернавскому* колодезю 90 копенъ, а въ лѣсъ *Красной* въѣзжать имъ по прежнему съ помѣщики вопче; писана за ними та вотчина... 192 (1684) году октября въ 12 день.

— За *Ливенцемъ* за *Микитой Ивановымъ* сыномъ *Пантелѣевымъ*, что прежь сего было по писцовымъ книгамъ *Ивана Малечкина* 137 (1629) году въ вотчинѣ за *казачьимъ* сыномъ за *Ваською Бурковымъ*, а во 160 (1652) году *Васька Бурковъ* ту свою вотчину заложилъ *Петру Ершову*, а во 189 (1681) году *Петръ Ершовъ* ту свою закладную вотчину заложилъ и просрочилъ *Ливенцу Микиѣ Пантелѣеву*, *жеребей деревни Здобной*, что было *займище Присада* подъ *Краснымъ* лѣсомъ, на рч. по *Полевой Ливнѣ* усть *Хвощеватаго* колодезя, а *Песковатый* тожъ, по одну сторону той рч. усадьбы, а по другую сторону поля; на ево жеребей дворъ вотчинниковъ, да *крестьянскихъ дворовыхъ мѣсть* — *Микифорки Іевлева*, *Ивашки Родіонова*, *Ивашки Мартынова*, да *бобыльскихъ дворовыхъ мѣсть* *Ивашки Постухина*, *Малика Кузмина*, *Андронки Иванова*, *Микифорки Ѳедорова*, а тѣ крестьяне и бобыли сошли безвѣсно; пашни паханья добрыя земли 5 чети, да перелогу 1 четь, да дикаго поля 12 чети, обоего... 18 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рч. *Полевой Ливнѣ* межъ полъ, по логамъ и по дикому полю подъ *Жилевымъ* лѣсомъ 36 копенъ;

лѣсъ Красной по прежнему со всѣми помѣщики вопче; писана за нимъ та вотчина 189 (1681) году и по допросу Петра Ершова въ нынѣшнемъ 193 (1685) году Мая въ 17 день.

— За Ливенцемъ за *Константиномъ Ивановымъ* сыномъ *Голоцкимъ* въ вотчинѣ по Государевѣ жалованной вотчинной грамотѣ 189 (1681) году въ пустоши въ дикомъ полѣ за рк. за Любовшею отъ Орловской дороги къ рѣчкѣ къ Синковцу и въ низъ по рч. по Синковцу съ урочищи, а на ево жеребей дикого поля и дубравы на пашню 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ той ево вотчинной дачи лишней земли дикого поля въ тѣхъ же урочищахъ 170 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, обоено за нимъ вотчины и съ примѣрною землею 200 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на ту ево вотчинную дачу въ низъ по рч. по Синковцу и Орловской дорогѣ и по верхомъ и по дубровамъ къ межѣ сельца Архангельскаго 500 копенъ; писана за нимъ та вотчина по грамотѣ... 189 (1681) году Февраля въ 19 день и по ево сказкѣ за рукою Архангельскаго попа Романа 194 (1686) году Октября въ 6 день. — Да сверхъ той ево Константиновой вотчинной дачи въ тѣхъ же межахъ и граняхъ примѣрено лишней земли дикого поля по другую сторону Орловской дороги и въ низъ отъ Орловской дороги по рѣчкѣ по Синковцу до устья, что впала въ рѣку Труды, и въ низъ рѣкою Трусами до устья рѣчки Теляжескаго колодезя, что впала въ р. Труды, и отъ устья Теляжескаго колодезя въ верхъ по Теляжескому колодезю да Орловской же дорогѣ 1000 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и та примѣрная земля, по ево Константинову заручному челобитью, отписана на Великихъ Государей въ помѣстье въ порозжія земли до помѣстныхъ отдачи.

И всего въ Красномъ стану за вотчинники за 4 человекѣ: дворъ вотчинниковъ, да 2 мѣста дворовыхъ пустыхъ вотчинниковыхъ, 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ, 6 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханая добрая земля 15 чети, да перелогу 9 чети, да дикого поля 113 чети, обоено... 137 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ тѣхъ вотчинниковыхъ дачъ за однимъ человекомъ лишнія земли дикого поля въ тѣхъ же урочищахъ 170 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на тѣ ихъ дачи 786 копенъ“.

Помѣстные и вотчинныя порозжія земли, которыя были не въ раздачѣ, и Прогорѣлая полянці изъ Краснаго лѣса.

„Прогорѣлая полянка порозная земля подъ Краснымъ лѣсомъ подлѣ рч. Лѣсной Ливенки, подлѣ сѣнныхъ покосовъ церкви *Николая Чудотворца* попа Георгія..., а къ той Прогорѣлой полянкѣ дикого поля на пашню 12 чети въ полѣ, а въ дву

по тому жъ, сѣна подлѣ рѣчки Лѣсной Ливенки по лугомъ 2 десятины..., да противъ той Прогорѣлой полянки на другой сторонѣ рѣчки Лѣсной Ливенки подлѣ Краснымъ лѣсомъ *два прогари*, а въ нихъ 6 десятинь, а чѣтыи иметца 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

Прогорѣлая полянка, что въ Красномъ лѣсу подлѣ *Большого верха*, а въ ней дикого поля на пашню 6 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 20 копенъ.

Прогорѣлая полянка, что въ Красномъ лѣсу по обѣ стороны *Большого верха*, сверхъ отписныхъ сѣнныхъ покосовъ (22 десятины, 240 копенъ), а въ ней дикого поля на пашню 33 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 67 копенъ.

Прогорѣлая полянка, что въ Красномъ лѣсу на *Бѣломъ колодезѣ* и по обѣ стороны Бѣлова колодезя, а въ ней на пашню дикого поля 60 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 160 копенъ.

Всего въ Красномъ стану въ отписныхъ порозжихъ и примѣрныхъ земляхъ (села Парахина, селець Покровскаго и Архангельскаго, деревень: Присынка, а по новому прозванію Могилы тожъ, Зайцевой, Дутой тожъ, Платавой, Лютой тожъ, Пишковой, Здобной, Золотухиной, Семенихиной, Роговой, Овсянниковой, Орловой, Косьяновой, Чернянской, Жилевой) 15 мѣсть дворовыхъ пустыхъ; пашни паханая добрая земли 23 чети, да перелогу 123 чети, да дикого поля 25052 чети съ осминою, обоево... 25198 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ старыхъ дачъ лишнія земли 419 чети съ третникомъ, и всего старого помѣстья и съ примѣрною землею 25,618 чети безъ полутретника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10,021 копна, да на усадьбы и на лѣсныя угодыя и на сѣнные покосы написано въ порозжихъ земляхъ 1067 десятинь.

И изъ тѣхъ отписныхъ порозжихъ земель по грамотамъ Великихъ Государей писано въ помѣстье за разными помѣщиками: пашни паханая добрая земли 14 чети, да перелогу 9 чети, да дикого поля 712 чети безъ третника, обоево... 735 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1720 копенъ съ третью копною, да на сѣнные покосы 2 десятины.

А въ остаткѣ тѣхъ отписныхъ порозжихъ земель и съ примѣрною землею 24,873 чети съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 9301 копна безъ трети копны, да на сѣнные покосы и на усадьбы и на лѣсныя угодыя 1065 десятинь.

Всего въ Красномъ стану за помѣщики и за вотчинники и за недорослями и церковныхъ и отписныхъ порозжихъ и примѣрныхъ земель 70,648 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 93,309 копенъ, да на усадьбы и на лѣсныя угодыя и на сѣнные покосы 1067 десятинь, да черныхъ лѣсовъ 8600 десятинь“.

Межа между Краснымъ и Затруцкимъ станомъ.

„А межа учинена становая межъ *Краснаго* и *Затруцнаго становъ*: починъ отъ *колодезя Здоровца* отъ Стрѣлецкія земли Ливенскихъ стрѣльцовъ Васьки Измалкова съ товарищи, отъ столба, что стоитъ на землѣ Юды Кожухова съ товарищи *деревни Здоровца* и въ верхъ тою *рѣною Трудами* по правую сторону становая межа Краснаго стану разныхъ селъ и деревень и помѣщиковъ и отъ помѣсныхъ земель, а по лѣвую сторону въ верхъ той *рѣни Трудовъ* становая межа Затруцкаго стану разныхъ селъ и деревень и помѣщиковъ *до устья рѣни Любовши*, что впала въ рѣку Труды съ правой стороны, а межъ того столба и до устья р. Любовши 5388 сажень, а отъ устья р. Любовши въ верхъ по р. по Трудамъ до устья *Теляжья колодезя*, что впалъ въ р. Труды, межъ ими 3680 сажень, а отъ устья Теляжья колодезя въ верхъ по р. по Трудамъ до устья *Синковца*, что впала въ р. Труды, межъ ими 1617 сажень, а отъ того Синковского устья и отъ р. Трудовъ поворотить на право круто въ верхъ по рч. по Синковцу и до *Снороденской дороги* и до двуграннаго столба и до дву ямъ и до бродка межъ ими 7236 саж., а отъ того столба и отъ ямъ и отъ *Снородинной дороги* и отъ *бродна* въ верхъ по рч. по *Синковцу* до трехграннаго столба и до трехъ ямъ, что стоитъ на межѣ Ивана Мальцева съ Ѳедотомъ Алтуховымъ, межъ ими 434 саж., на правѣ земля рч. Синковца Краснаго стану, а на лѣвѣ земля рч. Синковца Затруцкаго стану, а отъ того трехграннаго столба и отъ трехъ ямъ и отъ рч. Синковца поворотить на лѣво немного на мысъ, по становой межѣ межъ Затруцкаго и Краснаго становъ на два столба и на двѣ ямы, межъ ими 30 сажень, а столбы стоятъ и ямы выкопаны на лѣвой сторонѣ Затруцкаго стану, а на правой сторонѣ Краснаго стану, а отъ тѣхъ дву столбовъ и отъ дву ямъ прямо до *гороцнаго вывершна* черезъ *большой Норотной вывершонъ*, что вышелъ изъ Синковца, а межъ ими 727 сажень, на правѣ становая межа Краснаго стану, а на лѣвѣ Затруцкаго стану, а отъ тѣхъ дву столбовъ и отъ дву ямъ до столба, что стоитъ на грацкой межѣ, въ *верховь Труцномъ на мысу*, межъ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ, подлѣ ево грацкая яма, межъ ими 20 сажень, на правѣ земля Краснаго стану, а на лѣвѣ земля Затруцкаго стану разныхъ селъ и деревень*). А на становой межѣ старожильцы и окольные люди были и межу отводили: Евтисей Муратовъ и Яковъ да Герасимъ да Дементей Черниковы, Сергѣй да Ѳедотъ Алехины, Иванъ да Ооонасей да Ларіонъ Внуковы, Григорій да Остаея Мальцовы, Лукьянъ Алехинъ, Иванъ Селезневъ, Константинъ Волоцкой, Иванъ Мальцевъ, Логинъ Ровенской, Свиридъ Ханинъ, Кунай да Юда да Исая Кожуховы, Иванъ Костромитиновъ, Иванъ Болондинъ, Тимоея Сусловъ, Иванъ большой да Иванъ

*) Такимъ образомъ пограничная черта Краснаго и Затруцкаго стана заключала въ себѣ 19,102 сажени, или ващихъ 38 верстѣ и 102 сажени.

меньшой Трубицны. А положена станова я межа межъ Краснаго и Затруцкаго стану по сказкѣ старожильцовъ и окольныхъ людей за руками іюня въ 14 день нынѣшне-го 193 (1685) году (№ 528).

Межа между Краснымъ и Серболовымъ станомъ.

„Да межа жъ становой межи учинена межъ *Краснаго и Серболова становъ*: отъ козачьи земли Уварка Татаринкова съ товарищи починъ отъ столба, которой столбъ поставленъ у казачьи земли межъ Серболова и Краснаго стану, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, одна на сторонѣ Серболова стану, а другая на сторонѣ Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ межъ тѣхъ становъ Серболова и Краснаго по той-же становой межѣ и черезъ два *вывершна*, что вышли изъ *большога Комаревснаго верха* на старой грацкой дубъ, на немъ двѣ грани, подлѣ ево двѣ ямы, одна грань старая Ивана Малечкина 137 (1629) году, а другая насѣчена вновь, межъ ими 209 сажень, а отъ того дуба и отъ ямъ черезъ *дорожку* на ильмъ, на немъ двѣ грани, одна старая, а другая насѣчена вновь, межъ ими 94 саж., на правѣ земля Серболова стану, а на лѣвѣ земля Краснаго стану, а отъ того ильма поворотить на право круто межъ тѣхъ становъ въ верхъ *вывершномъ*, что вышелъ изъ подъ *Жилева льсу* до стараго граннаго дуба, что стоялъ по *конецъ того отвершна*, и тотъ старый дубъ выгнилъ и подлѣ того дуба поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, межъ ими 160 сажень, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до стараго до граннаго дуба, и тотъ старой дубъ свалился и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 80 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо черезъ *большую Московскую дорогу* до стараго до граннаго дуба, и тогъ дубъ свалился, и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 229 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо по той-же становой межѣ сквозь *паросникъ изъ Серболову верху*. а въ Серболовѣ верху поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ихъ 180 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ столба и отъ ямъ поворотить на лѣво круто въ верхъ по тому жъ Серболову верху и тѣмъ Серболовымъ верхомъ на лѣво *вывершна* до стараго до граннаго клену, а старой клень выгнилъ и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 240 саж., одна Серболова стану, а другая Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до стараго до граннаго столба, что стоялъ на становой межѣ межъ Краснаго и Серболова стану, и тотъ старой столбъ выгнилъ и подлѣ того столба поставленъ столбъ,

на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 120 саж., и отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею до старого до граннаго столба, и тотъ старой столбъ выгниль и подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 277 саж., по правую сторону межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣвую сторону межа и яма выкопана Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 236 саж., по праву земля Серболова стану, а по лѣву земля Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ *черезъ Жилевъ верхъ* и *черезъ два вывершина* на иву, на ней грань, подлѣ ея двѣ ямы, межъ ими 290 саж., по праву становая межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣву становая межа и яма выкопана Красного стану, а отъ той ивы и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею на старой гранной столбъ, и тотъ столбъ выгниль, а подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 224 сажени, по праву становая межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣву... Красного стана, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 371 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и ямъ поворотить на лѣво круто тою жъ станвою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 400 саж., по лѣву становая межа... Красного стану, а по праву... Серболова стану, и отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ станвою межею до старого до граннаго дуба, и тотъ дубъ свалился и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 251 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... *черезъ ржавецъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 160 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старого до граннаго дуба по правую сторону *черезъ землю деревни Соловьевой*, а по лѣвую сторону *деревни Пишновой*, и тотъ старый дубъ свалился, а подлѣ того дуба поставленъ столбъ вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 140 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старого до граннаго дуба, на немъ насѣчена вновь грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 221 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а тотъ дубъ стоитъ отъ *ржавца на взгорнѣ* въ 20 саженьяхъ, а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... *черезъ верхъ и ржавецъ къ Московской дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 262 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старого до писцоваго дуба, и тотъ старый дубъ свалился, подлѣ того дуба поставленъ столбъ вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 320 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо въ низъ *Корытнымъ верхомъ* къ другому *верху*, а у Корытнаго верха поставленъ столбъ

вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 836 саж., по праву.. Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ поворотить на право круто на низъ *Долгимъ верхомъ* къ *Данилову колодезю*, межъ ими 560 саж., а отъ того Данилова колодезя прямо тѣмъ-же Долгимъ верхомъ и колодеземъ на низъ къ *рч. Чернавѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, на лѣвой сторонѣ Краснаго стану, а по др. сторону Данилова колодезя выкопана яма въ Серболовомъ стану, а отъ того столба и отъ ямы и отъ Данилова колодезя въ низъ *рч. Чернавою* по правую сторону Серболова стану, а по др. сторону *рч. Чернавы* Краснаго стану до устья *рч. Малой Чернавы*, что впала въ *рч. Чернаву*, и до *Муровскаго шляху*, а у *р. Чернавы*, подлѣ устья въ Серболовѣ стану поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 2580 саж., а по др. сторону *рч. Чернавы* по лѣвую сторону въ Красномъ стану противъ того жъ столба поставленъ столбъ на становой межѣ, на немъ грань, подлѣ ево яма, а межъ тѣхъ столбовъ и ямъ 22 саж., а отъ того столба и отъ ямы и отъ *р. Чернавы* поворотить на лѣво круто въ верхъ по *рч. по Малой Чернаве*, что впала въ *р. Чернаву*, что течеть въ Серболовѣ станъ, тою жъ становой межею до устья *Пониовца колодезя*, межъ ими 3832 саж., по праву *рч. Малой Чернавы* станова ямежа Серболова стану, а по лѣву той-же *рч. Чернавы* станова ямежа Краснаго стану, а отъ того устья *Пониовскаго колодезя* верхъ тою-жъ рѣчкою Малою Чернавою на столбъ, что стоитъ у *рч. у Чернавы*, на немъ грань, подлѣ ево двѣ выкопаны становыя ямы, межъ ими 2940 саж., одна яма Серболова стану, а друг. Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ и отъ *рч. Чернавы* прямо въ верхъ *большимъ Головищенскимъ верхомъ* тою-жъ становой межею на лѣво немного на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а др. Краснаго стану, межъ ими 615 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... черезъ *вывершекъ*, что вышелъ отъ *рч. отъ Чернавы*, на дубъ краповистъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а др. Краснаго стану, а межъ ими 386 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ краповистъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а друг. Краснаго стану, а межъ ими 327 саж., а отъ того дуба съ гранью и отъ ямъ прямо... на дубъ краповистъ, на немъ грань, подлѣ ево—двѣ ямы становыя..., межъ ими 474 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ черезъ *Ефремскую дорогу* на дубъ краповистъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 446 сажень, а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... черезъ *вывершекъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы..., межъ ими 263 саж., отъ того столба и отъ ямъ на лѣво немного тою-жъ становой межею по *Елецкой дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 517 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... на дубъ безверховатъ съ отростки, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 101 саж., а отъ того дуба

и отъ ямъ поворотить на право круто... на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя межи, межъ ими 400 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а др. Краснаго стану, межъ ими 400 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... черезъ *Сменецной верхъ* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 400 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ краковистъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 406 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... межъ Серболова и Краснаго стану на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 420 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 526 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо внизъ *Локотецкимъ вывершномъ* до *Большого Локотецнаго верха* и черезъ верхъ на гору на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 560 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... къ *вывершну* Локотецкаго верха на березу, на ней грань, подлѣ ея двѣ становыя ямы... межъ ими 530 саж., а отъ той березы и отъ ямъ... прямо въ верхъ Локотецкимъ верхомъ къ *большой Московской дорогъ*, а у Московской дороги поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 893 саж., а ямы выкопаны одна на правой сторонѣ того *Локотецнаго вывершка* въ Серболовомъ стану, а другая на лѣвой сторонѣ того жъ Локотецкаго отвершка въ Красномъ стану *).—А на становой межѣ были старожилы и окольные люди и межу отводили: Степанъ Богриновцевъ, Осипъ Капыловъ, Дементій Подколязинъ, Устинъ Черной, Сидоръ Щиголевъ, Василій Богриновцевъ, Яковъ Сабаевъ, Фроль Погоневъ, Иванъ большой Трубицынъ, Филиппъ Потаповъ, Яковъ Карповъ, Иванъ Александровъ, Ермоль Алтунинъ, Лукьянъ Кривцовъ, Максимъ Клевцовъ, Василій Дремовъ, Устинъ Полуниинъ, Харламъ Щиголевъ, Антипъ Потаповъ, Василій Ефановъ, Герасимъ Пашковъ, Тимофей Потаповъ, Евдокимъ Потаповъ, Григорій Богриновцевъ, Василій Паршинъ съ товарищи. А положена та становая межа межъ Краснаго и Серболова стану по сказкамъ старожильцовъ и окольныхъ людей въ нынѣшнемъ въ 193 (1685) году мая въ 11, да въ 25, да въ 26 дни“.

Межа между градскою Ливенскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ.

„Да межа *грацной* межи межъ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ: починъ отъ *Московской дороги* и отъ *Муровснаго шляху*, подлѣ грацкой межи поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, а противъ того столба и ямы на грацкой межѣ стоитъ столбъ межевщика Ивана Игнатьева 182 (1674) году, на немъ грань,

*) Всего пространства межи Краснаго и Серболова стана 22,918 саж., или 45 верстъ и 418 саж.

подлѣ ево яма, а отъ тѣхъ столбовъ и отъ ямъ прямо по той же грацкой межѣ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ по лѣвую сторону на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопана грацкая яма, межъ ими 260 саж., а столбъ стоитъ и яма выкопана противъ стараго столба и ямы межевщика Ивана Игнатъева., а отъ того столба и отъ ямы прямо по той же грацкой межѣ Новосильскаго и Ливенскаго уѣздовъ до стараго до граннаго дуба межевщика И. Игнатъева, на немъ насѣчена другая грань вновѣ, подлѣ ево выкопана яма на лѣвой сторонѣ въ Красномъ стану, а межъ ими 301 саж., а отъ того дуба съ граньми и отъ ямы прямо по той же общей грацкой межѣ черезъ *Оревской вывершенъ* на дубъ краковистъ, на немъ старая грань межевщика И. Игнатъева, да вновѣ насѣчена другая грань, подлѣ ево выкопана яма на лѣвой сторонѣ въ Красномъ стану, а межъ ими 354 саж., по праву земля грацкой межи Новосильскаго уѣзду села *Судбишъ* Фрола Рогачева съ товарищи, а по лѣву земля грацкой межи Ливенскаго уѣзду Краснаго стану села *Новосильснаго* Матвѣя Сахарова съ товарищи, а отъ того дуба и отъ ямы прямо тою-жъ грацкою межею черезъ *Оревскій вывершенъ* на дубъ краковистъ, на немъ старая грань межевщика И. Игнатъева, да вновѣ насѣчена другая грань, подлѣ ево выкопана яма, межъ ими 486 саж., а дубъ стоитъ на мысу противъ *Оревскаго вывершка и Платаваго лѣсу*, а отъ того дуба и отъ ямы прямо по той же грацкой межѣ черезъ *Оревской отвершенъ* и черезъ *Судбицкую дорогу* на старой грацкой дубъ межевщика Ивана Игнатъева, и тотъ дубъ засохъ, а подлѣ того дуба поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 690 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... сквозь *Высокую дубровку* на старой гранной дубъ межевщика И. Игнатъева, да вновѣ насѣчена грань, подлѣ ево яма, межъ ими 236 саж., а отъ того двуграннаго дуба и отъ ямы прямо внизъ *Оревскимъ вывершиномъ*, а отъ того вывершка на право немного на мысъ степью до стараго до граннаго столба и до ямы межевщика Ивана Игнатъева, и подлѣ того столба поставленъ вновѣ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма выкопана вновѣ, межъ ими 1197 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... до стараго до граннаго столба и ямы межевщика И. Игнатъева, а противъ того столба поставленъ на лѣвой сторонѣ вновѣ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 250 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... нъ рч. *Ореву* на березу, на ней грань, подлѣ ея яма, межъ ими 560 саж., а отъ той березы и отъ ямы въ низъ по рч. по *Ореву* по лѣвую сторону до устья рч. *Лозавки*, что вышла изъ правой стороны изъ Новосильскаго уѣзду, а до того устья 1514 саж., а отъ того устья въ низъ тою-жъ рѣчкою *Оревымъ* до устья тоя-жъ рч. *Оревы*, что впала въ р. *Любовшу*, а до того устья рч. *Орева* 1505 саж., а отъ того устья поворотить на лѣво круто въ низъ по р. по *Любовшѣ* по лѣвую сторону до *Каменной горы* и до *Нижняго борна*, а межъ ими 790 саж., а отъ той *Каменной горы* и отъ *Нижняго борна* на право круто черезъ р. *Любовшу* и черезъ *колодезь Яндовищемъ* на столбъ,

на немъ грань, подлѣ ево яма, а столбъ стоитъ и яма выкопана отъ р. *Любовши* въ 50 саж., на лѣвѣ Великихъ Государей порозжая земля — пустошь дикое поле Ливенскаго уѣзду Краснаго стану, а на правѣ земля Новосильскаго уѣзду, по сказкѣ старожильцовъ, которые на той грацкой межѣ на отводѣ были, земля стольника Венедикта Хитрово, а отъ того столба и отъ ямы прямо въ верхъ *вывершномъ* на березу, на ней грань, подлѣ ея *ортебина большая*, межъ ими 847 саж., а отъ той березы и отъ *ортебины большой* поворотить на право круто въ верхъ *вывершномъ* и изъ того вывершка *стелью* къ *Елецной дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 472 сажени, а столбъ поставленъ и яма выкопана подлѣ *Елецной дороги*, а отъ того столба и отъ ямы прямо *стелью* черезъ *Елецную дорогу* и черезъ *вывершенъ*, что отъ *Ботвининской дубровы* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 876 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо *стелью* черезъ *дорожню*, что ѣздить изъ села *Новосильскаго Ефремовскую дорогу*, на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 866 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо сквозь *дубровку* къ *вывершку* къ *Головищу Плоскаго колодезя*, а межъ ими 400 саж., а отъ того вывершка *Головища Плоскаго колодезя* прямо *Головищенскимъ вывершномъ* до *Головищенскаго колодезя*, что вышелъ съ правой стороны Новосильскаго уѣзду и черезъ *колодезь*, межъ ими 410 саж., а отъ того *Головищенскаго колодезя* прямо на гору *стелью* черезъ *отвершенъ*, что отъ *Плоскаго колодезя*, на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 1051 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *стелью* *Новосильскія Плоты* на дубъ плотавъ вѣтми на полдни, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 737 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо въ низъ тѣми *Новосильскими Плотами*, по лѣвую сторону тѣхъ *Плотовъ* земля Ливенскаго уѣзду Краснаго стану Володимера Парахина съ товарищи, а по правую сторону тѣхъ *Плотовъ*, по сказкѣ старожилловъ, которые на той грацкой межѣ были, земля Новосильскаго уѣзду полковыхъ козаковъ, въ *большой верхъ* и тѣмъ *верхомъ* поворотить на право немного въ верхъ по верху, а отъ того верха *на мысъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 1420 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *стелью* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 815 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо къ *Синковскому верхью*, а въ Синковскомъ верхю подлѣ *ржавца* стоитъ береза кудрява, на ней грань, подлѣ ея яма, межъ ими 361 саж., а отъ той березы прямо *Синковскимъ верхомъ* въ низъ по лѣвую сторону и черезъ *Синковское болотце* со *ржавцомъ* въ *Синковской же вывершенъ* въ низъ черезъ *большую Московскую дорогу*, что ѣздить изъ Новосили на Ливны, на мысъ на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 960 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *Спорнымъ Гребенемъ* на дубъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 960 саж., а дубъ стоитъ на *взгорнѣ Синковскаго вывершка*, а отъ дуба и отъ ямы прямо черезъ Синковскій

вывершекъ до другога Синковскаго вывершка и черезъ другой Синковской вывершекъ и въ верхъ Синковскимъ вывершкомъ на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 549 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо *стелью* къ *Труцному вывершку* на дубъ суховерхатъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 781 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо въ низъ *Труцнимъ вывершомъ*, а по конецъ того вывершка *на мысу* поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 356 саж., на правѣ земля Новосильскаго уѣзду, а на лѣвѣ земля Ливенскаго уѣзду Краснаго стану, а по другую сторону столба станова яма Затруцкаго стану *).— А на отводѣ становахъ и на грацкой межѣ старожильцы и окольные люди были: Кунай да Юда Кожуховы, Тимофей Суловъ, Иванъ Боландинъ, Федосей Костромитиновъ, Сидоръ да Василей Сераповы, Устинъ Полуниинъ съ товарищи. Противъ ихъ сказокъ за руками, каковы они подали на становахъ и на грацкой межѣ 193 (1685) году въ разныхъ числахъ“ (слѣдуютъ подписи).

Поселенія, помѣщики и вотчинники въ Красномъ станѣ:

а) Поселенія и помѣщики:

Село Парахино: Чуриловы, Анисимовы и Парахины.

Деревня Овсянниково: Овсянниковы, Анисимовы и Гарборуковы.

Деревня Орлово: Анисимовы, Злобинъ, Кондауровы, Овсянниковы, Зарубины, Филатовы, Ефановы, Платоновы, Воробьевы, Ермоловы, Сотниковъ и Малыхины.

Деревня Косьяново: Добриковы, Сидоровы, Кондратьевы, Анисимовы, Косьяновы, Подкользинъ, Аширины, Ансуповы и Токаревъ.

Деревня Чуванино: Косьяновы, Шеховцовы, Воробьевы, Корогодины, Кузмины, Селютины, Теряевъ и Рудневы.

Дубровы за Чернавскимъ колодеземъ: Сотниковъ, Воробьевы и Ермоловы.

Деревня Плотовая, Лютая тожъ: Трубицыны, Рудневы, Ансуповы, Токаревы, Головинъ, Синютинъ, Селютинъ, Алтуниинъ, Бакулины, Бѣляевъ, Шатѣвы и Житкіе.

Деревня Пишново: Бекетовы, Подкользины, Михайловы, Ансуповы, Логачевъ, Кудрявой, Ядынины, Ершовъ, Злобины, Невзоровы и Багриновцевъ.

Пустошь, что по конецъ поля деревни Пишковой: Бекетовъ, Подкользины и Злобины.

Деревня Хвощеватая, Потапово тожъ: Головины, Потаповы, Трубниковы, Шиголевы и Лютые.

Деревня Здобная: Мезинцовы, Кожуховы и Богданчиковы.

*) Такимъ образомъ всего пространства между градскою Ливенскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ было 20,080 сажень, или 40 верстъ и 80 сажень.

Деревня Жилева подъ Жилевымъ лѣсомъ: Овсянниковъ, Ивановъ и Потаповы.

Пустошь по конецъ казачьихъ полъ: Овсянниковъ и Ивановъ.

Деревни Жилевой на Жилевомъ колодезѣ: Рыковъ и Богданчиковы.

Прогорѣлая полянка да пустошь, что была деревня Присынокъ: Костромитиновъ.

Село Пречистенское: Лахины, Горбатой, Невзоровъ, Алтунины, Михайловы, Шеховцовы, Клоковъ, Воробьевъ, Дремовъ, Овсянниковъ, Горбаруковъ и Ивановъ.

Деревня Чернянская: Шеталовъ, Невзоровы, Подкользины, Пыжовы, Трубицынъ,

Потаповы, Луханинъ, Клоковъ, Кузины, Дремовъ и Алтухины.

Пустошь — что была деревня *Соловьева*: Пыжовы, Багриновцевы, Погоневъ, Головинъ, Кожуховы, Афанасьевы, Косьяновы, Кузминъ, Невзоровы, Подеользины и Потаповы.

Пустошь, что была деревня *Золотухина*: Кононовы, Созоновы, Богданчиковы, Невзоровы, Добриковы и Алтухины.

Село Новосильское: Пишковъ, Захарьевъ, Карповы, Сахаровы, Кривцовы, Свинцовъ, Косторновы, Голобицкій, Страховы, Ханинъ, Ремезовъ, Подольскіе, Голощаповы, Синютинъ, Трубицынъ, Потаповы, Куликовъ, Созоновы, Поваляевъ, Анисимовъ, Ядынины, Ледовской, Вепринцовы, Енинъ, Кропивенцовъ, Масловы, Куровскіе, Кутеповъ, Рыльшинъ, Богатыревъ, Логачевъ, Алтунинъ, Савенковы, Липовскій, Федориковы, Иваниковы, Картавой, Болтенковы, Резанцевъ, Писаревъ, Афанасьевъ, Шумской, Дурневъ, Губинъ и Дремовъ.

Пустошь дикое поле по лѣвую сторону отъ Новосильскаго лѣсу отъ верховья рѣки Чернавы и въ *Каменной дубровѣ* съ урочищи: Ершовъ, Ансуповы, Кудрявой, Ядынинъ, Подкользинъ, Логачевъ, Лютой, Трубицынъ и Головинъ.

Пустошь дикое поле въ верховьѣ рѣки Чернавы въ *Косьяновой дубровѣ* съ урочищи: Кондратьевы, Косьяновы, Подкользинъ, Головинъ, Теряевъ, Кузины, Овдѣевъ, Бекѣевъ, Алтунинъ и Бакулинъ.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣчки Большаго Кривца съ урочищи: Кузины, Добриковы, Синютинъ, Ансуповы, Михайловы, Алтунинъ, Косьяновъ, Сухинъ и Стародубцевъ.

Пустошь дикаго поля усть рѣчки Большаго Кривца съ урочищи: Анисимовы.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣки Любовши съ урочищи: Овсянниковы, Парахинъ, Гурдамыхинъ, Рылковы, Кандауровы и Еремѣевъ.

Село Покровское по обѣ стороны рѣки Любовши и рѣчки Коротенки съ урочищи: Воробьевы, Кожуховъ, Горбаруковы, Пантелѣевъ, Бологовъ, Гладкой, Ершовъ, Ледовскіе, Болтенковъ, Губановы, Хриповъ, Мальцовы, Маняхинъ, Пашковы, Дорохины, Бредихины, Севрюковы, Копаевы, Ворыпаевы, Васильевы, Сапрыкины, Ярыгинъ, Хорошиловъ, Черные, Бѣлой, Сверчковы, Дремовы, Семенихины, Положинцевы, Есиповы, Щегловы, Селютины, Микитины, Проскурнины, Бобровскіе, Венюковы, Труфа-

новъ, Марьянъ, Русановъ, Скуридинъ, Щукинъ, Гурьевъ, Баклашевъ, Степкинъ, Малыхинъ, Мацневъ, Русиновъ, Чурсинъ, Бекетовъ, Подкользинъ и Михайловъ.

Пустошь дикое поле въ *Жилевой дубровъ* съ урочищи: Алтуховы, Золотухины, Мальцевы, Леоновы, Офонинъ, Бобровскій, Сотниковъ, Лаушкинъ, Рылковъ и Парахинъ.

Пустошь дикое поле въ *Становой дубровъ* съ урочищи: Сахаровы, Жердевы, Ягурновъ, Ровенскіе, Селеменевъ, Александровы, Кожуховъ, Губановы, Сапрыкины, Назарьевъ, Рылковы, Леоновы, Голодской, Булгаковы, Семенихины, Огибаловъ, Боголовъ, Иваниковы, Степкинъ, Колшинъ, Шевляковы, Выскребенцевъ, Болтенковъ, Кобозевы, Глаткой, Сараевъ, Ансуповъ, Подкользинъ, Богатой, Глѣбовы.

Село Архангельское, что на колодезѣ на Теляжѣ: Заболоцкіе, Александровы, Аширмины, Зубцовы, Сухановъ, Жердевъ, Булгаковъ, Луневы, Губановъ, Смагины, Ѳедоровы, Подкользины, Сапрыкины, Братьевскіе, Малыхины, Мерцаловы, Степкины, Чуриловы, Брудастой, Красовъ, Зубцовъ, Вохромѣевъ, Кожуховы, Блыковы, Скуридины, Сидоровы, Позняковъ, Бахтины, Короткіе, Тишевской, Заикинъ, Сараевъ, Ансуповъ, Богатой, Лютиковы, Гончаровъ, Головинъ, Болтинъ, Росляковъ, Огибаловы, Мезинцевы, Парахинъ, Иваниковъ, Булавины, Очкасовъ, Михайловъ, Ледовскіе, Болтенковъ, Дорохины, Ярыгины, Теряевы, Бакулины, Селютинъ, Воробьевъ, Мальцевъ, Костомаровъ.

б) Вотчинники.

Въ Красномъ стану въ вотчинахъ:

Константинъ Ивановъ сынъ *Голоцной*.

Константинъ же *Голоцной*.

Афанасій Ефимовъ сынъ да Емельянъ Михайловъ сынъ *Кондауровы*.

Микита Ивановъ сынъ *Пантелъевъ*.

Константинъ Ивановъ сынъ *Голоцной*,

Церкви и часовни въ Красномъ станѣ.

ЦЕРКОВЬ НИКОЛЬСКАЯ.

1. *Церковь Николы Чудотворца*, деревяна ильци, ветха, а въ ней: образъ Чудотворца Николая съ житіемъ, образъ Флора и Лавра, образъ Пречистыя Богородицы запрестольныя Одигитріи обложенъ, окладъ серебряной съ вѣнцемъ, вѣнецъ чеканной, окладъ *басменной* (тонкій, маловѣсный), напрестольное евангеліе, ризы полотняныя, кадило мѣдное, да въ церкви-жъ книги: тріодъ цвѣтная, минея общая съ празд-

ники, шестодневъ, псалтирь слѣдованная, Николино житіе, требникъ большой, требникъ малый, канунникъ да часословъ, и тѣ книги и кадило его, попа Егорья, да у той же церкви приходского прикладу: 2 колокола, евангеліе толковое Польской печати, ризы полотняныя, кадило мѣдное; да у той же церкви дворъ попа Егорья Емельянова; да у него-жъ попа во дворѣ бобыльской сынъ Ивашка Афанасьевъ, у него дѣти: Ивашка 12 лѣтъ, Кондрашка 7 л., Филька 5 л., Мойсейка 3 лѣтъ; дворъ дьячка Федьки Андреева, да дворъ пономаря Сеньки Андреева, да во дворѣ бобыль Кузьма Афанасьевъ, у него дѣти: Сенька 14 лѣтъ, Ивашка 10 л., Алфимко 8 лѣтъ; пашни паханныя добрыя земли 20 чети, да дикого поля и дубравы пашенныя 10 чети, всего 30 чети; сѣна по дикому полю 20 копенъ; да сверхъ той старой дачи церковной земли примѣрено въ той же межѣ писца Ивана Малечкина въ 1629 году 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; а усадьбы ихъ по другой сторонѣ рѣчки Лѣсной Ливенки усть Никольскаго верха, смежно съ Евстратомъ да Борисомъ Павловыми на *стрѣлицѣ* подѣ Краснымъ лѣсомъ и противъ *стрѣлицы*, что ѣздить въ городъ. А межа той церковной земли отъ рѣчки Лѣсной Ливенки и отъ граннаго столба и отъ ямы прямо старою межею противъ устья *Мяжного колодезя*, что тотъ колодезь по другой сторонѣ рѣчки Ливенки... на гору къ *Мяжному верху*, по праву земля церковная, а по лѣву Красный лѣсъ, и подлѣ Красного лѣсу черезъ *поповъ верхъ*..., черезъ *прогарь*, что выгорѣло Красного лѣсу, къ двумъ *колодезямъ*, что впади въ *Бѣлой колодезь*, одинъ течетъ на востокъ, а другой съ востока изъ Красного лѣсу... А межа той церкви сѣнныхъ покосовъ, что написано по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина... 2 десятины, а въ нихъ 40 копенъ, а нынѣ по мѣрѣ въ той же межѣ 7 десятинь, а копнами 70 копенъ, починъ отъ дуба безверховатого... прямо вверхъ подлѣ рѣчки Ливенки по лѣвую сторону черезъ болотце на дубъ подлѣ дорожки, что ѣздить изъ деревни Здоровца въ городъ Ливны.

ЦЕРКОВЬ ПЯТНИЦКАЯ.

2. *Церковь св. мученицы Парасковей*, нарицаемая *Пятницы*, что въ селѣ *Парахинѣ* (по новому прозванію деревня Овсянникова Макара съ товарищи), на землѣ Великихъ Государей... древняя *кльци*, ветха, стоитъ безъ пѣнія, а въ церкви: образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Св. Мученицы Парасковей въ окладѣ, окладъ серебряной золоченой *басебной* (то-же что *басменной*), да церковныя утвари: сосуды, *бѣльца*, лжица и копье, *нандья* мѣдная, да книгъ церковныхъ: октой да минея общая, апостолъ, псалтирь учебная, часословъ, служебникъ, ермолой, евангеліе (половина обгорѣла кругомъ), кадило, 4 колокола; а по сказкѣ старожиловъ, что та церковь и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское; да у той же церкви дворъ попа Василья Фомина, да 3 двора дьячковыхъ: дворъ старого дьячка Павла Тарасова, дворъ Дорошки Тарасова, дворъ Федьки Тарасова, да мѣсто дворо-

вое пономарское Иванки Яковлева, да мѣста дворовыя бобыльскія: Ефремка Сидорова, Ромашка Аванасьева, Офоньки Анкудинова, а тѣ бобыли, по сказкѣ сторожилцовъ и прихожанъ тутошнихъ и стороннихъ людей и пономаря, отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣстно; а въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ Ивана Малечкина 1629 года написано: пашни паханья церковныя добрыя земли 12 чети, да перелогу четь, да дикого поля 8 чети, обоево — 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; да примѣрено сверхъ той старой церковной земли въ той же межѣ Ивана Малечкина 1629 года 13 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому-жъ*); сѣна по дикому полю и по лугомъ и по верхомъ въ рядъ съ помѣщики 40 копенъ, а въ Красной лѣсъ вѣзжать имъ попу Василью съ церковными причетники со всеми помѣщики обще. Писана та церковная земля по сказкѣ пона Василья за ево рукою 7193 году Декабря въ 1 день.

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГІЕВСКАЯ.

3. *Церковь Стратотерца Христова Георгія* древяна *нльцни* (погость на землѣ Великихъ Государей подъ Краснымъ лѣсомъ межъ дву отвершковъ на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ), а строенье — та церковь и въ церкви образы и книги и всякое строенье приходскихъ людей, да въ церкви-жъ мѣстныя иконы: крестъ животворящій на престольной неокладной, евангеліе письменное безъ евангелистовъ, образъ Георгія не въ окладѣ, образъ Пречистыя Богородицы на престолѣ обложенъ, вѣнецъ и *гривна* (ожерелье) серебряныя вызолочены, образъ Владимірскаго Пречистыя Богородицы не въ окладѣ; да престолъ Никиты Мученика, да Спасовъ образъ не въ окладѣ, да 11 *Дейисусовъ*, да книги: апостоль да псалтирь слѣдованная, да минея общая, да прологъ марта мѣсяца, да шестодневъ, да служебникъ, да конунникъ, да ермолой письменной, да 3 колокола, да требникъ большой, ризы одни, да стихарь, да поручи, да патрахиль, да сосуды оловяныя, 2 кадила ломанья; да у той церкви дворъ пона Аванасья Дорошеева, да дворъ дьячка Евдокимка Иванова, да мѣсто пономарское пустое Игнашки Иванова, да 5 мѣсть дворовыхъ бобыльскихъ: Безсонки Иванова, Сидорка Чеплина, Вавилки Григорьева, Осипка Иванова, Перфилья Трофимова, а по сказкѣ старожилцовъ, что тѣ бобыли отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣсно; пашни паханья церковныя земли 7 чети, да перелогу 3 ч., да дикого поля 10 ч., обоево 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; да примѣрныя церковныя земли, что примѣрено по старымъ писцовымъ книгамъ 1629 года, а въ ней: пашни паханья добрыя земли 5 ч., да перелогу 2 ч., да дикого поля 18 ч., обоево — 25 чети; да сѣножати 3 десятины, сѣна на нихъ косятъ 60 копенъ, а по селидебной и по дровяной лѣсъ вѣзжать въ Красной лѣсъ съ помѣщики обще; да церковныя-жъ при-

*) Въ межахъ церковной Пятницкой земли упоминается «Осиповой большой каменной верхъ, а въ томъ верху камень красный».

мѣрные земли, что примѣрено сверхъ старой церковной земли въ тѣхъ же межахъ и гранехъ, дикого поля 55 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; а писана та церковная земля по сказкѣ за ево поповою Афанасьевою рукою 7194 году Мая въ 6 день.

ЧАСОВНЯ НА ГЕОРГІЕВСКОМЪ ПОГОСТѢ.

4. *Погостъ*, что написанъ по прежнимъ писцовымъ книгамъ 1629 году на помѣсной порозжей землѣ на Степановѣ починку Лыкова въ *деревнѣ Здобной*, что было займище *Присада* подь Краснымъ лѣсомъ, на рѣчкѣ на Полавои Ливнѣ, усть Хвощеватаго колоделя, а Песковатой тожъ, а на погостѣ была *церковь Страсто-терпца Христова Георгія*, древяна *кльцки*, и та церковь разорена въ приходѣ Крымскаго хана, а нынѣ *часовня* древяная, а въ той часовнѣ Богородица на престольная, окладъ серебряной вызолоченъ, да 2 колокола; дворъ пустъ вдоваго пона Сидора, да мѣсто пустое пономарское Онисимка Павлова, да мѣсто пустое бобыльское Паньки Акинфіева, а пономарь и бобыль въ приходѣ Крымскаго хана пропали безвѣсно; пашни паханья церковныя добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикого поля 8 чети съ осминою, обоево — 11 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ полъ, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю и по дубровамъ и подь Жилевымъ лѣсомъ въ рядъ съ помѣщики съ Оникеемъ Богдановымъ съ товарищи 22 копны; лѣсъ Красный съ помѣщики вообще, да церковныя примѣрные земли, что примѣрено сверхъ церковной земли въ тѣхъ же межахъ и граняхъ, дикаго поля 9 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; писана та церковная земля по сказкѣ старожильцевъ Ивана Трубицы, Фомы Кожухова, Савелья Головина, Митрофана Мезенцева, за ево Фоминою рухою Кожухова 7194 году Мая 18 числа.

ЧАСОВНЯ НА ПРЕЧИСТЕНСКОМЪ ПОГОСТѢ.

5. *Сельцо Пречистенское* на гору подь Сторожевымъ лѣсомъ, за рѣкою за Чернавою, а въ сельцѣ на церковномъ мѣстѣ, что была *церковь Успенія Пречистыя Богородицы*, *часовня* Великихъ Государей....., а въ часовнѣ иконъ мѣсныхъ — Успенія Пречистыя Богородицы, да на престольная Пресвятыя Владимірскія Богородицы, да ризы полотняныя, колоколь, да служебникъ старой, а иконы и ризы и колоколь и служебникъ и часовня строенья мірскаго, да у той часовни на погостѣ дворъ пона Матвѣя Иванова, да мѣсто пономарское, да мѣсто просвирицныно пусты; пашни паханья добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 чети, обоево — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да сверхъ той церковной земли въ тѣхъ же межахъ и граняхъ примѣрено дикого поля 28 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ полъ, по логамъ и по верхамъ до рѣки до Чернавы 40 копень; лѣсъ Сторожевой обще со всѣми помѣщики; писана та церковная земля по сказкѣ пона Матвѣя за ево рукою 7194 году Мая въ 25 день.

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГІЕВСКАЯ.

6. *Погостъ* на землѣ Великихъ Государей...., а на погостѣ строятъ *церковь святого мученика Георгія*, древяну, оltарь круглой, да къ той церкви приготовлено: двери церковныя, да мѣсныхъ иконъ—образъ Всемиловитоваго Спаса, образъ Казанскія Пресвятыя Богородицы, образъ Святого Великомученика Георгія, образъ пророка Іліи, образъ святыхъ мученикъ Флора и Лавра, да ризы полотняныя, а образы и ризы строенье приходское; да у той же церкви дворъ попа Савина, да мѣсто дворовое дьячковское; пашни паханыя церковныя добрыя земли 7 чети съ осминою, да перелогу осмина, да дикого поля 12 чети, обоено—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а та церковная земля вымѣрена вновь изъ дачъ того *села Новосильскаго* Матвѣя Сахарова съ товарищи, да на сѣнные покосы 2 десятины, а копнами иметца 20 копенъ, а въ лѣсъ и въ дубровки вѣзжать пону Савину съ причетники того жъ села Новосильскаго съ помѣщики обще; писана та церковная земля по указу Великихъ Государей и по наказу, каковъ данъ изъ Помѣснаго Приказу за приписью дьяка Анисима Невѣжина въ 1684 году, и по сказкѣ попа Савина за его рукою 1685 году Іюня въ 9 день.

ЧАСОВНЯ НА ПОКРОВСКОМЪ ПОГОСТѢ.

7. *Сельцо Покровское* по обѣ стороны рѣки Любовши, а въ сельцѣ *часовня* на землѣ Великихъ Государей...., а въ часовнѣ мѣсныя иконы: образъ Покрова Пресвятыя Богородицы, образъ Всемиловитоваго Спаса, образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, да ризы полотняныя, да двѣ книги—апостоль да требникъ, и то все мірское, да псалтирь слѣдованная попа Мелентья: а у тоя часовни на погостѣ дворъ попа Мелентья Поликарпова; пашни паханыя добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 чети, обоено—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ полъ, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по одну сторону колодезя Кручка 40 копенъ; писана та церковная земля по сказкѣ попа Мелентья за его рукою 1685 году Іюня въ 20 день.

ЧАСОВНЯ НА АРХАНГЕЛЬСКОМЪ ПОГОСТѢ.

8. *Погостъ Михаила Архистратига* по одну сторону рѣчки Теляжья колодезя, а на погостѣ *часовня* на землѣ Великихъ Государей...., а въ часовнѣ образъ Пресвятыя Богородицы напрестольныя, да книгъ: минея общая, псалтирь, да часословъ малыя Кіевскія печати; на погостѣ дворъ попа Романа Филиппова; пашни паханыя церковныя добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 чети, обоено—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ полъ, по логомъ и по верхомъ и по дубровамъ и по дикому полю 40 копенъ; писана та церковная земля

по указу Великихъ Государей и по наказу, каковъ данъ изъ Помѣсного Приказу за приписью дьяка Анисима Невѣжина 1684 году и по сказкѣ попа Романа за ево рукою 1686 году Октября въ 5 день, а вымѣрена та церковная земля изъ того *сельца Архангельскаго*, что была пустошь *Теляжъ*, на Теляжьѣ колодезь, изъ помѣщичьихъ земель Автомона да Изота Заболоцкихъ съ товарищи.“

„Всего въ Красномъ стану 4 церкви, 4 часовни, 7 дворовъ поповыхъ, въ одномъ дворѣ поповѣ бобыльскихъ дѣтей 5 человекъ, дворъ пустъ поповъ, дворъ пономаревъ, дворъ просвирицынъ, 4 мѣста пономарскія пусты, дворъ бобыльскій, людей въ немъ 4 человекъ, 9 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханныя добрыя земли 69 чети, да перелогу 9 чети съ осминою, да дикаго поля 108 чети съ осминою, обоего—187 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ тѣхъ ихъ церковныхъ земель, 185 чети съ осминою, обоего—старыя церковныя земли и съ примѣрною землею 372 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 352 копны“.

Краткія свѣдѣнія о состояніи Краснаго стана въ 17-мъ вѣкѣ на основаніи дошедшихъ до насъ приправочныхъ, платежныхъ и писцовыхъ межевыхъ и переписныхъ книгъ.

О РАЗНЫХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ.

Въ 1615 году въ Красномъ станѣ находились слѣдующія поселенія: *погостъ* села Никольскаго съ церковію Николая Чудотворца, на рч. Лѣсной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ; *село Пятницкое—Парахино* сверхъ Евланова колодезя; *погостъ* села Егорьевскаго Верхняго съ церковію Св. в.м. Георгія, на рч. Полевой Ливнѣ; *сельцо Пречистенское* на Рогу подъ Сторожевымъ лѣсомъ; *деревни*: Здоровецъ, Зубцова, Евлановъ Рогъ, Присова, Семенихина, Присыскъ, Роговая, Лопашина, Зайцева (Дутая), Орлова-Хвощеватая, Чувахина (Чюхова), Косьянова, Плотовая (Лютая), Пашкова, Хвощеватая (Хвощевка, Потанова), Присадъ (Костомарова), Жилова, Золотухина, Соловьева, Чернянская.—Въ платежныхъ книгахъ 1620 года, писанныхъ послѣ нашествія на Ливны Сагайдачнаго, показаны: село *Парахино*, село (*Пречистенское*) подъ Сторожевымъ лѣсомъ и 19 деревень, въ числѣ которыхъ не упоминаются уже: Присова, Присыскъ, Пашкова и Чювахина, но вмѣсто того показываются—*Головина*, у Никольскаго верха и Здобная.—Въ писцовыхъ 1627—1629 годовъ находимъ: село *Парахино*, сельцо *Пречистенское*, 3 погоста—*Никольскій*, *Георгіевскій* и новый *Георгіевскій*—въ деревнѣ Здобной, что было займище Присада на рч. Полевой

Ливнѣ, и 18 деревень; въ томъ числѣ вмѣсто одной деревни на усть Никольскаго верха на Лѣсной Ливнѣ, противъ *стрѣлицы*, показана еще новая деревня по правую сторону Никольскаго верха; исчезнувшія было деревни—*Чувакина* и *Пашкова* возникли вновь; двѣ изъ прежнихъ деревень—*Чернянская (Чернявская)* и *Соловьева* показаны въ пустошахъ,—последняя, по сказкѣ той пустоши помѣщиковъ, запусѣла „отъ Татарскія войны 1616 года“, а первая въ 1612 году.—Переписная 1646 г. упоминаетъ всего о 3 селахъ: *Никольскомъ* съ деревнями Зубцовою и Костомаровою, *Пятницкомъ* съ деревнями Орловою, Лопатиною и Зайцевою—Дутою, и *Егорьевскомъ* съ деревнями Платоновою—Лютою, Чувакиною, Пашковою, Хвоцеватовою—Потаповою, Жилевою и Здобною.—Въ переписной 1678 года значится уже 5 селъ: *Никольское* съ деревнями Зубцовою и Костомаровою; *Пятницкое* съ деревнями Орловою и Лопатиною; *Егорьевское* съ деревнями Платоною—Лютою, Чувакиною, Пашковою, Хвоцеватовою—Потаповою, Жилевою, Здобною, Здоровцемъ, Семенихиною, Дутою, Роговою и Косьяновою; *Нижнее Егорьевское* и *Успенское* съ деревнею Новосильскою.—По писцовой 1684 года: 2 села *Парахино—Овсянниково* и *Новосильское*, что была пустошь у Чернавскихъ отвершковъ на двухъ прудахъ на Гниловодѣ, и 3 сельца: *Пречистенское* подъ Сторожевымъ лѣсомъ у рч. Чернавы, *Понровское*, что была пустошь дикое поле у р. Любовши по рч. Корытенкѣ, и *Архангельское*, что была пустошь дикое поле на колодезѣ Теляжѣ, подъ Ястребскими лѣсками (до 1684 года состоявшая въ Затруцкомъ станѣ), 22 деревни, 1 починокъ (Головинъ), 4 жили дубровы и 16 пустошей; въ числѣ деревень одна новаго именовація—Овсянникова; за нѣкоторыми новыми деревнями усвоены старинныя названія сосѣднихъ съ ними деревень, какъ—Зубцова, Орлова и Здобная, при чемъ одна изъ Зубцовыхъ стала именоваться еще *Красовою*; возстановленная деревня Чувакина (Чувакина) начала именоваться и *Жоной*; нѣкоторыя изъ прежнихъ деревень показаны въ пустошахъ, какъ-то: Евланова, Присынокъ, Соловьева и Золотухина.

О НАСЕЛЕНІИ.

Въ 1615 году считалось: помѣщиковъ 191, вдовъ 20, недорослей 48,—всего 259 чел.; крестьянъ 106, бобылей 15 чел.; итого помѣщиковъ съ крестьянами и бобылями 380 чел., а жилыхъ дворовъ (помѣщ. 200, крестьянскихъ 105, бобыльскихъ 15)—320.—Въ 1627 году: дворовъ—помѣщичьихъ 210, крестьянскихъ 47 (людей 50 ч.), бобыльскихъ 58 (людей 65 чел.), значить—крестьянъ и бобылей вмѣстѣ всего 115 чел.—Въ 1646 году: крестьянъ (въ 33 дворахъ) 80 челов. и бобылей (въ 11 дворахъ) 18 чел., всего 98 чел.—Въ 1678 году за 281 помѣщиками считалось крестьянъ (12 дв.) и бобылей (3 дв.) 58 челов., а съ задворными людьми (15 чел.) и дворовыми (10 чел.) 83 чел.—По переписной же 1684 и 1685 г.г. значится: помѣщиковъ (съ недорослями 76 чел.) 1153 (въ 543 дворахъ), дѣло-

выхъ у нихъ людей 36 челов., крестьянъ (въ 12 дворахъ) 47 челов., задворныхъ (въ 3 дворахъ) 14 человѣкъ.

ОБЪ УСПѢХАХЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Въ 1615 г. обработанной помѣщиками и крестьянами земли было 227 чети, а въ перелогѣ и дикомъ полѣ 15.499 чети.—Въ 1627 году пашни паханья помѣщиковъ и крестьянскія добрыя земли показано 786 четм, а въ 1684 году уже 6604 чети съ осминою да перелогу 1194 чети, подъ дикимъ же полемъ считалось 17.882 чети, кромѣ вновь примѣренныхъ 19,404 четей.—Церковной земли—пашенной, перелогу и дикаго поля значилось: въ 1615 году 80 чети, въ 1627 году—141 четь, а въ 1684 году 372 чети съ осминою, изъ которыхъ 69 чети считались уже доброю паханною землею въ каждомъ изъ 3-хъ полей, да подъ перелогомъ значилось 9 чети съ осминою.

О СЕЛЬСКИХЪ ПРИЧТАХЪ.

Преемство поповъ, дьячковъ и пономарей при церквахъ—1) При церкви села *Никольскаго*, построенной попомъ *Назарьемъ*; въ 1615 году *Назарья* уже не было въ живыхъ (осталась вдова *Парасковьица*); послѣ него священствовалъ сынъ его *Анурь*, освятившій церковь послѣ войны 1613 года и исходатайствовавшій къ придѣлу *Флора* и *Лавра* въ 1623 году (сверхъ церковной земли 20 четей и 2 десятины покосовъ) 10 чети въ каждомъ полѣ пашни и на 20 копенъ покосовъ въ дикомъ полѣ; въ 1678 г. причтъ *Никольскій* составляли: попъ *Федоръ Андреевъ* и дьячки *Сенька* да *Федька Тимофеевы дѣти Андреева*; въ 1684 г.: попъ *Егорій Емельяновъ*, дьячекъ *Федька Андреевъ* и пономарь *Сенька Андреевъ*. 2) При церкви села *Пятницкаго*—*Парахина*: въ 1615 году—попъ *Василій*, оставившій свою жену *Марью* вдовою; въ 1627 году—попъ *Нефедъ*, дьячекъ *Лучка Исаевъ* и пономарь *Ивашка Яковлевъ*; въ 1646 году—попъ *Наумъ*; въ 1684 году: попъ *Василій Фоминъ*, старый дьячекъ *Павель Тарасовъ* и *Дорошка* и *Федька Тарасовы*.—3) При церкви села *Георгіевскаго*, построенной около 1600 года попомъ *Саввою* и приходскими людьми, священствовали: *Савва*, при немъ въ 1615 году пономарь *Иванъ*; въ 1627 году попъ *Аванасій* (при вдовомъ *Саввѣ*), при немъ пономарь *Игнашка Ивановъ*; въ 1678 году—попъ *Павель* и дьячекъ *Овдокимка Топоровъ*, а пономарское мѣсто *Игнашки Иванова* со времени прихода *Крымскаго хана* было пусто; въ 1684 г.—попъ *Аванасій Дорофеевъ* и дьячекъ *Евдокимко Ивановъ*.—4) При церкви сельца *Пречистенскаго*: въ 1615 году попъ *Федоръ*, въ 1684 году—попъ *Матвѣй*.—5) При церкви села *Нижняго Егорьевскаго*: въ 1672 году попъ *Сидоръ*, дьячекъ *Максимка Еськовъ* и пономарь *Онисимко Павловъ*; въ 1684 г. дворъ вдоваго попа *Сидора* былъ пустъ, а пономарь *Онисимко Павловъ* въ приходѣ *Крымскаго хана*

пропалъ безвѣстно и дворовое его мѣсто было пусто.—6) При часовнѣ сельца *Покровскаго* у р. Любовши въ 1684 году попъ *Мелектій Поликарповъ*.—7) Въ сельцѣ *Архангельскомъ*, у рч. Теляжья колодезя, при часовнѣ попъ *Романъ Филипповъ*.—8) При строившейся въ 1684 году Георгіевской церкви села *Новосильскаго* попъ *Савва*.

Краткое описаніе пограничной черты Краснаго стана по
межевой книгѣ 1685 г.

Красный станъ лежалъ на лѣвомъ берегу р. Сосны, между станами—*Затруцкимъ* съ западной стороны и *Серболовымъ* съ восточной, а сѣверною своею стороною касался *Новосильскаго уѣзда*. Межа между *Краснымъ* и *Затруцкимъ* станомъ началась въ сосѣдствѣ съ землею Ливенскихъ стрѣльцовъ отъ колодезя *Здоровца* и шла въ верхъ по правому берегу р. *Трудовъ* до устья р. *Любовши* на разстояніи 5388 сажень, отъ устья р. *Любовши* въ верхъ по р. *Трудамъ* до устья колодезя *Теляжья* на пространствѣ 3680 сажень, отъ устья колодезя *Теляжья* по р. *Трудамъ* же до устья *Синковца* въ разстояніи 1617 сажень; отсюда поворачивала круто въ верхъ по рч. *Синковцу* до *Скороденской дороги* и до бродка на протяженіи 7236 сажень; затѣмъ шла въ верхъ по р. *Синковцу* по правую ея сторону, на пространствѣ 434 сажень, откуда поворачивала немного на—лѣво на *мысь* (30 сажень) и направлялась до *Городецкого вывершина* чрезъ большой *Коротной вывершекъ*, что вышелъ изъ *Синковца*, на пространствѣ 727 сажень, и наконецъ чрезъ *Труцкое верховье*, между *градскою землею* Ливенскаго уѣзда и *Новосильскимъ уѣздомъ*, на протяженіи 20 сажень. Такимъ образомъ граница между *Краснымъ* и *Затруцкимъ* станами тянулась на пространствѣ 19,102 сажень.—Между *Краснымъ* и *Серболовымъ* станами межа начиналась отъ Ливенской казачьей земли, шла чрезъ два *вывершина*, что вышли изъ *большаго Комаровскаго верха*, на протяженіи 209 сажень, и, протянувшись еще на 34 сажени, поворачивала на—право круто въ верхъ *вывершиномъ*, что вышелъ изъ-подъ *Жилева лѣса*, по конецъ того *отвершка*, на 160 сажень, затѣмъ чрезъ 80 сажень выходила на *большую Мосновскую дорогу* на протяженіи 229 сажень, далѣе чрезъ *паросникъ* къ *Серболову верху* на 180 сажень; отсюда, поворотивъ на—лѣво круто, въ верхъ по тому—жъ *Серболову верху* и тѣмъ *Серболовымъ верхомъ* на—лѣво *вывершина*, тянулась на 240 сажень и шла по прямому пути на 635 сажень до *Жилева верха*, а отъ этого *верха*, чрезъ самый *верхъ* и два *вывершина*, прямо на 875 сажень, откуда поворачивала круто на—лѣво и тянулась прямо на разстояніи 651 сажени до *ржавца* и черезъ *ржавецъ* на 160 сажень, а отсюда прямо по правую сторону черезъ землю *деревни Соловьевой*, а по

лѣвую сторону *деревни Пишновой* на 361 саж. до *ржавца* на *взгоркѣ* въ 20 саженихъ, и черезъ *верхъ* и *ржавецъ* къ *Московской дорогѣ* на 262 сажени, потомъ прямо на 320 сажень, и спускалась внизъ *Норытнымъ верхомъ* къ другому *верху* на пространствѣ 836 сажень; отсюда поворачивала на—право круто на низъ *Долгимъ верхомъ* къ *Данилову колодезю* на разстояніи 560 сажень, а отъ *Данилова колодезя* тѣмъ же *Долгимъ верхомъ* и *колодеземъ* на низъ къ *рч. Чернавѣ* дутья *Малой Чернавы*, что впала въ *рч. Чернаву*, и до *Муровскаго шляху* на 258 сажень, да по лѣвую сторону *рч. Чернавы* на 22 сажени; отъ *рч. Чернавы* поворачивала на лѣво круто въ верхъ по *рч. Малой Чернавкѣ*, что впала въ *рч. Чернаву*, что течетъ въ *Серболовъ станъ*, до *колодезя Пониковца*, на протяженіи 3832 саж. и шла въ верхъ лѣвымъ берегомъ *рч. Чернавки* на 2940 сажень, а отъ *рч. Чернавки* прямо въ верхъ *большимъ Головищенскимъ верхомъ* и немного на-лѣво на пространствѣ 615 сажень, потомъ прямо черезъ *вывершенъ*, что вышелъ отъ *Чернавы*, пройдши 1127 сажень, пролегалла чрезъ *Ефремскую дорогу* въ разстояніи 446 сажень и черезъ *вывершенъ* на 263 саж., далѣе немного на-лѣво по *Елецкой дорогѣ* 618 саж.; отсюда, поворотивъ на—право круто, шла еще 800 сажень до *Семенецкаго верха*, потомъ чрезъ *Семенецкій верхъ* и, подвигаясь далѣе на. 1752 сажени, спускалась въ низъ *Локотецкимъ вывершномъ* до *большаго Локотецкаго верха* и черезъ *верхъ* на гору, на разстояніи 560 сажень, а отсюда прямо къ *вывершну Локотецкаго верха* 530 сажень и прямо въ верхъ *Локотецкимъ верхомъ* къ *большой Московской дорогѣ* 893 сажени. Всего пространства въ этой межѣ 22,918 сажень.—Съ Новосильскимъ уѣздомъ Красный станъ сходилея у *Оревекаго вывершна*, у села *Судбищъ*, р. *Любовши*, Новосильскихъ *Плотовъ* и *Труцкаго вывершна*, гдѣ на *мысу* стоялъ столбъ, показывавшій на правой сторонѣ Новосильскій уѣздъ, на лѣвой Красный станъ, а по другую сторону Затруцкій станъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Историческихъ очерковъ г. Ливенъ и его уѣзда.

	Страницы.
I. Предварительныя свѣдѣнія о Ливенскомъ уѣздѣ: его географія, этнографія и древнѣйшая исторія	5— 19.
II. Древность города Ливенъ и князья на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ.	19— 27.
III. Ливенское и Воргольское княжества въ эпоху Монгольскаго владычества	28— 33.
IV. Присоединеніе Соснинскаго бассейна къ Московскому государству и сторожевое значеніе его въ виду Крымскихъ набѣговъ	34— 41.
V. Устройство и населеніе города Ливенъ въ концѣ 16-го вѣка	41— 60.
VI. Станы, села, деревни, погосты, слободы, займища и починки на пространствѣ Ливенскаго уѣзда въ началѣ 17-го вѣка	61— 77.
VII. Смуты на Ливнахъ въ эпоху Самозванцевъ и набѣги Крымцевъ	78— 93.
VIII. Городъ Ливны и его уѣздъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.	94—115.
IX. Положеніе города Ливенъ и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича	115—127.
X. Городъ Ливны и его уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1678 года въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича	127—153.
XI. Статистическія свѣдѣнія о Красномъ станѣ Ливенскаго уѣзда въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, по писцовой и межевой книгѣ 7193 (1684) года	153—190.

Типографскія и корректурныя ошибки.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
8	20—21	<i>нодезь</i> —	<i>нолодезь</i> —
—	32	низмѣннымъ	низменнымъ
9	27	морезъ,	моремъ,
10	21	Лѣсу	лѣсу
11	2	<i>Ельчина</i> —	Ельчика,
11	4—5	хвой, ной	хвой- ной
13	15	съ братею	съ братією
15	15	приносились	приносились
—	въ сноскѣ	Коц-евскомъ	Коце-евскомъ
16	35	кагановъ.	кагановъ,
20	въ сноскѣ	Козари,	Козары,
23	37	осадѣль	осадила
24	5	онѣ	они
—	24	посредству	посредничеству
29	3	подверглись	подверглись
30	23	Телебегу,	Телебугу,
31	25	и дорогамъ	и дорогамъ
32	23	Святослава	Святослава
33	25	въ теченіи	въ теченіе
43	29	обязанъ	обязанъ
46	въ сноскѣ	{ вер-В лѣсоомъ.рхъ	{ верхъ Вор- лѣсомъ.
51	9 и 29	кѣтки;	кѣтцеи;
53	15	коюю —	какою —
59	13	своего	своего
60	15	общалъ;	общалъ:
—	25	съ нашимъ	съ вашимъ
63	25	дряна	дряна
65	26	и 3 погоста.	и 2 погоста.
66	27	Серболовымъ	Серболовымъ
67	въ сноскѣ	«а ъ по-	«а въ по-
68	30	Вазовику	Вязовику

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
—	32	подъ Большинъ	подъ Большимъ
69	въ сноскѣ	преемнинъ	преемникъ
70	1	лѣсомъ.	лѣсомъ.
74	15	Грибановъ,	Грибановъ,
77	11—12	увеличивалаеь,	увеличивалась,
—	27	Полевой	Половой
86	19	Власова“ .въ	Власова“ — въ
88	30	съ Замятнею	съ Замятнею
—	35	недъ	подъ
112	21	зажитожные	зажиточные
114	18	сто:	это:
—	19	зелѣ	селѣ
115	12	Послѣ Андрея священ- ствовалъ сынъ его На- зарій.	Послѣ Назарія священ- ствовалъ сынъ его Ануръ.
120	33	а другія,	а другіе,
135	25	Везсоновъ	Безсоновъ
136	25—26	Казанцевымъ	Казанцевымъ
147	32	возможность	возможность
151	5	твудно	трудно
157	10	Гагряжскаго;	Загряжскаго;
163	27	сторону	сторону
165	8	Старожевымъ	Сторожевымъ
173	24	тогъ	тотъ
174	4	выкопона	выкопана
175	26	краковистъ,	краковистъ,
—	28	брановистъ,	краковистъ,
182	32	бѣльца,	бѣльце,

Цѣна 90 коп.

Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И. А. Бунина
Оцифровано в 2014 г.

Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И. А. Бунина
Оцифровано в 2014 г.